

ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

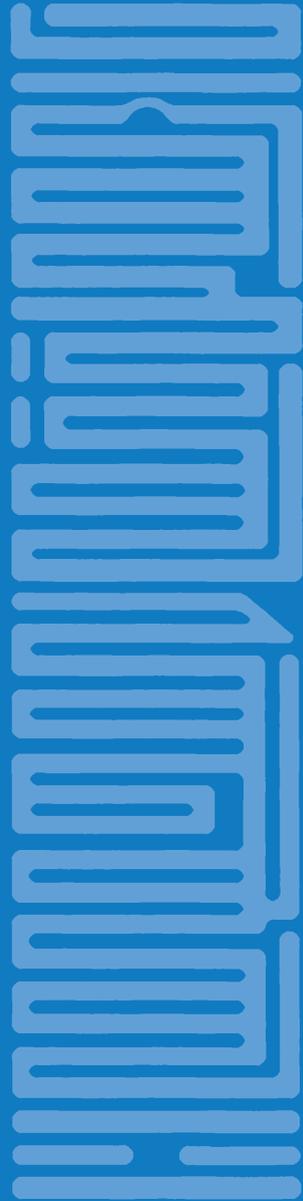
Mongolian Studies

(Elista)

T. 14

№ 3

2022

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2022. Т. 14. № 3

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издается с 2002 г.

Журнал «**Монголоведение**» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная **цель** издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved@kigiran.com;

Сайт: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Калмыцкий научный центр РАН,
2022

© Коллектив авторов, 2022

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration ПИИ No. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,
Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved@kigiran.com;

Web-site: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Kalmyk Scientific Center of the
RAS, 2022

© Collective of authors, 2022

Главный редактор
канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- д-р филол. наук **А. Алимая**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);
- д-р ист. наук **Б. В. Базаров**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
- д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);
- д-р филол. наук **И. В. Булгутова**, Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова (Россия, г. Улан-Удэ);
- д-р ист. наук **В. В. Грайворонский**, Институт востоковедения РАН
(Россия, г. Москва);
- д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
- д-р ист. наук **С. В. Джундэжусов**, Оренбургский государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург);
- д-р ист. наук **Н. Л. Жуковская**, Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, г. Москва);
- д-р ист. наук **Д. Н. Музраева**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
- д-р филол. наук **В. Н. Мушаев**, Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова (Россия, г. Элиста);
- д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
- д-р ист. наук **У. Б. Очиров**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
- д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
- д-р ист. наук **А. М. Плеханова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
- д-р филол. наук **Г. Ц. Пюрбеев**, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
- д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);
- д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);
- д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
- д-р филол. наук **Р. М. Ханинова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);
- канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Редактор (рус. яз.): Р. Г. Саряева
Переводчик: С. В. Джагрунов
Дизайн и верстка: Д. В. Татнинов
Ответственный секретарь: С. В. Мирзаева

Editor-in-Chief:

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista)

Editorial Board:

- A. Alimaa**, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- B. V. Bazarov**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- A. Birtalan**, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Budapest, Hungary);
- I. V. Bulgutova**, Dr. Sc. (Philology), Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia);
- L. S. Dampilova**, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- S. V. Dzhundzhuzov**, Dr. Sc. (History), Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia);
- V. V. Graivoronsky**, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- C. Humphrey**, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- R. M. Khaninova**, Dr. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- N. Khishigt**, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- L. V. Kuras**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- V. N. Mushaev**, Dr. Sc. (Philology), Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
- D. N. Muzraeva**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- U. B. Ochirov**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- K. V. Orlova**, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- A. M. Plekhanova**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- G. Ts. Pyurbeev**, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia);
- A. D. Tsendina**, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- N. L. Zhukovskaya**, Dr. Sc. (History), Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia);
- G. M. Yarmarkina**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia).

Editor (Russ.): R. G. Saryaeva

Translator: S. V. Dzhagrunov

Design and page layout: D. V. Tatninov

Executive Secretary: S. V. Mirzaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Жабон Ю. Ж.</i> История монастыря Ганден	450
<i>Ван И. Д.</i> Монастырь Хамарын-хийд: история и современное состояние (по материалам полевой экспедиции 2022 г.)	459
<i>Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.</i> Китайская историография новейшей истории даурского народа	473
<i>Команджаев Н. А.</i> Статистические ежегодники стран-членов Совета экономической взаимопомощи как источник по истории сельского хозяйства Монголии.	488

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Пурбуева Н. М., Содномпилова М. М.</i> Система признаний и поощрений Российской империей бурятской родовой элиты XVIII–XIX вв.	501
<i>Цюрюмов А. В.</i> Улус Дондуковых в первые годы правления наместника Убаши	514
<i>Команджаев А. Н., Команджаев Е. А.</i> «Живем в Калмыцкой степи обыкновенно, как и другие живут». Ики-Хурулов род на рубеже XIX–XX вв.	524
<i>Гунаев Е. А.</i> Административно-территориальное устройство Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX – начале XX вв.: историографический и источниковедческий обзор	547

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

<i>Гомбожапов А. Д., Жалсанова В. Г.</i> Модернизационный вектор трансформации традиционного кочевого общества Монголии	566
--	-----

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Аюшеева М. В., Ванчикова Ц. П.</i> Летопись хоринских бурят Рабжи Санжиева: предварительные сведения	578
<i>Максимова О. А.</i> О сборнике «Гирлянда рассказов о прошлых жизнях Учителя» (по материалам ксилографического издания монастыря Далуншань)	593

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Дугаров Б. С.</i> Индо-буддийские заимствования в бурятской Гэсэриаде	608
---	-----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Манджиева З. И.</i> Проблема определения места шира-югурского языка в классификации монгольских языков в отечественных и зарубежных исследованиях	620
<i>Дырхеева Г. А., Цыбенкова Ч. С.</i> Белый цвет в традиционном мировоззрении тувинцев и бурят: семантика и ассоциативный тезаурус	634

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Четырова Л. Б., Сахаров А. С.</i> Поэтика образа главной героини повести Е. Ган «Утбалла»	649
---	-----

CONTENTS

GENERAL HISTORY

<i>Zhabon Yu. Zh.</i>	
History of Ganden Monastery	450
<i>Van I. D.</i>	
Khamaryn Khiid Monastery, Its History and Current State: Materials of the 2022 Expedition Analyzed	459
<i>Kuras L. V., Tsybenov B. D.</i>	
Contemporary History of the Daur People: Chinese Historiography Reviewed	473
<i>Kamandzhaev N. A.</i>	
Statistical Yearbooks of COMECON Member Countries as a Source on the History of Agriculture in Mongolia	488

NATIONAL HISTORY

<i>Purbueva N. M., Sodnompilova M. M.</i>	
Buryat Tribal Elites, 18 th – 19 th Centuries: Imperial Russia’s System of Recognition and Encouragements Reviewed	501
<i>Tsyuryumov A. V.</i>	
Ulus of the Dondokovs in Early Years of Viceroy Ubashi’s Reign	514
<i>Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A.</i>	
‘We Live a Regular Life in Kalmyk Steppe, Just Like Others Do’: Iki-Khurul Clan at the Turn of the 20 th Century	524
<i>Gunaev E. A.</i>	
Administrative and Territorial Structure of Kalmyk Steppe within Astrakhan Governorate, 19 th – Early 20 th Centuries: A Historiographical and Source Review	547

ETHNOLOGY & ANTHROPOLOGY

<i>Gombozhapov D. A., Zhalsanova G. V.</i>	
Transformation of Mongolia’s Traditional Nomadic Society: The Modernization Trend Analyzed	566

SOURCE STUDIES

<i>Ayusheeva M. V., Vanchikova Ts. P.</i>	
Rabzhi Sanzhiev’s History of the Khori Buryats: Preliminary Data	578
<i>Maksimova O. A.</i>	
The Garland of Birth Stories of the Teacher: Analyzing the Xylographic Edition of Dalongshan Monastery	593

FOLKLORE STUDIES

<i>Dugarov B. S.</i>	
Indo-Buddhist Borrowings in the Buryat Geseriad	608

LINGUISTICS

<i>Mandzhiava Z. I.</i>	
Classifying Mongolic Languages: The Place of Eastern Yugur Revisited	620
<i>Dyrkheeva G. A., Tsybenova Ch. S.</i>	
White Color in Traditional Worldviews of Tuvans and Buryats: Semantics and Associative Thesaurus Approached	634

LITERARY STUDIES

<i>Chetyrova L. B., Sakharov A. S.</i>	
<i>Utballa</i> by Yelena Hahn: Poetics of the Main Character’s Image Analyzed	649

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(5) + (515) + (517)

История монастыря Ганден

Юмжана Жалсановна Жабон¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-1241-1854. E-mail: yumzhan@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Жабон Ю. Ж., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена краткой истории одного из трех крупнейших монастырей тибетской школы *гелук* монастыря Ганден. В истории духовной культуры монголоязычных народов исключительное место занимает традиция тибетской школы *гелук*. Поэтому интерес к монастырю Ганден определяется не только тем, что он был основан Ламой Цонкапой (1357–1419), основателем школы *гелук* и крупным буддийским деятелем Тибета, но и тем огромным религиозным, культурным и политическим влиянием, которую эта школа оказала на развитие и распространение буддизма среди монголоязычных народов. *Целью исследования* является изучение истории монастыря Ганден и аспекты ее материальной и духовной культуры. *Материалы и методы.* Работа основана на исследовании оригинальных тибетских текстов, анализа исторических источников и специальной научной литературы. *Результаты.* В статье показано, что образовательная программа, центральные принципы и уставные положения, заложенные Ламой Цонкапой, организационная структура монастыря Ганден остаются практически неизменными с основания монастыря в 1409 г. Феномен тибетских монастырей состоит в многоаспектности, и, чтобы лучше понять и оценить роль, которую они играли на протяжении веков в духовной жизни многих народов, необходимо добиваться целостного понимания, в их собственных терминах, истории, сложившейся там системы образования, организационной структуры монастыря.

Ключевые слова: Тибет, буддизм, монастырь Ганден, история монастыря

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Бурятские буддисты-паломники по святым местам Тибета: историко-культурный атлас» (№ 22-18-20001).

Для цитирования: Жабон Ю. Ж. История монастыря Ганден // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 450–458. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-450-458

History of Ganden Monastery

Yumzhana Zh. Zhabon¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0003-1241-1854. E-mail: yumzhan@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Zhabon Yu. Zh., 2022

Abstract. *Introduction.* The article summarizes the history of one of the three largest monasteries of the Tibetan Geluk school — Ganden Monastery. The latter tradition of Tibetan Buddhism occupies an exceptional place in the history of Mongolic spiritual cultures. Therefore, the interest in Ganden monastery is determined not only by that it had been founded by Je Tsongkhapa (1357–1419), the patriarch of the Geluk and a greatest Buddhist figure in Tibet, but also by the enormous religious, cultural and political impacts this sect has had on the development and dissemination of Buddhism among Mongolian-speaking peoples. *Goals.* The article seeks to investigate the history of Ganden Monastery in the context of its basic organizational structure, material culture (relics, shrines), paradigm of scholastic training (texts, educational process), and specific Buddhist rituals. *Materials and methods.* The work examines original Tibetan texts, analyzes historical sources and special scientific literature. *Results.* The article shows that the central principles of scholastic training and regulations laid down by Lama Tsongkhapa, as well as the organizational structure of the monastery, have remained virtually unchanged since its foundation in 1409. The phenomenon of Tibetan monasteries is multifaceted, and in order to better understand and appreciate the role they have played over centuries in spiritual life of many peoples it is necessary to achieve a complete understanding — in their own terms — of history, educational system, and organizational structure of the monastery.

Keywords: Tibet, Buddhism, Ganden Monastery, history of the monastery

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-18-20001 ‘Buryat Buddhist Pilgrims in Sacred Places of Tibet: A Historical and Cultural Atlas’.

For citation: Zhabon Yu. Zh. History of the Ganden Monastery. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 450–458. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-450-458

Введение

Тибетские монастыри¹, как центры зарождения и сохранения буддийской культуры, сыграли значительную роль в истории и жизни людей не только Тибета, но и многих народов обширного центральноазиатского региона, исповедующих буддизм. Существенно, что тибетские монастыри служили образцами строительства подобных монастырей в Монголии, Бурятии, Калмыкии и Тувы (приверженцев школы гелук), которые также представляли собой центры не только религиозной, образовательной схоластики, но во многих из них формировались школы изучения и освоения буддийской живописи на ткани танка (thang ka), религиозной скульптуры, аппликации или вышивки, буддийских

¹ Любопытно отметить, что между 997 и 1959 гг. в Тибете было построено более шести тысяч больших и малых монастырей [Jansen 2018: 5].

музыкальных инструментов, церемониальных танцев чам ('cham), песнопений и ритуалов. Здесь же создавались хранилища сокровищ буддийского искусства, обширные библиотеки тибетских текстов, закладывались основы книгопечатания и другой хозяйственной деятельности.

Наш интерес к монастырю Ганден определяется не только тем, что он был основан Ламой Цонкапой (1357–1419), основателем школы гелук и величайшим буддийским деятелем Тибета, но и тем огромным религиозным, культурным и политическим влиянием, которую эта школа оказала на развитие и распространение буддизма среди монголоязычных народов.

По мнению ученых, ряд концептуальных и организационных нововведений, предпринятых в школе гелук, в том числе особый упор на монашескую дисциплину и учебный процесс, позволили им усилить свои позиции в конкурентной борьбе и занять главенствующее положение. И к середине XVII в. школа гелук, сформировавшись позднее других религиозных течений, уже становится государственной религией Тибета [McCleary, van der Kuijp 2007: 14].

Возвышению гелук и превращению его в доминирующую школу в значительной степени способствовал и Гуши-хан (Gu Shri rgyal po, Gu Shri han, 1582–1654), который разгромил всех врагов и «преподнес свои завоевания Далай-ламе V»¹ [Ryavec 2015: 116]. «Роль ойратского племени хошутов в истории Тибета в середине XVII – первой трети XVIII в. известна: именно благодаря их вооруженной поддержке к власти пришел Далай-лама, и тем самым завершилась многолетняя борьба различных направлений тибетского буддизма за влияние в стране» [Китинов 2017: 238]. С 1642 г. Далай-лама V окончательно установил политический контроль над Тибетом. Школа гелук и по настоящее время занимает одно из ведущих мест среди тибетских традиций, и, несомненно, привлекает к себе особое внимание исследователей. Целью данной статьи является изучение истории монастыря Ганден в контексте ее материальной культуры (реликвии, святыни), основной организационной структуры, образовательной программы (тексты, учебный процесс) и особых ритуалов.

Материалы и методы

Работа основана на исследовании «Истории основания четырех монастырей [Сера, Ганден, Дрепунг и Ташилхунпо] и двух тантрийских дацанов Гьюто и Гьюме» (Grwa sa chen po bzhi dang rgyud pa stod smad kyi dkar chag pad dkar phreng ba), составленной в 1744 г. Пурчок I Нгаванг Джампой (Pur lcog ngag dbang byams pa, 1682–1762), и «Истории Кукунора» Сумпа-кенпо Еше Пелджора (1704–1788), а также анализа исторических источников и специальной литературы. Сочетание этих и других источников позволяет получить наиболее полное представление об истории монастыря Ганден.

История

Монастырь Ганден, наряду с двумя монастырями Дрепунг ('Bras spungs, 1416) и Сера (Sera, 1419), входит в число трех крупнейших монастырей школы гелук (gdan sa chen po gsum). Монастырь находится на высоте 4 300 метров над уровнем моря — на склоне горного хребта Ванкур (dBang bskur gi) под названием

¹ Здесь и далее перевод с тибетского и английского языков принадлежит автору статьи.

Дрокри ('Brog ri bo che), расположенном на южном берегу реки Къичу (sKyid chu), приблизительно в пятидесяти километрах к востоку от Лхасы, в округе Такце (sTag rtse rdzong).

По поводу строительства монастыря Ганден в биографии Цонкапы сообщается, что в предыдущей жизни, будучи маленьким мальчиком, он преподнес Будде хрустальные четки, а взамен получил раковину. Тогда же Будда предсказал, что этот мальчик родится в Тибете, построит большой монастырь и будет способствовать распространению учения. Говорится, что эти предсказания сбылись. Например, раковина, подаренная Буддой мальчику, была обнаружена во время строительства Гандена, и вплоть до 1959 г. она хранилась в Дрепунге¹, крупнейшем монастыре Тибета [Thurman 2006: 3–4].

В начале 1409 г. Цонкапа учредил большой молитвенный фестиваль монлам ченмо (smon lam chen mo) в храме Джоканг (Jo khang) в Лхасе, который привлек большое количество духовенства, знати и простых людей². Сразу после фестиваля ученики и покровители настойчиво стали просить его основать свой монастырь, предлагать различные земли. Цонкапа выбрал место на горе Дрокрии, лично отправился туда, чтобы осмотреть и освятить землю, распланировать постройку главного храма цокчен дуган (tshogs che 'du khang), своей резиденции и домов для монахов. Два главных ученика Цонкапы — Гьелцаб Дже (rGyal tshab gje dar ma rin chen 1364–1432) и Дулдзин ('Dul 'dzing rags pa rgyal mtshan, 1374–1434) — привели за собой около пятисот монахов и в течение 1409 г. построили здесь более 70 зданий и построек: храмы для объектов поклонения цанканг (gtsang khang), залы молитвенных собраний дуканг ('dukhang), дома для проживания симканг (gzims khang) и небольшие домики чилбу³. Цонкапа назвал монастырь «Ганденом» (dGa' ldan), что на санскрите означает «Тушита» (Tuṣītāh) — Чистая земля грядущего будды Майтреи. До этого строительства Цонкапа жил в постоянных переездах из одного монастыря в другой, не имея постоянной резиденции, что вызывало беспокойство учеников за его здоровье, ведь ему было уже 53 года [Purchog 1989: 5–6]. Цонкапа «потребовал от монахов строгого соблюдения монашеской дисциплины. Монахи должны были соблюдать безбрачие, не работать и не вмешиваться в светские дела. Они должны были способствовать процветанию своего монастыря, обучению и воспитанию будущих монахов» [Кычанов, Мельниченко 2005: 103–104]. Учеников и последователей Лама Цонкапы стали называть гелукпа (dge lugs pa), геденпа (dge ldan pa), шасерва (zhwa ser ba) — школой «желтошапочников» из-за шапок желтого цвета, которые они носили, или по названию монастыря — ганденпа (dga' ldan pa).

¹ В 1416 г. Цонкапа передал раковину Гандена своему ученику Джамьянгу Чодже ('Jam-dbyangs Chos-rjeb Kra-shis dpal-ldan) (1379–1449), который позднее в том же году основал монастырь Дрепунг ('Bras-sprungsd Gon-pa). С тех пор раковина хранится в Дрепунге.

² Более подробно о монлам ченмо см., напр.: [Powers 2007: 219].

³ В тексте Пурчока дано тибетское слово *чилбу* (spyil po), означающее «травяной шалаш отшельника», «соломенная хижина; домик» [Перих 1985: 291]. Санскритским эквивалентом чилбу является тринакути (trīṅakuṭī). В тибетско-английском словаре дается пояснение, что в жарких странах (Индия, Таиланд) такие шалаши делали из трав или соломы, а в холодных же странах, как Тибет, строили недорогие, небольшие бревенчатые домики с соломенной крышей и деревянными полами. Большинство ретритных центров Тибета, которые располагали домиками, как раз и состояли из такого рода жилищ чилбу [Duff 2017].

Цонкапа основал в монастыре институт ганден трипы (*dga' ldan khri pa*) — «держателя трона Гандена» и главы школы гелук, которого избирали из числа высокообразованных лам. После смерти Цонкапы в 1419 г. первым ганден-трипой стал Гьелцаб Дже, которому он накануне ухода передал свою церемониальную мантию губер (*sku ber*) и шапку бенша (*dbu paN, paN zhwa*), как преемнику. Вторым ганден-трипа был также один из учеников Цонкапы — Кайдруб Дже (*mKhas grub rje dge legs dpal bzang*, 1385–1438). Другой ученик Цонкапы по имени Джамчен Чойдже (*Byams chen chos rje shakya ye shes*, 1354–1435) в 1419 г. основал монастырь Сера (*Se ra dgon pa*). В обязанности ганден трипа входило сохранение религиозных традиций¹.

В качестве основных достопримечательностей монастыря Ганден называют сердунг (*gserm dung*) — реликварий Цонкапы, главный храм *цокчен дуган* и Нгамчоканг (*INga mchod khang*) — часовню, в которой, согласно традиции, Цонкапа часто давал учение.

Среди них особый интерес вызывает реликварий сердунг, на котором остановимся чуть подробнее. Гомбожаб Цыбиков был одним из первых европейских ученых и путешественников, которому удалось посетить Ганден в начале мая 1901 г. и дать довольно подробное описание культовых сооружений монастыря, которые были полностью разрушены после 1959 г. Согласно его свидетельствам, и тогда главной святыней монастыря была «золотая ступа» сердунг с телом великого Цонкапы. После смерти Цонкапы его ученики приняли решение не кремировать тело, а оставить его для общего блага живых существ и учения. И Сумпа-кенпо Еше Пелджор (1704–1788) в своей «Истории Кукунора», упоминающая монастырь Ганден, также отмечал, что это «главное место, где в целостности хранится тело Дже Цонкапы» [[Sum pa 1982: 55](#)].

Для этого реликвария Цонкапы была сооружена массивная серебряная ступа, инкрустированная различными драгоценными камнями, куда в сандаловом саркофаге поместили в сидячем положении его забальзамированное тело, с лицом, направленным на северо-восток. Для этой ступы в 1420 г. был даже построен специальный храм. Позднее 50-й ганден-трипа Гедун Пунцок (1648–1724/1725) покрыл эту ступу золотом. Следует отметить, что возведение подобных погребальных сооружений — ступ или дунден (*skug dung, gdung rten*) — стало в тибетском буддизме одним из основных объектов поклонения. Г. Ц. Цыбиков, в частности, пишет, что сердунг находится в лучшем из зданий монастыря, который окрашен в коричневый цвет и имеет небольшую позолоченную крышу [[Цыбиков 1991: 161](#)].

Во времена посещения Г. Цыбикова в монастыре хранилось много других предметов поклонения, связанные с именем Цонкапы [[Цыбиков 1991: 162–163](#)]. Но, к сожалению, в период известных событий 1959 г. большая часть была утрачена. Мумифицированное тело Цонкапы было вынесено из сердунга и предано огню. Сохранились лишь отдельные фрагменты черепа, которые находятся сейчас во вновь восстановленном реликварии сердунг монастыря Ганден. В Гандене было более двух десятков крупных молельных залов с большими статуями Будды, Цонкапы и двух его учеников, из которых самая большая могла вместить 3 500 монахов. Все это было разрушено, но с 1980-х гг. начались восстановительные работы.

¹ Более подробно о деятельности ганден трипа см.: [[Dolma 2019](#)].

Учебный процесс в монастыре Ганден организован в двух дацанах: Джанце-дацан (Byang rtse grva tshang) и Шарце-дацан (Shar rtse grva tshang), которые переводятся с тибетского соответственно, как «Северная вершина» и «Восточная вершина». Свои названия они получили из-за своего расположения к северу и востоку относительно главного храма Гандена.

Монахи, обучающиеся в этих дацанах, в зависимости от места своего рождения делятся на общины канцен (khang tshan)¹, и по этому же принципу распределяются по студенческим общежитиям (mi tshan). Монголы, например, относились к хардонг канцену (har gdong khang tshan) Джанце-дацана, состоящего из двенадцати канценов. В Шарце-дацан традиционно было одиннадцать общин. Однако в 2008 г. более 500 монахов из Шарце-дацана, принадлежавших в основном к доканг канцену (rdo khang khang tshan), были изгнаны из монастыря Ганден, вновь созданного в 1966 г. в Мундгоде (Индия) за то, что они не отказались выполнять практику поклонения божеству Дордже Шугден, запрещенного Далай-ламой XIV, как враждебного для тибетцев духа². В результате доканг канцен прекратил свое существование.

Образовательная программа двух этих дацанов, которой придерживается школа гелук и после 1959 г., включает одновременное изучение как сутр, так и тантр, что является отличительной особенностью Ганден по сравнению с двумя другими главными монастырями гелук, в которых тантру изучают в особых специализированных дацанах, причем монахи Джанце-дацана, как и в Сера Дже и Сера Нгагпа, учатся по учебникам сутры (yigcha), составленным Джецунпа Чокьи Гьялценом (rJe btsun pa chos kyi rgyal mtshan, 1469–1544). Обучение же в Шарце-дацане, по аналогии с Дрепунг Лоселингом и тантрийским дацаном Дрепунг Нгагпа, проходит по учебникам ганден-трипы XV Панчен Сонам Дракпы (Pan chen bsod nams grags pa, 1478–1554). Вместе с тем в этих двух дацанах в обязательном порядке изучают тексты, составленные Цонкапой, Гьелцаб Дже и Кайдруб Дже.

В стандартный учебный процесс входило заучивание текстов, занятия по логике и участие в дебатах. Так, в качестве подготовительного курса первые три года монахи изучали логику: дуйра (bsdus grva), лорик (blo rig) и тарик (rtags rig) — по одному году на каждый предмет. Основной курс обучения длился одиннадцать лет, которые проходили за изучением текстов праджняпарамиты (пять лет), читтаматры (один год), мадхьямаки (три года), абхидхармы (один год) и винаи (один год).

В конце каждого учебного года монахи должны были сдавать экзамены (rgyugssprod), позволяющие перейти на следующий курс. Те монахи, которые после завершения одиннадцатилетнего курса не собирались получать высшее образование, проводили дебаты перед собранием всех монахов дацана (gling bsre dam bca') и получали степень геше цогрампы (dge bshes tshogs ram pa). Монахи же, которые продолжали образование еще на пять лет, во время большого молитвенного фестиваля в Лхасе проводили диспуты в храме Джоканг перед общим собранием монахов трех главных монастырей гелук и получали звание геше лхарампы (dge bshes lha ram pa). Монахи же, сдавшие экзамены лишь

¹ Или камцан в бурятском произношении, как у Г. Ц. Цыбикова.

² Подробнее об этом духе см.: [Dreyfus 1998].

по заучиванию главных текстов и не собиравшиеся завершать свое обучение на звание *геше*, получали степень кьеримпы (*bskyed rim pa*). Те же монахи, которые получали степень геше цогрампы и геше лхарампы, в зависимости от места рождения должны были пройти обучение в тантрийских дацанах — или в Гьюме (*rGyud smad grva tshang*), или в Гьюто (*rGyud stod grva tshang*). После завершения изучения тантры монахи также проводили дебаты и получали степень геше нгагрампы (*dGe bshes sngags ram pa*). Эти геше могли и дальше оставаться в тантрийском дацане, или же могли вернуться обратно в Ганден. Если они возвращались, то они были обязаны участвовать в других дебатах по тантре, проводимых в их дацанах.

В Джанце-дацане ежегодно проводился ритуал, посвященный Акшобхье (*Mi bskyod pa*), — формы Гухьясамаджи (*gSang ba 'dus pa*), тогда как в Шарце-дацане — тринадцати божеств Ваджрабхайравы (*rDo rje 'jigs byed lha bcug sum*). Причем каждый канцен этих дацанов также ежегодно должен был проводить обширный ритуал определенного тантрийского божества из четырех классов тантры. Помимо этого, каждый месяц в Гандене по определенным дням проводились обширные ритуалы, посвященные защитникам (*srung ma*). Так, особым защитником зала общих собраний всего монастыря Гандена (*dGa' ldan bla spyi*) является Дхармараджа Чогьял (*Chos rgyal*), Джанце-дацана — Пелден Лхамо (*dPal ldan lha mo*), а Шарце-дацана — Сетраб (*Se khrab*).

Вся эта традиционная культовая практика, образовательная система и организационная структура были восстановлены в этом новом вышеупомянутом монастыре Ганден, учрежденном в тибетском поселении Мундгод (Индия).

Выводы

Результаты исследования показывают, что образовательная программа, центральные принципы и уставные положения, заложенные Ламой Цонкапой, организационная структура монастыря Ганден остаются практически неизменными со времен основания монастыря в 1409 г. Феномен тибетских монастырей состоит в многоаспектности, и чтобы лучше понять и оценить роль, которую они играли на протяжении веков в духовной жизни многих народов, необходимо добиваться целостного понимания, причем в их собственных терминах, истории, сложившейся там системы образования и организации монастыря.

Литература

- Китинов 2017 — Китинов Б. У. Ойраты-хошуты в Тибете: особенности политической и религиозной истории // Труды института востоковедения РАН. 2017. № 1. С. 238–260.
- Кычанов, Мельниченко 2005 — Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.
- Рерих 1985 — Рерих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / под общ. ред. Ю. Парфионовича и В. Дылыковой. Вып. 5 (*na-pa*). М.: Наука, ГРВЛ, 1985. 312 с.
- Цыбиков 1991 — Цыбиков Г. Ц. Избранные труды в двух томах. 2-е изд., перераб. Т. 1: Буддист паломник у святынь Тибета. Новосибирск: Наука, СО РАН, 1991. 256 с.
- Dolma 2019 — Dolma Phuntsog. Historical Background of dGa'-LdanKhri and Its Role // The Tibet Journal. Vol. 44. 2019. No. 1. Pp. 13–18.

- Duff 2017 — *Duff T.* The Illuminator: Tibetan-English Encyclopaedic Dictionary. (Version 5.50). Nepal, Kathmandu: Padma Karpo Translation Committee, 2017 [электронный ресурс] // URL: <https://pktc.org/tibetan-dictionaries> (дата обращения: 15.07.2022).
- Dreyfus 1998 — *Dreyfus G.* The Shuk-Den Affair: Origins of a Controversy. *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. 1998. No. 21 (2). Pp. 227–270.
- Jansen 2018 — *Jansen B.* The Monastery Rules: Buddhist Monastic Organization in Pre-Modern Tibet. Oakland: University of California Press, 2018. 298 p. DOI: 10.1525/luminos.56
- McCleary, van der Kuijp 2007 — *McCleary R. M., van der Kuijp L. W. J.* The Formation of the Tibetan State Religion: The Geluk School 1419–1642. CID Working Papers 154, Center for International Development at Harvard University. [электронный ресурс] // URL: <https://www.hks.harvard.edu/sites/default/files/centers/cid/files/publications/faculty-working-papers/154.pdf> (дата обращения: 15.07.2022).
- Powers 2007 — *Powers J.* Introduction to Tibetan Buddhism. Ithaca, New York: Snow Lion Publication, 2007. 592 p.
- Purchog 1989 — *Pur lcog ngag dbang byams pa. Grwa sa chen po bzhi dang rgyud pa stod smad kyi dkar chag pad dkar phreng ba* (= История основания четырех монастырей [Сера, Ганден, Дрепунг и Ташилхунпо] и двух тантрийских дацанов Гьюто и Гьюме). Bod ljongs mi dmangsdpeskrunkhang. 1989. 105 p.
- Ryavec 2015 — *Ryavec K. E.* A Historical Atlas of Tibet. Chicago, University of Chicago Press, 2015. 216 p.
- Sum pa 1982 — *Sum pa mkhan po Ye shes dpal 'byor.* Mtsho sngon lo rgyus tshangs glu gсар snyan (= Новая мелодичная песня Брахмы, содержащая историю Кукунора и другие [сведения]). Xining: Mtshosngon mi rigs dpeskrunkhang, 1982. 56 p.
- Thurman 2006 — *Thurman R.* (ed.). The life and teachings of Tsongkhapa. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 2006. 289 p.

References

- Dolma P. Historical background of dGa'-ldan khri and its role. *The Tibet Journal*. 2019. Vol. 44. No. 1. Pp. 13–18. (In Eng.)
- Dreyfus G. The Shuk-den affair: Origins of a controversy. *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. 1998. Vol. 21. No.2. Pp. 227–270. (In Russ.)
- Duff T. The Illuminator: Tibetan-English Encyclopaedic Dictionary. Version 5.50. Kathmandu: Padma Karpo Translation Committee, 2017. (In Tib. and Eng.)
- Jansen B. The Monastery Rules: Buddhist Monastic Organization in Pre-Modern Tibet. Oakland: University of California Press, 2018. 298 p. (In Eng.). DOI: 10.1525/luminos.56
- Kitinov B. U. The Oirat Khoshut people in Tibet: Features of ruling. *Papers of the Institute of Oriental Studies of RAS*. 2017. No. 1. Pp. 238–260. (In Russ.)
- Kychanov E. I., Melnichenko B. N. History of Tibet: From Earliest Times to Present Days. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. 351 p. (In Russ.)
- McCleary R. M., Kuijp van der L. W. J. The Formation of the Tibetan State Religion: The Geluk School 1419-1642. CID Working Paper No. 154 (Center for International Development at Harvard University). December 2007. 52 p. On: IDEAS. Available at: <https://www.hks.harvard.edu/sites/default/files/centers/cid/files/publications/faculty-working-papers/154.pdf> (accessed: 01.02.2021). (In Eng.)
- Powers J. Introduction to Tibetan Buddhism. Ithaca, NY: Snow Lion Publications, 2007. 592 p. (In Eng.)
- Purchok Ngawang Jampa. The History of Establishment of the Four Monastic Seats and the Upper and Lower Tantric Colleges. Lhasa: Bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1989. 105 p. (In Tib.)

- Rerikh Yu. N. (Roerich de G. N.) Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels. Yu. Parfionovich, V. Dylykova (eds.). Vol. 5 (na–pa). Moscow: Nauka, GRVL, 1985. 312 p. (In Tib., Russ., Eng. and Skrt.)
- Ryavec K. E. A Historical Atlas of Tibet. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 216 p. (In Eng.)
- Sumpa Khenpo Yeshe Paljor. The Annals of Kokonor. Xining: Mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1982. 56 p. (In Tib.)
- Thurman R. (ed.) The life and Teachings of Tsongkhapa. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 2006. 289 p. (In Eng.)
- Tsybikov G. D. Selected Works. In 2 vols. 2nd ed., rev. Vol. 1: A Buddhist Pilgrim at the Shrines of Tibet. Novosibirsk: Nauka, 1991. 256 p. (In Russ.)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 294.321

Монастырь Хамарын-хийд: история и современное состояние (по материалам полевой экспедиции 2022 г.)

Ирина Доржиевна Ван¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

 0000-0002-3577-8061. E-mail: irdon@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Ван И. Д., 2022

Аннотация. В статье представлены результаты полевой экспедиции в Монголию в 2022 г. по изучению истории и культуры монастыря Хамарын-хийд в Восточно-Гобийском аймаке, а также краткие историко-биографические данные об основателе монастыря по имени Лувсан-Данзанравжа (1803–1856). *Цель исследования* — реконструкция основных этапов формирования архитектурного комплекса исследуемого монастыря. *Методы исследования.* В статье используются метод историко-топографического анализа священных объектов монастыря, метод включенного наблюдения, сравнительный метод, историко-биографический метод, а также метод этимологического анализа топонимов. *Результаты.* В настоящее время монастырский комплекс Хамарын-хийд является скорее туристическим объектом, нежели религиозным центром. Посетить сакральное место в Восточном Гоби приезжают и монгольские, и иностранные туристы. Несмотря на целый комплекс мер по развитию инфраструктуры, не хватает гостиничных комплексов и приемлемых объектов общественного питания. Хамарын-хийд имеет большой потенциал и может стать одним из главных объектов паломнического туризма.

Ключевые слова: Монголия, буддизм, монастырь Хамарын-хийд, Лувсан-Данзанравжа, история и современное состояние монастыря

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Бурятские буддисты-паломники по святым местам Тибета: историко-культурный атлас» (№ 22-18-20001).

Для цитирования: Ван И. Д. Монастырь Хамарын-хийд: история и современное состояние (по материалам полевой экспедиции 2022 г.) // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 459–472. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-459-472

Khamaryn Khiid Monastery, Its History and Current State: Materials of the 2022 Expedition Analyzed

Irina D. Van¹¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-3577-8061. E-mail: irdon@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Van I. D., 2022

Abstract. The article introduces results of the 2022 field expedition to Mongolia aimed at exploring history and culture of Khamaryn Khiid Monastery in Dornogovi Province, and provides brief historical and biographical data on the latter's founder Ven. Luvsan Danzanravjaa. *Goals.* The study seeks to reconstruct key stages in the formation of the monastery's architectural complex. *Methods.* The research methods employed are those of historical/topographical analysis (sacred objects), participant observation, comparison, historical/biographical investigation, and etymological analysis (toponyms). *Results.* Nowadays, Khamaryn Khiid serves as a tourist spot rather than a religious center. Both domestic and foreign tourists are eager to visit this sacral place in the Eastern Gobi. Despite extensive infrastructure development measures have been undertaken, there is still a lack of hotels and public eating places. The monastery has a high potential to become a leading object of religious tourism.

Keywords: Mongolia, Buddhism, Khamaryn Khiid Monastery, Luvsan Danzanravjaa, history and current state

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-18-20001 'Buryat Buddhist Pilgrims in Sacred Places of Tibet: An Atlas of History and Culture'.

For citation: Van I. D. Khamaryn Khiid Monastery, Its History and Current State: Materials of the 2022 Expedition Analyzed. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 459–472. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-459-472

Введение

С давних времен монастыри и религиозные центры всегда были историческими, культурными, архитектурными доминантами целых городов, регионов и даже стран. В истории Монголии есть множество таких примеров. Помимо столичного монастыря в городе Урга, таким примером был монастырь Хамарын-хийд, расположенный в южной части Монголии. С развитием и широким распространением в мире буддийского учения в последние десятилетия возникает необходимость изучения отдельных монастырей. Актуальность данной темы связана с малой изученностью истории монастыря Хамарын-хийд, также необходимостью развития культурных связей между Россией и Монголией.

Монастырь Хамарын-хийд¹ является одним из крупнейших буддийских центров в южной части Монголии и представляет собой целый комплекс храмов, *обоо*, «энергетического центра „Шамбала“», пещер для медитаций и других сакральных мест. Сам монастырь располагается на территории совре-

¹ Существует различное написание названия храма: Хамарын-хийд, Хамрийн-хийд, монастырь Хамар.

менного Восточно-Гобийского аймака сомона Эрдэнэ в 40 км от г. Сайншанд. Монастырь был основан известным буддийским и литературным деятелем, просветителем, священнослужителем с титулом лхарамба Дулдуйтын Данзанравжой (1803–1856) и являлся центром красношапочного буддизма (школа кагью). Он родился в 1803 г. в местности Мэргэн Восточно-Гобийского аймака, в возрасте шести лет был принят хувараком в Онгийн хийд, где получил свое духовное имя Лувсан-Данзанравжа. В 1811 г. он был официально признан V перерожденцем известного гобийского Ноен-хутухты, держателя нyingмапинской традиции тибетского буддизма в Монголии. После обучения в монастыре Бадгарчойлин во Внутренней Монголии он начал свою духовную и просветительскую деятельность [Ванчикова 2019: 210]. Наследие и деятельность основателя храма Лувсан-Данзанравжи изучались монгольскими исследователями Г. Цагаандэрэмом [Цагаандэрэм 2013], Л. Хурэлбаатаром [Хурэлбаатар 2006], С. Цыдендамбой [Монголын сүм 2009], З. Алтангэрэлом и Ч. Хатанбаатаром [Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012: 61].

Лувсан-Данзанравжа был известным буддийским и литературным деятелем, просветителем. Академик Д. Цэрэнсодном в своей работе «Монгольская литература (XIII – начало XX вв.)» (Улан-Батор, 1987) упоминает, что Лувсан-Данзанравжа написал около тысячи произведений, из которых найдено более 170 произведений на монгольском и более 180 произведений на тибетском языках [Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012: 26–27]. Всего насчитывается около 300 поэтических произведений, более 100 коротких и длинных песен, 1 том философских трудов, 10 тетрадей со сценариями спектаклей и религиозных сочинений на монгольском и тибетском языках и десяток нарисованных им картин [Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012: 39–40]. Большинство из них находятся в музее Лувсан-Данзанравжи в г. Сайншанд, а в Национальной библиотеке Монголии можно ознакомиться с опубликованными его трудами, такими как: «Монгол зохиолчдын төвдөөр бичсэн бүтээл» [Равжаа 1968], «Саран хөхөөний намтар» [Равжаа 1962] и «Яруу найргийн цоморлиг» [Равжаа 1992] и др.

Материалы и методы

Главным источником сведений об объекте исследования стали опубликованные работы на монгольском языке по теме исследования, материалы интервью священнослужителей, а также непосредственное наблюдение за жизнью и бытом монастыря. При написании статьи были использованы метод историко-топографического анализа священных объектов монастыря, метод включенного наблюдения, историко-биографический метод, а также метод этимологического анализа. В совокупности данные методы позволили выполнить реконструкцию истории формирования и развития исследуемого монастырского комплекса.

История основания Хамарын-хийд

В 1819 г. 16-летний Лувсан-Данзанравжа принял решение построить храм, посвященный своему учителю — III перерожденцу Ноён-хутухты. Он подошел к выбору места строительства храма основательно: по настоянию учителей необходимо было найти подходящее место со 108 деревьями и род-

ником. Так, Лувсан-Данзанравжа выбрал вершину небольшого горного хребта Хамар к северу от поселения Нуудгийн говь с интересным ландшафтом, поставил три юрты и с 1818 г. начал практику ритуала «Ламрим». В 1820 г. был основан «Жуд» дацан, в 1821 г. — монастырь «Ламрим», в 1822 г. — монастырь «Лавран», в 1823 г. — монастырь «Сахюусан» для служб «Агва» и «Чойра». В 1824 г. был проведен ритуал открытия «большое рамнай». Позже в 1827 г. был построен Дуйнхор дуган, в 1828 г. — «Цогчен» дуган монастыря «Чойлин», три храма на вершине горы Шарилын уул (*Хан Баянзурх уул*), в 1832 г. был основан храм для чтения намтаров («Намтар дуулах дацан»), в 1842 г. — Музей, в 1843 г. — храм «Цагаан чулуут», храм Будды и медицины и др. [Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012: 31]. Таким образом, Хамарын-хийд превратился в крупный комплекс со многими храмами, разнообразными религиозными реликвиями и стал важным региональным культурно-просветительским центром того времени. Всего в храмовом комплексе служило более 500 лам.

Особо следует отметить храм для чтения намтаров (биографий) «Намтар дуулах дацан», это был своего рода театр, где проходили зрелищные театрализованные представления, которые рассказывали зрителям о жизни известных личностей и божеств. Самым популярным произведением была музыкальная пьеса «Лунная кукушка», которая снискала признание зрителей не одно столетие. Так, по мнению современных ученых, были заложены основы монгольского театрального искусства, а Лувсан-Данзанравжа стал основоположником монгольского профессионального театра [Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012: 16].

Академик Ц. Дамдинсурэн отмечал, что «к югу от Хамарын-хийд было много деревьев, рек, к северу от храма были десятки пещер и скал, а знаменитая пьеса “Лунная кукушка” будоражила сотни зрителей» (цит. по: [Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012: 16]). Поскольку театр имел огромный успех и притягивал сотни зрителей, возникла необходимость в создании творческих театральных групп (артистов, певцов, режиссеров и т. д.), а также рабочих, обслуживающих театр (портных, плотников и др.). Функцию по подготовке кадров взял на себя «Хуухдийн дацан» [Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012: 16], который, несмотря на то, что предназначался для религиозного и светского обучения детей, стал в последующем большим образовательным центром и для детей, и для взрослых.

3. Алтангэрэл, хранитель наследия Ноён-хутухты, пишет: «Исследование истории быта „Хуухдийн дацана“ до 1937–1938 гг. показывает, что Хамарын-хийд был в то время одним из крупнейших образовательных и культурных центров в регионе. Храм представлял собой буддийское сооружение, где наравне с мальчиками обучались и девочки. Среди детей избирались „хамба“ и „унзады“¹. Дети также делились на две группы „их“ и „бага“², имели отдельный устав» [Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012: 11]. На территории находились также библиотека, в которой хранилось более 200 тысяч книг, музей, дворец поэтического и песенного творчества. Хамарын-хийд был широко известен своими

¹ Административные должности в буддийских храмах.

² Дословно переводятся как «большие» и «малые».

мастерами зодчества буддийского направления «жод», они жили и обучались в соседнем сомоне Бурдэн-булаг в 80 км от храма» [Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012: 11].

В монгольском обществе XIX в. женщинам не позволялось получать образование и профессию, принимать участия в религиозных обрядах обоо. Поскольку Лувсан-Данзанравжа был не только религиозным деятелем, но и просветителем, он позволил женщинам обучаться в «Хуухдийн дацан», где они могли стать священнослужителями, получить рабочие профессии, многие женщины начали работать в театре. Поэтому «Хуухдийн дацан» можно рассматривать как одно из первых просветительских учреждений, давших монгольским женщинам право получать образование. К сожалению, в литературе нет точных данных, когда было построено данное профессионально-образовательное учреждение, но предположительно в период с 1832 по 1842 гг.

Говоря о женских общинах в буддийской традиции, российские ученые В. Г. Лысенко, Е. П. Островская отмечают, что «женское монашество значительно менее развито, чем мужское. Это связано с социокультурными традициями стран буддийского ареала. По преданию, сам Будда согласился на учреждение женской общины лишь после долгих сомнений и уговоров, сказав, что это сократит время существования сангхи. Установившаяся практика предъявляла к монахиням гораздо большие требования, чем к монахам, и ставила их в приниженное положение внутри сангхи. Так, в своде правил поведения буддийских монахов (пали «Патимоккха», санскр. «Пратимокша»; входит в состав Винаипитаки) предусмотрено 250 ограничений для монахов и 500 — для монахинь [Лысенко, Островская 2012: 727–732].

В комплекс Хамарын-хийд входило более 80 храмов (сүм), Зуун хурээ, Баруун хурээ, Цохон, Дуйнхэр, 4 аймака¹ (Ламын, хамбын, багшийн, номчийн), дацаны Авга, Чойр, Ламрим, Дуйнхор, Хуухдийн. Среди более 500 лам были ламы с буддийскими титулами и должностями как ловон, гавж, нярав, тахилч, дуганч, гэвхуй, умзад и т. д. [Дорноговь аймгийн... 2020: 294–298].

Период упадка

После победы народной революции в 1921 г. наступили тяжелые времена для буддийских монастырей: Коминтерн начал притеснять лам, введя непосильные налоги. С 1936 г. многие ламы были арестованы или расстреляны. VII-й перерожденец Ноён хутухты был зарезан, к 1938 г. были разрушены храмы и монастыри, 108 деревьев, о которых упоминается при выборе места строительства монастыря, были использованы в качестве дров, а родник высох [Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012: 12].

Во время периода Маньчжоу-го после смерти V-го перерожденца следующим VI-м перерожденцем был признан, по настоянию маньчжурских властей, тибетец. Когда пришли войска Маньчжоу-го, ламы и прихожане спрятали буддийские предметы в 1 500 сундуках и расположили в музее. Следующий VII-й перерожденец был монголом, который возобновил и продолжил деяния V-го перерожденца Лувсан-Данзанравжи.

¹ Представляли собой микрорайоны.

В 1930-е гг. все монастырские сооружения (13 дацанов, 26 дуганов, 2 ступы, 11 сумэ) были разрушены, а имущество, в том числе книги и рукописи, рисованные свитки-иконы и скульптуры, сожжено. Большинство лам подверглись аресту. Только благодаря самоотверженным усилиям нескольких лам удалось спасти некоторые ценности и реликвии, представляющие огромную культурную ценность и экспонирующиеся в настоящее время в музее монастыря г. Сайншанд [[Монгол нутаг 1999: 267](#)].

После начала процесса демократизации местными жителями были начаты работы по восстановлению и строительству монастыря, в котором под руководством ламы Зоригтбатара и 10 лам начались богослужения. Были построены несколько дуганов и храмов, открыта летняя школа для детей, где изучают историю, языки и основы буддизма.

В последние годы монастырь и местность вокруг него, согласно легендам и предсказанию Данзанравжи, стали считаться «энергетическим центром Монголии», в связи с чем они превратились также и в объект туристического паломничества.

О восстановлении Хамарын-хийд

В 1937 г., во время разрушения старого храма, молодой тахилч-лама Г. Тудэв успел вынести из «Шарилын сум» 64 сундука с культурными и религиозными ценностями и в течение 52 лет хранил их в пещерах. При восстановлении храма большую роль сыграли спасенные атрибуты, находившиеся, как ранее упоминалось, в 1 500 сундуках. В декабре 1990 г. на этом месте священнослужители воздвигли три небольших храма и начали проводить хуралы. С целью сохранения научного и литературного наследия Лувсан-Данзанравжи, а также привлечения интереса к монастырю начали проводить экспозиционную работу компания «Таван дохио» и туристическая фирма «Gobi Sunrize Tours Inc». Официальное открытие музея Данзанравжа состоялось в июле 1991 г., а в 2008 г. музей переехал в обновленное здание (см. фото 1). В настоящее время в храме служат двенадцать лам, а в Южной Индии в храме «Намдроллин» и в Северной Индии в храме Бригунгажуудийн обучаются дети, которые в будущем станут настоятелями Хамарын-хийд¹.

В 2009 г. до монастыря были проведены электрические линии длиной 26 км и построены телевышки «Мобиком». Земли, принадлежащие монастырю, были зарегистрированы в Кадастровой палате и огорожены железным забором длиной 20 км. При монастыре было налажено производство ритуальных буддийских предметов, в частности палочки-благовония (*хужэ*) под названием «Шамбалын хужэ», «Сурийн хужэ», «Луусын хужэ». В 2010 г. были построены еще два храма — Уржантэгчэнлин сум (см. фото 1) и Цогчен-дуган. В парке г. Сайншанд был возведен памятник Равжа.

¹ Из материалов интервью автора.

Фото 1. Музей V-го перерожденца Ноен-хутухт Данзанравжа в г. Сайншанд
[Foto 1. Museum of the 5th Noyon Khutagt Danzanravjaa in Sainshand]

Фото 2. Уржантагчэнлин сум
[Foto 2. Urzhantekchenliin sum (Urgyen Tegchenling Temple)]

«Энергетический центр» Шамбала

Восстановление и строительство «энергетического центра» под названием «Шамбала» началось в 2005 г. Были воздвигнуты 8 больших субурганов, а затем 100 маленьких по периметру (см. фото 3). Вдоль дороги от Хамарын-хийд до «энергетического центра» построено еще 15 субурганов.

В 2006 г. на каждой из трех сторон «ограды» из субурганов были построены небольшие комнаты (места для медитаций), символизирующие «вход в Шамбалу». 1 сентября 2006 г. состоялось официальное открытие данного туристско-религиозного объекта. Примечательно, что при описании «Шамбалы» монгольскими исследователями упоминаются 108 деревянных субурганов, которые стояли по периметру [Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012: 12]. Возможно, в XIX в. субурганы были сделаны из дерева, однако никаких подтверждений найдено не было.

Фото 3. «Энергетический центр» Шамбала

[Foto 3. Shambhala Energetic Center]

Пещеры для медитаций

В двух километрах к северо-востоку от храма Хамарын-хийд находится множество пещер для медитаций (см. фото 4), среди них — пещера Эхын Умай, пройдя через которую человек, как считается, словно заново рождается, исцеляется от болезней, а также имеются другие пещеры, связанные с разными религиозными представлениями. После разрушения храмов пещеры также перестали привлекать верующих, однако семьи священнослужителей продолжали тайно ходить в пещеры для чтения молитв и медитаций. По преданиям старожилов, в 1970-х гг. один скотовод, наблюдая за пасшимися стадами, провалился в одну из этих пещер и обнаружил случайно предметы одежды, которые впоследствии были преданы огню. Как предполагают ученые, то были сценические костюмы знаменитого театра [Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012: 47–48].

Фото 4. Пещеры для медитаций

[Foto 4. Meditation caves]

К северу от Хамарын-хийд находится почитаемый среди женщин объект Тонтой обо, форма которого напоминает женские груди, поэтому женщины со всей страны приезжают сюда читать молитвы и проводить обряд кропления молоком (см. фото 5). Поскольку до сих пор на самых высоких горных вершинах есть такие обо, куда не разрешается подниматься женщинам, такие места, предназначенные для женщин, пользуются популярностью. Считается, что Тонтой обо был основан Лувсан-Данзанравжой в качестве поддержки женщин, которые при нем получили возможность обучаться не только рабочим профессиям, но и заниматься религиозной и философской деятельностью. По воспоминаниям очевидца, о котором пишет З. Алтангэрэл, в его детстве во время хуралов в сомоне Эрдэнэ на тропе для самого высокого по статусу ламы сидела женщина. Это было исключительное явление во всей Монголии [Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012: 32].

Фото 5. Тонтой обоо
[Foto 5. Tontoi ovoo]

Түмэр мэсний бурхан¹

В одном из монастырей Хамарын-хийда хранится статуя божества, отлитого из ножей. В монгольских источниках имеется интересная история о ней. При Лувсан-Данзанравжи был вопиющий случай смерти вследствие применения ножа. Поэтому Ноён-хутухта велел собрать со всех домов ножи, их было собрано более десяти тысяч, из них ремесленники отлили статую Падмасамбавы величиной в рост трехлетнего ребенка [Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012: 50]. Она находилась в Хамарын-хийд, во время разрушения храма Г. Тудэв, хранитель наследия Ноён-хутухты, вывез эту статую и хранил ее у себя. Однако в 1970-х гг. статуя была похищена, остался только постамент. Г. Тудэв был очень огорчен, но, увидев, что осталось основание статуи, решил, что это добрый знак, свидетельствующий о возрождении религии. По прошествии трех

¹ Представляет собой статую божества, которая была отлита из металлических частей ножей.

десятков лет внук Г. Тудэва, З. Алтангэрэл, выяснил, что статуя находится в Государственном казначействе, однако вернуть статую не представлялось возможным. В июне 2004 г. при содействии депутата Великого народного хурала Шаравдоржа статуя была возвращена в Хамарын-хийд [Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012: 50].

Хан Баянзурх хайрхан

Одним из популярных среди сакральных мест Гоби является комплекс Хан Баянзурх, его называют также Хан Баянзурх уул, Хуслийн уул ('Гора желаний'), Шарилын уул, Чандмань уул. Комплекс находится в 30 км к северо-западу от Хамарын-хийд на южной стороне от горного хребта Тулгат. На горных вершинах комплекса находятся такие объекты, как Хуслийн уул, где местные жители молились с древних времен. На самой вершине находится обо, по форме напоминающий головной убор с драгоценным камнем на верхушке. В Монголии священным горам, где проводились религиозные обряды, было принято давать названия Богд, Хан, Гун, Бэйлэ, Бэйсэ, Зайсан. Так, Баянзурх уул стал называться Хан Баянзурх хайрхан. Отмечено, что таких горных вершин в Монголии насчитывается около ста двадцати [Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012: 51].

Храм на горе Баянзурх был построен в 1997 г. неким Гомбо по настоянию хранителя наследия Лувсан-Данзанравжи З. Алтангэрэла. Книзу от храма находится статуя Хухдийн обо (дословно переводится как Детский обо), выполненная из камня, недалеко от него расположен Детский субурган (см. фото 6). В 2010 г. на средства частных компаний-инвесторов была построена лестница до вершины горы, а также мост, беседки-навесы и каменная статуя Будды.

Фото 6. Хуухдийн обо

[Foto 6. Khuukhdiin (Children's) ovoo]

Увгун субурган

В 1832 г. Лувсан-Данзанравжа основал храм в виде большого субургана, размером в 15 чжанов¹ в основании и 15 чжанов в высоту. Верх субургана имел форму бумба, по ее сторонам были статуи пяти божеств. На самой верхушке находился позолоченный символ Монголии — соёмбо, который можно было увидеть издалека. В 1938 г. Увгун субурган был разрушен, атрибуты и ценности были завернуты в войлок и выброшены. Лама Г. Тудэв собрал те ценности и спрятал их, со временем они стали основой для восстановления субургана.

Летом 2010 г. была начата кампания по строительству Увгун субургана в составе тридцати человек во главе с директором Музея Лувсан-Данзанравжи З. Алтангэрэлом. К проекту и строительству были привлечены многие частные и государственные компании, инвесторы, а также начат сбор индивидуальных пожертвований верующих (более 20 компаний и 5 000 верующих). Вновь построенный Увгун субурган представляет собой сооружение в 32 м в основании и 32 м в высоту, внутри зала для хуралов установлены статуи 5 коренных божеств, верх также имеет форму бумба (см. фото 7). Пол и некоторые стены выполнены из природного мрамора. Всего на строительство субургана было затрачено 2,3 млрд тугриков, к строительству были привлечены мастера из Монголии, Китая и Кореи. Через год после начала строительных работ 11 сентября 2011 г. состоялось торжественное открытие субургана.

Фото 7. Увгун субурган

[Foto 7. Uvgun suburgan (stupa-shaped temple)]

¹ Чжан — китайская сажень, равна 3,33 метра.

Заключение

Монастырь Хамарын-хийд был не только религиозным, но и культурно-просветительским центром в Южной Монголии. Он представлял собой целый комплекс храмов, где находились музей, первый в истории Монголии театр, школы, публичная библиотека, где печатались ксилографические книги. В 1830 г. организована школа по обучению пению и танцам. Начальная школа Лувсан-Данзанравжи — это уникальное явление в дореволюционной Монголии, так как предоставляла талантливым детям возможность получения бесплатного светского образования [Ванчикова 2019: 210].

Несмотря на то, что монастырь Хамарын-хийд был центром красношапочного буддизма, ламы монастыря лояльно относились к желтошапочному направлению буддизма, более того, в храме «Ламрим» проводили религиозные обряды по традиции Гелуг. Основатель Хамарын-хийда Лувсан-Данзанравжа объяснял это тем, что все последователи красношапочной, желтошапочной и синешапочной ветвей буддизма одинаково являются учениками Будды [Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012: 14].

Основатель монастыря Лувсан-Данзанравжа внес весомый вклад в гендерное равенство женщин и мужчин: девочки наравне с мальчиками обучались в школах, женщины обучались буддийской философии, медицине, получали рабочие профессии, талантливые представительницы работали в театре и выступали на сцене. Женщины могли медитировать в пещерах, у них было свое обо. Некоторые женщины становились священнослужителями и участвовали в религиозных обрядах при монастыре.

В настоящее время монастырский комплекс Хамарын-хийд является скорее туристическим объектом, нежели религиозным центром. Посетить сакральное место в Восточном Гоби приезжают и монгольские, и иностранные туристы. Несмотря на целый комплекс мер по развитию инфраструктуры, не хватает гостиничных комплексов и приемлемых объектов общественного питания. Хамарын-хийд имеет большой потенциал и может стать одним из главных объектов паломнического туризма.

Литература

- Алтангэрэл, Хатанбаатар 2012 — *Алтангэрэл З., Хатанбаатар Ч.* Увурбаясгалант Хамарын хийд [= Монастырь Увурбаясгалант]. Улаанбаатар: Жиком пресс, 2012. 68 х.
- Ванчикова 2019 — *Ванчикова Ц. П.* Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Отгиск, 2019. 291 с.
- Дорноговь аймгийн 2020 — Дорноговь аймгийн сүм хийдийн баримтууд [= Документы монастырей Восточно-Гобийского аймака] / Эмхэтгэсэн Д. Буджав. Улаанбаатар: Арвайбархын, 2020. 366 х.
- Лысенко, Островская 2012 — *Лысенко В. Г., Островская Е. П. и др.* Монашество // Большая российская энциклопедия. Т. 20. М.: Большая Рос. энцикл., 2012. С. 727–732.
- Монголын сүм 2009 — Монголын сүм хийдийн түүхэн товчоон [= Краткий очерк истории монастырей Монголии] / отв. ред. С. Цэдэндамба. Улаанбаатар: Адмон, 2009. 888 х.
- Монгол нутаг 1999 — Монгол нутаг дахь туух соелын дурсгал (=Исторические и культурные памятники Монголии). Улаанбаатар: Монголын Хумуунлигийн ухааны Академи, 1999. 286 х.

- Равжаа 1962 — *Равжаа Д.* Саран хөхөөний намтар [= Жизнеописание лунной кукушки]. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1962. 552 х.
- Равжаа 1991 — *Равжаа Д.* Үлэмжийн чанар (Лүү, шүлэг) [= Качества совершенства]. Сайншанд: «Ялалт» сонины хэвлэл үйлдвэр, 1991. 252 х.
- Равжаа 1992 — *Равжаа Д.* Яруу найргийн цоморлиг [= Сборник поэтических трудов]. Улаанбаатар: Өнгөт хэвлэл, 1992. 446 х.
- Равжаа 1968 — *Равжаа Д.* Монгол зохиолчдын төвдөөр бичсэн бүтээл [= Тибетоязычные сочинения монгольских авторов]. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1968. 240 х.
- Хурэлбаатар 2006 — *Хурэлбаатар Л.* Аварга могойн зулайн чандмань Равжаагийн монгол, төвд сурвалж эх хэрэглэгдэхүүнийг түшиглэсэн судалгаа [= Исследование монгольских, тибетских источников о Равжаа]. Улаанбаатар: Адмон, 2006. 415 х.
- Цагаандэрэм 2013 — *Цагаандэрэм Г.* Монголын суут соён гэгээрүүлэгч халхын догшин хутагт Лувсанданзанравжаа Эрдэм шинжилгээний өгүүлэл, сурвалжилсан тэмдэглэл [= Исследовательские статьи и заметки монгольского просветителя Лувсанданзаравжаа]. Улаанбаатар: Бемби сан, 2013. 188 х.

References

- Altangerel Z., Khatanbaatar Ch. The Uvurbayasgalant Khamaryn Khiid Monastery. Ulaanbaatar: Zhikom Press, 2012. 68 p. (In Mong.)
- Budjav D. (comp.) Monasteries of Dornogovi Province: Documents. Ulaanbaatar: Arvaybarkhyn, 2020. 366 p. (In Mong.)
- Khurelbaatar L. Mongolian- and Tibetan-Language Sources on Ven. Ravjaa: A Study. Ulaanbaatar: Admon, 2006. 415 p. (In Mong.)
- Lysenko V. G., Ostrovskaya E. P. et al. Monasticism. In: Great Russian Encyclopedia. Vol. 20. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 2012. Pp. 727–732. (In Russ.)
- Ravjaa D. Collected Poetic Works. Ulaanbaatar: Öngöt, 1992. 446 p. (In Mong.)
- Ravjaa D. The Qualities of Excellence. Sainshand: Yalalt, 1991. 252 p. (In Mong.)
- Ravjaa D. The Tale of the Moon Cuckoo. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1962. 552 p. (In Mong.)
- Ravjaa D. Tibetan-Language Writings of Mongolian Authors. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1968. 240 p. (In Mong.)
- Tsagaanderem G. Scholarly Articles and Notes by the Mongolian Enlightener Luvsandan-zanravjaa. Ulaanbaatar: Bembi San, 2013. 188 p. (In Mong.)
- Tsedendamba S. (ed.) Monasteries of Mongolia: A Brief Historical Essay. Ulaanbaatar: Admon, 2009. 888 p. (In Mong.)
- Mongol nutag dahi tuuh soelyn dursgal (Historical and cultural monuments of Mongolia). Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Humanities, 1999. 286 p. (In Mong.)
- Vanchikova Ts. P. Buddhism in Mongolia: History, Clergy, Monasteries. B. Bazarov (ed.). Irkutsk: Ottisk, 2019. 291 p. (In Russ.)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94 (517)

Китайская историография новейшей истории даурского народа

Леонид Владимирович Курас¹, Базар Догсонович Цыбенков²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
 0000-0003-4507-249X. E-mail: kuraslv@yandex.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Курас Л. В., Цыбенков Б. Д., 2022

Аннотация. *Введение.* Авторы впервые анализируют доступные им работы на китайском языке, в которых дается как общий обзор новейшей истории дауров, так и анализ ее различных аспектов. *Целью* исследования является историографический анализ отдельных научных работ (монографий, статей), изданных на китайском языке и посвященных непосредственно новейшей истории даурского народа. Для ее решения были поставлены следующие *задачи*: изучить особенности китайской историографии новейшей истории дауров; исследовать монографические труды, содержащие материалы по новейшей истории дауров; проанализировать статьи китайских ученых, посвященные значимым событиям и фактам из истории даурского народа в XX в. *Выводы.* Исследование показало, что китайская историография по новейшей истории даурского народа представлена как монографиями, так и разными тематическими статьями. Особенности региональных сборников статей, в которые включены по большей части работы даурских авторов, являются, на наш взгляд, следствием незавершенности процессов становления историографической науки в КНР. Монографии, несомненно, содержат большой фактический материал по многим аспектам новейшей истории дауров. В то же время в них прослеживается традиционный китайский подход к изучению истории, в котором незыблемые позиции занимают хронология событий (хроника) и биографии известных деятелей. Статьи также богаты различными фактами, описанием конкретных исторических событий и персонажей, в частности крестьянского восстания Шаолана и Дайфу, биографии революционера Го Даофу (Мэрсэ), участия дауров в антияпонском движении. Из особенностей статей можно отметить широкое использование сведений информантов, что, вероятно, с одной стороны, вызвано малым количеством собственно китайских источников, освещавших историю регионального масштаба, с другой — особой ценностью информации, предоставленной непосредственным участником или очевидцем событий.

Ключевые слова: дауры, новейшая история, историография, особенности, монографии, статьи

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.» (№ 22-68-00054).

Для цитирования: Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Китайская историография новейшей истории даурского народа // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 473–487. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-473-487

Contemporary History of the Daur People: Chinese Historiography Reviewed

*Leonid V. Kuras*¹, *Bazar D. Tsybenov*²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0003-4507-249X. E-mail: kuraslv@yandex.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Kuras L. V., Tsybenov B. D., 2022

Abstract. *Introduction.* The paper analyzes available Chinese-language scientific works that review contemporary history of the Daur people and examine its different aspects. *Goals.* The study attempts a historiographic analysis of certain Chinese-language scholarly publications (monographs, articles) dealing with contemporary history of the Daur. So, the objectives be set and tackled thereto shall include insights into peculiarities of Chinese historiography pertaining to contemporary Daur history, reviews of monographs containing related materials, and analyses of Chinese scientists' articles considering significant events and facts of 20th-century Daur history. *Conclusions.* The paper shows China's historiography of contemporary Daur history is abundant in scientific works, both monographs and diverse articles. Peculiarities inherent to regional collections of articles largely authored by ethnic Daur result, in our opinion, from that the shaping of historiographical science in the PRC remains somewhat incomplete. The monographs undoubtedly contain a large amount of factual materials on many aspects of contemporary Daur history. However, those are distinguished by the traditional Chinese approach to the study of history characterized by that chronologies of events (chronicles) and biographies of famous figures hold central and unshakable positions. The articles also contain various facts, descriptions of specific historical events and characters, e.g., the peasant uprising of Shaolang and Daifu, biographies of the revolutionary Guo Daofu (Merse), participation of Daur in the anti-Japanese movement. Another peculiarity traced is that the articles widely use data collected from informants, which is supposedly due to that Chinese sources covering regional history are few enough, and the special value of information provided by participants or eyewitnesses of those events.

Keywords: Daur, contemporary history, historiography, features, monographs, articles

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-68-00054.

For citation: Kuras L. V., Tsybenov B. D. Contemporary History of the Daur People: Chinese Historiography Reviewed. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 473–487. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-473-487

Введение

Вопросы новейшей истории даурского народа, несмотря на достаточно широкую известность в 20–30-е гг. XX в. в среде монгольских и советских революционеров, деятелей Коминтерна имен Мэрсэ и Фуминтая, продолжают оставаться малоизученными в российской историографии. Фактически не изученным остается и пласт источников, посвященный обозримому историческому прошлому дауров. Поскольку с его анализа и должно начинаться полноценное исследование новейшей истории даурского народа, в настоящей работе мы обращаемся к рассмотрению ряда научных работ китайских ученых (монографий, статей), где непосредственно затронута история даурского народа в XX в.

Материалы и методы

Материалами исследования явились опубликованные на китайском языке источники по истории даурского народа. Они представляют собой монографии и статьи даурских ученых, в которых изучаются или представлены такие важные аспекты новейшей истории дауров как крестьянское восстание Шаолана и Дайфу, деятельность даурской революционной молодежи во главе с Го Даофу (Мэрсэ), подпольная антияпонская борьба дауров в период Маньчжоу-Го, создание и развитие даурских автономных образований во второй половине XX в.

В написании статьи авторами использованы общенаучные (описание, анализ, сравнение) и исторические (нарративный, сравнительный) методы.

Основная часть

Особенности китайской историографии новейшей истории дауров

Своеобразие научных изданий по изучаемой тематике проявляется в том, что они в основной массе представляют собой разные по жанру сочинения. Из них составляются сборники статей с необходимыми выходными данными. На наш взгляд, они резко контрастируют, к примеру, с российскими научными сборниками статей, представляющими собой собрание именно научных трудов квалифицированных специалистов. В то время как в рассматриваемых нами сборниках статей по даурской истории авторами могут быть как ученые-историки, так и краеведы, партийные функционеры и иные государственные, общественно-политические деятели регионального уровня. Некоторые статьи биографического плана зачастую подготавливаются детьми и другими близкими родственниками тех или иных знаменитых даурских деятелей. В то же время могут встречаться и чистые мемуары, и записи воспоминаний участников или очевидцев тех или иных событий. Поэтому возникает задача вычленения в сборниках тех работ, которые по своим параметрам действительно относятся к категории научных статей.

К особенностям нашего историографического анализа можно отнести и тот факт, что подавляющее большинство авторов являются даурами. Этот факт неоспоримо свидетельствует о неугасающем интересе народа к собственной истории.

Монографические исследования

Из крупных работ по новейшей истории даурского народа, прежде всего, следует выделить монографии Телинга, Мэн Чжидуна, И Суна, Чжуорена, Мэдэлту, Ци Циня и др. Рассмотрим доступные нам некоторые научные труды в хронологической последовательности.

В труде Телинга детально исследована история создания и развития Морин-Дава даурского автономного хошуна. В нем дана хронология событий в даурских регионах с 1900 по 1996 гг. [Tielinga 1998: 18–90]. В частности имеются ценные сведения о приказах, постановлениях периода Маньчжоу-го, вводимых в даурских регионах; применении японскими властями практики перевода хошунных руководителей в другие местности, о системе районирования в виде нутуков — системе «нутук-гачаа» (уезд-волость), введенной в Восточной области провинции Хинган в декабре 1935 г. [Tielinga 1998: 23–24].

История развития сельского хозяйства дауров вкрупне с освещением ряда других общих и социально-экономических вопросов исследованы в монографии Ци Хойцзюня и Цун Цзиньчжу. Стройная структура работы с хорошим историографическим обзором позволяет отнести ее к разряду специальных исследований, появившихся в КНР в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Подробно рассмотрены количество, состав и расселение населения; приведены сведения, связанные с определением этнической принадлежности дауров в 1956 г. и созданием национальной автономии в 1958 г. [Qi Hoijun, Cong Jingzhu 2006: 19–22; 53–54; 68–74]. Далее в монографии рассматриваются особенности сельского хозяйства дауров; изменения и преобразования в его различных отраслях; особенности прав на земельную собственность; создание и развитие производственных бригад.

Объемный труд под редакцией даурских историков Чжожэня (*даур.* Зорин) и Мэн Давэй «Описание даурского автономного хошуна Морин-Дава» (1993–2005 гг.) является продолжением работы даурских ученых-предшественников с аналогичным названием и изданной в конце 80-х гг. XX в. В предисловии монографии подчеркивается, что она написана на основе идей Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, основных принципов диалектического и исторического материализма [Zhuoren, Meng Dawei 2008: 5]. Работа представляет собой свод современных фактов, в основном социально-экономического характера по всем отраслям народного хозяйства даурского автономного хошуна Морин-Дава, включая промышленность, сельское хозяйство, строительство, торговлю, финансы, транспорт, связь и др. Она содержит много статистических данных, таблиц, приложений, составленных авторами на основе материалов из местных архивов, библиотек, отдела статистики хошунной администрации и других ее отделов. Несмотря на современную социально-экономическую направленность монографии, в ней можно обнаружить и некоторые интересующие нас сведения по истории и культуре дауров. Так, имеется информация о создании начальных школ на территории хошуна в 1905 г. и 1946 г. и их дальнейшем развитии [Zhuoren, Meng Dawei 2008: 649]. Большинство фактического материала содержится в разделе, связанном с хронологией событий. В нем представлены данные о проведении съездов и собраний в хошуне, докладах и программах социально-экономического развития хошуна, финансовых отчетах, строительстве новых деревень, заключении соглашений на строительство предприятий и др. Заметим, что в нем

также имеются ценные сведения о прибытии в хошун в 1993 г. председателя Комитета по борьбе с бедностью и включении правительством Автономного района Внутренняя Монголия (далее — АРВМ) в феврале 1993 г. даурского автономного хошуна Морин-Дава в число 13 экспериментальных районов по борьбе с бедностью [Zhuoren, Meng Dawei 2008: 13].

Монография «Краткая история даурского народа» представляет собой переработанное и дополненное издание, вышедшее в серии «Краткая история национальных меньшинств Китая». Известно, что первое издание книги было опубликовано на китайском языке в середине 80-х гг. XX в., в 1989 г. оно вышло на старомонгольской письменности [Dayur 1989]. Особенностью издания 2008 г. явились изменения, сделанные в результате существенного обновления редакционной коллегии «Краткой истории национальных меньшинств Китая», куда вошли директор Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян Цюй Вэй, даурские исследователи Мэн Чжидун и И Сун, а также по одному ученому из числа хуэй и эвенков. Из истории подготовки монографии известно, что работы велись с 1958 г., и период «культурной революции» отодвинул его запланированное издание на десять с лишним лет. Поэтому содержание и структура работы за этот период были вновь пересмотрены, внесены необходимые изменения и добавления. Большую роль в сборе и обработке материалов сыграли историки Мэн Чжидун, Улзэйтү и Баяр, взявшие на себя ответственность за описание конкретных даурских регионов. Улзэйтү отправился в Хулун-Буир и Цицикар; Баяр — в Синьцзян; Мэн Чжидун — в Морин-Дава. Основная работа по написанию книги была возложена на Мэн Чжидуна, который подготовил предисловие, главы 1–6, хронологию основных событий, библиографию. Заключительную работу по редактированию монографии, а также дополнению истории даурского народа с момента основания страны до 2005 г. провел исследователь Гу Вэньшунан. В переиздании книги в 2008 г. большую помощь оказали Комиссия по гражданским делам провинции Хэйлунцзян, Академия общественных наук провинции Хэйлунцзян, Провинциальный институт этнических исследований. Хронология событий в монографии доведена до 2005 г., охватывает даурские районы Морин-Дава, Мэйлисы, Синьцзяна. В ней приводятся данные об участии даурских делегатов разных регионов КНР в различных Всекитайских съездах и сессиях, в том числе и проходивших в Пекине; сведения о награждении передовых коллективов из даурских районов, например в 1988, 1994, 1999 гг. [Dawoerzu 2008].

В 2010 г. в Пекине историками Мэн Сунлинь и Ши Инчжао была издана монография «Даурский шифр», в которой была рассмотрена деятельность более 30 агентов советской разведки из числа дауров. Хронологически работа охватывает период с 1920 по 1945 гг. Ученые подчеркивают большое влияние Коминтерна на молодежь Хулун-Буира, особенно на молодое поколение даурской интеллигенции. В целом в книге приводятся ценные сведения о восьми направлениях передачи разведывательной информации; о даурах — агентах советской разведки Найралту, Хас-Баторе, Эрдэм-Билиге, Го Вэнтуне — генерале армии Маньчжоу-Го; создании подпольной антияпонской организации в пос. Нантун; стойкости ее арестованных членов, ни один из которых не дал показаний. Из содержания книги можно также установить, что авторы этой ра-

боты связаны родственными узами с некоторыми агентами советской разведки [[Meng Songlin, Shi Yingzhao 2010: 4–5](#)].

Книга даурского исследователя И Суна «Дауры Китая», вышедшая в 2010 г. в серии «Национальные меньшинства Хулун-Буира», содержит большей частью ценные сведения по этнографии и культуре даурского народа. Новейшая история дауров представлена в третьей главе работы, состоящей из четырех хронологических разделов: периоды Китайской Республики, Маньчжоу-Го, Освободительной войны, КНР. Новизна исследования заключается в более подробном изучении административно-территориальных изменений даурских земель в ходе масштабной реорганизации восьмизнаменной системы после Синьхайской революции. В частности автор отмечает отмежевание ряда даурских территорий и образование в них новых уездов, уже не подвластных местной даурской администрации. В то же время в работе говорится о сохранении даурской элитой административного управления в Восточной и Западной Бутхе, создании местной администрации в районе Цицикара. В русле изучения борьбы национальных меньшинств Северо-Востока Китая с китайскими милитаристами рассмотрены в монографии такие вопросы, как крестьянское восстание цицикарских дауров под предводительством Шаолана и Дайфу, создание бригады самообороны в Морин-Дава в 1929 г. Исследуя участие даурской передовой молодежи в революционном движении во Внутренней Монголии и создании Народно-революционной партии Внутренней Монголии (далее — НРПВМ), И Сун справедливо пишет, что «вдохновленные победой Октябрьской революции в России, дауры встали в авангарде национально-демократической революции во Внутренней Монголии, активно пропагандируя важное значение Октябрьской революции и ее идей, работая вместе с монгольской революционной интеллигенцией» [[Yi Song 2010: 15](#)]. Далее приводятся новые данные об участии дауров в гражданской войне в Китае, в частности о преобразовании даурских отрядов самообороны в кавалерийские полки Народной армии Восточной Монголии в 1946 г., участии 42-го кавполка в тяжелых сражениях у Факу (город в окрестностях Шэньяня), создании Вонюту даурского автономного района в 1952 г., его преобразовании в 1956 г. в Мэйлисы даурский национальный район и ликвидации последнего в 1958 г. [[Yi Song 2010: 18](#)].

Другая монография И Суна «Дауры», изданная в серии «Национальные меньшинства Китая», в целом посвящена этнографическо-культурному изучению народа [[Yi Song 2010](#)]. Небольшой раздел по новейшей истории дауров имеется в первой главе работы. Он включает в себя изданные ранее (в 2010 г.) краткие сведения по истории дауров XX в. [[Yi Song 2010](#)]. Новыми моментами в нем являются данные об организации Го Даофу и Фуминтаем баргинского восстания 1928 г., создании автономного уезда синьцзянскими даурами во второй половине XX в. Подводя итоги рассмотрения создания и эволюции даурских автономных образований, автор подчеркивает, что право на автономию реализовано даурами на новом социалистическом этапе их исторического развития [[Yi Song 2012: 19](#)]. Заметим, что работа И Суна содержит также раздел о выдающихся деятелях — выходцах из даурского народа. В частности в нем указаны Цинь Тонпу (1880–1938) — даурский поэт, в 1916 г. создавший даурскую письменность на основе кириллицы; революционеры Го Даофу и Фуминтай, общественно-поли-

тические деятели периода Маньчжоу-Го и КНР — Цзинь Яочжоу (Эрдэн), Ван Хайшань, Бу Линь и др. [Yi Song 2012: 167–171]. На основе их биографических данных можно в общих чертах ознакомиться с некоторыми аспектами новейшей истории дауров. В целом в монографиях И Суна сведения по новейшей истории, несмотря на краткость, охватывают все основные этапы исторического развития даурского народа и в ряде случаев содержат новые ценные факты по истории дауров XX в.

Монография «Дауры Китая» под редакцией Ци Циня издана в серии «Книги народов Китая» и, кроме этнографическо-культурного описания, содержит также и краткие материалы, относящиеся к новейшей истории дауров. К ним можно отнести шестой раздел 1-й главы, посвященный созданию автономных образований дауров; 10-ю главу, где даны краткие биографии выдающихся деятелей — выходцев из числа дауров, в том числе руководителей крестьянского восстания Шаолана и Дайфу [Zhongguo 2011: 376–378]. Автор, описывая даурские автономии, рассматривает учреждение Вонюту даурского национального района в 1952 г. и Мэйлисы даурского национального района в 1956 г. как не взаимосвязанные события. Хотя известно, что речь в обоих случаях идет об одном и том же регионе проживания цицикарских дауров и создании нового, более крупного национального района в 1956 г.

Биографии 403 дауров (партийных и военных чиновников, политиков, ученых, педагогов и др.) представлены в книге «Даурские деятели Мэйлисы». Они расположены в хронологической последовательности и разделены на три части: 1) 1919–2016 гг.; 2) 1840–1918 гг.; 3) до 1840 г. В работе указаны не только уроженцы даурского района Мэйлисы, но и лица, в определенный период времени жившие и работавшие здесь. Отдельные факты, проливающие свет на ряд аспектов новейшей истории дауров, имеются в биографических данных таких известных среди цицикарских дауров личностей, как Булинь, Ван Хайшань, Урудигулан, Цяо Шужэн, Ван Цзинь и др. [Meilisi 2017: 1, 9, 24, 230, 231].

Монография даурского исследователя Мэдэлту является изданием из серии книг, посвященных Освободительной войне, а также посвящена 60-летию юбилею с момента создания даурского автономного района Морин-Дава. В предисловии книги выделяется цитата автора, восхваляющая великого вождя китайского народа Мао Цзэдуна и звучащая, как «Мао принял страну с плугом, а оставил ядерной державой» [Modertu 2018: 1]. Здесь заметим, что аналогичная фраза была высказана еще в 1953 г. английским историком И. Дойчером в некрологе И. В. Сталину. В целом в монографии дается оценка вклада национальных меньшинств Северо-Востока Китая в Освободительной войне, последующем партийном и государственном строительстве, в частности в проведении аграрных преобразований, движении за демократические реформы. Приведены биографические сведения известных даурских партийных работников, военных чиновников. Примечательно, что Мэдэлту не ограничивает исследование, собственно, даурами, но и привлекает материалы по соседним эвенкам, также принимавшим участие в революционной работе.

Важным вкладом в изучение истории и культуры дауров явился трехтомный труд под редакцией Мэн Чжидуна. Тома I и III посвящены древней и средневековой истории дауров, этнографии и культуре народа, том II — во-

просам новейшей истории. Этот капитальный труд даурского историка, по сути, работа «всей жизни» — результат многолетних исследований, в 2019 г. был рецензирова́н Б. Д. Цыбеновым [Цыбенoв 2019]. В рецензии были кратко отмечены следующие моменты: деятельность даурского чиновника Цэндэ-гуна, предоставившего земли Хулун-Буира переселенцам-бурятам; особенности административно-территориального управления даурских районов в период Маньчжоу-Го; антияпонская подпольная борьба дауров в годы Второй мировой войны [Цыбенoв 2019: 278]. Заметим также, что особое внимание Мэн Чжидун уделяет периоду с 1912 г. по 1920 г., когда Хулун-Буир фактически стал независимым от Китайской Республики регионом. Подчеркивая его неопределенный статус, автор сознательно использует термин «независимость» в кавычках, чем в некоторой степени занижает оценку реально складывавшейся обстановки. В то же время он отмечает скоординированные действия амбана Шэньфу и руководителей хошунов, сумевших организовать в 1912 г. более 1 тыс. аратов на борьбу; выделяет роль российского консула в Хайларе П. К. Усатого, активно содействовавшего оказанию Россией помощи повстанцам орудиями и солдатами. Захват Хайлара в 1917 г. остатками войска Бабужава во главе с Сэбчжингэ и Бумбажавом справедливо увязывается с усилением японского влияния в регионе [Zhongguo 2018: 377–378]. В целом в работе прослеживается замысел исследователя, заключающийся в некотором выделении основополагающей роли даурской по происхождению элиты в управлении Хулун-Буиром. Об этом отчасти свидетельствует состав делегации региона (дауры Цэндэ-гун, Рунъан, Линшэн, баргут Багабади), отправившейся в 1920 г. на переговоры по отмене автономного положения Хулун-Буира к генерал-губернатору трех провинций Северо-Востока Китая Чжан Цзолиню. Подробно изучен в работе вопрос о создании национальных автономий в начале 50-х гг. XX в., в частности освещены создание Вонюту даурского автономного района в августе 1952 г., избрание даура Манха в качестве первого главы даурской автономии, учреждение в марте 1954 г. даурского автономного района Гуарбэн-Асиэр в уезде Тачэн на северо-западе Синьцзян-Уйгурского автономного района [Zhongguo 2018: 518–520].

Статьи

Работы китайских исследователей, посвященные изучаемой проблематике, в основном изданы в региональных сборниках научных статей, выпускаемых силами общественных организаций по изучению истории и культуры даурского народа. В настоящей работе мы рассмотрим некоторые публикации, в которых освещаются вопросы новейшей истории дауров. Большинство этих статей были изданы в сборниках «Дауры в период Китайской Республики» [Bulin 2019: 8–29; A Li 2019a: 117–129; Wo Zeming 2019: 170–195; Odengua 2019: 211–222; Wu Yina 2019: 223–237; A Li 2019b: 316–342], «Сборник исторических материалов по истории даурского народа» [A Li 2015: 145–156; Menghenasu 2015: 234–244; Ao Jinghai, Batubaoyin 2015: 472–492] и «Даурский форум» [Ao Jingfeng 2016: 191–205; Wo Zeming 2016: 235–258; Ao Jingfeng 2018: 414–421]. Краткую характеристику работ для удобства изложения увязываем с хронологией конкретных исторических событий, анализируемых в них.

Объемная статья Булиня посвящена исследованию крестьянского восстания цижикарских дауров под предводительством Шаолана и Дайфу в 1917–1919 гг. Обращаясь к составу повстанческого отряда, он впервые выясняет, что, помимо даурского большинства, в отряде было небольшое количество этнических китайцев (ханьцев). В то же время в целом восстание, произошедшее в сложный период на фоне классовых и социальных противоречий, справедливо характеризуется им как противодействие ханьскому национализму и национальному угнетению [Bulin 2019: 8–9]. Много внимания в статье уделено рассмотрению причин восстания: политических, экономических, жесткой налоговой политики, спекуляции и ростовщичества и др. Многие неизвестные детали биографии Шаолана, как явствует из текста, были получены Булинем от очевидца, информанта Мо Цзиньжуйя, 1903 года рождения. В частности, выяснена роль переводчика Ао Линфу, который из-за личной неприязни к Шаолану намеренно исказил текст судебных документов [Bulin 2019: 11, 18]. В завершении работы автор отмечает, что он родился в тех же местах, что и руководители повстанцев, и с детства слышал о них. По его мнению, это восстание было крупным политическим событием в истории дауров, оказавшим огромное влияние на развитие последующих поколений. По данным Булиня, насчитывается более 200 песен, 7 или 8 разновидностей даурского танца «ахамбе», где восхваляется героическая борьба Шаолана и Дайфу [Bulin 2019: 29]. Упоминание об этом восстании содержится в пространной статье Ао Цзинфэна, руководителя общества изучения истории и культуры даурского народа, проживающего в Автономном районе Морин-Дава. Помимо восстания цижикарских дауров, он перечисляет другие, не менее значимые события и персоналии первой половины XX в., связанные с борьбой против китайских милитаристов, японских оккупантов, бандитов и гоминьдановцев. Завершается статья пожеланием, чтобы даурский народ на пути к новой эре и ради совместного воплощения в жизнь китайской мечты, тесно сплотившись вокруг ЦК КПК во главе с Си Цзиньпинем и руководствуясь положениями 19-го съезда КПК, унаследовал традиции храбрости и упорства поколения периода Освободительной войны [Ao Jingfeng 2018: 421].

Героической антияпонской борьбе хайларских дауров в 30–40-х гг. XX в. посвящена статья А Ли. В ней указаны имена 12 дауров-патриотов, отдавших свои жизни в борьбе с японскими захватчиками. Немного странным выглядит то обстоятельство, что автор открывает список с имени губернатора провинции Северный Хинган Линшена и его четырех сподвижников, казненных японцами в 1936 г.; имена же действительных агентов советской разведки и членов подпольной антияпонской организации Хай Руи, Хас-Батора, Сухэ-Батора и др., погибших в ходе боевых столкновений или в тюремных застенках, даны лишь в середине и конце списка [A Li 2015: 148–153]. В своей последующей работе, также посвященной подпольной антияпонской борьбе, А Ли обращается к изучению ее предпосылок, связанных с усилением советского влияния в Хулун-Буире в начале 1920–1930-х гг. В частности в статье отчетливо прослеживается бурятское влияние на даурскую революционную молодежь, включающее такие моменты, как участие Го Даофу и Фуминтая в бурят-монгольском съезде 1918 г. в Верхнеудинске; основание начальной школы в с. Мэхэртэ; связь с Коминтерном и бурятским деятелем Ц.-Е. Цыдыповым; приглашение на работу в

Хулун-Буир Софьи Сахьяновой (сестры известной бурятской революционерки М. М. Сахьяновой). Как отмечает автор, первой разведывательной базой в Хулун-Буире стал кооператив, созданный Цыдыповым и Го Даофу [A Li 2019b: 316–317]. Вопросы антияпонской борьбы даурского народа изучены также в работах ряда даурских историков. Так, учеными Энхэбату и Эрхэнбаяром проведен анализ причин гибели Линшена [Enkebatu, Erhenbayaer 2000: 116–121], историком Мэнхэнасу исследована трансформация воззрений Линшена в период Маньчжоу-Го [Menghenasu 2015: 234–244], Ао Цзинхаем и Батубаином изучены основные этапы борьбы дауров против политики Маньчжоу-Го и Японии [Ao Jinghai, Batubaoyin 2015: 472–492], общий обзор антияпонской борьбы дауров дан в статье Ао Цзинфэна [Ao Jingfeng 2016: 191–205].

В совместной статье Буяндалая, Тун Лагэ и Ао Юнвэня изучена история 43-го кавалерийского полка 5-й кавдивизии Народной армии самообороны Внутренней Монголии. Основу полка составили бойцы созданной в ноябре 1945 г. даурами так называемой «бригады Арала». Рассуждая о двух идеологических и политических линиях того периода — КПК и Гоминьдане, исследователи указывают, что местные чиновники и помещики были на стороне Гоминьдана, поскольку его поддерживали США. И в целом определенная часть населения испытывала иллюзии относительно политики Чан Кайши [Baoyindalai 1989: 164]. В статье приводятся данные о вхождении в состав полка других местных сил самообороны, в частности крупного даурского отряда из местности Шиварту-нутук, о трех эскадронах полка и их командирах, участии в боевых действиях в 1946–1948 гг., в том числе в Ляошэньской операции 1948 г. Авторы отмечают, что при написании статьи ими были использованы воспоминания 20 ветеранов-солдат 43-го кавалерийского полка [Baoyindalai 1989: 185].

Обширная статья У Вэйруна «Очерк об учреждении Вонюту даурского автономного района в уезде Лунцзян» посвящена не только конкретным фактам, связанным с созданием даурской автономии в июле 1952 г., но и всей предшествующей этому событию истории даурского народа. Автор начинает свое повествование с известной гипотезы о родстве дауров со средневековыми киданями, кратко обращаясь к основным этапам исторического развития дауров, плавно переходит к новейшему периоду. Говоря о национальной политике КПК, У Вэйрун образно пишет, что «она, подобно золотому солнцу, озарила сердце даурского народа» [Wu Weirong 1989: 23]. Подробно описаны события 1945–1952 гг., происходившие на территории проживания цидикарских дауров, включая создание даурской бригады самообороны во главе с Э Сюфэном в конце 1945 г., деятельность партийного комитета и народного правительства провинции Хэйлунцзян и местных властей по созданию даурского автономного района Вонюту [Wu Weirong 1989: 23; 25–63].

Публикации о жизни и деятельности Го Даофу (Мэрсэ)

Говоря о китайской историографии новейшей истории дауров, необходимо отметить работы на китайском языке, посвященные известному даурскому революционеру Го Даофу (Мэрсэ). Сведения о них недавно почерпнуты нами из статьи Ариун, научного сотрудника педагогического университета Внутренней Монголии. По данным исследовательницы, исследования деятельности

Го Даофу начались в 50–60-х гг. XX в., однако в силу ряда причин были прекращены. Так, было прервано издание публикации Го Гуанляня, очевидно, уже находившееся в печати. Позднее автору все же удалось ее издать в соавторстве с Энхэбату и Эрхэмбаяром. Работа была опубликована в 1985 г. в сборнике «Исторические материалы Хулун-Буира». Из других работ о Го Даофу, изданных на китайском языке, можно упомянуть труды Хасчулуун, Тан Шихуэйя, Цан Шишуня, Хэ Ли, Тао Юкуня, Ву Исан, изданные в 90-х гг. XX в. С начала 2000-х гг. и по настоящее время опубликованы многие труды китайских историков о Го Даофу, в их числе такие исследователи, как Цзинь Хай, Хао Вэймин, Чжан Сюхуа, Чэнь Сяолэй, Янь Шацин, Ван Шу, Го Жубин, Яо Гуан и др. [Ариун 2018: 195–201]. К сожалению, приходится отметить, что эти и другие работы китайских авторов на данный момент остаются неизвестными нам и в целом в российском востоковедении. Заметим также, что большую исследовательскую и редакторскую работу по составлению сборника статей памяти Го Даофу в 2009 г. проводила дочь Го Даофу — Одонгуа. В сборник вошли шесть статей, одно поздравительное письмо, две песни о Мэрсэ. Из работ Одонгуа известна статья «Краткая, но выдающаяся жизнь господина Го Даофу», в которой в том числе и на основе воспоминаний раскрываются страницы жизни выдающегося революционера [Odengua 2019: 211–222]. Личность Го Даофу становилась объектом изучения ряда современных китайских историков, включая хайларского исследователя А Ли, изучавшего вопрос о принятии Го Даофу христианства и учреждение им партии молодежи Хулун-Буира [A Li 2019a: 117–129]; У Ина, анализировавшего особенности его революционной деятельности [Wu Yina 2019: 223–237]; Во Цзэмина, давшего высокую оценку заслуг революционера [Wo Zeming 2016: 235–258; Wo Zeming 2019: 170–195].

Заключение

История дауров — уникального в языковом и культурном отношении народа КНР, — как показывает наше исследование, интересует не только мировую научную аудиторию, но прежде всего самих дауров, даурскую интеллигенцию. В представленном нами историографическом обзоре подавляющее большинство работ написаны даурскими авторами (профессиональными историками, краеведами, партийными функционерами, педагогами и др.). Несмотря на существенные различия этих трудов по уровню восприятия тех или иных аспектов истории, стилистике и другим параметрам, они дают нам достаточно целостное представление об историческом развитии даурского народа в XX в. Они содержат большой фактический материал по ряду конкретных тем, к примеру, таких как крестьянское восстание Шаолана и Дайфу, деятельность даурской революционной молодежи во главе с Го Даофу (Мэрсэ), подпольная антияпонская борьба дауров. Все изученные нами работы написаны в стандартном русле исторического описания в КНР, с неукоснительным соблюдением субординации в отношении негласно запретных тем, например, таких как политика Гоминьдана в Северо-Восточном Китае; в ряде случаев с указанием на применение в работах идей Мао Цзэдуна, принципов исторического материализма.

Литература

- Ариун 2018 — *Ариун*. Мэрсээг судалсан бүтээлийн ном зүй (= Историография работ, посвященных Мэрсэ) [электронный ресурс] // URL: [https://www.jstage.jst.go.jp_article_nairiku_pdf_char](https://www.jstage.jst.go.jp/article_nairiku_pdf_char) (дата обращения: 21.07.2022). (На монг. яз.)
- Цыбенев 2019 — *Цыбенев Б. Д.* История дауров как конструирование легендарного прошлого // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 4 (36). С. 276–279.
- A Li 2015 — *A Li*. Yongyuan de fengbei (= Вечная память) // Dawoer zu shiliao zhuanji / Nashunbao zhubian (= Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. / под ред. Нашунбао). Beijing: Zhongguo wenshi chubanshe, 2015. Pp. 145–156. (На кит. яз.)
- A Li 2019a — *A Li*. Guo Daofu jia ren jidujiao ji chuangujian Hulunbeier qingnian dang de lishi Beijing (= Принятие Го Даофу христианства и учреждение партии молодежи Хулун-Буира: к истории вопроса) // Minguo shiqi de dawoer zu. Shiliao zhuanji / Zhuoren zhubian (= Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов / под ред. Чжорэнь). Hulunbeier: Neimenggu wenhua chubanshe, 2019. Pp. 117–129. (На кит. яз.)
- A Li 2019b — *A Li*. Hulunbeier Lingxi diqu shaoshu minzu zai yinbi zhanxian shang de kangri douzheng (= Подпольная антияпонская борьба национальных меньшинств района Линси Хулун-Буира) // Minguo shiqi de dawoer zu. Shiliao zhuanji / Zhuoren zhubian (= Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов / под ред. Чжорэнь). Hulunbeier: Neimenggu wenhua chubanshe, 2019. Pp. 316–342. (На кит. яз.)
- Ao Jinghai, Batubaoyin 2015 — *Ao Jinghai, Batubaoyin*. Fan Man kangri douzheng (= Борьба против Маньчжоу-Го и Японии) // zu shiliao zhuanji / Nashunbao zhubian (= Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I / под ред. Нашунбао). Beijing: Zhongguo wenshi chubanshe, 2015. Pp. 472–492. (На кит. яз.)
- Ao Jingfeng 2016 — *Ao Jingfeng*. Dawoerzu kangri douzheng zongshu (= Исследование антияпонской борьбы дауров) // Dawoer luntan. Xia. / Zhuoren zhubian (= Даурский форум. Ч. II. / под ред. Чжорэнь). Hulunbeier: Neimenggu wenhua chubanshe, 2016. Pp. 191–205. (На кит. яз.)
- Ao Jingfeng 2018 — *Ao Jingfeng*. Dawoerzu zai jiefang zhanzheng zhong zongshu (= Краткий обзор участия дауров в освободительных войнах) // Dawoer luntan. Di san bu (shan) / Zhuoren zhubian (= Даурский форум. В трех частях. Ч. I / под ред. Чжорэнь). Huhehaote: Neimenggu wenhua chubanshe, 2018. Pp. 414–421. (На кит. яз.)
- Baoyindalai 1989 — *Baoyindalai, Tong Lage, Ao Yongwen*. Qibing disishisan tuan jianzhi (= Краткая история 43-го кавалерийского полка) // Dawoerzu yanjiu. Disiji / Meng Zhidong zhubian (= Исследования даурского народа. Вып. 4 / гл. ред. Мэн Чжидун). Huhehaote: Neimenggu Tuoketuo xian yinshuachang yinshua, 1989. Pp. 161–185.
- Bulin 2019 — *Bulin*. Shaolang he Daifu nongmin qiye (= Крестьянское восстание под предводительством Шаолана и Дайфу) // Minguo shiqi de dawoerzu shiliao zhuanji / Zhuoren zhubian (= Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов / гл. ред. Чжорэнь). Hulunbeier: Neimenggu wenhua chubanshe, 2019. Pp. 8–29. (На кит. яз.)
- Dawoerzu 2008 — *Dawoerzu jianshi* (= Краткая история даурского народа) / xiudingben bianxiězubiānxiě. Xiudingben (= переработанное и дополненное издание). Beijing: Minzu chubanshe, 2008. 177 p. (На кит. яз.)
- Dayur 1989 — *Dayur ündüsüten-ü tobči teüke* (= Краткая история даурского народа) / naiyayulan bicikü duyuyulang naiyayulaba; Men Zhidun, Üljejiti, Bayar (= под ред. авторского коллектива; Мэн Чжидун, Улзэйтү, Баяр). Kökeqota: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qorig-a, 1989. 300 c. (На старомонг. яз.)
- Enkebatu 2000 — *Enkebatu, Erhenbayaer*. Aiguo xianlie Lingsheng deng beihade qiye (= О причинах гибели патриота Линшена) // Dawoerzu yanjiu (= Исследования

- даурского народа). Huhehaote: Neimenggu daxue chubanshe, 2000. Pp. 116–121. (На кит. яз.)
- Meilisi 2017 — Meilisi dawoerzu renwulu / Duo Zhansheng zhubian (= Даурские деятели Мэйлисы / гл. ред. До Чжанышэн). Haerbin: Heilongjiang renmin chubanshe, 2017. 267 p. (На кит. яз.)
- Meng Songlin, Shi Yingzhao 2010 — *Meng Songlin, Shi Yingzhao*. Dawoer mima (= Даурский шифр). Beijing: Xinshijie chubanshe, 2010. 249 p. (На кит. яз.)
- Menghenasu 2015 — *Menghenasu*. Shi lung Lingsheng zai Wei Man shiqide sixiang dongtai (= О трансформации воззрений Линшена в период Маньчжоу-Го) // Dawoer zu shiliao zhuanji / Nashunbao zhubian (= Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I / под ред. Нашунбао). Beijing: Zhongguo wenshi chubanshe, 2015. Pp. 234–244. (На кит. яз.)
- Modertu 2018 — *Modertu*. Jiefang zhanzheng zhongde dawoerzu (= Даурский народ в период Освободительной войны). Hulunbeier: Neimenggu wenhua chubanshe, 2018. 579 p. (На кит. яз.)
- Qi Hoijun, Cong Jingzhu 2006 — *Qi Hoijun, Cong Jingzhu*. Chuantong yu xiandai: dawoerzu nongmin shenghuo (= Традиции и современность: условия жизни даурских крестьян). Beijing: Zhongyang minzu daxue chubanshe, 2006. 289 p. (На кит. яз.)
- Odengua 2019 — *Odengua*. Guo Daofu xiansheng duanzan er guanghuide yisheng (= Краткая, но выдающаяся жизнь господина Го Даофу) // Minguo shiqide dawoerzu shiliao zhuanji / Zhuoren zhubian (= Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов / гл. ред. Чжорэнь). Hulunbeier: Neimenggu wenhua chubanshe, 2019. Pp. 211–222. (На кит. яз.)
- Tielinga 1998 — *Tielinga*. Molidawa dawoerzu zizhi tizhi (= Описание даурского автономного хошуна Морин-Дава). Huhehaote: Neimenggu renmin chubanshe, 1998. 1149 p. (На кит. яз.)
- Wo Zeming 2016 — *Wo Zeming*. Beifang you shen jun, jueshi er duli (= Выдающийся деятель Северного Китая: непревзойденный и независимый) // Dawoer luntan. Xia. / Zhuoren zhubian (= Даурский форум. Ч. II / под ред. Чжорэнь). Hulunbeier: Neimenggu wenhua chubanshe, 2016. Pp. 235–258. (На кит. яз.)
- Wo Zeming 2019 — *Wo Zeming*. Zhongguo shaoshu minzu minzhu geming de wuwei xianqu (= Бесстрашный вождь революционного движения национальных меньшинств Китая) // Minguo shiqide dawoerzu shiliao zhuanji / Zhuoren zhubian (= Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов / гл. ред. Чжорэнь). Hulunbeier: Neimenggu wenhua chubanshe, 2019. Pp. 170–195. (На кит. яз.)
- Wu Yina 2019 — *Wu Yina*. Guo Daofude minzu minzhu geming shijian (= Революционная деятельность Го Даофу) // Minguo shiqide dawoerzu shiliao zhuanji / Zhuoren zhubian (= Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов / гл. ред. Чжорэнь). Hulunbeier: Neimenggu wenhua chubanshe, 2019. Pp. 223–237. (На кит. яз.)
- Wu Weirong 1989 — *Wu Weirong*. Longjiang xian Woniutu dawoerzu zizhiqide jianli gaikuang (= Очерк об учреждении Вонюту даурского автономного района в уезде Лунцзян) // Meilisi dawoerzu qu wenshi ziliao. Di-yi ji / Wu Weirong zhubian (= Материалы по истории и культуре Мэйлисы даурского национального района. Первый выпуск / гл. ред. У Вейрун). Qiqihaer shi, 1989. Pp. 15–63. (На кит. яз.)
- Yi Song 2010 — *Yi Song*. Zhongguo dawoer ren (= Дауры Китая). Hulunbeier: Neimenggu wenhua chubanshe, 2010. 252 p. (На кит. яз.)
- Yi Song 2012 — *Yi Song*. Dawoerzu (= Дауры). Shenyang: Liaoning minzu chubanshe, 2012. 201 p. (На кит. яз.)
- Zhongguo 2011 — *Zhongguo dawoerzu / Zi Zin zhubian* (= Дауры Китая / гл. ред. Ци Цинь). Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe, 2011. 430 p. (На кит. яз.)

- Zhongguo 2018 — Zhongguo dawoerzu tongshi: quan 3 ce / Meng Zhidong zhubian (= История дауров Китая с древнейших времен до наших дней: в 3-х частях. Ч. II / гл. ред. Мэн Чжидун). Shenyang: Liaoning minzu chubanshe, 2018. Pp. 377–687. (На кит. яз.)
- Zhuoren 2008 — *Zhuoren, Meng Dawei*. Molidawa dawoerzu zizhiti zhi (1993 – 2005 nian) (= Описание даурского автономного хошуна Морин-Дава (1993–2005 гг.). Neimenggu wenhua chubanshe, 2008. 1028 p. (На кит. яз.)

References

- A Li. Guo Daofu's adoption of Christianity and establishment of the Hulunbuir Youth Party: History of the issue revisited. In: Zhuoren (ed.) *Daurs during the Republic of China Period*. Collected historical materials. Hulunbuir: Inner Mongolia Culture Press, 2019. Pp. 117–129. (In Chin.)
- A Li. Lingxi District of Hulunbuir: National minorities and their underground anti-Japanese struggle. In: Zhuoren (ed.) *Daurs during the Republic of China Period*. Collected historical materials. Hulunbuir: Inner Mongolia Culture Press, 2019. Pp. 316–342. (In Chin.)
- A Li. Never to be forgotten. In: Nashunbao (ed.) *The Daurs: Collected Historical Materials*. Part 1. Beijing: China Literature and History Press, 2015. Pp. 145–156. (In Chin.)
- Ao Jingfeng. Daurs in the War of Liberation: A brief [historical] review. In: Zhuoren (ed.) *The Daur Forum*. In 3 parts. Part 1. Hohhot: Inner Mongolia Culture Press, 2018. Pp. 414–421. (In Chin.)
- Ao Jingfeng. The anti-Japanese struggle of Daurs: A study. In: Zhuoren (ed.) *The Daur Forum*. Part 2. Hulunbuir: Inner Mongolia Culture Press, 2016. Pp. 191–205. (In Chin.)
- Ao Jinghai, Batubaoyin. The struggle against Manchukuo and Japan. In: Nashunbao (ed.) *The Daurs: Collected Historical Materials*. Beijing: China Literature and History Press, 2015. Pp. 472–492. (In Chin.)
- Ariun. Historiography of Articles Dedicated to Merse. On: J-STAGE. Available at: https://www.jstage.jst.go.jp/article_nairiku_pdf_char (accessed: 21 July 2022). (In Mong.)
- Baoyindalai, Tong Lage, Ao Yongwen. A brief history of the 43rd Cavalry Regiment. In: Meng Zhidong (ed.) *Daur Studies*. Vol. 4. Hohhot: Togtoh (Tuoketuo) County Press, 1989. Pp. 161–185. (In Chin.)
- Bulin. The peasant uprising led by Shaolang and Daifu. In: Zhuoren (ed.) *Daurs during the Republic of China Period*. Collected historical materials. Hulunbuir: Inner Mongolia Culture Press, 2019. Pp. 8–29. (In Chin.)
- Duo Zhansheng (ed.) *Daur Activists of Meilisi [District]*. Harbin: Heilongjiang People's Publ. House, 2017. 267 p. (In Chin.)
- Enkebatu, Erhenbayaer. Death of the patriot Lingsheng: Causes revisited. In: *Daur Studies*. Hohhot: Inner Mongolia University Press, 2000. Pp. 116–121. (In Chin.)
- Meng Songlin, Shi Yingzhao. *The Daur Code*. Beijing: New World Press, 2010. 249 p. (In Chin.)
- Meng Zhidong (ed.) *History of China's Daurs: From Earliest Times to Present Days*. In 3 parts. Part 2. Shenyang: Liaoning Nationalities Press, 2018. Pp. 377–687. (In Chin.)
- Menghenasu. Transformation of Lingsheng's views during the Manchukuo period reviewed. In: Nashunbao (ed.) *The Daurs: Collected Historical Materials*. Part 1. Beijing: China Literature and History Press, 2015. Pp. 234–244. (In Chin.)
- Modertu. *Daurs during the War of Liberation*. Hulunbuir: Inner Mongolia Culture Press, 2018. 579 p. (In Chin.)
- Odengua. The short but prominent life of Mr. Guo Daofu. In: Zhuoren (ed.) *Daurs during the Republic of China Period*. Collected historical materials. Hulunbuir: Inner Mongolia Culture Press, 2019. Pp. 211–222. (In Chin.)
- Qi Hoijun, Cong Jingzhu. *Traditions and Contemporaneity: Living Conditions of Daur Peasants*. Beijing: Central University for Nationalities Press, 2006. 289 p. (In Chin.)

- The Daur: A Brief History. Rev. and suppl. ed. Beijing: Nationalities Press, 2008. 177 p. (In Chin.)
- Tielinga. A Description of Morin Dawa Daur Autonomous Banner. Hohhot: Inner Mongolia People's Publ. House, 1998. 1149 p. (In Chin.)
- Tsybenov B. D. History of the Daur people as a structure of the legendary past. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS*. 2019. No. 4 (36). Pp. 276–279. (In Russ.)
- Wo Zeming. A prominent figure of North China: The unrivaled and independent one. In: Zhuoren (ed.) *The Daur Forum*. Part 2. Hulunbuir: Inner Mongolia Culture Press, 2016. Pp. 235–258. (In Chin.)
- Wo Zeming. The fearless leader of China's ethnic minority revolutionary movement. In: Zhuoren (ed.) *Daur during the Republic of China Period*. Collected historical materials. Hulunbuir: Inner Mongolia Culture Press, 2019. Pp. 170–195. (In Chin.)
- Wu Weirong. About the establishment of Woniutu Daur Ethnic Town in Longjang County. In: Wu Weirong (ed.) *Meilisi Daur District: Materials on History and Culture*. Vol. 1. Qiqihar, 1989. Pp. 15–63. (In Chin.)
- Wu Yina. Revolutionary activity of Guo Daofu. In: Zhuoren (ed.) *Daur during the Republic of China Period*. Collected historical materials. Hulunbuir: Inner Mongolia Culture Press, 2019. Pp. 223–237. (In Chin.)
- Yi Song. *Daur of China*. Hulunbuir: Inner Mongolia Culture Press, 2010. 252 p. (In Chin.)
- Yi Song. *The Daur*. Shenyang: Liaoning Nationalities Press, 2012. 201 p. (In Chin.)
- Zhuoren, Meng Dawei (comps.). *A Review of Morin Dawa Daur Autonomous Banner: 1993–2005*. Inner Mongolia Culture Press, 2008. 1028 p. (In Chin.)
- Zi Zin (ed.) *Daur of China*. Yinchuan: Ningxia People's Publ. House, 2011. 430 p. (In Chin.)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 930.2 + 94(517)

Статистические ежегодники стран-членов Совета экономической взаимопомощи как источник по истории сельского хозяйства Монголии

*Нарма Арслангович Каманджаев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

аспирант, младший научный сотрудник

 0000-0002-2012-0312. E-mail: narmakam@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Каманджаев Н. А., 2022

Аннотация. *Введение.* Являющиеся плодом межгосударственного взаимодействия Статистические ежегодники стран-членов Совета экономической взаимопомощи и по сей день используются исследователями при изучении различных сторон социально-экономического развития Монголии социалистического периода. *Целью* исследования является характеристика Статистических ежегодников стран-членов Совета экономической взаимопомощи в качестве источника по истории сельского хозяйства Монголии. *Материалы и методы.* Источниковой базой послужили Статистические ежегодники стран-членов Совета экономической взаимопомощи, издававшиеся в период с 1970 по 1990 гг. В работе преимущественно использованы историко-описательный, сравнительный и аналитический методы исследования. *Результаты.* Сельскохозяйственный раздел ежегодников включает в себя внушительное количество показателей, группирующихся в различных категориях. Количественный и качественный состав показателей практически не изменялся в течение 1970–1989 гг., при этом ежегодник 1990 г. подвергся значительным корректировкам в сравнении с предшествующими изданиями. *Выводы.* Статистические ежегодники стран-членов Совета экономической взаимопомощи являются сводными статистическими сборниками с довольно объемной номенклатурой показателей, широким временным охватом и четкой организационной структурой. Их главное преимущество над национальными статистическими материалами — это возможность проведения сравнительного анализа различных показателей, в том числе и в сельскохозяйственной сфере. Наиболее важными сведениями являются удельные показатели и средние величины, которые, главным образом, могут указать на степень интенсификации сельскохозяйственного производства Монголии в 1960–1989 гг. Все это характеризует статистические ежегодники стран-членов Совета экономической взаимопомощи как весьма важный и полезный источник по истории сельского хозяйства Монголии.

Ключевые слова: Монголия, сельское хозяйство, статистика, ежегодник, Совет экономической взаимопомощи

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер государственной регистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Каманджаев Н. А. Статистические ежегодники стран-членов Совета экономической взаимопомощи как источник по истории сельского хозяйства Монголии. Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 488–500. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-488-500

Statistical Yearbooks of COMECON Member Countries as a Source on the History of Agriculture in Mongolia

Narma A. Kamandzhaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Postgraduate Student, Junior Research Associate

 0000-0002-2012-0312. E-mail: narmakam@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Kamandzhaev N. A., 2022

Abstract. *Introduction.* Statistical yearbooks of COMECON (Council for Mutual Economic Assistance) member countries to have resulted from intergovernmental cooperation are still explored by researchers for various aspects of socialist Mongolia's socioeconomic development. *Goals.* The article aims to characterize statistical yearbooks of COMECON member countries as a source on the history of agriculture in Mongolia. *Materials and methods.* The paper analyzes the mentioned statistical yearbooks published between 1970 and 1990. The main research methods employed are the historical descriptive, comparative, and analytical ones. *Results.* The agricultural section of yearbooks includes an impressive number of indicators grouped into various categories. The quantitative and qualitative composition of indicators remained virtually unchanged from 1970 to 1989, while the 1990 yearbook witnessed significant structural changes. *Conclusions.* The statistical yearbooks of COMECON member countries are consolidated statistical digests with a fairly voluminous nomenclature of indicators, extensive time coverage, and a well-defined structure. The main advantage of theirs over national statistical materials is that they grant an opportunity to conduct a comparative analysis of various indicators, including in the agricultural sector. The most important data are specific indicators and average values that can primarily attest to actual agricultural production intensification degrees in Mongolia in 1960–1989. All this characterizes statistical yearbooks of COMECON member countries as a very important and useful source on the history of agriculture in Mongolia.

Keywords: Mongolia, Agriculture, Statistics, Yearbook, COMECON

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Kamandzhaev N. A. Statistical Yearbooks of COMECON Member Countries as a Source on the History of Agriculture in Mongolia. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 488–500. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-488-500

Введение

Хозяйственная статистика по-прежнему остается одним из главных источников при изучении экономической истории различных народов и стран. Особенно это касается экономической истории XIX–XX вв., так как именно в этот период происходит становление и функционирование обще-

национальных статистических систем. Данное положение можно применить и к истории социально-экономического развития Монголии, ведь начало ее государственной статистики было положено в ноябре 1924 г., когда в структуре Министерства внутренних дел был образован статистический отдел [Монгол улсын 2014: 30].

В наши дни многими исследователями при изучении различных сторон социально-экономического развития социалистической Монголии наряду с национальными статистическими сборниками, издававшимися Центральным статистическим управлением при Совете министров Монгольской Народной Республики, используются Статистические ежегодники стран-членов Совета экономической взаимопомощи [Балдано, Кириченко 2021: 71; Джагаева 2019: 44; Дугаров, Нанзатова 2013: 202; История Монголии 2007: 342]. Данный факт актуализирует источниковедческое изучение настоящих статистических ежегодников в контексте Монголии.

Совет экономической взаимопомощи (далее — СЭВ), просуществовавший с 1949 по 1991 г., являлся международной экономической организацией социалистических стран, изначально включавшей в себя такие государства, как Албания (до 1961 г.), Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Советский Союз и Чехословакия. Далее к ним присоединились Германская Демократическая Республика (1950 г.), Монголия (1962 г.), Куба (1972 г.) и Вьетнам (1978 г.). Страны-члены организации взаимодействовали в весьма широком спектре отраслей, одной из которых была статистика.

Сотрудничество стран-членов СЭВ в области статистики шло в разрезе укрепления экономических связей и выражалось в унификации статистических показателей и методов их исчисления, совершенствовании организации и методологии статистики, повышении уровня экономического анализа в государствах-членах Совета. Впоследствии планомерная работа в данных направлениях позволила разработать сравнимые между странами-членами СЭВ статистические сведения, что сделало возможным издание в 1970 г. совместного статистического ежегодника [Совет 1974: 29].

Органами, ответственными за подготовку и издание данных ежегодников, являлись Постоянная комиссия СЭВ по статистике и Отдел статистики Секретариата СЭВ, причем, если Постоянная комиссия по статистике занималась подготовкой материалов к ежегодникам, что в свою очередь включало в себя разработку методологии и номенклатуры унифицированных показателей, сбор статистических сведений у делегаций стран-членов Совета, объединение данных сведений в материалы, то Отдел статистики Секретариата составлял из этих материалов тексты ежегодников и издавал их от лица Секретариата СЭВ [Симчера и др. 2001: 180].

Статистические ежегодники стран-членов СЭВ выпускались в период с 1970 по 1990 гг. и представляли собой статистические публикации сводного характера, содержавшие данные по каждой из стран, входивших в Совет, за ряд лет. Основное содержание ежегодников практически не изменялось на протяжении 20 лет издания и характеризовалось наличием следующих разделов: «Территория и население», «Сводный раздел», «Промышленность», «Капитальные вложения. Строительство», «Сельское хозяйство. Лесное хозяйство»,

«Транспорт. Связь», «Внутренняя торговля», «Внешняя торговля», «Труд и заработная плата», «Образование, культура и искусство», «Здравоохранение. Социальное обеспечение». Также стоит отметить, что в приводимых в конце ежегодников приложениях давались пояснения к публикуемым показателям [Симчера и др. 2001: 180–181].

Монголия стала полноправным членом СЭВ в 1962 г., и сведения о ней, естественно, начали публиковаться уже в первом по счету ежегоднике от 1970 г. В этой связи необходимо отметить, что довольно большое количество ежегодников вкупе с широким видовым разнообразием их данных делают невозможным проведение по ним сплошного источниковедческого исследования в рамках одной статьи. Данный факт побуждает нас к исследованию показателей по одной из хозяйственных сфер, а именно сельскому хозяйству, как исторически обусловленной для Монголии экономической отрасли. Таким образом, цель данной статьи — анализ Статистических ежегодников стран-членов СЭВ как источников по истории сельского хозяйства Монголии.

Материалы и методы

Основным источником настоящего исследования, равно как и его объектом, выступают Статистические ежегодники стран-членов Совета экономической взаимопомощи, издававшиеся в период с 1970 по 1990 гг. [СЕ 1970–1990]. Содержащиеся в каждом ежегоднике сведения являются показателями социально-экономического развития стран-членов СЭВ за год, предыдущий году публикации, а также за более ранний период, равнявшийся 10–20 гг. Так, в ежегоднике 1970 г. приводятся статистические показатели за период с 1950 по 1969 гг. Таким образом, охват сведений всех ежегодников составляет период 1950–1989 гг., однако необходимо помнить, что большая часть сведений по Монголии до 1960 г. отсутствует.

В рамках настоящего исследования, наряду с общенаучной методологией и принципом историзма, были использованы основные методы, характерные для современного источниковедческого исследования: историко-описательный, сравнительный и аналитический.

Сельское хозяйство в статистических ежегодниках СЭВ

Структура сельскохозяйственного раздела в ежегодниках 1970–1989 гг.

Показатели сельскохозяйственного производства в Статистических ежегодниках стран-членов СЭВ приводятся в разделе «Сельское хозяйство. Лесное хозяйство» вместе со сравнительно немногочисленными данными о лесном хозяйстве. С точки зрения общей структуры данный раздел находится между разделами о капитальных вложениях и строительстве и о транспорте и связи. Данный порядок не менялся в течение всего срока издания ежегодников. Сам раздел состоит из множества показателей, объединенных в категории. В ежегодниках 1970–1989 гг. их количество колеблется в пределах от 24 до 28.

В целом ежегодники 1970–1989 гг. содержат в себе информацию, которую можно сгруппировать по нескольким направлениям. Во-первых, это информация, связанная с валовой продукцией сельского хозяйства, куда, например, входят индексы валовой продукции сельского хозяйства. В зависимости от года

издания ежегодника за стопроцентный эквивалент могли приниматься 1950, 1960, 1970 или 1980-й гг. В некоторых ежегодниках индексы 1950-х гг. применяются вместе с индексами по более позднему году. Начиная с ежегодника 1984 г. к ним начинают добавлять пятилетние индексы среднегодового объема валовой продукции сельского хозяйства, где стопроцентным эквивалентом выступало пятилетие 1971–1975-х гг. [CE 1984: 158]. В дополнение к индексам стоит отметить наличие данных о структуре валовой продукции сельского хозяйства, а также сведения о числе социалистических сельскохозяйственных предприятий, подразделявшихся на два типа: государственные хозяйства (далее — госхозы) и сельхозкооперативы.

Далее располагается группа показателей, связанная с земледелием. Сюда входят площадь сельскохозяйственных угодий по видам и категориям хозяйств, распределение посевных площадей по основным сельскохозяйственным культурам, структура посевных площадей, валовой сбор и урожайность основных сельскохозяйственных культур. Необходимо отметить, что обычно урожайность и валовый сбор основных сельскохозяйственных культур приводились в виде двух обособленных друг от друга категорий. Однако в ежегоднике за 1988 г. эти сведения были разделены так, что в двух категориях под обычными названиями отдельно отображались только темповые показатели прироста по пятилетиям, а в категории «Валовый сбор и урожайность основных сельскохозяйственных культур» — общие годовые сведения [CE 1988: 215–232].

Имеются также и отдельные категории показателей по животноводству: общее поголовье скота и птицы, а также распределение поголовья скота по категориям хозяйств. Следующей группой показателей являются сведения о производстве сельскохозяйственной продукции. Среди них следует отметить такие, как производство мяса, молока, шерсти и яиц (как общее, так и по отдельности в госхозах и сельхозкооперативах), средний удой молока и настриг шерсти, производство основных сельскохозяйственных продуктов на душу населения. Начиная с ежегодника 1984 г. в отдельную категорию были вынесены показатели среднего удоя молока и настрига шерсти в госхозах и сельхозкооперативах [CE 1984: 198].

Далее следует группа показателей о механизации сельского хозяйства. К ним относятся такие категории показателей, как парк тракторов и зерноуборочных комбайнов в сельском хозяйстве, поставки тракторов и зерноуборочных комбайнов сельскому хозяйству, поставки минеральных удобрений сельскому хозяйству. И хотя в ежегодниках 1970–1989 гг. названия всех категорий показателей этой группы не изменились, все же в одной из них, парке тракторов и зерноуборочных комбайнов в сельском хозяйстве, произошли внутренние изменения. Начиная с ежегодника 1975 г. показатели «Тракторы в перерасчете на 15-сильные» и «Число тракторов на 100 гектаров пашни (в перерасчете на 15-сильные)» были заменены на показатели «Суммарная номинальная мощность двигателей тракторов» и «Номинальная мощность двигателей тракторов на 100 га пашни и многолетних насаждений» [CE 1975: 214]. Очевидно, что показатели были уточнены в сторону оценки тяговооруженности сельского хозяйства по мощности двигателей тракторов, а не по их количеству. При этом общая логика содержания не изменилась.

В самом конце сельскохозяйственного раздела приводятся категории «Основные показатели, характеризующие государственные сельские хозяйства (госхозы)» и «Основные показатели, характеризующие сельскохозяйственные производственные кооперативы». Показатели для них берутся из всех вышеописанных групп и даются в отдельности по каждой стране.

Таким образом, можно сделать вывод, что те незначительные изменения, зафиксированные в ежегодниках с 1970 по 1989 гг., являлись по большей части корректировками форм подачи одних и тех же показателей, следовательно, с точки зрения содержания, ежегодники 1970–1989 гг. различаются между собой крайне незначительно.

Изменения в структуре ежегодника 1990 г.

В ежегодник 1990 г. было внесено намного больше изменений, чем в предшествовавшие ежегодники за 19 лет. Так, в нем заметно увеличилось число категорий показателей — до 35. При этом в группе показателей валовой продукции появилась категория под названием «Темпы прироста валовой продукции сельского хозяйства», охватывавшая период с 1985 по 1989 гг. [CE 1990: 369].

В группе категорий, связанной с земледелием, уже представлена категория под названием «Валовый сбор и урожайность основных сельскохозяйственных культур в хозяйствах населения», касающаяся показателей по картофелю, овощам и фруктам [CE 1990: 392].

Куда больше расширилась номенклатура показателей по животноводству. Прежняя категория «Поголовье скота по категориям хозяйств», во-первых, была дополнена показателем численности птиц, а, во-вторых, разделена на две категории: «Поголовье скота и птицы в государственных сельскохозяйственных предприятиях и в сельскохозяйственных производственных кооперативах» и «Поголовье скота в хозяйствах населения». Были также добавлены две новые категории: «Численность выбракованного на убой скота по видам» и «Падеж скота», охватывавшие период с 1980 по 1989 гг. [CE 1990: 400–401]. Были введены две категории, касающиеся продуктивности скота и птицы (первая касалась всей совокупности, а вторая — скота и птицы госхозов и сельхозкооперативов). В них в том числе содержатся сведения о среднем живом весе одной головы крупного рогатого скота, проданного государству в период с 1980 по 1989 гг. Туда же были помещены сведения из прежних категорий о среднем удое молока от одной коровы и среднем настриге шерсти от одной овцы [CE 1990: 406–409].

В производственной группе показателей также произошли изменения. Во-первых, были добавлены категории, содержавшие в себе показатели государственных закупок (заготовок) продуктов растениеводства и животноводства. Во-вторых, была введена информация о структуре производственных основных фондов госхозов и сельхозкооперативов [CE 1990: 413–418].

В группе сведений о механизации к показателям о наличии тракторов и комбайнов добавлена категория «Энергетические мощности в сельском хозяйстве», включающая в себя такие показатели, как «Мощность механических, электрических двигателей и электроустановок», «Двигатели тракторов и самоходных машин», «Двигатели грузовых и полугрузовых (пикапов) автомашин», «Двигатели комбайнов», «Мощность электродвигателей и электроустановок», «Прочие механические двигатели», «Живая тяговая сила» [CE 1990: 419–420].

Таким образом, группа сведений о механизации сельского хозяйства была расширена и теперь охватывала всю его энерговооруженность.

Кроме того, сведения о мощностях были не только усовершенствованы, но и к ним добавлены количественные показатели техники. Так, в категории «Парк основных сельскохозяйственных машин и орудий в сельском хозяйстве», наряду с тракторами и комбайнами, теперь учитывались свеклоуборочные машины, плуги, сеялки, грузовые машины, а также прицепы для них [СЭ 1990: 421–423].

Необходимо отметить, что между сведениями об энерговооруженности и сводными данными по госхозам и сельхозкооперативам были добавлены еще три новые категории показателей. Первая касалась поставок химических средств защиты растений сельскому хозяйству, вторая — площади орошаемых и осушенных сельскохозяйственных земель. В третьей же категории находились индексы производительности труда в госхозах и сельхозкооперативах [СЭ 1990: 427–428].

Таким образом, при анализе содержания ежегодников очевидно, что последнее издание обладает широким набором показателей, весьма длительным временным охватом и довольно четкой организационной структурой. В свою очередь в ежегодник 1990 г. было введено весомое количество нововведений, подробнее раскрывающих положение дел в сельском хозяйстве стран-членов СЭВ, в том числе и Монголии.

Однако принимая во внимание данные выводы, исследователь истории сельского хозяйства Монголии может задаться вопросом: «Каким образом соотносятся данные о сельском хозяйстве Монголии в статистических ежегодниках СЭВ с данными национальной статистики?». Для ответа на этот вопрос считаем необходимым провести их сравнительный анализ.

Характеристика статистических ежегодников СЭВ как источника по истории сельского хозяйства Монголии

Сельскохозяйственные данные в монгольских статистических сборниках

За основу для сравнения в качестве типичного образца монгольского статистического ежегодника тех лет возьмем статистический сборник «Народное хозяйство МНР. 1979», выпущенный в г. Улан-Баторе в 1980 г. [БНМАУ-ын 1980]. Основным его отличием от статистических сборников СЭВ является то, что многие показатели в нем приведены по аймакам, тогда как в статистических сборниках СЭВ сведения приводятся в одном ряду с другими странами-членами СЭВ.

Также в сборнике «Народное хозяйство МНР», в отличие от статистических сборников СЭВ, имеется весьма большой блок сведений о воспроизводстве стад. Среди них выделяются такие показатели, как процент маток в общем поголовье скота, выход приплода на 100 маток, общая величина приплода, величина приплода по категориям хозяйств [БНМАУ-ын 1980: 75–79]. Наряду с этим необходимо отметить, что в национальном статистическом сборнике фиксируется такая полезная информация, как средний живой вес проданной государству одной головы скота, причем приводится она по каждому отдельному виду скота начиная с 1960 г. [БНМАУ-ын 1980: 94].

Не менее полезной при изучении монгольского животноводства того времени может стать информация о наличии стационарных построек для содержания скота и колодцев, в отличие от статистических сборников СЭВ, имеющаяся в национальном статистическом сборнике [БНМАУ-ын 1980: 105–107].

Что касается показателей по земледелию, необходимо отметить, что в монгольском статистическом сборнике энерговооруженность разных категорий монгольских хозяйств [БНМАУ-ын 1980: 109–113] проиллюстрирована более детально по сравнению со статистическими ежегодниками СЭВ 1970–1989 гг. С другой стороны, в национальном сборнике не была найдена информация о количестве внесенных в монгольскую землю удобрений.

Так как остальные показатели вышеописанных источников в целом идентичны, то считаем возможным сделать следующие выводы: статистические ежегодники СЭВ и монгольские статистические сборники отличаются фактами международного сравнения данных в первом случае и приведения аймачных данных во втором, также монгольские статистические сборники несколько подробнее представляют состояние монгольского животноводства.

Приведенное выше главное различие ставит эти статистические источники по разные стороны информационной значимости для потенциального исследователя экономической истории социалистической Монголии. Ведь если ему нужно будет сравнить показатели монгольской экономики того периода с такими у других стран членов СЭВ, то он определенно должен будет обратиться к статистическим ежегодникам СЭВ. С другой же стороны, если задачей его исследования будет рассмотрение поймачных статистических данных, то он, безусловно, должен будет воспользоваться национальным сборником. Таким образом, очерчиваются границы основного источникового функционала статистических ежегодников СЭВ в изучении сельского хозяйства Монголии. Их основное применение в данном вопросе должно ограничиваться сравнением статистических показателей сельского хозяйства Монголии с показателями по другим странам-членам СЭВ. При этом на основании данного факта возникает следующий вопрос: «Какие показатели эффективны для сравнения в первую очередь?».

Об отдельных сельскохозяйственных показателях статистических ежегодников СЭВ

Здесь, по нашему мнению, в случае каждого из типов показателей необходимо исходить из отдельных факторов. Так, например, относительная отсталость, меньшие масштабы экономики, а также отдаленное от европейских социалистических стран геополитическое положение Монголии, на наш взгляд, делают бессмысленным сравнение объемных сельскохозяйственных показателей. Напротив, весьма интересными для рассмотрения выглядят удельные показатели вместе со средними величинами, так как их изучение может помочь в определении степени интенсификации сельского хозяйства Монголии, а также оценке эффективности денежных и ресурсных вливаний стран-членов СЭВ в монгольское сельское хозяйство.

Из всех показателей, имеющих в рассматриваемых нами ежегодниках, в их число можно включить следующие: урожайность основных сельскохозяйственных культур, удой молока на одну корову, настриг шерсти на одну овцу, производство основных сельскохозяйственных продуктов на душу населения, средний живой вес одной головы крупного рогатого скота, проданного государству, номинальная мощность двигателей тракторов на 100 гектаров пашни и многолетних насаждений, поставка всех минеральных удобрений на 1 гектар

Рис. 1. Урожайность пшеницы в странах-членах СЭВ в 1960–1989 гг. (в ц/га)
 [Fig. 1. Wheat yields in COMECON member countries, 1960–1989, dt/ha]

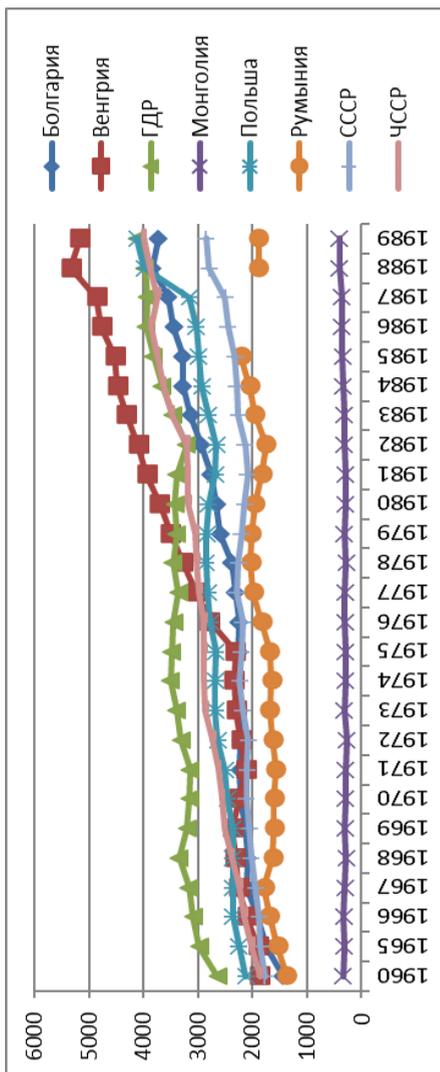
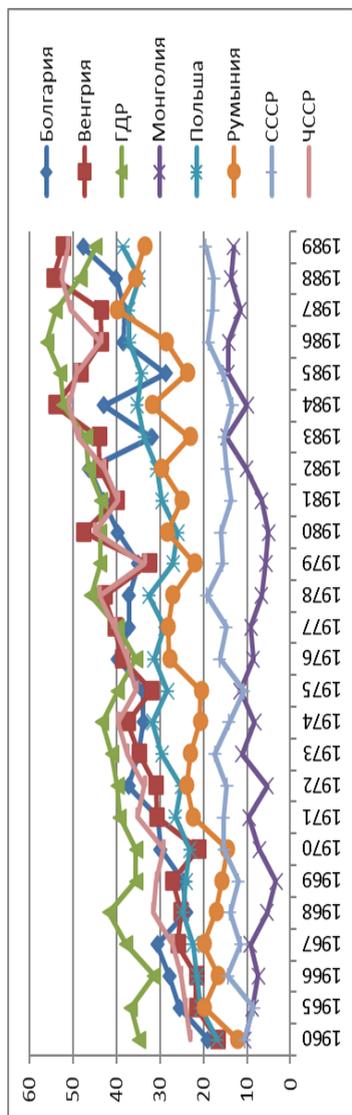

Рис. 2. Удой молока на одну корову в странах-членах СЭВ в 1960–1989 гг. (в кг)
 [Fig. 2. Milk yields (per cow) in COMECON member countries, 1960–1989, kg]

пашни и многолетних насаждений. В качестве подтверждения нашей позиции о том, что данные показатели могут быть весьма информативными, приведем два графика.

На рисунке 1 [CE 1970: 216; CE 1972: 207; CE 1976: 204; CE 1980: 217; CE 1984: 181; CE 1986: 187; CE 1989: 213; CE 1990: 386] можно увидеть, что в период после вступления в СЭВ и к 1980-м гг. урожайность пшеницы в Монголии выросла совсем незначительно, опускаясь в отдельные годы до экстремально низких отметок, как, например, в 1969 г. — до 3,3 ц/га. В то время как наиболее развитые европейские социалистические страны: ГДР, Чехословакия и Венгрия, пользуясь благоприятными даже по сравнению со своими восточными соседями природными условиями, а также наиболее совершенными среди стран социалистического блока средствами и методами хозяйствования, довели урожайность своей пшеницы в 1980-е гг. до 40–50 ц/га.

Еще более удручающая картина наблюдается при построении графика, отображающего удои молока на одну корову в странах-членах СЭВ [CE 1970: 238; CE 1972: 235; CE 1976: 224; CE 1980: 236; CE 1984: 198; CE 1986: 204; CE 1989: 232; CE 1990: 408], причем в 1988 г. разрыв между Монголией и европейскими странами-членами СЭВ оказался настолько катастрофичным, что удои молока на одну корову в Венгрии стал больше монгольского более чем в 13 раз.

Таким образом, судя по приведенным выше двум графикам, интенсификация сельскохозяйственного производства Монголии в 1960–1989 гг. по-прежнему оставалась на низком уровне, что, безусловно, актуализирует вопрос об эффективности осуществлявшихся в то время внешних финансовых и ресурсных вливаний в сельское хозяйство Монголии.

Заключение

Статистические ежегодники стран-членов СЭВ, издававшиеся в 1970–1990 гг., являются сводными статистическими сборниками с довольно объемной номенклатурой показателей, широким временным охватом и четкой организационной структурой. Однако главным их преимуществом в сравнении с национальными статистическими материалами является то, что, благодаря наличию унифицированных статистических данных по всем странам-членам СЭВ, можно провести сравнительный анализ различных показателей. Исключением не является и сельскохозяйственный раздел, где в случае с Монголией самыми информативными являются удельные показатели и средние величины, которые, главным образом, могут указать нам на степень интенсификации сельскохозяйственного производства Монголии в 1960–1989 гг. Все это характеризует статистические ежегодники стран-членов СЭВ как весьма важный и полезный источник по истории сельского хозяйства Монголии.

Литература

- Балдано, Кириченко 2021 — Балдано М. Н., Кириченко С. В. Совершенствование системы образования Монголии (1940–1960 гг.) // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений: сб. науч. ст. / науч. ред. В. Н. Пармон, Б. В. Базаров. Новосибирск: СО РАН, 2021. С. 70–72.

- БНМАУ-ын 1980 — БНМАУ-ын улс ардын аж ахуй. 1979. Статистикийн эмхтгэл (= Народное хозяйство МНР. 1979. Статистический сборник). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1980. 279 х.
- Джагаева 2019 — *Джагаева О. А.* О некоторых проблемах советско-монгольского сотрудничества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 2. С. 42–47.
- Дугаров, Нанзатова 2013 — *Дугаров В. Д., Нанзатова Ч. Д.* Развитие советско-монгольских экономических отношений в 1950–1970-е гг. (вопросы историографии) // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. 2013. № 6. С. 200–205.
- История Монголии 2007 — История Монголии. XX в. / отв. ред. Г. С. Яскина. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. 448 с.
- Монгол улсын 2014 — Монгол Улсын бүртгэл статистикийн үүсэл, хөгжил (= Возникновение и развитие статистики Монголии) / боловеруулж, эмхэтгэсэн Ц. Бадрах, Х. Бажийхүү. Улаанбаатар: Монгол Улсын Статистикийн Хороо, 2014. 499 х.
- Совет 1974 — Совет экономической взаимопомощи: 25 лет. М.: Секретариат СЭВ, 1974. 119 с.
- Симчера и др. 2001 — *Симчера В. М., Соколин В. А., Машихин Е. А., Шевяков А. Ю.* Энциклопедия статистических публикаций, X–XX вв. (Древняя Русь, Российская империя, Союз Советских Социалистических Республик, Российская Федерация). М.: Финансы и статистика, 2001. 992 с.
- СЕ 1970 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1970. М.: Секретариат СЭВ, 1970. 463 с.
- СЕ 1971 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1971. М.: Секретариат СЭВ, 1971. 453 с.
- СЕ 1972 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1972. М.: Секретариат СЭВ, 1972. 480 с.
- СЕ 1973 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1973. М.: Секретариат СЭВ, 1973. 511 с.
- СЕ 1974 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1974. М.: Статистика, 1974. 488 с.
- СЕ 1975 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1975. М.: Статистика, 1975. 480 с.
- СЕ 1976 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1976. М.: Статистика, 1976. 496 с.
- СЕ 1977 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1977. М.: Статистика, 1977. 479 с.
- СЕ 1978 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1978. М.: Статистика, 1978. 479 с.
- СЕ 1979 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1979. М.: Статистика, 1979. 536 с.
- СЕ 1980 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1980. М.: Статистика, 1980. 495 с.
- СЕ 1981 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1981. М.: Финансы и статистика, 1981. 495 с.
- СЕ 1982 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1982. М.: Финансы и статистика, 1982. 470 с.
- СЕ 1983 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1983. М.: Финансы и статистика, 1983. 472 с.
- СЕ 1984 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1984. М.: Финансы и статистика, 1984. 455 с.
- СЕ 1985 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1985. М.: Финансы и статистика, 1985. 487 с.

- CE 1986 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1986. М.: Финансы и статистика, 1986. 462 с.
- CE 1987 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1987. М.: Финансы и статистика, 1987. 462 с.
- CE 1988 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1988. М.: Финансы и статистика, 1988. 511 с.
- CE 1989 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1989. М.: Финансы и статистика, 1989. 495 с.
- CE 1990 — Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1990. М.: Финансы и статистика, 1990. 664 с.

References

- Badrakh Ts., Bajiikhüü Kh. (comps.) *The Emergence and Development of Statistics in Mongolia*. Ulaanbaatar: National Statistics Office of Mongolia, 2014. 499 p. (In Mong.)
- Baldano M. N., Kirichenko S. V. Improvement of the education system of Mongolia (1940–1960). In: Parmon V. N., Bazarov B. V. (eds.) *Russia and Mongolia in the 20th–21st Centuries: Celebrating the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution and the Establishment of Diplomatic Relations*. Collected scholarly papers. Novosibirsk: Siberian Branch of the RAS, 2021. Pp. 70–72. (In Russ.)
- Council for Mutual Economic Assistance: 25th Anniversary. Moscow: COMECON Secretariat, 1974. 119 p. (In Russ.)
- Dugarov V. D., Nanzatova Ch. D. Development of Soviet-Mongolian economic relations in 1950–1970-s. (Questions of historiography). *The Bulletin of ESSTUM*. 2013. No. 6. Pp. 200–205. (In Russ.)
- Dzhagaeva O. A. About some problems of Soviet-Mongolian cooperation. *THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture*. 2019. No. 2. Pp. 42–47. (In Russ.)
- National Economy of the MPR: 1979. Statistical digest. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1980. 279 p. (In Mong.)
- Simchera V. M., Sokolin V. A., Mashikhin E. A., Shevyakov A. Yu. *The Encyclopedia of Statistical Publications, 10th—20th Centuries AD: Old Rus' [and Tsardom of Russia], Russian Empire, Soviet Union, and Russian Federation*. Moscow: Finansy i Statistika, 2001. 992 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1970. Moscow: COMECON Secretariat, 1970. 463 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1971. Moscow: COMECON Secretariat, 1971. 453 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1972. Moscow: COMECON Secretariat, 1972. 480 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1973. Moscow: COMECON Secretariat, 1973. 511 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1974. Moscow: Statistika, 1974. 488 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1975. Moscow: Statistika, 1975. 480 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1976. Moscow: Statistika, 1976. 496 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1977. Moscow: Statistika, 1977. 479 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1978. Moscow: Statistika, 1978. 479 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1979. Moscow: Statistika, 1979. 536 p. (In Russ.)

- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1980. Moscow: Statistika, 1980. 495 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1981. Moscow: Finansy i Statistika, 1981. 495 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1982. Moscow: Finansy i Statistika, 1982. 470 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1983. Moscow: Finansy i Statistika, 1983. 472 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1984. Moscow: Finansy i Statistika, 1984. 455 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1985. Moscow: Finansy i Statistika, 1985. 487 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1986. Moscow: Finansy i Statistika, 1986. 462 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1987. M.: Finansy i Statistika, 1987. 462 s. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1988. Moscow: Finansy i Statistika, 1988. 511 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1989. Moscow: Finansy i Statistika, 1989. 495 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook of COMECON Member Countries: 1990. Moscow: Finansy i Statistika, 1990. 664 p. (In Russ.)
- Yaskina G. S. (ed.) History of Mongolia: 20th Century. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ.)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC93 + 94

Система признаний и поощрений Российской империей бурятской родовой элиты XVIII–XIX вв.

Наталья Максимовна Пурбуева¹, Марина Михайловна Содномпилова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, Улан-Удэ 670047, Российская Федерация)

аспирант

 0000-0003-2901-7298. E-mail: mitipova.natalya@yandex.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, Улан-Удэ 670047, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Пурбуева Н. М., Содномпилова М. М., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению системы признаний и поощрений Российской империей представителей бурятской родовой элиты XVIII–XIX вв. Фокусируется внимание на характере взаимоотношений бурятской родовой элиты и царского правительства. Данный фокус исследования позволяет проследить основные механизмы встраивания бурятской родовой элиты в российское пространство. В процессе законодательного оформления властных и должностных полномочий представителей бурятской родовой элиты XVIII–XIX вв. Российской империей была выработана система признаний и поощрений представителей бурятской родовой элиты. Данная система признаний и поощрений способствовала не только закреплению высокого социального статуса представителя местной элиты, но и дальнейшей инкорпорации местных элит в Российское правительство. *Целью* данного исследования является изучение системы признаний Российской империей представителей бурятской родовой элиты XVIII–XIX вв. *Материалы и методы.* Источниковой базой для исследования послужили архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия, такие как послужные и формулярные списки бурятских родоначальников, указы, предписания Его Императорского Величества о награждении бурятских родоначальников. При написании статьи были использованы следующие *методы*: историко-сравнительный и сравнительно-типологический. Использование данных методов позволило проанализировать систему признаний и поощрений Российской империей представителей бурятской родовой элиты XVIII–XIX вв., а также провести контент-анализ при работе с архивными материалами. *Результаты.* Выявлено, что с целью урегулирования взаимоотношений с представителями бурятской родовой элиты и дальнейшей ее интеграции Российской империей была разработана система признаний и поощрений. С помощью системы наград и знаков отличия Российское правительство

стремилось поощрить бурятских родоначальников за определенные заслуги перед государством, а также за выполнение поставленных задач.

Ключевые слова: бурятская родовая элита, тайша, награды и знаки отличия, степная дума

Для цитирования: Пурбуева Н. М., Содномпилова М. М. Система признаний и поощрений Российской империей бурятской родовой элиты XVIII–XIX вв. // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 501–513. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-501-513

Buryat Tribal Elites, 18th – 19th Centuries: Imperial Russia’s System of Recognition and Encouragements Reviewed

Natalya M. Purbueva¹, Marina M. Sodnompilova²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Postgraduate Student

 0000-0003-2901-7298. E-mail: mitipova.natalya@yandex.ru.

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Purbueva N. M., Sodnompilova M. M., 2022

Abstract. *Introduction.* The article examines the system of recognition and encouragements adopted by the Russian Empire for representatives of Buryat tribal elites in the 18th–19th centuries. The focus of the study makes it possible to trace key mechanisms to have facilitated the incorporation of Buryat tribal elites into Russia’s corresponding environment. The legalization of official powers of 18th– 19th century Buryat tribal elites was paralleled by that Imperial Russia developed a corresponding system of recognition and encouragements. The latter was not only to consolidate the high social status of the local nobility but rather to facilitate their further incorporation into the Russian power structures. *Goals.* The paper aims to investigate Imperial Russia’s system of recognition developed for representatives of Buryat tribal elites throughout the 18th and 19th centuries. *Materials and methods.* The study analyzes archival materials housed at the State Archive of Buryatia, such as employee and formulary lists of Buryat tribal executives, decrees and instructions of His Imperial Majesty on rewards granted to the latter. The research methods employed include the historical comparative and comparative typological ones that have proved instrumental in analyzing the mentioned Russian system, and compiling a content analysis of archival materials involved. *Conclusions.* The work reveals the special recognition and rewards system was developed to regulate relations with representatives of local Buryat elites and guarantee their integration into imperial structures. The system of awards and distinctions was used by the Russian government to encourage Buryat tribal and clan leaders for certain services rendered to the state, as well as for successfully fulfilled tasks assigned.

Keywords: Buryat tribal elites, taisha, awards and insignia, steppe дума

For citation: Purbueva N. M., Sodnompilova M. M. Buryat Tribal Elites, 18th – 19th Centuries: Imperial Russia’s System of Recognition and Encouragements Reviewed. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 501–513. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-501-513

Введение

Российская империя стремилась урегулировать взаимоотношения с представителями иноверческой элиты с самого начала своего присутствия на территориях расселения так называемых инородцев. Выработывались такие формы закрепления новых территорий, которые были ориентированы на интеграцию представителей иноверческой элиты.

Российской империей в процессе присоединения и освоения Сибири была выработана довольно сложная система признаний и поощрений, направленная на поддержку лояльности представителей знати сибирских народов, в частности бурят. Благодаря этой лояльности царское правительство создавало эффективную систему управления местным населением, которое отвечало основным требованиям центральной власти — защита приграничных территорий и создание системы взимания ясака.

Целью данного исследования является изучение системы признаний Российской империей представителей бурятской родовой элиты XVIII–XIX вв. Изучение данного вопроса позволяет рассмотреть один из основных механизмов встраивания представителей бурятской родовой элиты в пространство Российской империи в рассматриваемый период. Новизна исследования определяется фрагментарным характером существующих исследований по данной проблематике.

Это немногочисленные работы, в которых отражены вопросы сотрудничества царского правительства и бурятской родовой элиты, а также система признаний и поощрений Российской империей представителей бурятской родовой элиты XVIII–XIX вв.

В статье Б. Ц. Жалсановой [Жалсанова 2010] рассматриваются основные формы признаний и поощрений Российской империей должностных лиц органов местного самоуправления XIX в. В совместных монографиях Л. М. Дамешека, Б. Ц. Жалсановой, Л. В. Кураса [История органов местного самоуправления 2013; Бурятский этнос 2020] с привлечением обширного архивного материала приводится список бурятских родоначальников, их награды и заслуги, за которые они были удостоены данными наградами и орденами. Также следует отметить фундаментальную монографию Е. М. Залкинда [Залкинд 1970].

Несомненный интерес представляют исследования, в которых отражены вопросы сотрудничества Российской империи и бурятской родовой элиты, а также работы, в которых исследуются вопросы подданства и подчинения, формирования многонациональной Российской империи [Каппелер 2000; Трепавлов 2007; Сибирь в составе 2007].

Материалы и методы

Источниковой базой для исследования послужили архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия, такие как послужные и формулярные списки бурятских родоначальников, указы, предписания Его Императорского Величества о награждении бурятских родоначальников.

При написании статьи были использованы следующие методы: историко-сравнительный и сравнительно-типологический. Использование данных методов позволило проанализировать систему признаний и поощрений Рос-

сийской империей представителей бурятской родовой элиты XVIII–XIX вв., а также провести контент-анализ при работе с архивными материалами.

Из истории наградной системы Российской империи

В процессе присоединения сибирских народов к Российскому государству ключевую роль играли представители местной элиты. Дальнейшая централизация государственного управления в XVIII в., а также интеграция сибирских земель в Российское пространство меняли и статус представителей элиты коренных сибирских народов. Одним из основных принципов данного процесса, по мнению исследователя А. Капелера, выступает принцип сотрудничества с местными элитами. Подтверждались их привилегии, за что те в свою очередь должны были контролировать поведение масс и нести военную службу [Капелер 2000: 47].

Одним из ярких примеров изменения статуса представителей родовой элиты бурят является утверждение Шодо Болтрикова в звании тайши в 1729 г. Шодо был первым зайсаном, которого утвердили в звании тайши. Кроме того, он был пожалован ежегодным жалованьем в 20 рублей, а его дети и братья были освобождены от уплаты податей: «патентом, утвержденным императором Петром 4 июня 1729 года, тот зайсан Шодо был произведен в тайши. Братья того тайши Шодо и дети его были освобождены от уплаты в казну податей» [Хроники Тугулдура Тобоева 1940: 18].

Позднее, с принятием Устава 1822 г., должностные лица, кроме письмоводителя и его помощника, уже не должны были получать финансовое вознаграждение — жалование за свою работу, которая рассматривалась как общественная служба. В этой связи в российском законодательстве была предусмотрена система материальных и моральных поощрений должностных лиц за успешную службу.

В качестве примера такого рода поощрений можно рассматривать практику имперских властей награждать бурятских родоначальников за общественную службу чинами в соответствии с Табелем о рангах с XIV по XII классы. Бурятским родоначальникам присуждали звания губернских секретарей, коллежских асессоров, коллежских регистраторов, сенатских регистраторов, титулярных советников, надворных советников. Следует отметить, что в российскую административную систему бурятские лидеры стали включаться еще до принятия Устава 1822 г. В 1803 г. главный тайша Балаганского ведомства числился в двенадцатом, а зайсан в тринадцатом классе. В 1813 г. главный тайша Ломбоцырен Турутаев¹ имел чин губернского секретаря. Аларский тайша Баймин был чиновником десятого, а его помощник Васильев — четырнадцатого класса [Залкинд 1970: 269].

Главенство тайшей в чиновной иерархии подчеркивалось тем, что они чаще, чем зайсаны или шуленги, удостаивались классов чин и, как правило, более высоких. 14-й класс в военной службе давал право на потомственное дворянство, в гражданской службе потомственное дворянство приобреталось чином 8-го класса — коллежский асессор, а чин коллежского регистратора (14 класс) давал право на личное дворянство. Для получения 14-го класса необходимо

¹ Имя, отчество указываются, если таковые имелись в архивном документе.

было прослужить 3 года губернским секретарем. Таким чином, в частности, обладали аларский староста Бажей Косомов, баргузинский тайша Сахар Хамнаев, тайша Селенгинской Степной думы Нендак Вампилов [История органов местного самоуправления 2013: 209, 212, 214; ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1522. Л. 16]. Сахар Хамнаев был произведен в чин 14-го класса за усердие по службе в 1838 г., исполняя обязанности помощника главного тайши.

Кроме чинов, представители бурятской элиты награждались орденами и медалями разного достоинства. В архивных материалах мы встречаем достаточно обширный пласт документов, в котором зафиксированы случаи поощрения бурятских родоначальников государственными орденами и знаками отличия. Можно выделить следующие основания для получения наград и знаков отличия:

- усердие в службе и похвальные действия;
- распространение и упрочение хлебопашества среди бурятского населения;
- пожертвование на ополчение, отправление государственной дипломатической миссии и т. д.;
- пожертвование в пользу учреждений культуры, образования, медицины;
- активная помощь музеям, выставкам.

Это далеко не весь список оснований для получения наград и знаков отличия бурятскими родоначальниками, однако мы постарались выделить наиболее распространенные и общие основания.

В соответствии с Табелем о рангах буряты могли награждаться самыми низшими орденами из иерархии орденов — орденами Станислава и Анны 3-й степени. Орденом Св. Станислава 3-й степени могли награждаться чиновники низших классов, начиная с губернского секретаря, прослужившие не менее 15 лет и имеющие классный чин. Орденом Св. Анны награждались нижние чины за особые подвиги и заслуги, не боевые, но соединенные с мужеством и самоотвержением. Орденские знаки дополнялись наградными нагрудными и нашейными серебряными и золотыми медалями «за усердие» и «общепользную деятельность» на Аннинской, Станиславской и Владимирской лентах [Жалсанова 2010: 120].

Наградная система Российской империи подвергалась регулярным обновлениям под влиянием следующих факторов: события во внешней и внутренней политике, смена царствующих особ. Основной фонд наград составляли ордена и медали высшего ранга, которыми удостоивались представители высшего света Российской империи, имевшие опыт несения воинской службы. Лица, имевшие чины, удостоивались орденами в соответствии с классом чинов, т. е. для определенного чина предполагался определенный орден. Не имевшие статуса государственного служащего могли получать ордена в порядке постепенности, по орденской иерархии, но не выше ордена Св. Владимира третьей степени. Если, к примеру, благотворители не были дворянами или почетными гражданами, то награждению первым, самым низшим, орденом Св. Станислава третьей степени должно было предшествовать вручение медали на Андреевской ленте, т. е. на ленте ордена Св. Андрея Первозванного [Хитров 2012: 8].

Орден Св. Владимира был учрежден императрицей Екатериной II 22 сентября 1782 г. В тот же день был издан статут ордена Св. Владимира. В соответствии со статутом орден имел четыре степени, им могли быть награждены лица, имеющие

чин на военной или гражданской службе, «за ревностную и усердную службу, прилежание, труды и беспорочность в отправлении должности» [Богданов 2014: 75]. Право на награждение орденом Св. Владимира получали прежде всего не только аккуратно и ответственно выполняющие свои служебные обязанности, но и, помимо этого, отличившиеся «особым рвением в деле, им вверенном, продолжительным прилежанием, искусством в порученной части, и способностью личной, делом доказанной, либо же полезным общему делу советом по делам, к которым призваны». Позднее к ордену Св. Владимира перешла функция награждения военных за длительное пребывание на действительной службе [Богданов 2014: 75].

Одним из представителей бурятской родовой элиты, который был удостоен награждением орденом Св. Владимира, являлся тайша Идинской степной думы И. И. Пирожков. В 1867 г. был награжден орденом Св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени «за успешное и усердное распространение православной веры между своими единомышленниками» [История Аларской 2015: 251].

Следующий орден, которого удостоивались представители бурятской родовой элиты, — орден Св. Анны. Знаки ордена Св. Анны состояли из следующих элементов: ленты красной с широкой желтой каймой — кавалеры первого класса носили ее через плечо, кавалеры второго класса носили ленту на шее, и для них лента была более узкой, чем для кавалеров первого класса; креста красного, с золотыми промежутками, которые украшались алмазами, в середине креста размещалось изображение Св. Анны, а на другой стороне — ее латинский вензель; звезды серебряной, которую кавалеры носили на правой стороне, в середине звезды изображался красный «пламенистый» крест, в окружности которого был написан девиз ордена: «Amantibus justitiam, pietatem, fidem» («Любящим Правду, Благочестие, Верность») [Богданов 2014: 78].

Данным орденом были награждены уже упомянутый тайша И. И. Пирожков в 1882 г. — орденом Св. Анны 2-й степени «по засвидетельствованию Святейшего Синода за отличное усердие и особые труды» [История Аларской 2015: 251], главный тайша селенгинских бурят Дмитрий Петрович Минеев. В 1867 г. Дмитрий Минеев становится кавалером ордена Св. Анны 3-й степени, в 1874 г. — орденом Св. Анны 2-й степени [Бурятский этнос 2020: 352].

Награды и знаки отличия представителей бурятской родовой элиты

Наиболее распространенной практикой награждения представителей бурятской элиты было награждение медалями. Однако медали в наградной системе Российской империи считались менее престижными. Медали могли быть золотыми и серебряными. На них «изображался портрет императора (голова в профиль). Иерархия этих медалей определялась металлом, орденой лентой для ношения и местом ношения медали» [Хитров 2012: 9]. Медаль на ленте ордена соответствовала месту последнего в наградной иерархии. Серебряная медаль на «станиславской» ленте носилась на груди, серебряные и золотые медали на лентах других орденов — на шее. Лица, «имевшие полный комплект наших золотых медалей, получали право на награждение орденом» [Хитров 2012: 9].

В архивных материалах Селенгинской степной думы мы встречаем документ, в котором содержатся данные о наградах и знаках отличия главного тайши Нен-

дака Вампилова. Помимо наград, Нендак Вампилов занимал класс губернского секретаря. За годы своей работы Нендак Вампилов удостоился внушительного списка наград. Началась его деятельность с должности помощника тайши с 1816 г., затем он получил должность второго тайши с 1835 г. и позже уже главного тайши с 1841 г. [ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1522. Л. 16]. В его послужном списке есть награды за активную и успешную службу, а также за выполнение наказов царской администрации. Так, имеются сведения о награждении его за распространение хлебопашества («награжден за распределение между инородцами хлебопашества кортиком в серебряной оправе 7 марта 1818 года»), за участие в отправлении в Пекин члена коллежского регистратора 10 августа 1823 г., за отличную усердную службу (серебряной медалью на Анинской ленте для ношения на шее, 20 мая 1832 г.), за усердную службу (серебряной медалью на Анинской ленте для ношения на шее, 23 января 1833 г.). Имелись у него и награды и за благотворительную деятельность: за пожертвование для Императорского Казанского университета книг и прочие услуги от Члена Губернского Секретаря 30 июня 1839 г., за услуги, оказанные во время съемки и нивелировки Кругобайкальской дороги — золотая медаль на Анинской ленте для ношения на шее, которой он был удостоен 23 апреля 1840 г. [ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1522. Л. 16].

Важной заслугой бурятских родоначальников, за которой следовали награды и знаки отличия, особо ценимой имперскими властями, считалось распространение и увеличение хлебопашенных земель. За успехи в распространении земледелия были награждены многие бурятские родоначальники, преимущественно в Иркутской губернии.

Яркими представителями бурятской элиты было семейство Пирожковых из Идинской Степной думы, процветание которых обеспечило успехи в земледелии, усердие в распространении православия среди бурят. И. И. Пирожков был удостоен следующих наград: был награжден форменным без украшений кафтаном за успешное содействие по закупу хлеба в 1857 г. для Александровского винокуренного завода, в 1860 г. — серебряной медалью на Аннинской ленте для ношения на шее «за усердную службу», в 1867 г. — орденом Св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени за распространение православной веры среди бурятского населения, в 1868 г. — малой серебряной медалью за распространение сельского хозяйства по земледелию на Иркутской публичной выставке, в 1877 г. — орденом св. Станислава 2-й степени за службу смотрителя Киренского уездного училища, в 1882 г. — орденом св. Анны 2-й степени «по засвидетельствованию Святейшего Синода за отличное усердие и особые труды» [История Аларской 2015: 251]. Кроме наград, И. И. Пирожков имел и множество благодарностей от Иркутского губернского правления, заседателя Иркутского земского суда, Иркутского земского исправника и др. Кроме того, тайша И. И. Пирожков был потомственным дворянином и губернским секретарем.

В архивных материалах Балаганской степной думы имеются документы о награждении тайши А. Андреева серебряной медалью на Аннинской ленте для ношения на шее за распространение хлебопашества от 23 августа 1840 г. [ГА РБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 277. Л. 7]. Также в данном документе говорится о том,

что за последние два трехлетия 1834–1836 гг. и 1837–1839 гг. увеличился объем хлебопашенных земель.

Важно отметить, что, помимо тайши А. Андреева, и другим родоначальникам Балаганского ведомства была объявлена благодарность от царской администрации «за особое усердие и старание к размножению хлебопашества среди инородцев Балаганского ведомства» [ГА РБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 277. Л. 9]. В данном списке родоначальников значатся преимущественно шуленги и их помощники Балаганского ведомства, такие как: булутского рода шуленга Мирон Андреев, кульметского рода шуленга Митоль Мункоев, 2-го олзоева рода помощник шуленги Халаган Петров, 1-го Ноетского шуленга Илья Иванов и др. [ГА РБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 277. Л. 8].

Серебряной медалью на Аннинской ленте для ношения на шее были награждены главный тайша Верхоленского инородческого ведомства Матвей Бутуринов и управляющий Балаганским инородческим ведомством Егор Миронов 13 декабря 1862 г. [ГА РБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 919. Л. 6]. Интересен следующий момент — в документе содержится такое уточнение: «причем Его Высокоблагородие присовокупляет, что медали будут доставлены для выдачи по принадлежности по получении их от Господина, исправляющего министерством государственных имуществ. Приказали: о настоящем предложении исправляющего должность Иркутского гражданского губернатора дать знать для надлежащего распоряжения Верхоленским и Балаганским Земским судам присовокупив при этом, что пожалованные означенным лицам серебряные медали будут доставлены Земским судам по получении этих медалей от Его Высокородия, губернским правлением» [ГА РБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 919. Л. 6]. Важно отметить бурятских родоначальников, которые внесли существенный вклад в развитие бурятского общества и наиболее известны в исторической литературе. Тарба Жигжитов, главный тайша хоринских бурят в 1849–1857 гг., в 1850 г. был награжден серебряной медалью «За усердие» на Аннинской ленте для ношения на шее за пожертвование своего дома для Онинского бурятского приходского училища [Бурятский этнос 2020: 352].

Главный тайша селенгинских бурят 1862–1874 гг. Дмитрий Петрович Минеев также имел внушительный список наград и знаков отличия. Среди них — благодарность генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского за пожертвование двух лошадей в пользу Пекинской миссии; серебряная медаль «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте за усердие в службе; благодарность от председателя Сибирского отделения Русского географического общества за содействие во время ученых изысканий. В 1867 г. Дмитрий Минеев стал кавалером ордена Св. Анны 3-й степени, в 1872 г. был награжден очередным орденом Св. Станислава 2-й степени, в 1874 г. — орденом Св. Анны 2-й степени [Бурятский этнос 2020: 352].

Большое количество благодарностей, которые отражают широкий круг действий бурятских родоначальников, заслуживших особого поощрения от властных структур разного уровня, имел главный тайша баргузинских бурят Сахар Хамнаев. За период с 1854 по 1875 гг. он был награжден благодарностями Иркутского гражданского губернатора за содействие при закупе в Тельминскую фабрику овечьей шерсти, за пожертвование на Кругобайкальскую дорожную

работу восьми коров; за убеждение состоятельных инородцев к пожертвованию для бедных сородичей 180 лошадей для занятия хлебопашеством; за введение первоначального посева картофеля. Он получил благодарность Верхнеудинского земского суда за приведение устройства архива Баргузинской Степной думы; благодарность от сенатора Толстого за бездоимочный платеж ясака баргузинскими инородцами, за исправное делопроизводство думы; благодарность от Русского географического общества в Санкт-Петербурге за доставление сведений о климате. Серебряная медаль на Аннинской ленте для ношения на шее была присуждена Сахару Хамнаеву за открытие приходского училища у баргузинских инородцев в пожертвованном им доме. Высочайшей благодарностью отмечено денежное пожертвование в пользу военных действий и на Амурскую экспедицию. Ему также была вручена Золотая медаль на Аннинской ленте для ношения на шее в ознаменование «полезно неутомимой для пользы службы» [Бурятский этнос 2020: 353].

Безусловно, что в качестве поощрения бурятских родоначальников можно рассматривать должности, которых они удостоивались в период своей службы. Так, Тугулдур Тобоев, главный тайша агинских бурят, дослужился до должности губернского секретаря. Первый классный чин он получил 13 июня 1857 г., чин губернского секретаря он получил за отправление 500 человек в помощь к усмирению возмутившихся на Кругобайкальском тракте поляков 30 сентября 1866 г. За годы своей службы он удостоился многочисленных наград, знаков отличия, а также благодарностей от царской администрации. Отметим некоторые из них: благодарность от господина, состоявшего при сенаторе, ревизовавшего Восточную Сибирь, за изготовление и представление для собственного Его Императорского величества арсенала шаманского платья (12 мая 1845 г.); серебряный кортик за усердную службу (15 апреля 1849 г.); орден Станислава 3-й степени за отлично-усердную службу, особые труды, деятельность и самоотвержение, оказанные при возвращении Россией Амурских владений (17 января 1859 г.), серебряная медаль на Аннинской ленте для ношения на шее за отличное усердие к общественной службе, старание к распространению между агинскими инородцами хлебопашества и к исправному взносу ясачной подати и недоимки (15 ноября 1854 г.), орден Св. Станислава 2-й степени (30 апреля 1871 г.), орден Св. Анны 2-й степени за отлично-усердную службу и особые труды (8 марта 1875 г.) [Бурятский этнос 2020: 355].

Помимо наград, формами морального поощрения должностных лиц были и другие знаки внимания царской администрации — Благодарности, Дипломы, Аттестаты, Похвальные листы, Признательности, оружие — кортики в серебряной оправе, часы, украшения, дорогие, отделанные золотом костюмы (кафтаны), дорогое сукно на изготовление костюма.

Благодарности выражались от разных ведомств и чиновников, иерархов православной церкви и, как правило, в форме особого именного письма, которое имело свой номер. Так, например, Высочайшая благодарность, полученная заседателем Баргузинской Степной думы Бату Малисаевым от господина Министра Внутренних дел за содействие в первой всеобщей переписи населения, имела свой номер № 6655 [История Баргузинской 2012: 191]. Благодарность нередко подтверждалась выдачей Похвального листа, также имевшего свой собственный

номер. Благодарность могла указываться в содержании основного документа, например в предписании.

В архивных материалах Селенгинской степной думы мы встречаем документ, в котором зафиксированы пожертвования бурятских родоначальников для отправления в Пекин духовной миссии в разные годы. За оказанную помощь, даже самую незначительную, бурятские родоначальники были удостоены наград, знаков отличия и других видов поощрений. Широкий перечень разных форм поощрения бурятских должностных лиц характеризует их деятельное участие в обеспечении духовных миссий в Пекин 1820 и 1830 гг.

За пожертвование для отправления в Пекин духовной миссии в 1820 и 1830 гг. кортиком в серебряной оправе были награждены следующие бурятские родоначальники: зайсан атаганова рода Дашепыл Тобаев, серебряной медалью на Анинской ленте для ношения на шее — родовой голова сартолова рода Наназ Замбалаев, сукном на кафтан — родовой голова бабайхорумчинского рода Цыбык Галсанов, зайсан Дугоржап Дамиранов [ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1522. Л. 16]. Родовой голова харанутского рода Тыкши Зайсанов дважды вносил пожертвование для отправления в Пекин духовной миссии. В 1820 г. он был награжден серебряной медалью на Анинской ленте для ношения на шее, в 1830 г. — кортиком в серебряной оправе [ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1522. Л. 17]. Примечателен тот факт, что помощник старосты бумольгутольского рода Сампил Дылгыров, который не был утвержден в данной должности, поскольку находился под следствием по делу о перехваченных письмах, написанных хоринскому 2-му тайше Бадме Павлову, во время производства следствия о противозаконных действиях хоринского главного тайши Ринчиндорджи Дымбылова, был также награжден за пожертвование для Пекинской духовной миссии кортиком в серебряной оправе [ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1522. Л. 18]. Как уже мы отмечали выше, нахождение под судом являлось одним из главных препятствий для занятия высокой должности, однако в данном случае это не помешало получить награду за пожертвование.

В формулярном списке заседателя Селенгинской степной думы Иринчина Банзаракцаева также содержится информация о его пожертвованиях для Пекинской духовной миссии. За пожертвование при отправлении в 1820 г. Пекинской Российской духовной миссии он удостоен через Иркутского гражданского губернатора действительного статского советника Цейдлера Похвального листа с приложением герба. В 1830 г. он же пожертвовал лошадей для Пекинской духовной миссии и за усердие и преданность, засвидетельствованные местным начальством, награжден кортиком в серебряной оправе [ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 809. Л. 2].

Это не единственные награды Иринчина Банзаракцаева — за годы своей деятельности он удостоился наград, составивших большой список. В их числе признательности: 1-я — от исправляющего должность иркутского гражданского губернатора господина статского советника Горлова, 2-я — от генерал-губернатора Восточной Сибири, через гражданского губернатора и второго тайшу Ванпила Иринчеева за пожертвование для Иркутского и Забайкальского казачьих полков собственной одной лошади, за рачительное исправление должности заседателя и за исправное ведение отчетов в суммах по приходу и расходу во

всей точности дан от 18-ти родов родоначальников Аттестат [ГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 809. Л. 2].

Заседатель Баргузинской Степной думы Бату Малисаев, помимо серебряной и двух золотых медалей «за усердие» для ношения на груди на Станиславских лентах, темно-бронзовой медали за труды по всеобщей переписи населения 1897 г., имел несколько благодарностей от разных ведомств [История Баргузинской 2012: 191].

В 1852 г. Тарбе Жигжитову был пожалован почетный кафтан черного цвета, украшенный золотыми нагрудными петлицами с навесом кистей, обложенных таким же галуном и шнуром, за содействие при следовании Сибирского линейного 14-го батальона от г. Верхнеудинска до г. Читы [Бурятский этнос 2020: 352].

Практика поощрений распространялась не только на самих представителей бурятской элиты, но и на членов их семейств. Так, Николай Николаевич Самсонов, 1840 г. р., потомственный почетный гражданин, главный тайша Аларского ведомства в 1873–1875 гг., в 1872 г. «за трудолюбие и успехи в распространении хлебопашества», помимо награды, получил ценные подарки из Кабинета Его Императорского Величества: брошь и серьги с топазами для жены, серьги с кораллами для матери [История Аларской 2015: 253].

Заключение

С самого начала своего присутствия царское правительство стремилось урегулировать взаимоотношения с представителями элиты коренных сибирских народов с целью дальнейшей интеграции новых земель в российское пространство и налаживанию механизма сбора ясака. Дальнейшая централизация и бюрократизация способствовала юридическому оформлению властных и должностных полномочий представителей бурятской родовой элиты. Однако, помимо оформления и утверждения властных и должностных полномочий представителей бурятской родовой элиты, широко применялась практика поощрений и признаний Российской империей представителей элиты коренных сибирских народов. Система признаний и поощрений имела разные формы и механизмы. Если на начальном этапе присоединения сибирских земель принятие подданства Московского государства могло быть окрашено глубоким символическим значением, то в последующем с помощью системы наград и знаков отличия Российское правительство стремилось поощрить представителей элит коренных сибирских народов за определенные заслуги перед государством, а также выполнение поставленных задач.

Российской империей в процессе присоединения и освоения Сибири была выработана довольно сложная система поощрений, направленная на поддержку лояльности представителей знати сибирских народов, в частности бурят. Система поощрений и признаний способствовала закреплению высокого социального статуса представителей местной элиты и усилению авторитета среди родовичей. Кроме того, это способствовало дальнейшей успешной интеграции местных элит в российское правительство и тем самым регламентировало взаимоотношения представителей элит коренных народов Сибири и царского правительства.

Источники

ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.

Sources

State Archive of the Republic of Buryatia.

Литература

- Богданов 2014 — *Богданов С. В.* Российские ордена и наградная практика в период правления Александра I // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2014. № 1. С. 72–105.
- Бурятский этнос 2020 — Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX вв.) / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2020. 740 с.
- Жалсанова 2010 — *Жалсанова Б. Ц.* Система поощрений должностных лиц в органах местного самоуправления бурят в XIX в. // Власть. 2010. № 10. С. 119–121.
- Залкинд 1970 — *Залкинд Е. М.* Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1970. 398 с.
- История Аларской 2015 — История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): сб. документов, перечень документов / авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2015. 352 с.
- История Баргузинской 2012 — История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1903 гг.): сб. документов, перечень документов / авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2012. 351 с.
- История Хоринской 2016 — История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива республики Бурятия (1824–1889 гг.): сб. документов, перечень документов / авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2016. 592 с.
- История органов местного самоуправления 2013 — История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX вв. / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. Иркутск: ИГУ, 2013. 503 с.
- Каппелер 2000 — *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
- Сибирь в составе 2007 — Сибирь в составе Российской империи / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, В. Л. Зиновьев, А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова, В. Л. Шахеров, М. В. Шиловский. М.: Новое литературное обозрение. 2007. 368 с.
- Трепавлов 2007 — *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов в XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.
- Хитров 2012 — *Хитров А. А.* Награды за благотворительную деятельность в императорской России (на примере благотворительных ведомств под покровительством дома Романовых) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 12. С. 7–13.
- Хроники Тугулдура Тобоева 1940 — Летописи хоринских бурят (хроники Тугулдура Тобоева и Вандана Юмсунова) // Труды Института Востоковедения XXXIII. Материалы для истории Бурят-Монголии IV. М.; Л.: АН СССР, 1940. 108 с.

References

- Bogdanov S. V. Russian orders and premium practices during the reign of Alexander I. *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*. 2014. No. 1. Pp. 72–105. (In Russ.)
- Dameshek I. L., Dameshek L. M., Zinoviev V. L., Remnev A. V., Suvorova N. G., Shakhеров V. L., Shilovsky M. V. Siberia as Part of the Russian Empire. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. 2007. 368 p. (In Russ.)
- Dameshek L. M., Zhalsanova B. Ts., Kuras L. V. Buryat Ethnos in the Imperial System of Power: 19th — Early 20th Centuries. Irkutsk: Ottisk, 2020. 740 p. (In Russ.)

- Dameshek L. M., Zhalsanova B. Ts., Kuras L. V. History of Buryat Self-Governing Authorities: 19th — Early 20th Centuries. Irkutsk: Irkutsk State University, 2013. 503 p. (In Russ.)
- Kappeler A. The Russian Empire: A Multi-Ethic History. Moscow: Traditsiya» — Progress-Traditsiya, 2000. 344 p. (In Russ.)
- Khitrov A. A. Awards for charity in the Russian Empire: The case of charity departments under the auspices of the House of Romanov. *IKBFU's Vestnik*. 2012. No. 12. Pp. 7–13. (In Russ.)
- Poppe N. N. Annals of the Khori Buryats: Chronicles of Tuguldur Toboev and Vandan Yumsunov. Transactions of the Institute of Oriental Studies 33. Materials for the History of Buryat-Mongolia 4. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1940. 108 p. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. 'The White Tsar': Image of the Monarch and Citizenship Representations in [Russia's] Ethnic Groups, 15th — 18th Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. 255 p. (In Russ.)
- Zalkind E. M. Buryat Social System: 18th to Mid-19th Centuries. Moscow: Nauka, 1970. 398 p. (In Russ.)
- Zhalsanova B. Ts. The system of material and moral rewards of public servants in Buryat self-governing authorities in the 19th century. *Vlast'*. 2010. No. 10. Pp. 119–121. (In Russ.)
- Zhalsanova B. Ts., Kuras L. V. (comps.) State Archive of Buryatia: A Documented History of the Alar Steppe Duma, 1824–1889. Collected documents. Irkutsk: Ottisk, 2015. 352 p. (In Russ.)
- Zhalsanova B. Ts., Kuras L. V. (comps.) State Archive of Buryatia: A Documented History of the Barguzin Steppe Duma, 1824–1903. Collected documents. Irkutsk: Ottisk, 2012. 351 p. (In Russ.)
- Zhalsanova B. Ts., Kuras L. V. (comps.) State Archive of Buryatia: A Documented History of the Khori Steppe Duma, 1824–1889. Collected documents. Irkutsk: Ottisk, 2016. 592 p. (In Russ.)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94 (47)

Улус Дондуковых в первые годы правления наместника Убаши

*Александр Викторович Цюрюмов*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-8214-3758. E-mail: tsyuryumov@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Цюрюмов А. В., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена первым годам правления молодого калмыцкого наместника Убаши. *Цель* статьи — анализ истории возвращения Дондуковых в Калмыцкую степь в этот период. *Результаты.* В 1762 г. императрица Екатерина II разрешила княгине Вере Дондуковой с семьей вернуться в улусы. Но возвращение княгини Дондуковой и ее сына Алексея в январе 1763 г. дестабилизировало политическую обстановку в ханстве. Сразу появились слухи о скорой передаче власти княгине Дондуковой и пересмотре улусной системы ханства. Многие вспоминали, как за 3 десятилетия до этих событий нойон Дондук-Омбо увел на Кубань большую часть волжских калмыков. Тогда власти империи вынуждены были простить его и передать ему власть в ханстве. Фактически ханство стояло перед новой усобицей. Правительство вынуждено было действовать на опережение и, применяя методы уговоров и угроз, нормализовать ситуацию в улусах. Данный исторический сюжет показывает, что методы национальной политики на протяжении XVIII в. постепенно менялись.

Ключевые слова: национальная политика, Калмыцкое ханство, Убаши, князя Дондуковы, Поволжье

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Цюрюмов А. В. Улус Дондуковых в первые годы правления наместника Убаши // *Монголоведение*. 2022. Т. 14. № 3. С. 514–523. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-514-523

Ulus of the Dondokovs in Early Years of Viceroy Ubashi's Reign

*Alexander V. Tsyuryumov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0001-8214-3758. E-mail: tsyuryumov@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Tsyuryumov A. V., 2022

Abstract. Introduction. The article deals with the earliest years of the young Kalmyk Viceroy Ubashi's reign. **Goals.** The paper attempts an analysis of the Dondukovs' arrival in Kalmyk Steppe during the mentioned period. **Results.** In 1762, Empress Catherine II granted Princess Vera Dondukova and her family a permission to move back to their *uhuses* (estates). But the January 1763 return of Vera Dondukova and her son Alexey destabilized the political situation in Kalmyk Khanate, which resulted from immediate rumors suggesting a soon handover of power to the former to be followed by changes in the ulus system proper. Many would recall how Noyon Donduk-Ombo had led the bulk of the Volga Kalmyks to Kuban somewhat thirty years before, and in those circumstances the imperial government had been forced to forgive him and formalize his actual position as Kalmyk ruler. In fact, the Khanate was facing another wave of feuds. This time the Russian government chose to identify problems before they arose, and sought — with entreaties and threats — to normalize the situation in Kalmyk uluses. This historical fact attests to that the 18th century was witnessing gradual changes in methods of imperial nationalities policies employed.

Keywords: nationalities policy, Kalmyk Khanate, Ubashi, Dondukov Princes, Volga Region

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Tsyuryumov A. V. Ulus of the Dondokovs in Early Years of Viceroy Ubashi's Reign. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 514–523. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-514-523

Введение

В первые годы правления наместника Убаши (1761–1771) в Калмыцком ханстве неожиданно сложилась кризисная ситуация. Она была связана со смелой правителя, его молодостью и, самое главное, возвращением в Астраханскую губернию князей Дондуковых, неожиданно заявивших о своих планах на власть.

Сложившаяся ситуация могла привести к началу новой усобицы, столь часто происходившей в ханстве. Как правило, обстановка в самом ханстве значительно ухудшалась в моменты смены правителя, когда свои претензии на власть заявляли различные представители нойонских группировок. События в Калмыцком ханстве сразу же сказывались на всем степном междуречье Волги и Дона и в Предкавказье. Поэтому правительственные круги империи накопили значительный опыт принятия решений для преодоления престолонаследных кризисов и нормализации политической обстановки в ханстве. Подобная кризисная ситуация могла сложиться после смерти хана Дондук-Даши (1741–1761).

В современной историографии данной проблеме уделялось недостаточное внимание. М. М. Батмаев и А. Г. Митиров ссылались лишь на молодой возраст наместника [Батмаев 1993; Митиров 1998]. А. Г. Митиров так описывал основную проблему первых лет правления Убаши, связанную с князьями Дондуковыми: княгиня Вера Дондукова с сыном, отставным майором Кадетского корпуса Алексеем (Додьби) Дондуковым, прибыли в Енотаевскую крепость в январе 1763 г. Они сразу же заявили о желании выехать летом в степь, в улус.

Бригадир Бехтеев получил приказ удалить из окружения княгини всех священнослужителей. Но при ней неотлучно находились трое гелюнгов. А. Дондуков уверял, что роль их семьи в переделе власти ничтожна [Митиров 1998: 244]. А. Г. Митиров писал, что после возвращения княжеской семьи появились известия о планировавшемся переходе кочевников в православную религию и предстоящем в будущем новом разделении кочевых улусов. Поэтому для успокоения народа 15 января этого года к наместнику ханства Убаши и ко всем калмыцким владельцам была послана императорская грамота, объяснявшая причины возвращения княжеской семьи и опровергавшая слухи о планируемом переходе в православие [Митиров 1998: 244].

В. И. Колесник и Е. В. Доржиева практически не затронули проблему Дондуковых [Колесник 2003; Доржиева 2002]. Более подробно была рассмотрена проблема в монографии и ряде статей [Цюрюмов 2001; Цюрюмов 2003; Цюрюмов 2007].

В историографии XIX в. сохранялся достаточно частный момент с упоминанием назначения князя Алексея Дондукова калмыцким ханом [Дондуков-Корсаков 1886]. Анализ правительственных документов 1762–1763 гг. позволяет показать истинное отношение российских властей к фигуре князя (см., например: [Российская 1856: 24]).

Выявленные в последние годы документы Национального архива Республики Калмыкия позволяют расширить как источниковую базу, так и проблематику исследования. Источниками для исследования статьи стали опубликованные материалы томов №№ 48 и 51 «Сборника Русского исторического общества» и неопубликованные документы из фонда 36 «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкия.

Престолонаследный вопрос

В конце 50-х гг. XVIII в. власти Российской империи, ожидая скорую смену власти в ханстве, провели обсуждение кандидатуры наследника калмыцкого престола, приняв во внимание, прежде всего, мнение хана Дондук-Даши и ужесточив контроль за его деятельностью. Более того, Коллегия иностранных дел пыталась даже контролировать ход лечения хана. В начале октября 1760 г. Дондук-Даши получил разрешение встретиться в улусах римского патера Ромельдуса, жившего в Астрахани, для лечения и получения лекарств [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 330. Л. 2об.–3об.]. Но 21 января 1761 г. Дондук-Даши умер.

Еще в начале зимы 1760 г. калмыки перешли через Волгу по льду с луговой на нагорную сторону и прикочевали на прежние зимовья в урочище Бугута. За ханом двигались братья Яндык и Басурман-Тайджи, также хошуты, бага и ики цохоры. Дербетский улус находился на реке Сарпе. Табун-отоков улус Бамбара по приказу хана также перешел на нагорную сторону и кочевал к Куме. 10-тысячное ханское войско под командой Еремпея прикрывало кочевья от казахов и находилось также на нагорной стороне в урочище Рын-пески [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 330. Л. 4–5].

Состоящий при калмыцких делах генерал Н. Г. Спицын должен был организовать контроль процесса смены калмыцкого правителя и не допустить

открытого выступления оппозиции. 27 января 1761 г. Н. Г. Спицын выехал в ханскую ставку в урочище Бугута на р. Куме, куда прибыл 2 февраля. В церемонии похорон неожиданно не приняли участие багацохуровский нойон Цебек-Доржи и дербетский Галдан-Черен. Наместник послал за Цебек-Доржи зайсангов, но оказалось, что тот откочевал к Черкасску. Там же, на Дону, в урочище Хара-Сал вскоре оказались и дербеты [[НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 330. Л. 17об.–21](#)].

Грамота императрицы, официально объявившая Убаши наместником, была подписана 12 августа 1762 г. Как писал А. Г. Митиров, наместнику было утверждено ежегодное жалование 1 000 руб. В грамоте императрицы разъяснялось, что казахский Нурали-хан имеет жалование меньше (600 руб.), чем калмыцкий, считавшийся более «древним подданным» [[Митиров 1998: 244](#)].

Одновременно с утверждением Убаши наместником была объявлена реформа ханского суда Зарго. В традиционный ханский суд входили зайсанги из владений хана. 8 марта 1762 г. Коллегия имущественных дел (далее — КИД) издала Указ, предлагавший создать новый суд Зарго для поддержания спокойствия в Калмыцкой степи. Данный суд ранее состоял из калмыцких зайсангов личного владения ханов. Теперь в него должны были входить не только ханские, но и зайсанги других калмыцких владельцев. При этом характер власти Убаши не изменится. Но и калмыцкие владельцы не будут, как прежде, притесняться, а простой народ останется в повиновении [[НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 38об.–39об.](#)].

Решения принимались по большинству голосов. Оказалось, что многие выдвигали иски более сорокалетней давности, многие принимали у себя без решения Зарго беглых или силой захватывали и возвращали. Императорская грамота устанавливала срок начала «разобрания зашедших из одного улуса в другой людей» с 1742 г. Одновременно с утверждением Убаши наместником была объявлена реформа ханского суда Зарго. Итак, 12 августа в ханстве фактически началась реформа государственного строя, фактически ограничившая ханскую монархию [[СРИО 1885: 456; НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 147–149](#)].

Церемония подтверждения наместника была проведена 29 октября 1762 г. в урочище Цаган-Аман. К этому времени были назначены все члены суда Зарго. На церемонии по-прежнему не присутствовал Галдан-Черен. Накануне он даже получил письма канцлера и астраханского губернатора, обязавших нойона присутствовать на церемонии, так как здесь наместник и нойоны должны были принять присягу императрице. Одновременно наказной атаман И. М. Иловайский получил приказ не пропускать дербетов через Дон. Теперь главное было учинить присягу в Дербетском улусе и направить в Зарго зайсанга «состояния доброго и надлежайшего» [[НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 41](#)].

Н. Г. Спицын неоднократно получал жалобы на входивших в окружение Убаши знатных зайсангов, игравших заметную роль. К ним относились Даши-Дондук, ведавший судебными вопросами, а также зайсанги Цагалай и Ондон. Генерал считал, что положение зайсанга объясняется малолетним возрастом наместника, который полностью положился на Даши-Дондука. К тому же зайсанг почитаем во всех торгутских улусах и считается первым и главным

над прочими знатными зайсангами [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 330. Л. 37].

Возвращение Дондуковых

Ситуация в ханстве стала обостряться после возвращения семьи князей Дондуковых. Еще в 1742 г. супруга и дети хана Дондук-Омбо были вывезены из улусов в столицу, где приняли православие. Долгие два десятилетия они проживали здесь, сыновья получили военное образование и сделали карьеру [Дондуков-Корсаков 1886: 19–25; Цюрюмов 2007: 247–259].

14 августа 1761 г. императрица Екатерина II подписала грамоту, по которой им разрешалось вернуться в Астраханскую губернию. Проживать они могли в Енотаевской крепости в доме, построенном за казенный счет. Им возвращалась наследственная часть Бага-Цохоровского улуса, выделенная при разделе 1742 г. и находившаяся с этого времени под управлением хана Дондук-Даши (1 816 киб.). Передаваемое им владение должно было кочевать по-прежнему со всеми калмыцкими улусами, подчиняться общим для всего ханства распоряжениям наместника и решениям Зарго. Таким образом, оставаясь в Енотаевске, Дондуковы не могли жить в своем улусе, сохраняя лишь право сбора через своих зайсангов обычной подати.

Кроме того, семья получала жалованье в сумме 2 000 руб. и 2 тыс. душ крепостных в российских губерниях в качестве компенсации за невозвращенные им улусы Церен-Дондука и Галдан-Данжина. Дондуковы должны были дать обязательство не вмешиваться во внутренние дела других улусов, не поддерживать никаких связей с правителями Кабарды. Отдельным стало требование соблюдать православные обряды [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 38об.–39об.].

Следующим стал Указ от 12 августа 1762 г., запрещавший княгине выезжать в улусы, вмешиваться в их дела, предполагая лишь спокойное пребывание в Енотаевской крепости, чтобы не появлялись причины к беспокойству в калмыцком народе. Главным требованием стала приверженность православию [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 249–250].

Интересно рассмотреть причины возвращения Дондуковых в ханство. Документы свидетельствуют, что решение императрицы объяснялось исключительно состоянием здоровья княгини Веры Дондуковой. Например, в грамоте от 15 января 1763 г. указывалось, что княгиня В. Дондукова «ныне уже в престарелых летах находится и почти всегда больна» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 59]. Отпускается она в улусы по собственному прошению для проживания в Енотаевской крепости только из-за столичного климата, от которого «как неприродного чувствовала тягость» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 59].

В другом документе, докладе Коллегии иностранных дел от 25 апреля 1763 г., также раскрывается время и причина возвращения: княгиня Дондукова отпущена на житье в Енотаевскую крепость в 1762 г. по собственному ее прошению из-за «престарелого и болезненного ея состояния» [СРЮ 1885: 452–453].

Таким образом, возвращение Дондуковых было связано с обстоятельствами исключительно личного характера. За этим решением не стояли долговременные планы правительства по передаче власти в ханстве семье Дондуковых. Однако данное решение было воспринято самими Дондуковыми как вариант

будущей смены власти в ханстве и привело весной 1763 г. к обострению вопроса об их дальнейшей судьбе.

8 марта был составлен доклад КИД, в котором сообщалось, что при княгине для управления улусом должен был остаться один из двух сыновей. Но после появления в крепости и получения бага-цохоров Дондуковы потребовали 5 000 кибиток, якобы остававшихся не возвращенными от наместника Убаши. В это число входили до 3 000 кибиток, когда-то отданных Аюкой Дондук-Омбо, и большая часть томутов-мусульман. К тому же Дондуковы решили не возвращать наместнику его улусных калмыков [СРИО 1885: 458; НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 250].

Сообщил эту новость побывавший у В. Дондуковой переводчик М. Девятьяровский. Он слышал, что находившиеся у цохоров наместниковы кибитки не будут возвращены, так как 3 000 кибиток были пожалованы Аюкой внуку Дондук-Омбо. К тому же семья Дондуковых получила в наследство 5 000 кибиток, в числе которых томуты. Княгиня требует отдать, кроме 1 816 кибиток, еще 3 000 кибиток калмыков и томутов [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 70б.-9].

КИД запретила князю захватывать больше, чем в указе определено, так как, глядя на нее, и остальные владельцы заявят о своих претензиях, многие из этих исков имеют срок 40 и более лет. Чтобы не создавать прецедент, Вере Дондуковой было отказано в просьбе вернуть, кроме Багацохуровского улуса, еще и улусы, которыми ранее владел хан Дондук-Омбо, а ныне оказавшиеся у наместника ханства. Императрица, ознакомившись с докладом, наложила резолюцию: дать каждому по 1 000 душ крепостных из русских деревень, выбрав из числа конфискованных или новокрещенных [СРИО 1885: 450, 454].

Одновременно А. Д. Бехтеев получил замечание, что он остается в Енотаевской крепости и слишком спокойно относится к калмыцким делам: «здесь не без удивления усматривается, что вы донося сюда время от времени о умножающемся в калмыцком народе беспокойстве, пребываете однако же сами невзирая на сии важные обстоятельства в крепости Енотаевской, довольствуясь токмо в разсуждении престоережения того переписками и пересылками с наместником ханства калмыцкого и другими владельцами и калмыками» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 36-36об.]. При этом ему напомнили, что существует действующая инструкция Коллегии полковнику Л. Боборыкину, согласно которой главе калмыцких дел вместе с командой казаков необходимо находиться в улусах даже в зимнее время. Указ предписывал ему срочно выехать в ставку наместника и находиться при нем всю зиму [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 36-36об.].

31 марта 1763 г. подробное донесение в столицу прислал бригадир А. Д. Бехтеев. Он сообщил, что не позволяет княгине Дондуковой выезжать в калмыцкие улусы, не допускает по возможности к ней калмыцких гелюнгов и следит за всеми ее поступками, но, тем не менее, к княгине Вере постоянно приезжали калмыцкие ламы, которые подолгу находятся при ней, а некоторые безвыездно находятся при княгине.

Поэтому А. Д. Бехтеев сомневался в том, что княгиня «твердо держала православную веру» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 15]. Сама княгиня не придерживается православия, так как из-за болезни не соблюдала посты. Напри-

мер, она могла поститься, а на следующей неделе употреблять мясо. При этом она продолжает носить, как и все простолюдины, шапку «из желтого сукна с красными кистями, что в калмыцком народе за закон почитается» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 15]. Люди В. Дондуковой, писал А. Д. Бехтеев, держатся калмыцких обычаев. В улусах открыто возобновились буддийские службы. В. Дондукова приказала возобновить «в своих улусах курю и велела собрать идолов, которая куря при муже ее хане Дондук-Омбо была» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 25]. По сообщению бригадира, дондуковские калмыки начали угонять скот из владений Убаши, который тут же отгонялся в Кабарду и продавался за полцены. Князь Алексей Дондуков удержать их от этого не может [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 15–15об., 22–25об.].

Очень скоро появились слухи, что княгиню назначат «главной правительницей», а сына Алексея — калмыцким ханом, управлять Дондуковы будут, оставаясь в Енотаевской крепости. В улусах же исполнителем их власти будет Цебек-Дорджи. Наместнику же будет оставлен только наследный улус [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 330. Л. 139–149об.].

А. Д. Бехтеев слышал в разговорах нойонов, что, когда Дондук-Омбо «учинил России противность» и, забрав калмыцкие улусы, отошел на Кубань под протекцию Крыма, а жена его Вера Дондукова (Джан) туда же увела татар. За это они не получили никакого наказания, более того, были награждены. Сегодня, если кто-то из владельцев, например Цебек-Дорджи, усилится и уйдет за границу, то его, как и Дондук-Омбо, Россия оттуда вынуждена будет вызывать с обещанием награды [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 46об.].

В итоге А. Д. Бехтеев, описывая сложившуюся ситуацию, считал, что калмыцкий народ находится «в великом смятении» из-за отправления сюда княгини Веры Дондуковой [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 18об.]. Из-за этого появляются ложные слухи, которые опасны из-за их «легкомыслия» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 25]. В конце доношения А. Д. Бехтеев сообщал, что А. Дондуков, несмотря на запреты, собирается выехать в свой улус [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 16, 22–25об.].

16 апреля состоялась встреча бригадира А. Д. Бехтеева с А. Дондуковым, во время которой подполковник требовал показать указ, запрещающий ему ехать в улусы. А. Д. Бехтееву удалось доказать существование указа, и А. Дондуков согласился не ехать. А. Д. Бехтееву, хотя и удалось остановить князя А. Дондукова, но уверенности в том, что это не повторится, не было. Поэтому прозвучало опасение, что, если княгиня В. Дондукова с сыном Алексеем взята отсюда не будет, а находиться будет здесь, то никогда в калмыцком народе покоя не будет. Княгиня была охарактеризована как «женщина хитрая», а сын ее, князь Алексей, не оставит планы делать своими интригами «беспокойства» в калмыцком народе. Если удалить Дондуковых, считал А. Д. Бехтеев, то калмыцкий народ быстро успокоится [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 22–25об.].

Из следующего доношения бригадира А. Д. Бехтеева известно, что КИД даже запретила князю А. Дондукову взять в жены дочь дербетского владельца Шампиль Норбо, порекомендовав выбрать русскую избранницу [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Л. 34–35].

25 апреля в КИД был составлен доклад императрице, в котором специаль-

но оговаривалось, что правительство надеялось, что княгиня в силу возраста быстро успокоится. Но из донесений бригадира А. Д. Бехтеева стало видно, что происходившие в калмыцком народе волнения продолжались из-за «развратных разглашений» княгини В. Дондуковой. Находясь вблизи калмыцких улусов, княгиня может только собирать через зайсангов обыкновенную подать. При этом она не могла вмешиваться в дела других улусов и вступать в пересылки с «заграничными народами». Поэтому КИД предупредила Веру и Алексея Дондуковых, что жить они должны спокойно, но, если «не воздержатся», то будут отлучены из улуса [СРИО 1885: 452–453].

Стало также известно, что кабардинский владетель Касай намерен приехать к княгине Вере Дондуковой. Реакция императрицы Екатерины была более жесткой. Она прокомментировала последнее известие так: «Видно, что ея интриги далеко простираются» (цит. по: [Соловьев XXV: 1489]).

Комендант Енотаевской крепости особо предупреждался в необходимости особой слежки за Дондуковыми, чтобы «они не ушли, как уже и прежде от них случилось» [СРИО 1885: 453]. Коллегия выражала надежду, что, когда калмыцкий народ узнает о планах отправки Дондуковых из Енотаевской крепости, уменьшатся их «своевольные поступки» [СРИО 1885: 453].

В результате Коллегия пришла к выводу, что калмыки «в беспокойство приводится» из-за действий В. Дондуковой. Если княгиня В. Дондукова среди калмыков будет продолжать интриги, существует необходимость вывезти ее из улуса. Подать собирать по-прежнему через зайсангов. Это послужит примером крещения калмыцких владельцев, когда они увидят, что в новых условиях у них не забирают их владения. В случае приезда в столицу установить жалованье княгине в 2 000 рублей в год, а сыну ее князю Алексею — 1 000 рублей в год. Кроме того, выделить им сумму на ремонт старого или покупку нового дома [СРИО 1885: 453–454].

Императорская грамота (25 апреля 1763 г.) предупреждала В. Дондукову, что ей надлежит поступать так, чтобы не появлялись причины беспокойства во всем калмыцком народе. Императрица указывала всех захваченных людей немедленно отпустить, а самой спокойно жить в Енотаевской крепости, довольствуясь сбором обыкновенной подати через зайсангов Багацохуровского улуса. В. Дондуковой запрещалось требовать другие улусы, кроме уже переданных ее детям кибиток, предлагалось отпустить захваченных людей, разобратся в спорных вопросах о «лошадях и прочем» [СРИО 1885: 458]. Еще раз подчеркивалось, что Багацохуровский улус находится под общекалмыцким управлением, княгиня не должна вмешиваться в дела других улусов, а также не должна иметь переписку и пересылку с кубанскими татарами, кабардинцами, кумыками и киргиз-кайсаками. Ее калмыки обвинялись в том, что захватили немалое число людей и лошадей наместника, продав последних за полцены в Кабарду. В противном же тому случае ей с сыном грозило удаление из улусов [СРИО 1885: 458].

Аналогичная грамота была отправлена А. Дондукову. В грамоте наместнику особо подчеркивалось, что рассматривать все споры необходимо в Зарго и в присутствии А. Д. Бехтеева [СРИО 1885: 460].

7 мая 1763 г. императрица подписала грамоту В. Дондуковой, в которой

сообщалось о великом «неудовольствии», которое принесли известия о продолжающихся захватах из улусов наместника ханства Убаши, из-за чего они остались кочевать на нагорной стороне Волги. Кроме того, отогнали большое число лошадей. Императрица потребовала вернуть все захваченные улусы, жить в крепости и в дела улусов не вмешиваться. В противном случае княгиня будет отправлена в столицу. Дондуковым приказали отпустить всех чужих из улусов [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 143–146об., 147–149].

12 мая 1763 г. в Указе КИД уже прозвучало опасение, что Дондуковы могут уйти. Поэтому князю А. Дондукову разрешалось выехать в любой город, но только не в улусы [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 250об.–251]. Все это привело к нормализации обстановки в ханстве и снятию напряженности в вопросе о Дондуковых.

6 сентября 1763 г. КИД вновь вернулась к данной проблеме. Она получила письмо капитана Ионы Дондукова, в котором сообщалось, что Алексея Дондукова оклеветал бригадир А. Д. Бехтеев. Поэтому полковник собирается приехать в столицу и объяснить. Именно после ходатайства брата А. Дондуков получил разрешение выезжать в города [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 249–254].

Заключение

Анализ представленных документов позволяет считать, что правительство Российской империи накопило значительный положительный опыт предотвращения усобиц в Калмыцком ханстве. Но с начала правления наместника Убаши причиной новых беспокойств стало возвращение в январе 1763 г. семьи Дондуковых в Астраханскую губернию и поселение их в Енотаевской губернии. Данное событие произошло с санкции императрицы Екатерины II и КИД.

Но у княгини Веры и ее сына князя Алексея Дондукова стали созревать планы передачи ханской власти. Вслед за этим стали волноваться и калмыцкие улусы, в народе появились слухи о скорой передаче власти Дондуковым, а исполнителем их воли в улусах станет нойон Цебек-Дорджи.

Коллегии иностранных дел удалось достаточно быстро в течение марта–мая 1763 г. пресечь слухи о смене власти в ханстве, пригрозив Дондуковым удалением из ханства.

Наконец, документы свидетельствуют, что князь Алексей Дондуков не назначался в 1762 г. ханом Калмыцкого ханства.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

СРИО 1885 — Сборник Русского исторического общества. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Т. 48 (I). 1762–1763. СПб., 1885. [6], LI, 660 с.

Sources

Collection of the Russian Historical Society. Political Correspondence of Empress Catherine II. Vol. 48 (I): 1762–1763. St. Petersburg, 1885. [6], LI, 660 p. (In Russ.)

National Archive of the Republic of Kalmykia. Coll. 36 ('[Files of] Kalmyk Affairs Executive [Officer] Subordinate to Astrakhan Governor'). Cat. 1. File 1–423. (In Russ.)

Литература

- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVI–XVIII вв. События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.
- Дондуков-Корсаков 1886 — *Дондуков-Корсаков А. М.* Род князей Дондуковых-Корсаковых. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1886. 108 с.
- Доржиева 2002 — *Доржиева Е. В.* Исход калмыков в Китай 1771 г. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2002. 212 с.
- Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 286 с.
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Российская 1856 — Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. III. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1856. 523 с.
- Соловьев — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. V. Т. XXV. Изд. 2. СПб.: Общественная польза, [б. г.]. 1544 стб.
- Цюрюмов 2001 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в конце 60-х – начале 70-х годов XVIII в.: итоги и перспективы изучения // Проблемы современного калмыковедения. Элиста: КалмГУ, 2001. С. 143–150.
- Цюрюмов 2003 — *Цюрюмов А. В.* Традиционный суд Зарго в политической системе Калмыцкого ханства (XVII–XVIII вв.) // Сословное народное представительство и самоуправление в России XVI – начала XXI в. Третьи Щаповские чтения: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 103–107.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 462 с.

References

- Batmaev M. M. The Kalmyks, 16th–18th Centuries: Events, Personalities, Everyday Life. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 382 p. (In Russ.)
- Dolgorukov P. (ed.) The Russian Genealogical Book by Prince Peter Dolgorukov. Part 3. St. Petersburg: E. Weimar, 1856. 523 p. (In Russ.)
- Dondukov-Korsakov A. M. The House of Dondukov-Korsakov. Tiflis: Caucasus Civil Executive's Chancery, 1886. 108 p. (In Russ.)
- Dorzhieva E. V. The 1771 Kalmyk Exodus to China. Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center for University-Level Institutions, 2002. 212 p. (In Russ.)
- Kolesnik V. I. The Last Great Migration: Resettlement of Kalmyks from Central Asia to East Europe — and Backwards, 17th and 18th Centuries AD. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 286 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Oirats – Kalmyks: Centuries and Generations. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)
- Solovyov S. M. History of Russia from Earliest Times. Book V. Vol. XXV. 2nd ed. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza, [publ. year unknown]. 1544 cols. (In Russ.)
- Tsuryumov A. V. Kalmyk Khanate as Part of Russia: Issues of Political Interaction. Elista: Dzhangar, 2007. 462 p. (In Russ.)
- Tsuryumov A. V. Kalmyk Khanate, late 1760s – early 1770s: Research outcomes and prospects. In: Issues of Contemporary Kalmyk Studies. Elista: Kalmyk State University, 2001. Pp. 143–150. (In Russ.)
- Tsuryumov A. V. Traditional court Zargo in the political system of Kalmyk Khanate, 17th–18th centuries. In: People's Representatives and Self-Governance by Estates in Russia, 16th to Early 21st Centuries. Third Shchapov Readings. Conference proceedings. Irkutsk: Ottisk, 2003. Pp. 103–107. (In Russ.)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(470.47).083

«Живем в Калмыцкой степи обыкновенно, как и другие живут». Ики-Хурулов род на рубеже XIX–XX вв.

Александр Нармаевич Команджаев¹, Евгений Александрович Команджаев²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой

 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Команджаев А. Н., Команджаев Е. А., 2022

Аннотация. *Введение.* Актуальность исследования истории калмыцкой повседневной жизни объясняется ее недостаточной изученностью. В калмыковедческой исторической литературе указанная проблема практически не рассматривалась как предмет самостоятельного исследования. Лишь в ряде работ дореволюционных и в меньшей мере советских авторов имеются фрагментарные упоминания о некоторых сторонах калмыцкой жизни. Помимо этого, актуальность изучения данной темы вызывается настоятельной необходимостью ввода в оборот новых источников, а также уточнением и дополнением устоявшихся выводов и положений работ предшественников. *Цель* работы заключается в описании характеристики некоторых проблем и забот жителей Калмыцкой степи Астраханской губернии на примере Ики-Хурулова Шебенерова рода Малодербетовского улуса. *Источники.* Содержание работы основано на использовании новых архивных делопроизводственных источников из фондов Управления калмыцким народом и Малодербетовского улусного управления Национального архива Республики Калмыкия. Данные материалы вводятся впервые в научный оборот. *Материалы и методы.* Работа базируется на использовании комплекса общенаучных и специально-исторических методов, важнейшее место из которых занимает цивилизационно-культурный подход в сочетании с принципами историзма, системного анализа и объективности. Это позволило авторам добиться достоверности в характеристике калмыцкой жизни на переломном этапе истории. *Выводы.* Вторая половина XIX – начало XX в. — период больших перемен в калмыцких улусах: происходила активная интеграция региона в общественно-экономическую структуру России, усилился переход кочевников к оседлости, имели место значительные переселения крестьянского населения в Калмыцкую степь. Это, безусловно, отразилось на многих сторонах жизни калмыков. На примере Ики-Хурулова рода зафиксированы: сужение территории кочевания, нехватка водных

ресурсов для отходившего от кочевничества населения, необходимость приведения в стабильное состояние путей сообщения, социальные и другие заботы.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, улус, аймак, Ики-Хурулов род, кочевья, озеро Батыр, дороги, социальная защита, опека, болезни, медицинская помощь

Для цитирования: Команджаев А. Н., Команджаев Е. А. «Живем в Калмыцкой степи обыкновенно, как и другие живут». Ики-Хурулов род на рубеже XIX–XX вв. // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 524–546. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-524-546

‘We Live a Regular Life in Kalmyk Steppe, Just Like Others Do’: Iki-Khurul Clan at the Turn of the 20th Century

*Alexandr N. Komandzhaev*¹, *Evgeniy A. Komandzhaev*²

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Head of Department

 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A., 2022

Abstract. *Introduction.* The fact that Kalmyk past everyday life remains somewhat unexplored makes the study relevant enough to be tackled. Kalmyk historical literature virtually never viewed the issue as a subject of independent research. Only a few works by prerevolutionary and — even fewer — Soviet authors contain fragmentary references to certain aspects of Kalmyk life. In addition, topicality of the theme arises from the stern need to introduce new sources into scientific discourse, as well as ones to clarify and supplement the deeply-rooted conclusions and provisions of available works. *Goals.* The work sets a specific objective of characterizing some problems and concerns once faced by natives of Kalmyk Steppe (Astrakhan Governorate) through the example of Iki-Khurul Shabinar clan from Maloderbetovsky (Kalm. *Baya Dörvöd*) Ulus. *Materials and methods.* The article investigates newly discovered records management papers housed at the National Archive of Kalmykia (collections ‘Kalmyk People’s Executive Department’ and ‘Executive Office of Maloderbetovsky Ulus’), and thus introduces the latter into scientific circulation. The study employs a complex of general scientific and special historical methods, with a fundamental role to be played by the civilizational/cultural and interdisciplinary approaches in combination with the principles of historicism and objectivity together supposed to yield maximum truthfulness in characterizing Kalmyk life during the watershed historical period examined. *Conclusions.* The mid-19th to early 20th centuries were witnessing dramatic changes in Kalmyk uluses, such as active integration of the region into Russia’s socioeconomic structure, intensified sedentarization trends, and significant migrations of Russian peasants to Kalmyk-inhabited steppes. This, of course, was reflected in many aspects of Kalmyk people’s life to be exemplified with facts faced by Iki-Khurul clan, namely: diminished nomadic pastoral areas, lack of water resources for sedentarized nomads, needs to stabilize available communications, social and other concerns.

Keywords: Kalmyk Steppe, ulus, aimak, Iki-Khurul clan, nomad camps, Lake Batyr, roads, social protection, guardianship, diseases, medical care

For citation: Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A. ‘We Live a Regular Life in Kalmyk Steppe, Just Like Others Do’: Iki-Khurul Clan at the Turn of the 20th Century. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 524–546. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-524-546

Введение

Ики-Хурулов Шебенеров род являлся одним из известных и многочисленных родов Малодербетовского улуса Калмыцкой степи. Территория рода располагалась в центральной части Малодербетовского улуса на склоне Ергенинской возвышенности, богатом родниками, включая затем низменную степную равнину и богатое сенокосными угодьями оз. Батыр. Ранее в урочище Аршань-Тег располагалась летняя ставка владельца Малодербетовского улуса. В апреле 1881 г. здесь состоялось заседание Малодербетовского улусного схода для избрания должностных лиц аймаков на трехлетие 1882–1885 гг. [НА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1125. Л. 3]. Выбор объекта исследования авторами не случаен: Ики-Хурулов род был одним из типичных и распространенных в калмыцких улусах Шебенеровых родов. В связи с этим события повседневной жизни жителей этого рода полностью отражают общую картину калмыцкой действительности конца XIX – начала XX в. Данный период в истории калмыцкого общества характеризуется важными судьбоносными изменениями: начавшимся переходом кочевников к оседлости и другим формам хозяйствования, в том числе к отходничеству, социальной поляризацией в условиях вовлечения региона в рыночное пространство России, превращением ряда улусов Калмыцкой степи в пограничную зону взаимодействия и взаимовлияния народов, чему способствовали активные крестьянские переселения. Эти и другие явления в полной мере сказались на судьбе членов Ики-Хурулова Шебенерова рода.

Необходимость обращения авторов к проблеме изучения истории калмыцкой повседневности объясняется ее малоизученностью, на что обращают внимание современные исследователи [Батмаев 2022]. Некоторые важные наблюдения и заметки о калмыцкой жизни оставили в своих трудах дореволюционные исследователи [Нефедьев 1834; Небольсин 1852; Бентковский 1869; Новолетов 1884; Житецкий 1892; Бакунин 1995; Дуброва 1998; Смирнов 1999]. В советский период историография данной проблемы пополнилась работами У. Д. Душана, Н. Н. Пальмова, У. Э. Эрдниева и других авторов [Душан 2016; Пальмов 1926; Пальмов 1927; Пальмов 1929; Эрдниев 1985]. Также отдельные сюжеты по истории калмыцкой повседневности затронуты в работах современных авторов [Жуковская 2013; Калмыки 2010; Команджаев, Бадмаева, Мацакова 2020; Мацакова 2020; Команджаев, Бадмаева 2021; Команджаев, Команджаев 2021].

С учетом степени изученности указанной проблемы авторы выделяют конкретную цель данной статьи: на примере некоторых сторон предреволюционной жизни одного из калмыцких родов показать многосложную повседневность кочевого общества. Об Ики-Хуруловом Шебенеровом роде специальные научные публикации отсутствуют, за исключением некоторых данных в опубликованном отчете о поездке к астраханским калмыкам Н. О. Очирова [Очиров 1910], который выделил 40 родов в Малодербетовском улусе, в том числе Ики-Хурулов род, и упомянул родовой Галдан-Шараблинг большой хурул в числе 15 буддийских хурулов в указанном улусе [Очиров 1910: 62–66]. Ики-Хурулов род упомянут в монографии по этнической истории калмыков Г. О. Авляева [Авляев 2002: 57]. Имеются редкие заметки о тех или иных отдельных известных выходцах из Ики-Хурулова рода. Из деятелей дореволюционного периода известен учитель Ц. П. Петкиев [Мукаева 1978].

Источниками исследования являются архивные делопроизводственные материалы фондов Управления калмыцким народом и Малодербетовского улусного управления Национального архива Республики Калмыкия, впервые вводимые авторами в научный оборот. Методика исследования базируется на применении принципов историзма, объективности. Применение системного анализа, общенаучных и специально-исторических методов в сочетании с цивилизационно-культурным подходом дали авторам возможность достоверно показать картину калмыцкой жизни в конце XIX – начале XX вв.

Озеро Батыр в жизни Ики-Хурулова рода

Жители Ики-Хурулова рода, приписанные к местному Галдан-Шараблинг большому хурулу, являлись в основном бедным населением, не имевшим или имевшим по 1–3 коровы, кочевавшим на небольшие расстояния в несколько верст мелкими хотонами, лишь на зиму переходя на зимовку на озеро Батыр (Батыр-Мала) в восточной части аймака. Это озеро заливалось вешними водами речки Нарын-Зельме, пересыхавшей к концу лета, истоки которой находились в Ергенях. Берега озера зарастали зеленым камышом, окрестные лиманы были богаты сенокосами. Это давало небогатым животноводам Ики-Хурулова рода возможность заготовки зимних кормов для скота (сено и зеленый камыш), топлива и строительного материала из камыша для жилых построек и устройства загонов для скота, что позволяло местным скотоводам зимой оставаться в пределах своей родовой территории. Поэтому было особенно трагичным то обстоятельство, что озеро Батыр в 1910–1911 гг. совершенно высохло, поскольку впадавшая в него р. Нарын-Зельме была запружена в верховьях Ергеней крестьянами соседнего с. Обильное в 1909 г., что поставило в невероятно трудное положение не только Ики-Хурулов род, но и соседние Дед-Ламин Шебенеров и Бакшин-Шебенеров рода. Поэтому в 1910 г., впервые за многие годы, скотоводы рода были вынуждены в большинстве своем уходить на зимовку на далекие Черные земли.

В связи с этим весь 1911 г. жители Ики-Хурулова хотона активным образом обсуждали ситуацию и пришли к единодушному мнению о необходимости обеспечить водой оз. Батыр, перепрудив р. Аршань, протекавшую рядом, и направив ее вешние воды в озеро. Поскольку р. Аршань также питала оз. Цаган-Нур, то свой протест против проекта Ики-Хурулова хотона выразил старшина Цаган-Нурского аймака С. Талтаев¹ в своем рапорте попечителю Малодербетовского улуса 7 октября 1911 г. В связи с этим улусный попечитель И. М. Рысин направил циркуляр Шебенеровскому аймачному старшине 13 октября 1911 г.: «Экстренно доставить мне сведения по этому вопросу и устранить сию же минуту, а равно и впредь всякие попытки к осуществлению упомянутой мысли, пока вопрос этот не будет рассмотрен и разрешен в надлежащем порядке. Ввиду чрезвычайной важности данного вопроса предупреждаю, что все последствия выполнения Ики-Хурульцами задуманного плана обводнения себя в ущерб интересам других обществ падут на вас» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 1].

Шебенеровский аймачный старшина Пюрвя Лиджиев 29 октября 1911 г. представил в улусное управление приговор Ики-Хурулова хотона от 18 октября,

¹ Инициалы указываются, если таковые были в архивных источниках.

ходатайствовавшего о разрешении строительства водоотвода от р. Аршань к оз. Батыр «для провода туда воды во время весеннего половодья» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 7]. В Ики-Хуруловом хотонном сходе приняли участие 180 домохозяев из 191, на котором в присутствии аймачного старшины и хотонного старосты обсуждали вопрос «о причинах быстро падающего благосостояния нашего общества за последние 2–3 года» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 17]. Был сделан резонный вывод, что причиной этого является высыхание оз. Батыр, дававшего ранее необходимый объем сена, камыша и топлива. Поэтому встал вопрос о том, чтобы часть вешней воды р. Аршань, протекавшей мимо оз. Батыр и являвшейся наряду с р. Сарпа и другим притоком оз. Цаган-Нур, направить в оз. Батыр. Сход постановил: «просить попечителя Малодербетовского улуса об исходатайствовании разрешения на вырытие канала» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 18]. Далее следует список из 180 участников схода: Есин Бургустаев, Биче Семенов, Камаджи Убушиев, Тошта Эрендженев и др., а также староста хотона Джап Санджиев [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 18–19].

Цаган-Нурский старшина 4 ноября 1911 г. отправил улусному попечителю второй рапорт, в котором сообщил, что «калмыки Ики-Хурулова рода наняли крестьянина с. Садовое Алексея Шишканова за 1 000 руб. и 3 головы крупного рогатого скота для устройства плотины на р. Аршань и водопровода с целью отвода весенней воды из естественного русла на оз. Батыр» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 2]. Попечитель И. М. Рысин приказал конно-полицейскому стражнику при улусной ставке Ивану Заплавнову 5 ноября немедленно выехать в Ики-Хурулов род, «где при участии старшины Шебенеровского аймака и других должностных лиц прекратить упомянутые работы, удалить Шишканова и его рабочих» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 3]. Одновременно попечитель направил такое же предписание Шебенеровскому аймачному старшине с угрозой, что «по поводу допущенного Вами по сему делу бездействия и неисполнения законного распоряжения попечительской власти предлагаю Вам доставить свое объяснение на предмет представления Вас к преданию суду и отстранения от должности» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 4–4об.].

Попечитель 6 ноября 1911 г. выслал приговор Ики-Хурулова хотона Цаган-Нурскому аймачному старшине с предложением созвать «экстренный сход, на котором строго-детально ознакомиться с этим вопросом и обсудить его с точки интересов вверенного Вам аймачного общества» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 8]. В тот же день улусный попечитель направил предписание Шебенеровскому аймачному старшине «объявить Ики-Хурульцам, что приговору их дан надлежащий ход и что впредь до утверждения его или отмены всякие попытки ... к его исполнению будут подавлены решительным образом» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 9]. На следующий день 7 ноября крестьянину А. Шишканову и его рабочим было объявлено о запрещении работ на р. Аршань и взята от него расписка о получении этого распоряжения [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 12]. Далее из рапортов конно-полицейских стражников и помощника попечителя Малодербетовского улуса по Абганеровскому участку следует, что 9 ноября плотина из земли и камыша, перепрудившая р. Аршань, была разрыта, и «задержанная вода пущена по руслу» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 3]. Наряду с этим помощник попечителя созвал сход Ики-Хурулова рода, на котором предупредил

о запрещении производить работы на р. Аршань без должного «утверждения надлежащей властью» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 15]. Остроту вопроса усилило 7 ноября 1911 г. еще одно сообщение Цаган-Нурского аймачного старшины попечителю Малодербетовского улуса о том, что калмыки Ики-Хурулова рода «в соучастии с калмыками Дед-Ламин-Шебенерова рода, желая обводнить озеро Батыр от речки Аршань, ... наняли крестьянина с. Садового Михаила Филипповича Жаркова и с ним заключили контракт в Шебенеровском аймачном управлении на сумму в 1 000 руб. и будто бы начались работы» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 28]. По его мнению, действия последних наносят вред калмыкам Дунду-Хурулова рода, всем 8 родам Цаган-Нурского аймака и ряду родов Икицохуровского, Багацохуровского и Харахусовского улусов, кочевавших ниже по цепи Сарпинских озер [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 28об.].

Взамен объяснительной записки, которую требовал от него улусный попечитель, старшина Пюрвя Лиджиев созвал 10 ноября 1911 г. сход Шебенеровского аймака, в котором приняли участие, помимо должностных лиц, 83 выборных членов схода (отсутствовали лишь трое). Аймачное собрание приняло единогласное решение: поддержать приговор Ики-Хурулова хотонного схода и «ходатайствовать о разрешении обводнения оз. Батыр путем устройства плотины и канала на речке Аршань, протекающей в 150 саженях от озера» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 25]. Резонно мотивируя это решение необходимостью заготовки кормов для скота и топлива, участники Шебенеровского аймачного схода обратили внимание на то, что осушение оз. Батыр угрожает еще большей опасностью: распространения с его сухой площади на все земельные угодья всех соседних аймаков саранчи — «общего бича растительности» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 25]. По их мнению, реализация проекта плотины не нанесет ущерба жителям Цаган-Нурского аймака, поскольку их озеро пополняется целой цепью Сарпинских озер, а запруда на р. Аршань отнимет лишь половину от стока ее вешних вод. Приговор Шебенеровского аймачного схода подписали, как и положено, все его участники от Ики-Хурулова, Бакшин-Шебенерова и Горибского хотонов [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 25].

Через неделю, 17 ноября, состоялся сход Цаган-Нурского аймака, на котором жители выразили протест против реализации проекта Ики-Хурулова рода, объясняя свое решение тем, что, по их мнению, «речка Аршань начинается с надельной земли крестьян сел Садового и Обильного и, проходя через земли Ики-Хурульцев, впадает в озеро Ханата и оттуда, заливая озеро Бага-Хана Дунду-Хурулова рода, идет по „Голе“ и заливают озеро Цаган-Нур, принадлежащее нашему обществу, а затем идет к озерам Нарын-Хара, Хазак-Хулсун, Цабдыр и другие, находящиеся в пользовании калмыков Икицохуровского, Багацохуровского и Харахусовского улусов» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 20об.].

Исходя из сложившейся безвыходной ситуации, улусный попечитель 12 декабря 1911 г. сообщил старшинам Шебенеровского, Цаган-Нурского и Центрального (куда входил Дунду-Хурулов род) аймаков, а также выборным поверенным по земельным делам этих аймаков о созыве улусного совещания аймачных старшин по этому спорному вопросу [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 23об.]. На этом совещании аймачных старшин, состоявшемся 10 января 1912 г. и наполненном накалом страстей, было принято постановление, подписанное

улусным попечителем, поверенными по земельным делам (Л. Талтаев и Б. Даваев) и всеми аймачными старшинами Малодербетовского улуса: Шебенеровского (П. Лиджиев), Цаган-Нурского (С. Талтаев), Центрального (Ш. Музраев), Шарнутовского (Б. Тегусов), Северного (Б. Ванькаев), Приволжского (К. Манджиев), Абганеровского и Сальского аймаков. В постановлении совещания изложена история вопроса: «с осени прошлого года у шебенеровцев возникла мысль об искусственном орошении оз. Батыр путем устройства запруды на р. Аршань, ... потому что озеру угрожает полная засуха из-за запруды р. Нарын-Зельме Обиленским сельским обществом. Цаган-Нурское общество, расположенное ниже по течению р. Аршань, выразило протест... По этому вопросу обе стороны представили письменные доводы. Из них видно, что оз. Батыр, единственный источник существования для Ики-Хурульцев, действительно обречено на гибель при наличии запруд Ергенинских водоисточников. С другой стороны, в меньшей опасности оз. Цаган-Нур» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 30]. Далее постановление отметило, что этот спор неразрешим улусным управлением, поскольку «обе стороны действуют во имя жизненных интересов» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 30об.]. Данная неразрешимость вопроса в постановлении объясняется тем, что его законодательное решение невозможно ввиду отсутствия соответствующих законов, распространяемых на Калмыцкую степь. Следовательно, по мнению попечителя, разрешение этого спора находится в компетенции Управления калмыцким народом, поскольку земли у калмыков находятся в общем пользовании [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 30об.].

В постановлении улусного совещания признавалось, что совещание в результате горячего спора сторон не пришло к справедливому решению вопроса, но представители Шебенеровского аймака высказались о реализации идеи хотя бы в виде опыта, и в зависимости от его результатов они готовы подчиниться любому решению. Вместе с тем участники совещания признали, что обсуждаемая ситуация — «предвестник грядущих бедствий», если водоисточники Ергенинской возвышенности будут запружены крестьянскими селами, что может вызвать засуху всей территории в ареале Сарпинских озер. Тогда калмыцкому хозяйству, по мнению участников совещания, «придется столкнуться с осложнениями столь серьезными, что весь жизненно-хозяйственный уклад, сложившийся веками, должен утратить свою форму, свой быт и свое право на дальнейшее существование» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 31]. В связи с вышесказанным улусное совещание обратилось в Управление калмыцким народом о назначении комиссии по обсуждаемому вопросу.

Поскольку никакого решения вопроса не последовало, активный спор сторон и переписка должностных лиц администрации продолжались всю весну и лето 1912 г. Уже 23 января 1912 г. попечителю Малодербетовского улуса поступила докладная поверенного по земельным делам улуса Л. У. Талтаева о том, что на совещании, которое он провел с представителями хотонов Цаган-Нурского аймака, все высказались против предоставления калмыкам Ики-Хурулова рода права строить запруды на р. Аршань. Параллельно заведующий калмыцким народом В. Локтев 3 марта попросил гидротехника астраханского управления государственными имуществами М. Гаврилова «на месте провести исследование» вопроса об изменении водостока р. Аршань и представить свое заключе-

ние, однако гидротехник ответил, что находится в командировке до конца мая [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 36–37]. 20 апреля 1912 г. последовало ходатайство Шебеновского аймачного старшины П. Лиджиева и поверенных по земельным делам Ики-Хурулова рода Б. Киликова, Б. Маджарова и Б. Толеева о разрешении строить плотину [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 53]. 11 июня Управление вновь обратилось к гидротехнику М. Гаврилову с напоминанием «о скорейшем исполнении поездки ввиду крайней в том нужды для населения Шебеновского аймака» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 39].

2 июля 1912 г. последовал вторичный запрос попечителя Малодербетовского улуса в Управление калмыцким народом сообщить о состоянии вопроса по рапорту Шебеновского аймачного старшины о строительстве плотины на р. Аршань [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 38]. 26 июля Шебеновский аймачный старшина П. Лиджиев направил очередное ходатайство на имя заведующего калмыцким народом со ссылкой о том, что в апреле 1912 г. от имени 370 семей Ики-Хурулова и 100 семей Дед-Ламин-Шебенова родов он просил Управление о разрешении строительства плотины на р. Аршань с приложением примерной схемы Сарпинских озер от оз. Пришиб до оз. Цаган-Нур с их водостоками [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 40–42]. 1 августа 1912 г. заведующий калмыцким народом В. Локтев отправил П. Лиджиеву телеграмму с сообщением о том, что агроном выедет в аймак немедленно, а гидротехник М. Гаврилов должен представить свое заключение по делу. В тот же день заведующий телеграммой попросил М. Гаврилова срочно вернуть дело о водостоке р. Аршань со своим заключением [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 44–45]. 29 августа попечитель улуса вновь попросил Управление калмыцким народом сообщить о положении дела на р. Аршань уже в связи с рапортом Цаган-Нурского аймачного старшины, который возражал против устройства плотины [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 46]. 17 сентября заведующий калмыцким народом направил две телеграммы гидротехнику М. Гаврилову с просьбой исполнить вопрос о р. Аршань и немедленно представить свое заключение по этому делу [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 48–49]. На другой день, 18 сентября, в Управление калмыцким народом поступила просьба поверенного по земельным делам Икицохуровского улуса Ц. Бадмаева «оставить ходатайство Ики-Хурульцев без удовлетворения» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 51]. 19 сентября заведующему калмыцким народом поступила телеграмма старшины Шебеновского аймака П. Лиджиева с просьбой положительного решения по плотине на р. Аршань и командировании гидротехника [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 50]. В конечном итоге затруднившись в выборе решения по данному вопросу, Управление калмыцким народом 22 сентября 1912 г. предпочло отказать Ики-Хурулову роду в строительстве плотины на р. Аршань для обводнения оз. Батыр, так как «это привело бы к безводью соседние аймаки Малодербетовского улуса, а также целые улусы (Икицохуровский, Багацохуровский и Харахусовский) ввиду связи р. Аршань с системой Сарпинских озер» и поручило попечителю Малодербетовского улуса известить об этом решении Шебеновский аймак [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 52].

На этом дело не завершилось. Тремя днями ранее, 19 сентября, гидротехник М. Гаврилов, побывавший на оз. Батыр и р. Аршань, представил в Управление

калмыцким народом проект по устройству плотины на этой речке с деревянным «водоспуском и водосливным каналом» вместе со сметой расходов и пояснительной запиской, в которой рекомендовал строить плотину под руководством специалиста, а не «крестьянина от сохи» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 4-4об.]. В связи с этим Управление 28 сентября ответило М. Гаврилову, что ходатайство о строительстве плотины отклонено, однако 8 октября попросило гидротехника дать свое заключение по протестам против плотины Цаган-Нурского аймака, поверенных по земельным делам Малодербетовского, Икицохуровского и Багацохуровского улусов Л. Талтаева, Ц. Бадмаева и Ц.-Д. Онкорова [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 55-56]. 13 ноября 1912 г. Управление калмыцким народом поручило также чиновнику по особым поручениям Богданову «осмотреть на месте» и с заинтересованными сторонами установить: действительно ли плотина на р. Аршань оставит без воды Сарпинские озера, имеются ли другие речки, пополняющие оз. Цаган-Нур, серьезны ли возражения против плотины, каковы расходы в случае ее строительства, осият ли эти расходы жители Ики-Хурулова хотона [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 57]. Узнав об этих действиях Управления калмыцким народом, зайсанг Талтанкинова рода Убуши Талтаев инициировал очередное ходатайство 27 ноября 1912 г. на имя попечителя Багацохуровского улуса поверенных по земельным делам этого улуса Ц.-Д. Онкорова и Ц. Буюнтукова с протестом против проекта Ики-Хурулова рода, в случае реализации которого «наша Сарпа совершенно высохнет» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 4-4об.].

Теперь уже бывший чиновник по особым поручениям, только назначенный на должность попечителя Малодербетовского улуса П. И. Богданов представил 25 февраля 1913 г. в Управление калмыцким народом материалы дела с приложением акта осмотра местности, осуществленный вместе с представителями Цаган-Нурского аймака и Ики-Хурулова рода еще 27 ноября 1912 г. В этом акте констатировалось следующее: «Озеро Батыр при осмотре было совершенно сухим. По объяснению представителей Ики-Хурулова рода это озеро весной было наполнено вешними водами только наполовину и потому оно летом пересохло. Причина этого, во-первых, очень большое углубление р. Аршань и ее вешние воды не полностью поступают в оз. Батыр. Во-вторых, причина этого в плотине крестьян с. Обильного на р. Нарын-Зельме, прекратившей обводнение оз. Батыр. Речка Аршань в месте предполагаемой плотины протекает в 150 саженьях от оз. Батыр (немногим более 300 м. — А. К., Е. К.) и по ее дну глубиной один аршин (71,2 см. — А. К., Е. К.) и шириной 2-3 аршина бежит вода» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 58-59]. Богданов пришел к выводу, что надо помочь жителям Ики-Хурулова рода, разрешив им строительство плотины с помощью специалистов, поскольку оз. Батыр «обеспечивает 500 семей этого рода запасами сена для скота и камышом для топлива» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 58].

Чуть ранее, 5 ноября 1912 г., гидротехник М. Гаврилов также представил положительное заключение по возведению плотины, очень эмоционально высказавшись об аргументах противников этого: «Я вижу в их прошениях дикое, ничем не обоснованное упрямство ... воспрепятствовать построить такое искусственное сооружение, которое ни в коем случае не сможет принести вред их сенокосным угодьям. ... Например, Л. У. Талтаев утверждает, что с постройкой плотины вся вода уйдет в оз. Батыр и Сарпинские озера должны будут высох-

нуть. ... Однако по эскизному плану видно, что, кроме балки Аршань, есть еще значительные водные артерии для озер: Ялмата, Амта-Зельмень, Хуре-Сала и др. ... Талтаев ошибается, утверждая, что р. Аршань отстоит от оз. Батыр на 1–2 версты и никакой связи между ними нет. Между тем связь есть: ерик между ними» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 62–63]. Приводя и другие доводы, гидротехник предложил Управлению калмыцким народом дать разрешение Ики-Хурулову роду на строительство плотины для отвода части воды р. Аршань в оз. Батыр. В материалах этого дела, отправленного им в Управление калмыцким народом, были сведения о 320 семьях Ики-Хурулова рода, кочевавших в этот период у оз. Батыр, у которых имелось 3 067 голов крупного рогатого скота и 3 786 овец [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 84].

Незамедлительно после подписания акта об осмотре местности П. И. Богдановым и присутствовавшими при этом представителями родов поверенный по земельным делам Л. У. Талтаев подал жалобу в Управление калмыцким народом с протестом против строительства плотины на р. Аршань. Однако после положительных заключений попечителя улуса Богданова и гидротехника М. Гаврилова калмыцкая администрация 4 марта 1913 г. жалобу Л. У. Талтаева «оставила без последствий», поскольку последний не представил доказательств угрозы плотины для Цаган-Нурского аймака и не явился сам 27 ноября 1912 г. на осмотр местности П. И. Богдановым [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 90]. В течение весны 1913 г. Л. У. Талтаев дважды (23 марта и 9 мая) пытался препятствовать строительству плотины, информируя попечителя улуса о том, что оз. Батыр «полно водой» и нет необходимости в его обводнении [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 97, 99]. Но теперь уже администрация решила поддержать желание Ики-Хурулова рода о строительстве плотины, и заведующий калмыцким народом В. Локтев 17 июля 1913 г. сообщил попечителю Малодербетовского улуса о том, что «управление не видит препятствий для строительства плотины под наблюдением специалиста» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 105об.]. В этом же документе попечителю было поручено осуществлять строгий контроль за строительством, средства на которое в размере 2 тыс. руб. был обязан выделить Шебенеровский аймачный сход [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 105об.].

Таким образом, началась новая страница в этой истории. 25 октября 1913 г. Шебенеровский аймачный сход своим приговором выделил 2 тыс. руб. на строительство плотины на р. Аршань и 1 000 руб. — на устройство двух колодцев в Бакшин-Шебенеровом хотоне [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 103]. Этот приговор по представлению Управления калмыцким народом был утвержден губернатором, о чем заведующий калмыцким народом В. Локтев сообщил попечителю улуса 3 декабря 1913 г. [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 107]. В конце 1913 – начале 1914 г. продолжились очередные споры Л. У. Талтаева с попечителем улуса о плотине [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 108–111]. Однако 28 декабря 1913 г. все решила резолюция заведующего калмыцким народом В. Локтева на тексте приговора Шебенеровского аймачного схода следующего содержания: «Ввиду выяснившихся при моем проезде через Центральный аймак новых обстоятельств, не предусмотренных составителем сметы и плана на постройку плотины, с осуществлением проекта приостановиться. Вопрос этот в ближайшем времени обсудить на совместном сходе Шебенеровского, Цаган-Нурского и

Центрального аймаков с вызовом улусных поверенных по земельным делам от Икицохуровского, Багацохуровского и Харахусовского улусов» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 113]. По всей вероятности, должностные лица Центрального аймака убедили В. Локтева в том, что при отсутствии надзора за плотиной р. Аршань полностью будет уходить в оз. Батыр, и это вызовет нехватку воды в Ханатинской и Цаган-Нурской системах. Именно эти вопросы заведующий калмыцким народом предложил обсудить на объединенном сходе трех аймаков [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 113об.]. К протестам добавился еще один приговор, теперь уже Баруновского аймачного схода Багацохуровского улуса, с возражением против строительства плотины на р. Аршань, которая, на их взгляд, остановит приток талой весенней воды к Сарпинским озерам. Как отмечено в их приговоре: «На Сарпе растет камыш для скота и топлива. Беднейшее население всех четырех аймаков зарабатывает на пропитание, находя работу по кошению сена и камыша в теплое время, а зимой ловит рыбу для себя и на продажу» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 114об.].

Объединенный сход трех аймаков Малодербетовского улуса так и не состоялся. Вначале он был назначен на 15 апреля в Шебенеровском аймаке, затем перенесен в Центральный аймак на оз. Ханата, что вызвало возражение со стороны шебенеровцев. Последние направили телеграмму астраханскому губернатору в начале апреля 1914 г. о том, что «ввиду дальности расстояния и своей бедности выборные старики отказываются ехать» в Центральный аймак [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 116]. 31 мая 1914 г. попечитель улуса Г. Ф. Бондаренко сообщил в Управление калмыцким народом, что сход не состоялся и приложил копию акта об этом. В указанном акте констатировалось, что на сход явились в полном составе представители Центрального и Цаган-Нурского аймаков, от Шебенеровского аймака — лишь старшина П. Лиджиев, староста Ики-Хурулова хотона Джап Санджиев и три выборных представителя. В связи с тем, что не было кворума (2/3 выборных), объединенный сход был признан не состоявшимся [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 125–126]. Члены Шебенеровского аймачного схода, безусловно, намеренно не прибыли на оз. Ханата, понимая, что в этом объединенном составе трех аймаков они останутся в меньшинстве, и их ходатайство о строительстве плотины на р. Аршань будет отклонено.

Уже на другой день, 16 апреля 1914 г., был созван Шебенеровский аймачный сход, на котором его участники постановили: «Поручить помощнику присяжного поверенного Санджи Баяновичу Баянову в возбуждении ходатайства перед соответствующими учреждениями и лицами и ведение этого дела» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 122]. С. Баянов 24 апреля 1914 г. подал астраханскому губернатору заявление от имени своего доверителя — Шебенеровского аймака. В нем была изложена вся многотрудная история вопроса о плотине с 1912 г. и завершалось просьбой С. Баянова к губернатору «лично обозреть это дело и своей властью решить судьбу просимой моим доверителем плотины» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 121]. Судя по материалам архивного дела, губернатор потребовал от Управления калмыцким народом справку о состоянии этого вопроса. Чиновники Управления представили очень обстоятельную и беспристрастную историю вопроса о плотине на р. Аршань, начиная с ходатайства Ики-Хурулова рода 18 октября 1911 г. [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 123–123 об.].

Для ускорения положительного решения вопроса адвокат С. Баянов обратился 9 июня 1914 г. с ходатайством к Министру внутренних дел, в котором он обосновывал необходимость строительства плотины на р. Аршань желанием Шебенеровского общества не только обеспечить водой высохшее оз. Батыр, но и «разводить сады, огороды и плантации на урочище Аршань» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 133]. Министр поручил астраханскому губернатору представить в земский отдел МВД сведения и свое заключение по данному вопросу. Эти действия С. Баянова и реакция высших должностных лиц повлияли на то, что Управление калмыцким народом 22 июля 1914 г. поручило попечителю Малодербетовского улуса «предложить обществу Шебенеровского аймака приступить к постройке этой плотины ... согласно проекту и записки гидротехника Гаврилова» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 128–128об.]. Астраханский губернатор 12 августа 1914 г. информировал земский отдел МВД о том, что ходатайство С. Баянова удовлетворено, а задержка со строительством плотины на р. Аршань была вызвана необходимостью детального изучения вопроса из-за «серьезного значения системы Сарпинских озер», входящих в состав четырех улусов [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 1132].

Между тем в Шебенеровском аймаке начались подготовительные работы по возведению плотины на р. Аршань, что потребовало от общества, помимо прежних 2 000 руб., еще 1 500 руб. 6 сентября на место стройки выехал гидротехник Мясоедов, тогда же старшина П. Лиджиев попросил у Управления калмыцким народом присылки техники (буровой стакан, угломер и др.) [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 135–139]. На задержку работ уже не могло повлиять еще одно ходатайство поверенных по земельным делам Л. Талтаева и Э. Эрендженова о нежелании жителей Центрального аймака допустить строительство плотины на своем берегу р. Аршань, со ссылкой на то, что эта речка является «естественной границей» этого аймака с Шебенеровским [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 143]. Однако на прекращение работ на р. Аршань повлияло другое обстоятельство: еще ранее, 22 февраля 1914 г., весеннее половодье разрушило запруду, возведенную крестьянами с. Обильного на р. Нарын-Зельме в балке Соленая. Вода по руслу р. Нарын-Зельме вновь потекла в оз. Батыр. По этому поводу в сентябре шла деятельная переписка административных органов Калмыцкой степи, в результате которой Управление калмыцким народом постановило: устройство плотины на р. Аршань прекратить [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 141–147].

Дороги на землях Ики-Хурулова рода

В северной части Малодербетовского улуса пролегало 5 дорог, из которых три проходили через земли Ики-Хурулова рода. Одна — вела от с. Тундутово (ставки улуса) в южную часть улуса, на протяжении которой имелось 6 почтовых станций, где проезжавшие могли поменять лошадей или коляску. Одной из таких станций являлась Ики-Хуруловская на оз. Батыр с 6 лошадьми. Как правило, здание почтовой станции представляло собой землянку, зачастую не отапливаемую. С этого же оз. Батыр начиналась вторая дорога в урочище Цаган-Нур. Третьей дорогой являлся стратегически важный Царицынско-Ставропольский тракт, пересекавший балку Аршань. Улусная администрация отмечала, что эти дороги «представляют в весеннее время большие затруднения вследствие

быстрого течения воды в балках» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 133. Л. 105–05об.].

Наибольшие проблемы вызывал регулярно ремонтировавшийся деревянный мост через балку Аршань на Царицынско-Ставропольском тракте. Нами исследовано несколько архивных дел о строительстве и ремонте этого моста в изучаемый период. После очередного разрушения весенним половодьем мост был заново выстроен осенью 1897 г. Этот мост был построен по личному указанию астраханского губернатора и приказу главного попечителя калмыцкого народа на средства общества калмыков Ики-Хурулова рода. Старшина Ики-Хурулова-Шебенерова аймака Джап Санджиев и староста Аршанского хотона Бадуш Шалхыков заключили договор о возведении моста с лесничим Аршань-Зельменской казенной лесной дачи, крестьянином с. Плодовитое Д. Г. Ролдугиным 3 октября 1897 г. Этот мост был построен в строгом соответствии с договором и был принят по акту попечителем улуса, его помощником, старостой Аршанского хотона и полицейским стражником, а Д. Г. Ролдугин получил за работу 400 руб. Однако, несмотря на прочность конструкции, мост не выдержал «напора воды необычайной силы и ледохода» в результате быстрого таяния снегов весной 1898 г. [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 82. Л. 1–1об.]. Попечитель улуса П. А. Муликовский считал, что в этих условиях требуется «более солидное сооружение, требующее больших затрат» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 82. Л. 1об.]. Попечитель полагал, что возлагать бремя расходов по строительству моста только на Ики-Хурулов род не совсем справедливо, «так как мост через балку Аршань-Зельмень необходим в интересах путей сообщения, поэтому следует отнести расходы на калмыцкий общественный капитал» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 82. Л. 1об.]. Поскольку в течение двух месяцев никаких срочных мер не принималось, то 29 мая 1898 г. Черноярский уездный полицейский исправник, в чьем ведении находились села Садовое и Обильное, между которыми разрушился мост, обратился в Управление калмыцким народом с требованием незамедлительно построить мост через балку Аршань-Зельмень в связи с задержкой почты [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 82. Л. 9]. Управление калмыцким народом 4 июня 1898 г. сообщило исправнику о том, что оно предполагает строить этот мост и поручило архитектору Управления Карягину составить необходимую смету на постройку [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 82. Л. 10].

Переписка по этому вопросу между чинами администрации (архитектор, Черноярский исправник, попечитель Малодербетовского улуса, Управление калмыцким народом губернское правление, астраханский губернатор, Министр земледелия и государственных имуществ) длилась более года и завершилась 29 мая 1899 г. выделением 1 764 руб. на постройку моста из средств калмыцкого общественного капитала распоряжением Министра [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 82. Л. 11–41]. Тем временем пока происходило долгое согласование, деревянный мост через балку Аршань-Зельмень был построен за 600 руб., которые Ики-Хурулов род выделил из сумм, поступивших за выпас крестьянского скота на аймачной земле. Об этом 23 июня 1899 г. в Управление калмыцким народом сообщил попечитель улуса [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 82. Л. 45]. Архитектор Управления калмыцким народом Малаховский в техническом акте осмотра моста 20 августа 1899 г. отметил: «Мост в техническом отношении удовлетворяет своему назначению и может быть открыт. Материалы, употребленные в дело, удов-

летворительные, работа доброкачественная» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 82. Л. 48]. Выделенные, но не израсходованные 1 764 руб. департамент государственных земельных имуществ перечислил обратно в калмыцкий общественный капитал «на расходы по содержанию Управления» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 82. Л. 50].

Уже следующей весной мост был вновь разрушен весенним половодьем. Попечитель Малодербетовского улуса Соловкин 24 марта 1900 г. сообщил в Управление калмыцким народом о том, что староста поселка Аршань Бадыш Шалхыков доложил ему о разрушении моста сильным напором воды. Осмотрев последствия стихии, попечитель констатировал: «спуск с моста со стороны Аршанского поселка вместе с половыми досками снесен и унесен ледоходом» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1151. Л. 1]. Одновременно произошло обрушение берега, и «балка вместо прежних 4 сажений увеличилась до 8,5 сажений». При этом противоположный берег балки и часть моста на нем остались совершенно целыми [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1151. Л. 1об.]. В своем рапорте попечитель улуса попросил на строительство нового моста выделить из «выпасных сумм» 871 руб. [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1151. Л. 1об.]. Как и следовало ожидать, все лето происходила переписка администрации по этому вопросу, но уже 9 сентября 1900 г. попечитель Соловкин рапортовал в Управление калмыцким народом о том, «что в постройке моста через балку Аршань-Зельмень надобности сейчас не имеется, так как переезд через эту балку устроен снятием земли поперек берегов, и переезд весьма удобен» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1151. Л. 3].

Небольшие ремонтные работы на этом мосту происходили практически ежегодно. По всей вероятности, серьезное разрушение моста произошло весной 1907 г., поскольку в декабре 1907 г. калмыцкая администрация безрезультатно обращалась в губернские органы «о принятии расходов по постройке моста через балку Аршань на суммы дорожного хозяйства» [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1819. Л. 39].

Очередное крупное разрушение моста последовало весной 1909 г. Попечитель Малодербетовского улуса 6 апреля 1909 г. сообщил в Управление калмыцким народом, что «деревянный мост ... на балке Аршань на почтовой дороге между селами Обильное и Садовое совершенно разрушен половодьем», в связи с чем Управление обратилось 8 мая 1909 г. в астраханский губернский распорядительный комитет о планах последнего в отношении указанного моста [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1819. Л. 37]. Однако распорядительный комитет 13 мая того же года представил в Управление неутешительный ответ: на заседании Комитета еще 19 июня 1908 г. был утвержден план развития дорожного хозяйства на 1908–1910 гг. Что касается «улучшения проездного состояния Ставропольского тракта», комитет постановил внести это в план будущего трехлетия [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1819. Л. 39об.]. В своем письме в Управление калмыцким народом распорядительный комитет сообщил: «Забота об этом тракте, ... не принятом еще в ведение распорядительного комитета, относится к обязанностям владельцев и селений, через земли которых пролегает этот тракт. ... В данном случае, переезд через балку Аршань, находящийся на земле калмыков, должен быть приведен в исправное состояние на их средства, как лежащая на их ответственности дорожная повинность» [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1819. Л. 39об.].

Пришлось восстанавливать мост привычным способом на средства рода,

нанимать мастера А. И. Курдюбова за 1 040 руб., закупать на лесопильном заводе в Царицыне и перевозить строительные материалы [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1819. Л. 42–45]. 19 марта 1910 г. попечитель улуса сообщил в Управление о завершении строительства моста [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1819. Л. 47]. Была создана комиссия по приему Аршанского моста в составе трех человек (два помощника попечителя и письмоводитель улусного управления), которая дважды осматривала мост. В акте от 7 мая 1910 г. комиссия отметила существенные недостатки в построенном мосту, в частности отсутствие в некоторых местах железных креплений [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1819. Л. 55]. Актом от 21 мая 1910 г. комиссия приняла к эксплуатации построенный мост шириной 6 аршин (более 4 м), длиной 30 аршин (более 21 м). Мост был деревянным, «под концами моста фундаменты из жженого кирпича на цементе», по бокам имелись перила [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1819. Л. 56]. Дорожный инженер Николаев из распорядительного комитета, осмотрев мост месяцем раньше, 28 апреля 1910 г., письменно выразил некоторые замечания: «Я нашел, что при постройке моста подрядчик, крестьянин с. Тундутово А. И. Курдюбов произвел значительные отступления от сметы и употребил не тот материал..., который положено». По оценке Николаева, построенный мост едва ли стоит более 550 руб., а не 1 040 руб., установленный сметой [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1819. Л. 57–58]. Однако комиссия постановила мост принять к эксплуатации.

Другие заботы рода

К числу важнейших дел должностных лиц и всего общества относилась постоянная борьба с периодически появлявшимися случаями эпидемических заболеваний, что было свойственно всем улусам Калмыцкой степи. К таким опасным заболеваниям относились оспа, тиф, корь, сибирская язва и др. О появлении «подозрительных» болезней хотонные старосты и аймачные старшины сообщали в улусное управление и принимали меры по установлению карантина и изоляции заболевших. Помимо этого, они решали вопрос о приобретении продовольствия для неимущих больных. В качестве предупредительной меры против наиболее распространенного заболевания оспой являлась прививка детритом из крови телят, предварительно зараженных и переболевших оспой (в калмыцких улусах имелись два таких специализированных телятника). Прививки осуществлялись штатными и внештатными оспопрививателями из числа местного населения [Команджаев, Бадмаева 2021].

Наиболее распространенным эпидемическим заболеванием в калмыцких улусах являлась оспа. В частности 25 апреля 1889 г. старшина Ики-Хурулова рода Мучка Шараров сообщил в улусное управление, что полевой сторож Убуши Эренценов, совершая объезд сенокосных мест в урочище Батыр, заметил расположенную там одинокую кибитку. Поскольку кочевание на данной территории до завершения сенокоса было запрещено, сторож направился к ней, «чтобы выгнать с места». В кибитке он заметил своего «однородца» Манца Тюнгутиева, заболевшего оспой. По получении этого известия старшина рода, сообщив в улусное управление, «принял меры», заключавшиеся в определении лиц, контактировавших с больным. Оказалось, что среди них не было заболевших оспой, и дело завершилось изоляцией одного М. Тюнгутиева до

его выздоровления [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 241. Л. 1–2]. 31 мая того же года старшина сообщил в улусное управление о другом таком случае: «заболевший оспой калмык Санджи Чограев выздоровел, более других (больных. — А. К., Е. К.) нет» [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 241. Л. 3].

Летом 1914 г. в Калмыцкой степи разразилась первая за обозримый период наблюдений эпидемия чумы, начавшаяся на территории Ики-Хурулова рода в урочище Аршань-Тег в начале июня и продолжившаяся в Багацохуровском улусе. Поскольку ранее опубликована статья, в которой подробно говорится об этом случае эпидемии [Команджаев, Бадмаева, Мацакова 2020], здесь мы ограничимся лишь кратким его обзором. Заболевание произошло в хотоне из 7 кибиток (семей) с 36 жителями. Заболели 5 чел., которые скончались в течение четырех дней. 7 июня в урочище Аршань-Тег (в архивном источнике ошибочно написано «Аршань-Тебе») прибыли улусный участковый врач Эренджен Хара-Даван и попечитель улуса. Врач в результате осмотра тел умерших и расспросов членов их семей диагностировал чуму. Незамедлительно были продезинфицированы и изолированы на месте очага 4 семьи, членами которых являлись пятеро умерших. Среди них заболели чумой еще 3 человека, которые также скончались. Остальные жители хотона, признанные Э. Хара-Даваном здоровыми, были переселены в другое соседнее урочище. Поскольку после 11 июня здесь не обнаружилось новых случаев заражения, очаг сочли ликвидированным, и в урочище был оставлен наблюдателем врач П. И. Ефимов.

Однако 26 июня в полутора верстах от первичного очага на садово-огородной плантации в татарской семье обнаружили 2 новых заболевших, которые также умерли. Во время осмотра второй больной женщины (первая умерла до приезда врача) заразился чумой П. И. Ефимов, умерший 3 июля. На этом очаг чумы в Аршань-Тег был ликвидирован. Все это сопровождалось реализацией мер по изоляции больных, переселению, доставке медикаментов, продовольствия и широкомасштабными дезинфекционными работами. В результате изучения ситуации бактериологи установили, что вспышка чумы была животного (от степных грызунов), а не завозного происхождения. Были также путем термометрии обследованы жители соседних крестьянских поселений — хутора Жарков, с. Обильного и Садового. В последнем был обнаружен еще один очаг чумы, от которой умерли 2 человека [Команджаев, Бадмаева, Мацакова 2020: 536–540]. На этом вспышка чумы на территории Ики-Хурулова рода прекратилась, хотя следом обнаружилось заболевание чумой в Багацохуровском улусе, где также больные умерли. В тот период чума являлась неизлечимым заболеванием, и врачебные действия ограничивались паллиативной помощью. Главное место отводилось карантинным и дезинфекционным мероприятиям.

Подобные мероприятия производились и в случае с болезнями домашнего скота. В сообщении от 13 марта 1889 г. старосты одного из хотонов Ики-Хурулова рода Зольбана Тоджиева говорилось: «Три дня тому назад на рогатом скоте Хошха Иджилова появилась чума». В тот же день в урочище «Добдрата» прибыли ветеринарный врач Золотарев, стражник Поляков, которые вместе с хотонным старостой и двумя понятыми-скотовладельцами составили два акта. Первый из них являлся актом осмотра всего крупного рогатого скота Х. Иджилова в этом урочище в количестве 37 голов: 5 быков,

13 коров, 9 годовалых бычков и 10 телят до года, из которых заболели чумой одна корова и два теленка [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 231. Л. 1–2]. Вторым, более пространным, актом «Об убиении зачумленного и подозрительного скота» «чумная комиссия . . . , произведя осмотр всего скота, установила, что оказалось 3 головы явночумных, 6 голов с температурой 40 градусов и выше» [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 231. Л. 3]. В связи с этим комиссия постановила «на основании правил о введении в Астраханской губернии. Высочайше утвержденной 3 июня 1873 г. меры убивания зачумленных и подозрительных животных из местного скота» уничтожить 9 больных и 28 подозрительных животных, т. е. все 37 голов крупного рогатого скота Х. Иджилова. Была также по этому акту произведена оценка уничтоженного скота: 2 пятилетних быка — по 35 руб. каждый, 3 трехлетних быка — по 15 руб., 13 коров — по 20 руб., 10 телят и 8 бычков — по 7 руб., один бычок — 5 руб. К этому присовокупили веревки, «бывшие в соприкосновении» с больными животными, на сумму в 50 коп. [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 231. Л. 3]. Чумная комиссия выдала Х. Иджилову удостоверение на получение денежной компенсации за уничтоженный скот в сумме 506 руб. 50 коп. [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 231. Л. 4]. Далее в акте было указано, что «убитый скот зарыт в ямы подлежащей глубины. . . Кибитка владельца дезинфицирована обливанием раствора сулемы и окуриванием серой» [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 231. Л. 4об.].

Важной функциональной обязанностью должностных лиц и всего родового общества являлась опека над сиротами, малоимущими и неимущими сородичами, больными и инвалидами. Этот вопрос у калмыков разрешался по нормам обычного права. Согласно обычаю, опекунами становились родственники. Во второй половине XIX — начале XX в. подобные случаи стали официально фиксироваться приговорами хотонных и аймачных сходов и последующими решениями улусных зарго (судов). Так, 13 февраля 1907 г. состоялся сход Ики-Хурулова-Шебенерова аймака, на котором после смерти сородича Мучка Мошкаева опекуном его малолетних детей был назначен родной дядя Эренджен Мошкаев, проживавший рядом с семьей покойного в с. Поповицком Черноярского уезда. Помощник попечителя Малодербетовского улуса Кирков составил опись оставшегося имущества у семьи покойного: «калмыцкая кибитка из 6 решеток с весьма ветхими кошмами, оцененная в 8 руб., разбитый негодный к употреблению котел в 75 коп., старая корова половой масти, оценена в 15 руб., а всего на сумму в 23 руб. 75 коп.» [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1815. Л. 1]. В этой описи наследниками имущества были записаны вдова Бува Мучкаева и двое детей: девочка 4 лет и грудной мальчик [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1815. Л. 1об.]. Решением Малодербетовского улусного зарго 7 марта 1907 г. под председательством попечителя С. А. Козина (будущего ученого-востоковеда) на основании представленного аймачного приговора и описи имущества опекуном был утвержден Э. Мошкаев [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1815. Л. 1об.].

23 июня 1908 г. на заседании улусного зарго эта опека была прекращена по двум основаниям. Во-первых, произошла «убыль» имущества: «корова была продана за 20 руб., а вырученные деньги были отданы в хурул для поминовения, ветхая же кибитка совсем пришла в негодность». Во-вторых, вдова умершего вышла замуж за калмыка, проживавшего в Малой Тенгуте, и вместе с детьми

проживала с мужем. Определение суда подписано попечителем С. А. Козиным, членами суда О. Уту-Насуновым и Зурмановым, письмоводителем А. В. Ремизовым [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1815. Л. 3]. Это решение зарго после согласования с прокурором Астраханского окружного суда было представлено в Управление калмыцким народом и вступило в действие [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1815. Л. 3об.].

В калмыцких улусах довольно частыми являлись случаи угонов скота или «скотокрадства». Авторами уже обращалось внимание на то обстоятельство, что калмыки относились к фактам угонов скота, как к проявлению удалства [Команджаев, Команджаев 2021: 55]. В этом случае дело завершалось возвращением угнанных животных хозяину. Но в связи со значительным социальным расслоением населения со второй половины XIX в. рост случаев скотокрадства вызвал их осуждение обществом и последующее судебное наказание решением мирового суда соседнего уезда, поскольку у калмыков существовали только улусные зарго [Команджаев, Команджаев 2021]. В архивных фондах имеется немало дел по случаям скотокрадства в Калмыцкой степи.

Нам встретилось архивное дело 1890 г. об аресте в области Войска Донского 34-летнего калмыка Ики-Хурулова рода Бадмы Эрендженова, бежавшего из места административной высылки в Енисейской губернии и находившегося в течение нескольких лет в розыске. В 1884 г. Малодербетовский улусный сход ходатайствовал об административной высылке Б. Эрендженова в Сибирь «за порочное поведение» (как правило, за неоднократные угоны скота), однако он в сентябре того же года в числе 12 калмыков «через взлом оконной железной решетки» бежал из Черноярской тюрьмы [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 214. Л. 1]. В марте 1885 г. он был обнаружен и арестован вместе с бежавшим калмыком Ики-Манлан-Шебенерова рода Мацаком Лиджиевым в урочище Цаган-Нур Талтанкинова рода [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 214. Л. 5]. По решению Астраханского окружного суда он был приговорен к административной высылке в Енисейскую губернию. Прожив в сибирском селе около года, бежал на родину. При допросе попечителем улуса Малодербетовского улуса В. А. Хлебниковым Б. Эрендженов сообщил: «По пути на родину из Сибири преступлений никаких не совершал, шел без письменного вида [без документов. — *Авт.*], питался заработками по селам, по пути в улус нигде меня не задерживали, со мной пришел из Сибири такой же, как я, беглый калмык Икицохуровского улуса Ходжигор Цебденев» [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 214. Л. 1]. Прожив в родном хотоне Ики-Хурулова рода около трех лет (Б. Эрендженов был вдовцом, имел сына 10 лет), понимая, что находится в розыске, весной 1889 г. он ушел из мест расселения рода. В течение 1889 г. он менял место жительства: в кочевьях Дунду-Хурулова рода («работал там, бил камыш»), в крестьянских селах Абганерово, Киселевка, Заветное, в хуторах с. Аксай. На допросе Б. Эрендженов сказал, что там «было 3–4 кибитки калмыков Дунду-Хурулова рода, по имени мне неизвестных, к ним я приходил только по праздникам, остальное время работал на хуторах. В донских пределах я жил около двух месяцев. Билет (имеется в виду билет на отлучку из улуса. — *А. К., Е. К.*) на имя однородца Бадмы Манджиева, отобранный у меня при аресте, я нашел». В постановлении попечителя улуса от 29 января 1890 г. говорилось, что Б. Эрендженов проживал в хуторе Садовом Нижнечирской станицы, где он скрывался под именем сородича Б. Манджиева. Арестован он был в х. Са-

мохином Кобылянской станицы, куда прибыл для встречи с родственниками [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 214. Л. 3]. После проведения необходимого в таких случаях процесса опознания Б. Эрендженов был отправлен в сопровождении стражников в Царицынское полицейское управление для препровождения к судебному следователю 1-го участка Усть-Медведицкого окружного суда в целях привлечения к суду за побег из Сибири [НА РК. Ф. 15. Оп. 4. Д. 214. Л. 2, 8–9].

Наше внимание привлекло необычное дело об административной высылке из пределов улуса гецола местного хурула Ики-Хурулова рода Д. Исеева. В информации попечителя Малодербетовского улуса 14 октября 1892 г. в Управление калмыцким народом говорилось, что Д. Исеев выступил в качестве субарендатора, сдав в аренду крестьянам соседнего села участок земли, предоставленный ему «в исключительное пользование» аймачным сходом Ики-Хурулова рода. К этому попечитель присовокупил и другие неблагоприятные действия Д. Исеева: нанесение побоев манджику своего хурула, передача печати аймачного старшины находящемуся под его влиянием кандидату. По мнению попечителя, «меры к устранению Исеева от светских дел» настоятель (бакша) хурула не принимал, поскольку Галдан-Шараблинг большой хурул не богат и «держится одним Исеевым». Это сообщение попечителя было дополнено сведениями об имущественном состоянии Д. Исеева: 10 верблюдов, 110 лошадей, 54 головы крупного рогатого скота, 270 овец [НА РК. Ф. 9. Оп. 11. Д. 2. Л. 4–4об.]. Возможно, что попечитель объявил собственностью Д. Исеева все имущество его семьи, в частности его брата, который, по мнению попечителя, находился под следствием «за покушение на жизнь рассыльного при исполнении им приказа улусного управления, касающегося его брата гецола» [НА РК. Ф. 9. Оп. 11. Д. 2. Л. 4]. Управление калмыцким народом в своем ходатайстве губернатору 29 октября 1892 г. поддержало предложение попечителя об административной высылке Д. Исеева в Красноярский уезд Астраханской губернии. Это ходатайство, поддержанное губернатором, было направлено в департамент полиции, в результате чего Министр внутренних дел постановил: «выдворить Исеева в Красноярский уезд Астраханской губ. под гласный надзор полиции на 2 года, считая со 2 мая 1893 г.» [НА РК. Ф. 9. Оп. 11. Д. 2. Л. 5, 7]. В 1895 г. астраханский губернатор известил Управление калмыцким народом «об освобождении 2 мая 1895 г. Исеева от надзора полиции с запретом выезда в столицы (Санкт-Петербург и Москва. — А. К., Е. К.) и Санкт-Петербургскую губернию» [НА РК. Ф. 9. Оп. 11. Д. 2. Л. 10]. Д. Исеев вернулся в свой аймак и продолжил службу в Галдан-Шараблинг большом хуруле. Вероятно, родовая община и служащие хурула отнеслись к проступкам Д. Исеева и отбытому им наказанию с сочувственным пониманием, поскольку это не помешало ему через несколько лет (в 1898 г.) стать гелюнгом в своем хуруле. Д. Исеев умер в 1909 г. в возрасте 57 лет [НА РК. Ф. 9. Оп. 11. Д. 16. Л. 103]. Отношение Ики-Хурулова рода к своему сородичу, безусловно, существенно отличалось от мнения администрации, что являлось свидетельством приверженности калмыков традиционному укладу жизни в этот период: для них законом являлись нормы своего обычного права, а не статьи устава о наказаниях Российской империи.

Выводы

Изучение конкретного материала показало, что, наряду с другими проблемами, главной заботой членов Ики-Хурулова рода стало сохранение оз. Батыр из-за устройства крестьянами соседнего села запруды на р. Нарын-Зельме, питающей это озеро. Четыре года (1911–1914) родовое общество прилагало большие усилия по «обводнению» озера, поскольку оно давало жизненно необходимую продукцию: сено и зеленый камыш для прокорма скота, топливо для населения и камыш для строительства жилья и устройства загонов для скота. Нередко жители рода здесь занимались ловлей рыбы. Поскольку р. Аршань, вешние воды которой члены рода пытались направить в оз. Батыр, являлась одной из рек, питавших всю цепь Сарпинских озер, с протестом против действий Ики-Хурулова рода выступили другие калмыцкие рода четырех улусов, для которых эти озера были также важнейшим источником существования. Эти четыре года ходатайств, споров и протестов показали драматизм событий, связанных с оз. Батыр, хотя в итоге дело разрешилось само собой: в 1914 г. запруда на р. Нарын-Зельме, построенная крестьянами с. Обильного, была разрушена весенним половодьем, и ее воды вновь потекли в оз. Батыр.

Другой важной заботой Ики-Хурулова рода в указанный период являлось содержание в рабочем состоянии участка Царицынско-Ставропольского тракта, проходившего через его земли. В особенности главной проблемой было строительство и ремонт деревянного моста через балку Аршань-Зельмень, практически ежегодно разрушавшегося весенним половодьем. Обращает на себя внимание определенное единство действий административных учреждений и органов местного самоуправления.

Помимо хозяйственных дел (сюда входят также ремонт дорог и мостов, распределение сенокосных мест, устройство колодцев, сдача в аренду земельных участков и др.), калмыцкие родовые сообщества в изучаемый период были также заняты спектром социальных забот, как мы это видим на примере Ики-Хурулова рода: опека над сиротами, больными и неимущими, организация врачебной помощи, приобретение продовольствия для больных, повинности в пользу местного хурула. Эти повинности на нужды местных хурулов характерны для всех шебенеровых родов, приписанных к хурулам. Материалы об этом в обработанных нами архивных фондах крайне скудны, в связи с чем полагаем, что многое в этом направлении позволит найти изучение дел из фонда Ламы калмыцкого народа в Национальном архиве Республики Калмыкия. Было бы ошибкой полагать, что члены неимущих и бедных семей бездействовали и голодали. Одни из них переходили к другим занятиям (земледелию и ремеслу), вторые — нанимались в работники к богатым сородичам, третьи — занимались отходничеством за пределами аймака и улуса. К тому же следует учитывать, что в силу устойчивых в калмыцкой среде родовых и родственных связей члены бедных семей находились под заботой своих более состоятельных сородичей.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

- Авляев 2002 — *Авляев Г. О.* Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
- Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, и особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: сочинение 1761 г. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Батмаев 2022 — *Батмаев М. М.* Калмыцкая повседневность XVII–XIX вв.: постановка проблемы и история изучения // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 1. С. 8–18. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-8-18
- Бентковский 1869 — *Бентковский И. В.* Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношении // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 2. Ставрополь, 1869. С. 141–167.
- Бентковский 1869 — *Бентковский И. В.* Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношении // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 3. Ставрополь, 1870. С. 95–119.
- Дуброва 1998 — *Дуброва Я. П.* Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
- Душан 2016 — *Душан У. Д.* Избранные труды / сост. В. В. Батыров, Т. И. Шараяева. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.
- Житецкий 1892 — *Житецкий И. А.* Астраханские калмыки (наблюдения и заметки) // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань: Тип. «Астраханского листка», 1892. С. 3–214.
- Жуковская 2013 — *Жуковская Н. Л.* О буддизме и буддистах. Статьи разных лет: 1969–2011. М.: Ориенталия, 2013. 476 с.
- Калмыки 2010 — *Калмыки* / ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 568 с.
- Команджаев, Бадмаева, Мацакова 2020 — *Команджаев А. Н., Бадмаева С. Е., Мацакова Н. П.* Из опыта борьбы с эпидемическими заболеваниями в Калмыкии: эпидемия чумы 1914 г. // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 533–545. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-533-545
- Команджаев, Бадмаева 2021 — *Команджаев А. Н., Бадмаева С. Е.* Эпидемические заболевания в Калмыцкой степи Астраханской губ. в конце XIX — начале XX в. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 1. С. 43–55. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-43-55
- Команджаев, Команджаев 2021 — *Команджаев А. Н., Команджаев Е. А.* Некоторые черты ментального облика российских калмыков в конце XIX в. (по свидетельству чиновников администрации) // *Журнал фронтальных исследований*. 2021. № 3. С. 48–62. DOI: 10.46539/jfs.v6i3.319
- Мукаева 1978 — *Мукаева О. Д.* Жизнь — служение народу: биографический очерк о Ц. П. Петкиеве. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 25 с.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 190 с.
- Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1934. 290 с.
- Новолетов 1884 — *Новолетов М.* Калмыки: исторический очерк. СПб.: Изд. владельца Малодербетовского улуса нойона Церен-Давида Тундутова, 1884. 77 с.
- Очиров 1910 — *Очиров Н. О.* Отчет о поездке Н. Очирова к астраханским калмыкам летом 1909 г. // *Известия Русского комитета для исследований Средней и Восточной Азии*. 1910. № 10. С. 61–75.
- Пальмов 1926 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. I. XVII и XVIII века. Астрахань: Изд. Калмоблисполкома, 1926. 264 с.
- Пальмов 1927 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. II.

- XVIII век. Астрахань: Изд. Калмоблисполкома, 1927. 230 с.
- Пальмов 1929 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. III и Ч. IV. Ограничительные мероприятия правительства в отношении калмыков. Астрахань: Изд. Калмоблисполкома, 1929. 391 с.
- Смирнов 1999 — *Смирнов П.* Путевые заметки по калмыцким степям Астраханской губернии. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 246 с.
- Эрдниев 1985 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки: историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.

References

- Avlyayev G. O. Origins of the Kalmyk People. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 325 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Zhukovskaya N. L. (eds.) The Kalmyks. Joint monograph. Moscow: Nauka, 2010. 568 p. (In Russ.)
- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords: A Writing of 1761. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Everyday life of Kalmyks, 17th–19th centuries: Defining the problem and its background. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No.1. Pp. 8–18. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-8-18
- Bentkovsky I. V. Kalmyk woman of Bolshederbetsky District in physiological, religious and social perspectives. In: Collected Statistical Data on Stavropol Governorate. Stavropol: Stavropol Statistical Committee, 1869–1870. Vol. 2, pp. 147–167; vol. 3, pp. 95–119. (In Russ.)
- Dubrova Ya. P. Kalmyks of Stavropol Governorates and Their Household Life before the Law of 15 March 1892. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 181 p. (In Russ.)
- Dushan U. D. Selected Works. V. Batyrov, T. Sharaeva (comps.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 376 p. (In Russ.)
- Erdniev U. E. The Kalmyks: Essays in History and Ethnography. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 1985. 282 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Badmaeva S. E. Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: Epidemic diseases, late 19th – early 20th centuries. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 43–55. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-43-55
- Komandzhaev A. N., Badmaeva S. E., Matsakova N. P. Experience of combating epidemics in Kalmykia: A case study of the 1914 plague outbreak. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 533–545. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-533-545
- Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A. Some characteristics of the mentality of the Russian Kalmyks at the end of the 19th century (According to the testimony of government officials). *Journal of Frontier Studies*. 2021. No. 3. Pp. 48–62. (In Russ.) DOI: 10.46539/jfs.v6i3.319
- Mukaeva O. D. The Life Dedicated to People: A Biographical Essay about Ts. P. Petkiev. Elista: Kalmykia Book Publ., 1978. 25 p. (In Russ.)
- Nebolsin P. I. Kalmyks of Khosheutovsky District: Essays on Household Life. St. Petersburg: K. Kray, 1852. 190 p. (In Russ.)
- Nefedev N. Detailed Eyewitness Accounts of the Volga Kalmyks. St. Petersburg: K. Kray, 1834. 290 p. (In Russ.)
- Novoletov M. The Kalmyks: A Historical Essay. St. Petersburg: Prince T.-D. Tundutov, 1884. 77 p. (In Russ.)
- Ochirov N. O. Report on the summer 1910 journey to Astrakhan Kalmyks. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii*. 1910. No. 10. Pp. 61–75. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. In 5 parts. Part 1: 17th–18th Centuries. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1926. 264 p. (In Russ.)

- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. In 5 parts. Part 2: 18th Century. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1927. 230 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. In 5 parts. Parts 3 and 4: Restrictive Measures of [Tsarist] Government against Kalmyks. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1929. 391 p. (In Russ.)
- Smirnov P. Travel Notes on Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 246 p. (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. Astrakhanskie Kalmyks: Observations and notes. In: Collected Works by Members of Peter the Great Society for the Study of Astrakhan Land. Astrakhan: Astrakhanskiy Listok, 1892. Pp. 3–214. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. About Buddhism and Buddhists: Articles of Various Years, 1969–2011. Moscow: Orientalia, 2013. 476 p. (In Russ.)

УДК / UDC 93 + 94

Административно-территориальное устройство Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX – начале XX вв.: историографический и источниковедческий обзор

Евгений Александрович Гунаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaevea@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Гунаев Е. А., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье приводятся сведения о территории Калмыцкой степи и ее улусов в соотношении с уездной системой Астраханской губернии, особенности административного устройства калмыцких улусов применительно к территориальной составляющей управления, а также рассматривается историография исследований по данному вопросу. *Материалы и методы.* В качестве материалов в статье выступают официальные источники Российской империи: законодательство, справочные издания, включая статистику, отдельные картографические источники, делопроизводственные материалы органов управления. В статье рассмотрены труды дореволюционной до 1917 г., советской и современной историографии (с 1991 г.). Для целей настоящего исследования использован фактический, во многом описательный материал о Калмыцкой степи (географическая характеристика, примерная площадь территории, информация об административном устройстве улусов, особенностях кочевий калмыков). Представляет интерес анализ политики царского правительства в отношении Калмыцкой степи, в частности по земельному вопросу, общий анализ инкорпорации калмыков в единую систему общеимперского управления, система управления, административного устройства Калмыцкой степи, а также исследования системы кочевий калмыков. *Результаты.* В ряде случаев Калмыцкая степь обозначается в составе Астраханской губернии с отметкой, что она находится в составе уездов губернии, указывается ее общая площадь. В других случаях она вовсе не обозначается. Возможно, это связано с административными реформами в Калмыцкой степи и в целом изменением управления калмыками Астраханской губернии на протяжении названного периода. Исследовательского внимания заслуживает точка зрения Н. Н. Пальмова, согласно которой земли калмыцкому народу изначально по первым указам начала XIX в. передавались в полное владение и составляли его достояние. Официальная позиция, отраженная в правительственных документах и высказанная в трудах российских чиновников названного периода, заключается в том, что земли передавались в пользование и раздавались поулучно, т. е. не составляли единого целого. Даже если учитывать, что у калмы-

ков было особое управление, находившееся в ведении министерской системы страны, практически не упоминается уездный уровень административно-территориального деления губернии и его соотношение с улусной системой. По мнению автора статьи, это также является малоисследованным вопросом в отечественной историографии.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, Астраханская губерния, территория, земельная площадь, законодательство, справочные издания, статистика, историографические источники

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Гунаев Е. А. Административно-территориальное устройство Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX – начале XX вв.: историографический и источниковедческий обзор. Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 547–565. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-547-565

Administrative and Territorial Structure of Kalmyk Steppe within Astrakhan Governorate, 19th – Early 20th Centuries: A Historiographical and Source Review

*Evgeniy A. Gunaev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., 358000 Elista, Russian Federation) Cand. Sc. (Law), Senior Research Associate

 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaevea@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2022

© Gunaev E. A., 2022

Abstract. *Introduction.* The article provides data on the territory of Kalmyk Steppe and its *uluses* in relation to the *uyezd* system of Astrakhan Governorate, outlines features of the former's administrative structure in relation to the territorial component of public management, and examines historiography of the research issue. *Materials.* The paper investigates statistical digests, geographical reference books on the territorial composition of Astrakhan Governorate, including Kalmyk Steppe, its area, and ulus structure. Special attention is paid to certain legislative provisions of the Russian Empire concerning the governance of Astrakhan Kalmyks and the ulus administrative system. The work also introduces scholars' opinions on the status of Kalmyk Steppe as part of Astrakhan Governorate, evolution of administrative governance in the 19th to early 20th centuries. *Results.* The question of how Kalmyk Steppe used to be classified in statistical and reference publications of the Russian Empire requires further investigation. In some cases, Kalmyk Steppe is designated as part of Astrakhan Governorate to be accompanied by a note that it is incorporated into uyezds of the province, and an indication of its total area. In other cases, there is no mention of the territory at all. This may have resulted from the administrative reforms in Kalmyk Steppe and, in general, changed approaches to Astrakhan Kalmyk people's governance during the identified period. Nikolay Palmov's viewpoint that the early 19th-century decrees had allotted the lands to the Kalmyk people to be fully owned by and thus constitute legitimate property of the latter is worth noticing in terms of scholarly research. The official position reflected in government documents and expressed in writings of Russian officials of the examined period states that the lands had been allotted for use and distributed by each ulus individually, i.e. never formed a single whole. So, even if one takes into account that the Kalmyks were governed by a

special administrative department which was under the jurisdiction of the country's ministerial system, there is practically no mention of the uyezd level in administrative/territorial structure of the Governorate, nor there are any essential prescriptions regarding correlation between the latter and the ulus system. This also remains understudied in Russian historiography.

Keywords: Kalmyk Steppe, Astrakhan Governorate, territory, land area, legislation, reference publications, statistics, historiographical sources

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Gunaev E. A. Administrative and Territorial Structure of Kalmyk Steppe within Astrakhan Governorate, 19th – Early 20th Centuries: A Historiographical and Source Review. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 547–565. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-547-565

Введение

Формирование Российского многонационального государства происходило путем присоединения и постепенной интеграции новых народов, этнических общностей в общее русло общеимперского управления. Наряду с собственно административной политикой отдельно можно выделить как часть административно-территориальную политику, касающуюся оформления правового статуса территории проживания, обитания народов, а также земельную политику в их отношении. Особое место в указанной политике занимали кочевые народы, поскольку территориальные и земельные вопросы их существования были более сложно решаемы, исходя из специфики кочевого образа жизни и более позднего перехода к разграничению земельной собственности на общероссийских началах. Хронологическим периодом начавшегося процесса оформления территории и земельных прав соответствующих народов можно считать XIX – начало XX вв.

Названный исторический период стал для калмыков временем постепенного и окончательного вхождения в общероссийское административное управление с сохранением ряда автономных прав. Пространственным оформлением статуса кочевых народов являлось их административно-территориальное и земельное обустройство. В свете предмета исследования статьи представляет интерес информация о Калмыцкой степи Астраханской губернии как основном ареале расселения калмыцкого народа в Российской империи. Цель статьи — провести анализ историографии и источников о территории расселения калмыков в Астраханской губернии и их земельном устройстве с позиции малоисследованных и / или дискуссионных вопросов названной темы, а именно: характеристики территориальной составляющей улусной системы управления Калмыцкой степи в соотношении с административно-территориальным губернским, уездным устройством.

Материалы и методы

В настоящей статье в качестве источников выступают законодательные акты, справочные издания, включая статистические издания, отдельные картографические работы, делопроизводственные материалы органов управления. В историческом исследовании ведущее место занимают официальные источники

Российской империи, это прежде всего акты, собранные в изданиях Полного собрания законов и Свода законов Российской империи. Законодательные источники представлены Указом от 27 сентября 1800 г. об отводе калмыкам земель [ПСЗРИ, 1 1830], нормативными актами Свода законов Российской Империи об общем губернском учреждении [СЗРИ, 2-1 1857] и учреждении Управления Иногородцев [СЗРИ, 2-2 1857].

Справочные издания содержат самые разнообразные сведения о территориальных единицах Российского государства на тот период, включая описания народов, их быта, нравов, социально-экономического положения и т. д. [Зайончковский 1978]. В настоящей статье были использованы Военно-статистическое обозрение Российской империи по Астраханской области 1852 г., материалы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. с комментариями Н. А. Тройницкого [Перепись 1897а; Перепись 1897б], выпуск 23-го сборника «Статистика землевладения 1905 г.», посвященного Астраханской губернии, изданный в 1906 г. [Статистика 1906], Статистический временник Российской империи. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ Империи с 1860 по 1887 гг. [Статистический 1887], выпуск 2 по Астраханской губернии по сведениям 1859 г. сборника «Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел» 1861 г. [Списки 1861], том 2 Географическо-статистического словаря Российской империи П. П. Семенова-Тян-Шанского [Семенов-Тян-Шанский 1865], том 6 сборника «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» 1903 г. [Россия 1901] и «Россия. Географическое описание Российской Империи по губерниям и областям с географическими картами» 1913 г. [Россия 1913]. В названных справочных изданиях содержится информация об административно-территориальном устройстве Астраханской губернии, составе уездов, площади территории Калмыцкой степи и улусов.

В статье рассмотрены труды дореволюционной, советской и современной историографии (с 1991 г.). Для целей настоящего исследования использован фактический, во многом описательный материал о Калмыцкой степи, где указаны ее географическая характеристика, примерная площадь территории, информация об административном устройстве улусов, особенностях кочевий калмыков. Кроме того, представляет интерес анализ политики царского правительства в отношении Калмыцкой степи, в частности по земельному вопросу, общий анализ инкорпорации калмыков в единую систему имперского управления, системы управления, административного устройства Калмыцкой степи, а также исследования системы кочевий калмыков.

Основная часть

Статистические и географические сведения о Калмыцкой степи в официальных источниках Российской империи

Рассмотрим вначале сведения о Калмыцкой степи, представленные в трудах исследователей XIX – начала XX вв. В сочинении И. В. Равинского отдельно указывается площадь земель уездов Астраханской губернии, казахов Внутренней (Букеевской) орды, калмыков и земли Уральского казачьего войска на р. Урал

[Равинский 1809: 49]. Кочевья калмыков в Астраханской губернии располагались в Енотаевском и Астраханском уездах, «всей земли под кочевьем оных по сим степям считается 10 000 000 десятин; сверх того, на левой стороне Волги для кочевья владельца Тюменя 340 000 десятин» [Равинский 1809: 186–187].

В Военно-статистическом обозрении Российской империи 1852 г. сказано, что Астраханская губерния с 1851 г. разделялась на пять уездов, калмыки для управления делились на семь улусов [Военно-статистическое 1852: 9–10].

В сборнике «Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел» 1861 г. отмечается, что калмыки кочевали на собственных землях, в уездах Астраханском, Енотаевском и Черноярском. Общее количество калмыцких земель простирается до 8 599 416 дес. или 82 555 кв. верст (1684,79 кв. миль) [Списки 1861: 12–13]. В данном издании указано, что общее летнее кочевье всех улусов, кроме Хошеутовского, находилось в нагорной части степи Черноярского и Енотаевского уездов и отчасти Астраханском; летнее кочевье Хошеутовского улуса располагалось в луговой части Енотаевского уезда. На зимнюю кочевку все улусы переходили в Астраханский уезд: здесь Хошеутовский улус занимал места, ближайšie к устьям Волги, южнее хошеутовцев по берегу Каспийского моря, в так называемых «мочагах», располагался улус Мочажный, где находились и летние кочевья; западнее от мочагов, постепенно углубляясь в степь, размещались улусы: «Яндыковский, Еркетеневский, Богоцохуровский, Икицохуровский, Харахусовский и часть Малодербетовского, зимовавшая уже на границе земли Войска Донского» [Списки 1861: 32].

В труде И. А. Стрельбицкого «Исчисление поверхности Российской империи» в изданиях 1874 г. и 1889 г. Калмыцкая степь не выделяется отдельно в составе Астраханской губернии, наряду с пятью уездами указана отдельно территория Внутренней Киргизской (Букеевской) Орды [Стрельбицкий 1874: 65; Стрельбицкий 1889: 9].

В выпуске 2 «Астраханская губерния» справочника «Волости и гмины 1890 г.» указано, что Калмыцкая степь находилась в пределах Астраханского, Енотаевского и Черноярского уездов и занимала 80 462 квадратных верст или 1 662,93 квадратных мили, или 8 378 368 дес. Согласно этому справочнику, 7 калмыцких улусов находились в пределах этих трех уездов, причем улусы размещались на территории сразу нескольких уездов. Так, три улуса — Александровский, Икицохуровский, Харахусовский — находились в Астраханском и Енотаевском уезде, Багацохуровский улус — в Енотаевском и Черноярском, Малодербетовский улус располагался на территории трех уездов: Астраханского, Енотаевского и Черноярского. Только два улуса — Еркетеневский и Яндыко-Мочажный — находились на территории одного Астраханского уезда. Очередное кочевье располагалось в Енотаевском уезде [Волости и гмины 1890: 5].

Управляющий Центральным Статистическим Комитетом (далее — ЦСК) России Н. Тройницкий 15 декабря 1889 г. отмечал, что данные о пространстве уездов Астраханской губернии, приводимое в таблице общее число населения в уездах и городах, отличаются от цифр, приведенных генералом И. А. Стрельбицким в его труде «Исчисление поверхности Российской империи», в силу того, что генерал И. А. Стрельбицкий не выделял в особую территориальную

или административную единицу Калмыцкой степи. Кочевья калмыков не отображены в указанном справочнике и фактически были распределены между уездами. Между тем из общей площади Калмыцкой степи 268 000 дес., составлявших так называемую 10-верстную полосу, равно как и одноверстная полоса по берегу Каспийского моря (105 000 десятин), находились в течение целого ряда десятилетий в постоянном пользовании кочевого и оседлого населения и были переданы Министерством земледелия и государственных имуществ в полную собственность нескольких поселений Черноярского и Енотаевского уездов; точно также 254 000 дес., составляющие 12 участков очередных кочевьев на левом берегу р. Волги, находились в действительности в пользовании киргизов (т. е. казахов. — *Е. Г.*) и были выделены из состава Калмыцкой степи. Поэтому эти части степи при определении пространства уездов «для исчисления густоты населения на квадратную версту» были отнесены ЦСК к тем уездам (или к составу Внутренней Киргизской орды), в ведении которых оказалось при переписи население этих местностей. Остальная часть Калмыцкой степи, а именно 67 246 квадратных верст (6 994 000 десятин), образовали отдельную единицу, которая и значится в переписи под наименованием «Калмыцкой степи». Данные об этих землях, отошедших из общего пространства степи, получены из материалов Астраханского межевого отделения и рекогносцировочной партии Министерства земледелия и государственных имуществ, командированной в степь в 1892 г. [[Перепись 1897а: 2](#)].

В материалах переписи сказано, что Астраханская губерния делилась на 5 уездов и 2 степи: Калмыцкую и Внутренней Киргизской Орды [[Перепись 1897б: 3](#)].

Согласно статистическому сборнику «Пространство и население России в 1905 году», площадь Астраханской губернии составляла в квадратных милях — 4 281 23, в квадратных верстах — 207 193,3. Калмыцкая степь — 1 662,06 кв. миль — входила в состав Астраханского, Енотаевского и Черноярского уездов. В этом справочнике эти данные приводятся в качестве сноски, собственно, в таблице указаны только сведения по уездам Астраханской губернии и Киргизской степи (бывш. Букеевской орде). Для Киргизской степи площадь территории без значительных внутренних вод составляла 1 673,01 квадратных миль или 80 967,5 квадратных верст. Учитывая примерную равность в квадратных милях с Калмыцкой степью, полагаем и приблизительную площадь Калмыцкой степи в 80 000 квадратных верст [[Пространство 1906: 1](#)].

О землях кочевников в Астраханской губернии сказано в справочнике «Статистика землевладения 1905 г.»: «...в административных пределах Астраханской губернии имеются еще земли инородцев-кочевников калмыков и киргиз-кайсаков (Внутренней Орды). Первые в числе 26 720 кибиток владеют 6 521 898 дес. и вторые в числе 63 451 кибиток 6 959 576 дес. земли или в общей сложности обе эти народности, состоящие из 90 171 кибиток, имеют в пользовании 13 481 474 дес. (не считая 126 830 дес. казенной запасной земли в этих степях). При делении общей площади земли на число кибиток получается, что у калмыков данной губернии на кибитку приходится 244,0 дес. и у киргизов — 109,7 дес.» [[Статистика 1906: 35](#)]. В этом же сборнике 126 830 дес. казенной запасной земли указано в составе Внутренней Киргизской Орды. Калмыцкая

степь не выделяется, обозначены только земли уездов Астраханской губернии, в составе которых находились калмыцкие улусы [Статистика 1906: 22].

В справочнике А. Е. Рябченко «Россия. Административно-территориальное деление» 1907 г. перечислены 5 уездов Астраханской губернии и рядом подпунктами «а» и «б» указаны Калмыцкая степь и Киргизская степь. В отношении Калмыцкой степи (1 662,06 квадратных миль) сказано, что она входит в состав Астраханского, Енотаевского и Черноярского уездов [Рябченко 1907: 13].

В справочном пособии «Россия. Географическое описание Российской Империи по губерниям и областям с географическими картами» отмечается, что равнина Астраханской губернии (207 193,3 кв. версты) р. Волгой делится на две части: на западно-Волжскую, или Калмыцкую степь, и на восточную, Заволжскую, или Киргизскую степь. В административном отношении губерния подразделялась на 5 уездов (Астраханский — 49 405,3 кв. версты, Енотаевский — 31 692,1, Красноярский — 7 873,5, Царевский — 21 138,2, Черноярский — 16 116,7), Киргизскую (80 967,5) и Калмыцкую (81 440,94) степи. Вместе с тем на этой же странице пособия в таблице указана Киргизская степь с вышеназванной площадью, а на месте указания площади территории Калмыцкой степи — прочерк и сноску, где сказано, что Калмыцкая степь 1 662,06 кв. миль входит в состав Астраханского, Енотаевского и Черноярского уездов — 8 улусов [Россия 1913: 68]. Обратим внимание на то, что, согласно указанному пособию, Калмыцкой степи как отдельной административно-территориальной единицы не существовало, ее территория распределялась между уездами, причем для нее почему-то указана в сноске общая площадь в квадратных милях, тогда как в таблице для всех единиц — в квадратных верстах.

На следующей странице данного издания напечатана цветная карта Астраханской губернии, на которой Калмыцкая степь именуется как «Земля кочующих калмыков», обозначенная желтым цветом, небольшое пространство Калмыцкой степи находилось также на левом берегу Волги, где указана ставка Хошеутовского улуса. В итоге термин «Калмыцкая степь» продолжал существовать и применяться, хотя в административно-территориальном отношении можно сказать, что не учитывался.

Согласно Обзору Астраханской губернии за 1914 г., в административном отношении она разделялась на 5 уездов, кроме того, в состав губернии входили Калмыцкая степь, Киргизская степь (Внутренняя Киргизская орда) и Астраханское казачье войско. Калмыцкая степь значилась с 7 улусными управлениями и Калмыцким Базаром, площадь ее составляла в квадратных верстах — 67 246, в десятинах — 6 993 584, в процентном отношении ко всей площади губернии — 35,47 % [Обзор 1915: 1–2].

Историографический обзор об административно-территориальном устройстве Калмыцкой степи

В книге П. И. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте» отображена карта Астраханской губернии 1833 г. с описанием земель кочевых народов [Нефедьев 1834: 288], включая калмыцкие улусы. На этой карте они показаны в составе уездов. В труде Н. А. Небольсина «Очерки Волжского Низовья» содержится карта низовой стороны и приволжских кочевых мест (карта Волжского Низовья), где также показаны кочевья калмыков [Небольсин 1852: 198].

В советский период подробно карты Калмыцкой степи XIX — начала XX вв. исследованы И. В. Борисенко, однако в его статьях нет информации о соотношении уездного и улусного устройства [Борисенко 1977; Борисенко 1981].

К. И. Костенков отмечал, что калмыки Астраханской губернии подчинены ведению Министерства государственных имуществ, главное местное управление находилось в г. Астрахани при губернском управлении государственными имуществами [Костенков 1870: 92]. Он подчеркивал, что указ 19 мая 1806 г. отводил землю калмыкам с ограничениями, дозволялась свобода кочевания, возведения построек, развития промышленности и земледелия, «но прав, сопряженных с полным владением, т. е. права продажи, передачи или отдачи в наем», не было предоставлено [Костенков 1868: 3].

В книге И. Черкасова «Краткий очерк административного устройства Астраханских калмыков» содержатся краткие сведения по истории управления калмыцким народом с начала их появления в пределах России до принятия Положения 1834 г. В параграфе 10 «Назначение калмыкам земель» сказано, что с назначением Чучея Тундутова в наместники было определено поземельное пространство для кочевки калмыков [Черкасов 1860: 13]. В параграфе 13 «Определение поземельного права» утверждается, что по положению 19 мая 1806 г. земли калмыкам были предоставлены на правах общего пользования, а указом 22 июля 1822 г. было дано задание составить по калмыцким землям соответствующие планы и карты [Черкасов 1860: 15–16].

Относительно авторства книги «Краткого очерка административного устройства Астраханских калмыков» есть сомнения. Историки утверждают, что барон Иван Антонович Черкасов не является автором, а истинный автор — астраханский историк Иван Гаврилович Черкасов, живший в XIX в. и интересовавшийся этой темой. Но биографических сведений об И. Г. Черкасове сохранилось мало. В фондах Астраханской областной научной библиотеки им. Н. К. Крупской хранится «Краткий очерк административного устройства астраханских калмыков», и он приписывается именно И. Г. Черкасову [Черкасов 1860].

Согласно И. Г. Черкасову, все пространство Астраханской губернии разделялось на пять уездов, от которых не были отделены земли кочевавших калмыков. Земли калмыков разделялись на два разряда: на земли летнего и земли зимнего кочевья. Те и другие были расположены по обе стороны реки Волги и состояли на правах общего владения. Кроме того, как отмечал И. Г. Черкасов, все земельное пространство, занимаемое калмыками, подразделялось не на уезды, «а на улусы безгранично» [Черкасов 1859: 3]. Из всех улусов только земли Хошеутовского и Большедербетовского улусов были ограничены межами. И. Г. Черкасов прямо указывает, что улусы в административном отношении фактически приравнивались к уездам [Черкасов 1859: 3].

И. Г. Черкасов отмечал еще одну особенность: улусы не имели определенной территории и границ, однако кочевание по одним и тем же местам делало эти места как бы собственностью улуса [Черкасов 1859: 3].

В книге «Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции» 1868 г. указывается, что «при общем пользовании отведенными калмыцкому народу землями, все улусы, кроме Хошеутовского, земли которого ограничены межами, не имеют ни определенных границ, ни

определенного пространства для кочевки; но, несмотря на то, кочевые движения калмыков совершаются всегда правильно, по одним и тем же известным местам» [Калмыцкая 1868: 97–98; Белоусов, Баянова 2018: 57].

Анализ системы традиционных кочевий волжских калмыков проведен В. В. Батыровым [Батыров 2013].

А. В. Лохвицкий, российский юрист, доктор права в своем труде «Губерния, ее земские и правительственные учреждения» отмечает, на наш взгляд, важную деталь: «другие орды, как Калмыцкая, имеют значение не губернское, а уездное, она подчиняется губернатору Астраханскому» [Лохвицкий 1864: 59]. В своей книге он пишет, что «в Астраханской губернии также почти вовсе нет помещного дворянства, потому что калмыки, главное ее население, остались, как мы упоминали, вне общей системы, почва же ее неудобна была для дворянской земледельческой колонизации» [Лохвицкий 1864: 119].

В Статистическом временнике 1887 г. говорится о том, что 16 июля 1864 г. Багацохуровский Калмыцкий улус Енотаевского уезда, переименован в Багацохур-Муравьевский в память генерала от инфантерии М. Н. Муравьева, заведовавшего Калмыцким народом в звании Министра государственных имуществ [Статистический 1887: 3]. 2 января 1878 г. Хошеутовский Калмыцкий улус, расположенный на луговой стороне Енотаевского уезда и на горной Астраханского, переименован в Александровский [Статистический 1887: 4]. Данные сведения можно трактовать двояко, с одной стороны, улусы располагались внутри уездов, вместе с тем информация об их переименовании как бы подчеркивает их официальный статус как административных единиц, в том числе в территориальном отношении.

Как отмечают исследователи, с начала XVIII в. в России применялся исключительно унитарный характер территориальной организации государства без учета этнического фактора. Несмотря на сложную структуру административно-территориального деления, в Российской империи «не было выработано четких правовых и теоретических принципов организации территории государства» [Дамешек, Федореева 2013: 13–15].

Согласно К. Н. Максиму, в начале XIX в. определение правового статуса калмыцкого народа затянулось до 1820-х гг. На это повлияло завершение реформы сибирскими инородцами в 1822 г. По Правилам для управления калмыцкого народа 1825 г. Калмыцкая степь «приравнивалась к статусу области — административно-территориальной единицы, введенной в России в результате реформы 1822 г., равнозначной по правовому положению внутренней области в составе Астраханской губернии» [Максимов 2002: 166]. В Положении об управлении калмыцким народом 1834 г. были отражены определенные процессы централизации в начале 1830-х гг. «Калмыкия становилась самостоятельной областью — субъектом, не входящим в состав других административно-территориальных единиц» [Максимов 2002: 172]. Новое Положение об управлении калмыцким народом 1847 г., хотя и сохранило за Калмыкией статус внутренней губернии, «тем не менее был сделан реальный шаг к превращению ее в составную часть Астраханской губернии путем формирования общего административно-территориального управления» [Максимов 2002: 189]. По мнению К. Н. Максимова, «к середине XIX в. Калмыкия полностью утратила оставшиеся элементы ад-

министративной автономии, статуса субъекта России, превратилась в одну из провинций Российской империи» [Максимов 2002: 201].

Административная реформа 1910 г. в Калмыкии завершила реорганизацию местного административно-территориального деления по типу общероссийского сельского административного деления. Произошло укрупнение аймаков и хотонов по территориальному признаку и количественному составу населения, они были унифицированы с низовыми административно-территориальными единицами страны — село, волость [Максимов 2002: 222–223].

В академическом издании «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» отмечается, что «в последней трети XVIII века в административной системе калмыцкого общества обозначились контуры будущих ее составных частей — улусов» [История Калмыкии 2009: 446]. «После упразднения Калмыцкого ханства оставшиеся на Волге улусы в административном отношении были подчинены астраханскому губернатору и как самостоятельные отдельные владения, возглавляемые своими нойонами, приравнены к уездам» [История Калмыкии 2009: 452].

Точка зрения о появлении в составе Астраханской губернии отдельной административно-территориальной единицы калмыцкого народа является устоявшейся в историографии [см., например: Абеева 2010: 110; Белоусов 2013: 103–106; Васильев 2015: 40; Горяев 2013: 61; Максимов 2021: 59; Команджаев 2019: 229–231]. В публикациях присутствуют определения «Калмыкия», «Калмыцкая область», однако следует иметь в виду, что единого территориального субстрата не было, с одной стороны, действительно можно говорить о некоей «внутренней области» в составе Астраханской губернии, с другой стороны, административно-территориальное деление страны не учитывало национальный фактор. На наш взгляд, можно говорить лишь об определенной автономии калмыцкого народа в сфере управления.

В соответствии со Сводом общих губернских учреждений, Российская империя в отношении порядка местного гражданского управления подразделялась на губернии и области. Каждая из этих частей империи управлялась или по Общему, или по Особенному учреждению. Астраханская губерния управлялась по Общему, тогда как, например, Ставропольская и земли казачьих войск (Астраханского, Донского и т. д.) — по Особенному учреждению. По Особенному учреждению управлялись также племена разных инородцев. Общее губернское учреждение не распространялось на особые губернии, области, округа, земли и города в тех лишь случаях, если в местных учреждениях, уставах и законах или же в особых о них постановлениях содержались изъятия и ограничения Общего учреждения [СЗРИ, 2-1 1857]. Управление калмыками, кочевывшими в Астраханской и Ставропольской губерниях, устанавливалось в Положении об инородцах в Своде законов Российской империи [СЗРИ, 2-2 1857: 68–69]. Из этого следует, что Астраханская губерния не обладала в территориальном отношении особым статусом, вместе с тем внутри губернии этнические общности инородцев управлялись по Особенному учреждению с изъятиями и ограничениями для губернской власти.

О. П. Борисова (Дамбаева), исследуя способы распределения государственной власти в отношении «вновь» присоединенных территорий, замечает, что

области являлись примером «частичной административной автономии (частичной инкорпорации) в „общеимперский“ порядок управления [Борисова 2018: 63], причем область представляла собой самостоятельное административно-территориальное образование [Дамбаева 2006б: 12]. Приводится классификация областей в Российской империи, в том числе по ведомственному подчинению [Дамбаева 2006а: 22–23]. В работах О. П. Борисовой (Дамбаевой) не раскрывается специфика управления калмыками, однако говорится о ведомственном управлении. Представляется, что на основе вышеназванных положений требуется дальнейшая теоретическая проработка правового положения калмыцкого народа в составе Российской империи, в частности особенности его управления в контексте административно-территориального устройства как на государственном, так и региональном (губернском) уровнях.

Согласно И. В. Лиджиевой, в работе чиновника Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел В. М. Грибовского «Государственное устройство и управление Российской империей (из лекций по русскому государственному и административному праву)» отмечается характеристика административного устройства Калмыцкой степи, а также описание некоторых элементов института местного самоуправления калмыков. «Астраханские калмыки в своем родовом управлении делятся на семь улусов, — писал В. М. Грибовский, — но у калмыков „улус“ означает соединение нескольких родов „аймаков“, в свою очередь делящихся на более мелкие союзы» (цит. по: [Лиджиева 2016: 44]).

Следует подчеркнуть, что В. М. Грибовский не раскрывает понятие местного управления и самоуправления в отношении инородцев вообще [Грибовский 1912: 52–54], самоуправление в России делилось на сословное (дворянское, купеческое, мещанское и крестьянское) и всесословное (земское и городское) [Грибовский 1912: 149].

Интересную мысль высказал в свое время Н. Н. Пальмов относительно статуса земельных прав калмыков. По его утверждению, бесспорно, что «калмыцкие земли составляли предмет общественного пользования калмыков, но сами по себе эти земли не относились к казенному земельному фонду, — они составляли, по точному смыслу указа 27 сентября 1800 г., собственность калмыцкого народа в его целом» [Пальмов 1932: 19; см.: ПСЗРИ 1830: 322]. Этим, по его мнению, объясняется, почему в Калмыцкой степи не могла возникнуть частная земельная собственность, для подобного явления не имелось основания, поскольку «калмыцкие земли составляли собственность калмыцкого народа, но вовсе не являлись казенными землями», в этой связи раньше правительство относилось к передаче данной земли в пользование другим землепользователям осторожно [Пальмов 1932: 19–20].

А. И. Карагодин, отмечая заслугу Н. Н. Пальмова в скрупулезном выяснении характера происхождения земельных владений Тюменей, в то же время обращал внимание на слабость его методологических построений, которая не позволила ему выработать четкое определение характера земельной собственности калмыцких владельцев. Через всю работу Н. Н. Пальмова проводится мысль, что «по смыслу правительственных актов эти земли не составляли личной собственности Тюменей» (цит. по: [Карагодин 1976: 40]).

А. А. Чужгинов, наоборот, полагал, что работы Н. Н. Пальмова представляют значительный интерес, и им не уделяли в свое время должного внимания [Чужгинов 1976: 166].

В феврале 1913 г. в Государственную думу поступил проект от МВД «О преобразовании административного, судебного и земского устройства Внутренней Киргизской орды и Калмыцкой степи Астраханской губернии», преследовалась цель организовать на территориях Калмыцкой степи Павловский уезд (административный центр — Элиста), Киргизской степи — Алексеевский с центром в Ханской ставке [Дякин 1998: 965]. По данному проекту не предусматривалось введение земства в названных этнических образованиях, что объяснялось неразвитостью в культурном отношении и тем, что их земли не подлежали земскому обложению [Дякин 1998: 966]. Как указывалось ранее, самоуправление в России было городским и земским.

В. А. Скиба пишет, что Положение об управлении калмыцким народом 1847 г. учитывало и юридически закрепило «реальную практику землепользования», и произошло ограничение кочевий улусов строго определенной территорией. В Положении закреплялась «юридическая норма землепользования», согласно которой калмыкам предоставлялось только право общего пользования на ранее отведенной территории государственных или казенных земель. В этой связи они «не имели права частного владения выделенными в их пользование землями, т. е. не имели права их продавать, покупать и дарить» [Скиба 2012: 184].

Следует заметить, что вышеназванное словосочетание о юридической норме землепользования калмыков впервые в историографии было введено Л. С. Бурчиновой. Кроме того, она указывала, что по ст. 7 Положения 1847 г. закреплялось поулусное распределение калмыцких земель, за исключением территорий Мочагов и Калмыцкого Базара, которые отводились в пользование всего калмыцкого общества [Бурчинова 1976: 83].

Проекты реформирования общественного, включая административное, устройства калмыков Астраханской губернии во второй половине XIX в. исследовались С. Ю. Деевым. Он отмечает, что все проекты, за исключением одного, за административно-хозяйственную единицу принимали улус или соответствующую ему границы территории [Деев 2003: 176]. В другой работе С. Ю. Деева содержится важное уточнение, что «административно-территориальное деление было основано на принадлежности калмыков их владельцам и родовым зайсангам, такое деление приводило к тому, что улусы и аймаки представляли собой совершенно замкнутые общественные группы, и в то же время они не имели точно определенной территории и общих хозяйственных интересов» [Деев 2006: 132].

Выводы

Рассмотрев статистические источники Российской империи XIX — начала XX вв., отмечаем, что в ряде случаев Калмыцкая степь обозначается в составе Астраханской губернии с отметкой, что она находится в составе уездов губернии, указывается ее общая площадь. В других случаях она вовсе не обозначается, тогда как, например, земли (территория) Внутренней Киргизской орды продолжают указываться в справочниках и географических картах об Астраханской

губернии. Представляется, что данный вопрос требует своего дальнейшего изучения. Возможно, он связан с административными реформами в Калмыцкой степи и в целом изменением управления калмыками Астраханской губернии на протяжении названного периода.

Точка зрения, предложенная Н. Н. Пальмовым, также заслуживает исследовательского внимания. Согласно Н. Н. Пальмову, земли изначально по первым указам начала XIX в. передавались в полное владение калмыцкому народу и составляли его достояние. Правительственные же документы и мнения российских чиновников, высказанные в их трудах, говорят о том, что земли передавались в пользование и раздавались поулусно, т. е. не составляли единого целого.

В отечественной историографии превалирует позиция определения Калмыцкой степи как особой внутренней области в составе Астраханской губернии, практически не упоминается уездный уровень административно-территориального деления. Это также является малоисследованным вопросом, даже если учитывать, что у калмыков было особое управление, находившееся в ведении министерской системы страны.

Таким образом, анализ источников и историографии по административно-территориальному устройству Калмыцкой степи XIX — начала XX вв. показал наличие некоторых малоисследованных или дискуссионных вопросов названного направления исследований.

Источники и литература

- Абеева 2010 — *Абеева О. Н.* Административно-территориальное устройство калмыцких улусов в XVIII — XIX вв. (правила 1825 года) // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2010. № 2. С. 97–121.
- Батыров 2013 — *Батыров В. В.* Система традиционных кочевий волжских калмыков в XVIII — первой половине XIX вв. // Полевые исследования. 2013. № 1. С. 71–88.
- Белоусов 2013 — *Белоусов С. С.* Роль этнического фактора в формировании административных границ национально-территориальных образований калмыцкого народа в XIX — первой половине XX вв. // Межэтнический и межконфессиональный диалог как консолидирующая основа общества в борьбе против глобальных угроз терроризма и экстремизма: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Астрахань, 10 октября 2013 г.) / сост. и отв. ред. А. В. Сызранов, О. С. Попова. Астрахань: Издатель Сорокин Р. В., 2013. С. 102–110.
- Белоусов, Баянова 2018 — *Белоусов С. С., Баянова А. Т.* География перекочевков калмыков Астраханской губернии по материалам Кумо-Маньчской экспедиции // Монголоведение. 2018. Т. 10. № 3. С. 54–62. DOI: 10.22162/2500-1523-2018-14-54-62
- Борисенко 1981 — *Борисенко И. В.* Калмыцкая степь на карте Астраханской губернии 1909 г. // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР: Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 79–88.
- Борисенко 1977 — *Борисенко И. В.* Картографические источники по землевладению и землепользованию в Калмыцкой степи (XIX — начало XX в.) // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1977. С. 131–142.
- Борисова 2018 — *Борисова О. П.* К вопросу о способах распределения государственной власти на примере областей, входивших в состав Российской империи // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 10. С. 62–64. DOI: 10.18572/1813-1247-2018-10-62-64
- Бурчинова 1976 — *Бурчинова Л. С.* К вопросу о земельной политике царизма в Калмыкии в XIX веке // Вестник института. Вып. 15. Сер. истор. Социально-экономи-

- ческие и политические проблемы истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 61–89.
- Васильев 2015 — *Васильев Д. В.* Калмыцкое ханство в административно-политической системе Российской империи (середина XVIII — середина XIX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10–3(60). С. 38–42.
- Военно-статистическое 1852 — Военно-статистическое обозрение Российской империи: издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба [трудами офицеров Генерального штаба]. СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1848–1858. Загл. Т. 16. Ч. 5: Статистические описания губерний и областей Российской империи, по высочайшему повелению издаваемые Департаментом Генерального штаба Военного министерства. Т. 5: Низовые Приволжские губернии: Ч. 1–5. 1850–1853. Т. 5. Ч. 5: Астраханская губерния / [по рекогносцировкам и материалам, собр. на месте, сост. Безносиков]. 1852. 176 с.
- Волости и гмины 1890 — Волости и гмины 1890 года. Вып. 2: Астраханская губерния. 1890. СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1892. 5 с., [1] л. карт.
- Горяев 2013 — *Горяев М. С.* Вовлечение Калмыкии в общественно-экономическую систему Российской империи (последняя треть XVIII – конец XIX века). Элиста: Джангар, 2013. 224 с.
- Грибовский 1912 — *Грибовский В. М.* Государственное устройство и управление Российской империи: (Из лекций по рус. гос. и адм. праву). Одесса: Техник, 1912. 258 с.
- Дамбаева 2006а — *Дамбаева О. П.* Классификация областей в контексте административно-территориального устройства Российской империи в XIX — начале XX в // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 4(44). С. 18–23.
- Дамбаева 2006б — *Дамбаева О. П.* Область в системе государственного устройства и управления Российской Империи (XVIII — начало XX вв.): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. 21 с.
- Дамешек, Федорева 2013 — *Дамешек Л. М., Федорева И. А.* Теоретические и правовые основы административно-территориального деления. Особенности организации территории // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2013. № 1. С. 7–17.
- Деев 2006 — *Деев С. Ю.* К вопросу о проблемах системы управления калмыцким народом в XIX в. // Вестник КИГИ РАН: сб. науч. трудов. Вып. 20. Элиста: НПП «Джангар», 2006. С. 121–137.
- Деев 2003 — *Деев С. Ю.* Проекты общественного, административного и судебного устройства калмыков Астраханской губернии (1860–1882 гг.) // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2003. № 1. С. 164–181.
- Дякин 1998 — *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб.: «ЛИСС», 1998. 1000 с.
- Зайончковский 1978 — *Зайончковский П. А.* Справочники по истории дореволюционной России. 2-е изд. М.: Книга, 1978. 640 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 1. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. 848 с.
- Калмыцкая 1868 — Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Курмо-Маньчской экспедиции. СПб.: М-во гос. имуществ, 1868. 300 с.
- Карагодин 1976 — *Карагодин А. И.* К вопросу о характере частного землевладения в Калмыкии // Вестник института. Вып. 15. Сер. истор. Социально-экономические и политические проблемы истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 39–60.

- Команджаев 2019 — *Команджаев Е. А.* Институты публичной власти в Калмыкии в XVII — начале XX вв. с позиции цивилизационно-культурного подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 2. С. 219–243. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-219-243
- Костенков 1870 — *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии: с карт. Калмыц. степи / сост. гл. попечитель калмыц. народа ген.-майор К. Костенков. СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. [4], 171 с., 1 л. фронт. (грав. тит. л.), 1 л. карт.
- Костенков 1868 — *Костенков К. И.* Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1868. 174 с.
- Лиджиева 2016 — *Лиджиева И. В.* Местное самоуправление калмыков в XIX — нач. XX вв. (историко-этнографический аспект) / отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 336 с.
- Лохвицкий 1864 — *Лохвицкий А. В.* Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Изд. 2-е с изм. Ч. 1. СПб.: А. Ф. Базунов, 1864. 224 с.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII — XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Максимов 2021 — *Максимов К. Н.* Организация управления калмыцким народом в конце XVIII — первой четверти XIX вв. // Nomadic civilization: historical research. 2021; 1(1): 54–65. DOI: 10.53315/2782-3377-2021-1-1-54-65
- Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки Волжского Низовья. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1852. 199 с.: карта.
- Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1834. 290 с.
- Обзор 1915 — Обзор Астраханской губернии ... [по годам]: приложение ко всеподданнейшему отчету. Астрахань, 1871–1915. Подзаголовок обзора за 1883 г.: Приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии; Обзоры за 1872 и 1873 гг. являются приложением к всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии... за 1914 год. 1915. [III], 117 с., [57] л. табл.
- Пальмов 1932 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 5. Дела земельные. Астрахань: Калмиздат, 1932. 192 с.
- Перепись 1897а — Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1–89] / под редакцией Н. А. Тройницкого. [Санкт-Петербург]: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. II. Астраханская губерния: Тетр. 1. 1899. II, 52 с., 1 л. карт.
- Перепись 1897б — Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1–89] / под ред. Н. А. Тройницкого. [Санкт-Петербург]: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. II. Астраханская губерния: Тетр. 2 (последняя). 1904. [4], XIV. 167 с.
- Пространство 1906 — Пространство и население России в 1905 году. СПб.: тип. Н. Л. Ныркина, 1906. [2], 141 с.
- ПСЗРИ, 1 1830 — Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. В 45 тт. Т. XXVI. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 875 с.
- Равинский 1809 — *Равинский И. В.* Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний: по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству / сочиненное по начертанию Императорского Вольного Экономического Общества Высочайше одобренному и тщанием и иждивением оною Общества изданное. Печатано в Императорской тип., 1809. 597 с.
- Россия 1901 — Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. VI. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1901. VIII, 599 с., [5] л. ил., карт. : ил.

- Россия 1913 — Россия. Географическое описание Российской Империи по губерниям и областям с географическими картами. СПб.: Изд. Тип. «Бережливость», 1913. 286 с.
- Рябченко 1907 — *Рябченко А. Е.* Россия: Адм. деление Империи: с картой / По офиц. данным сост. А. Е. Рябченко. СПб.: Воен. тип., 1907. 70 с.
- Семенов-Тянь-Шанский 1865 — *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. В 5-и тт. Т. 2. / сост. по поручению Рус. геогр. о-ва действ. чл. О-ва П. Семенов. СПб.: Изданием А. Н. Турубаева, 1863–1885. 898 с.
- СЗРИ, 2-1 1857 — Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: издание 1857 г. Т. 2. Ч. 1: Общее губернское учреждение. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1857. 1263 с.
- СЗРИ, 2-2 1857 — Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: издание 1857 г. Т. 2. Ч. 2: Особенныя губернская учреждения. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1857. 739 с.
- Скиба 2012 — *Скиба В. А.* Правовой статус Калмыкии после ликвидации Калмыцкого ханства (1771 г. — XIX в.) // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2012. № 2 (31). С. 182–185.
- Списки 1861 — Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб.: изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861–1885. [Вып. 2]: Астраханская губерния: [... по сведениям 1859 года] / обраб. А. Артемьевым. 1861. XVI. 51 с.
- Статистика 1906 — Статистика землевладения 1905 г. Вып. 23: Астраханская губерния СПб.: [б. и.], 1906. 37 с.
- Статистический 1887 — Статистический временник Российской империи. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ Империи с 1860 по 1887 гг. Сер. III. Вып. 19. СПб.: [Тип. М. Степанова], 1887. 74 с.
- Стрельбицкий 1874 — *Стрельбицкий И. А.* Исчисление поверхности Российской империи в общем ее составе в царствование императора Александра II: С прил. карт Европ. и Азиат. России / произвел Ген. штаба полк. И. Стрельбицкий. СПб.: Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1874. 249 с.
- Стрельбицкий 1889 — *Стрельбицкий И. А.* Исчисление поверхности Российской империи в общем ее составе в царствование императора Александра III и смежных с Россией азиатских государств: В прил. карта владений России / произвел И. Стрельбицкий, Ген. штаба ген.-майор и д. чл. Междунар. стат. ин-та. СПб.: Воен. тип., 1889. 135 с.
- Черкасов — Черкасов, Иван Антонович. Материал из справочника «Авторы трудов об Астраханском крае» [электронный ресурс] // URL.: http://astrakhanica-personalia.ru/Черкасов_Иван_Антонович (дата обращения: 10.09.2022).
- Черкасов 1860 — *Черкасов И. А.* Краткий очерк административного устройства астраханских калмыков: (Извлеч. из рукопис. Истории Астрах. края). [Астрахань]: Губ. тип., [1860]. 21 с.
- Черкасов 1859 — *Черкасов И. Г.* Статистическое и хозяйственное описание Астраханской губернии. [Б. м.; б. и.], 1859. 263 с.
- Чужгинов 1976 — *Чужгинов А. А.* О некоторых историографических проблемах истории Калмыкии (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Вестник института. Вып. 15. Сер. истор. Социально-экономические и политические проблемы истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: [б. и.], 1976. С. 158–171.

References and sources

- Abeeva O. N. Kalmyk uluses, 18th — 19th centuries: Administrative and territorial structure according to the 1825 Regulations. *Vestnik Prikaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya*. 2010. No. 2. Pp. 97–121. (In Russ.)

- Artemyev A. (ed.) The Russian Empire: Lists of Settlements. Central Statistical Committee (Internal Affairs Ministry [of the Russian Empire]). St. Petersburg: Central Statistical Committee, 1861–1885. Vol. 2: Astrakhan Governorate [as of 1859]. 1861. XVI, 51 p. (In Russ.)
- Astrakhan Governorate Statistical Review: The Year 1914. Review of 1883 Be [Referred to as] a Supplement to Most Faithful Report of Astrakhan Governor. Reviews of 1872 and 1873 Be Supplements to Most Faithful Report of ... 1914. Astrakhan: Astrakhan Governorate, 1915. [II], 117 p. (In Russ.)
- Batyrov V. V. Traditional pastoral migration system of the Volga Kalmyks, 18th to mid-19th centuries. *Polevye issledovaniya (Field Studies)*. 2013. No. 1. Pp. 71–88. (In Russ.)
- Belousov S. S. Territorial entities of the Kalmyk people, 19th to mid-20th centuries: Ethnic factor in the shaping of administrative borders. In: Syzranov A. V., Popova O. S. (comps., eds.) Interethnic and Interreligious Dialogue as a Consolidating Basis to Struggle against the Global Threats of Terrorism and Extremism. Conference proceedings (Astrakhan, 10 October 2013). Astrakhan: R. Sorokin, 2013. Pp. 102–110. (In Russ.)
- Belousov S. S., Bayanova A. T. Kalmyks of Astrakhan Governorate: A geography of nomadic migrations according to the Kuma-Manych Expedition's materials. *Mongolian Studies*. 2018. Vol. 10. No. 3. Pp. 54–62. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2018-14-54-62
- Beznosikov (comp.) Military Statistical Review of the Russian Empire. Vol. 16: Statistical Accounts of Imperial Russia's Governorates and Oblasts. Part 5: Lower Volga Governorates. Section 5: Astrakhan Governorate. St. Petersburg: General Staff Headquarters, 1852. 176 p. (In Russ.)
- Borisenko I. V. Cartographic sources on land use and tenure in Kalmyk Steppe, 19th to early 20th centuries. In: History of Precapitalistic and Capitalistic Relations in Kalmykia. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1977. Pp. 131–142. (In Russ.)
- Borisenko I. V. Kalmyk Steppe in a 1909 map of Astrakhan Governorate. In: Studies in Historical Geography of the Kalmyk ASSR: Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1981. Pp. 79–88. (In Russ.)
- Borisova O. P. On the means of distribution of the governmental power on the example of regions constituting the Russian Empire. *State Power and Local Self-Government*. 2018. No. 10. Pp. 62–64. (In Russ.) DOI: 10.18572/1813-1247-2018-10-62-64.
- Burchinova L. S. Tsarist land policy in 19th-century Kalmykia. In: Bulletin of the Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. Series 'History'. Vol. 15: Socioeconomic and Political Issues of Prerevolutionary Kalmykia's History. Elista: Kalmykia Book Publ., 1976. Pp. 61–89. (In Russ.)
- Cherkasov I. A. A Brief Essay on the Administrative System of Astrakhan Kalmyks: An Excerpt from the Manuscript titled 'History of Astrakhan Region'. Astrakhan: Astrakhan Governorate Press, 1860. 21 p. (In Russ.)
- Cherkasov I. G. Astrakhan Governorate: A Statistical and Economic Description. 1859. 263 p. (In Russ.)
- Cherkasov, Ivan Antonovich. In: Authors of Works on Astrakhan Region. Available at: http://astrakhanica-personalia.ru/Cherkasov,_Ivan_Antonovich (accessed: 10 September 2022). (In Russ.)
- Chuzhginov A. A. Revisiting some historiographic issues of Kalmykia's history: Late 18th to mid-19th centuries. In: Bulletin of the Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. Series 'History'. Vol. 15: Socioeconomic and Political Issues of Prerevolutionary Kalmykia's History. Elista: Kalmykia Book Publ., 1976. Pp. 158–171. (In Russ.)
- Collection of Laws of the Russian Empire Compiled at the Behest of [H.I.M.] Nicholas I. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1857–1876. Vol. 2. Part 1: General Governorate Structure. 1857. 1263 p. (In Russ.)

- Collection of Laws of the Russian Empire Compiled at the Behest of [H.I.M.] Nicholas I. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1857–1876. Vol. 2. Part 2: Special Governorate Structure. 1857. 739 p. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 1: 1649 – 12 December 1825. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1830. In 45 vols. Vol. 26. 875 p. (In Russ.)
- Dambaeva O. P. Classification of territories in the context of administrative and territorial structure of the Russian Empire in the XIX – beginning of the XX centuries. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2006. No. 4(44). Pp. 18–23. (In Russ.)
- Dambaeva O. P. Oblast in Imperial Russia's State and Administrative System, 18th to Early 20th Centuries. Cand. Sc. (law) thesis abstract. Tambov, 2006. 21 p. (In Russ.)
- Dameshek L. M., Fedoreeva I. A. Theoretical and legal foundations of territorial division. Special features of administrative arrangement. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series 'History'*. 2013. No. 1. Pp. 7–17. (In Russ.)
- Dyakin V. S. The Nationalities Question in Internal Tsarist Policies, 19th to Early 20th Centuries. St. Petersburg: LISS, 1998. 1000 p. (In Russ.)
- Goryaev M. S. Incorporation of Kalmykia into Imperial Russia's Socioeconomic System, 1770s — 1890s. Elista: Dzhangar, 2013. 224 p. (In Russ.)
- Gribovsky V. M. Power Structures and Administration in the Russian Empire: Lectures on Constitutional and Administrative Law. Odessa: Tekhnik, 1912. 258 p. (In Russ.)
- Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in Accounts of the Kuma-Manych Research Expedition. Ministry of State Property [of the Russian Empire]. St. Petersburg: Bezobrazov & Co., 1868. 300 p. (In Russ.)
- Karagodin A. I. An increase in crop farming practices of the Volga Kalmyks throughout the early-to-mid 19th century. In: Maksimov K. N., Naberukhin A. I., Shovunov K. P. (eds.) *Social System and Sociopolitical Development of Prerevolutionary Kalmykia*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1983. Pp. 101–121. (In Russ.)
- Komandzhaev E. A. Institutes of public authority in Kalmykia in the 17th – early 20th centuries from the perspective of civilization and cultural approach. *RUDN Journal of Law*. 2019. Vol. 23. No. 2. Pp. 219–243. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-219-243
- Kostenkov K. I. (comp.) *Kalmyk Nomads of Astrakhan Governorate: Historical and Statistical Accounts*. Ministry of State Property [of the Russian Empire]. St. Petersburg: N. Glybov, 1870. [4], 171 p. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. *Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: A Statistical Economic Account*. St. Petersburg: V. Bezobrazov & Co., 1868. 174 p. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V. *Kalmyk Self-Governance System, 19th — Early 20th Centuries: A Historical Ethnographic Aspect*. K. Maksimov (ed.). Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2016. 336 p. (In Russ.)
- Lokhvitsky A. V. *Governorate, Its Zemstvo and Government Agencies*. 2nd ed., rev. St. Petersburg: A. Bazunov, 1864. Part 1. 224 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Organization of management of the Kalmyk people at the end XVIII – first quarter of XIX century. *Nomadic civilization: historical research*. 2021. Vol. 1. No. 1. Pp. 54–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2021-1-1-54-65>
- Maksimov K. N. *Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System*. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days*. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russ.)
- Nebolsin P. I. *The Lower Volga Essays*. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs, 1852. 199 p. (In Russ.)
- Nefedyev N. A. *The Volga Kalmyks: Detailed Eyewitness Accounts*. St. Petersburg: K. Kray, 1834. 290 p. (In Russ.)

- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. Part 5: Land Affairs. Astrakhan: Kal-mizdat, 1932. 192 p. (In Russ.)
- Ravinsky I. V. Economic Descriptions of Astrakhan and Caucasus Governorates: Civil and Natural Conditions Pertaining to Agriculture, Industry, and Household Management. Imperial Free Economic Society. [St. Petersburg:] H.I.M. Own Chancery, 1809. 597 p. (In Russ.)
- Ryabchenko A. E. (comp.) Russia: Administrative Structure of the Empire (with a Map). St. Petersburg: Military Press, 1907. 70 p. (In Russ.)
- Ryabchenko A. E. (ed.) Russia: A Geographic Description of the Russian Empire by Governorates and Oblasts with Geographic Maps. St. Petersburg: Berezhlivost, 1913. 286 p. (In Russ.)
- Semyonov-Tyan-Shansky P. P. (comp.) The Russian Empire: A Dictionary of Geography and Statistics. Vols. 1–5. St. Petersburg: A. Turubayev, 1863–1885. Vol. 2. 898 p. (In Russ.)
- Semyonov-Tyan-Shansky V. P. (ed.) Russia: The Complete Geographic Description of Our Motherland. Vol. 6. St. Petersburg: A. Devrient, 1901. VIII, 599 p. (In Russ.)
- Skiba V. A. Kalmykia after the 1771 abolition of Kalmyk Khanate, late 18th – 19th centuries: Legal status revisited. *Newsletter of North-Caucasus State Technical University*. 2012. No. 2 (31). Pp. 182–185. (In Russ.)
- Statistical Annals of the Russian Empire: An Index of Changes in Administrative Units and Borders of the Empire, 1860 to 1887. Central Statistical Committee (Internal Affairs Ministry [of the Russian Empire]). Series III. Vol. 19. St. Petersburg: M. Stepanov, 1887. 74 p. (In Russ.)
- Statistics of Land Use: The Year 1905. Vols. 1–50. Central Statistical Committee (Internal Affairs Ministry [of the Russian Empire]). St. Petersburg, 1906–1907. Vol. 23: Astrakhan Governorate, 1906. 37 p. (In Russ.)
- Strelbitsky I. A. Calculating the Total Area of the Russian Empire in the Reign of Emperor Alexander II. St. Petersburg: General Staff (Military Education Committee), 1874. 249 p. (In Russ.)
- Strelbitsky I. A. et al. Calculating the Total Area of the Russian Empire and Neighboring Countries in the Reign of Emperor Alexander III. St. Petersburg: Military Press, 1889. 135 p. (In Russ.)
- Territory and Population of Russia in 1905. Central Statistical Committee (Internal Affairs Ministry [of the Russian Empire]). St. Petersburg: N. Nyrkin, 1906. [2], 141 p. (In Russ.)
- Troinitsky N. A. (ed.) The First National Census of Imperial Russia (1897). Vols. 1–89. St. Petersburg: Central Statistical Committee (Internal Affairs Ministry), 1899–1905. Vol. 2: Astrakhan Governorate. Notebook 1. 1899. II, 52 p. (In Russ.)
- Troinitsky N. A. (ed.) The First National Census of Imperial Russia (1897). Vols. 1–89. St. Petersburg: Central Statistical Committee (Internal Affairs Ministry), 1899–1905. Vol. 2: Astrakhan Governorate. Notebook 2. 1904. [4], XIV, 167 p. (In Russ.)
- Vasilyev D. V. Kalmyk Khanate in administrative and political system of the Russian Empire (The middle of the XVIII – the middle of the XIX century). *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2015. No. 10–3(60). Pp. 38–42. (In Russ.)
- Volosts and Gminas: The Year 1890. Internal Affairs Ministry [of the Russian Empire], Central Statistical Committee. St. Petersburg: Bezobrazov & Co., 1892. Vol. 2: Astrakhan Governorate, 1890. 5 p. (In Russ.)
- Zayonchkovsky P. A. History of Prerevolutionary Russia: Reference Books. 2nd ed. Moscow: Kniga, 1978. 640 p. (In Russ.)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(517.3)

Модернизационный вектор трансформации традиционного кочевого общества Монголии

Александр Дмитриевич Гомбожапов¹, Валентина Гурожжаповна Жалсанова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047, Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-9793-2274. E-mail: agombozh@gmail.com

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047, Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-0827-6311. E-mail: valyazhal@list.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Гомбожапов А. Д., Жалсанова В. Г., 2022

Аннотация. *Введение.* Трансформация кочевого общества — многоплановый процесс. Социальная организация и внутренняя структура кочевого общества Монголии, претерпев кардинальные преобразования XX в., несет в себе различные импульсы дальнейшего развития. *Цель* статьи — раскрыть внутреннюю содержательную сторону трансформационного процесса современного кочевого общества Монголии. Авторы рассматривают социальную систему кочевников как самоорганизующуюся, которая, приспосабливаясь к новым условиям рынка и товарно-денежных отношений, регенерирует институты традиционного общества, закрепляет новые порядки, формирует современные формы социального объединения и взаимодействия. На основе литературных и авторских источников материалов прослежены явления трансформации в экономической, социальной и культурной сферах жизнедеятельности nomads Монголии. *Результаты.* Показано, что кочевые домохозяйства постепенно втягиваются в рыночные отношения и вместе с тем включаются в общее разделение труда. Определены функции современной кочевой общины: защита находящихся в пользовании пастбищ, совместное использование водных и других природных ресурсов и т. д. *Выводы.* В ходе исследования были получены основные характеристики трансформации кочевого общества: товаризация и индивидуализация кочевого скотоводческого хозяйства, и, как их следствие, рационализация экономического поведения, сохранение подвижного (мобильного) образа жизни при ограничении пределов кочевок и отчетливой локализации сезонных стоянок, замещение традиционных ценностей рыночными. Авторы подчеркивают, что происходит постепенная замена родственных связей территориальными в образовании социальных групп кочевников. Формирование территориальной общности показывает преодоление консервативных черт nomadic общества, где весомую роль играют родственные связи, происхождение и т. д.

Ключевые слова: Монголия, трансформация, кочевники, общество, модернизация, социальная организация, община

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проекты «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», номер госрегистрации: 121031000241-1) и «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», номер госрегистрации: 121031000243-5).

Для цитирования: Гомбожапов А. Д., Жалсанова В. Г. Модернизационный вектор трансформации традиционного кочевого общества Монголии // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 566–577. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-566-577

Transformation of Mongolia's Traditional Nomadic Society: The Modernization Trend Analyzed

Alexandr D. Gombozhapov¹, Valentina G. Zhalsanova²

¹Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0001-9793-2274. E-mail: agombozh@gmail.com

²Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Sociology), Senior Research Associate

 0000-0003-0827-6311. E-mail: valyazhal@list.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Gombozhapov D. A., Zhalsanova G. V., 2022

Abstract. *Introduction.* Transformation of a nomadic society is a multifaceted process. The social organization and inner structure of Mongolia's nomadic society have undergone cardinal changes of the 20th century — only to experience various impulses of further development. *Goals.* The article aims to reveal the inner substantial side inherent to the transformation process within contemporary Mongolia's nomadic society. The paper considers the social system of nomads as a self-organizing one that adapts to new market conditions and commodity-money relations to regenerate the institutions of traditional society, strengthen new social orders, and create advanced forms of social alliances and interactions. *Materials.* The work analyzes literary and field materials for insights into the phenomena of transformation in economic, social and cultural spheres of Mongolia's nomads. *Results.* The study shows nomadic households are being gradually involved into market relations to be incorporated in the general division of labor system; defines functions of a contemporary nomadic community, such as protection of pastures in use, sharing of water and other natural resources, etc. *Conclusions.* The study delineates key characteristics inherent to the observed transformation of nomadic society, namely: commodification and individualization of nomadic livestock breeding and, as a consequence, rationalization of economic behavior, preservation of a mobile (migratory) lifestyle to be accompanied by fixation of nomadic boundaries and distinct localization of seasonal camps, replacement of traditional values by market ones. It is emphasized that kinship ties are being gradually replaced by territorial ones when it comes to identify borders of present-day nomadic social groups. The emergence of a territorial community attests to the overcoming of conservative features typical of nomadic society once largely based on family ties, tribal background, etc.

Keywords: Mongolia, transformation, nomads, society, modernization, social organization, community

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, projects no. 121031000241-1 ‘Historical Space of the Mongol World: Archaeological Cultures, Societies and States’ and no. 121031000243-5 ‘Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Cross-Cultural Interactions’.

For citation: Gombozhapov D. A., Zhalsanova G. V. Transformation of Mongolia’s Traditional Nomadic Society: The Modernization Trend Analyzed. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 566–577. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-566-577

Введение

Кочевое общество Монголии в течение длительного времени оставалось консервативным к любым изменениям. С момента своего генезиса и на протяжении двух тысячелетий в монгольских степях господствовала общественная система, основанная на родоплеменных и генеалогических представлениях. Даже серьезные потрясения и кардинальная смена общественно-экономического уклада, произошедшие в течение прошлого столетия, оставили кочевой образ жизни в неизменном виде и вместе с тем, несмотря на поверхностные изменения, по-прежнему имела место система традиционных общественных связей. Однако говорить о том, что ломка экономических систем¹ происходила без последствий, не приходится. Нововведения после революционных событий как в первой четверти, так и в 90-е гг. XX столетия довольно медленно откликнулись в монгольском обществе, в особенности в его кочевой части. И, наверное, правильным было бы определить эти процессы как трансформацию общественной системы.

Материалы и методы

Научное определение понятия «трансформация» прежде всего связано с творчеством Карла Полаanyi. В своей основополагающей книге «Великая трансформация» (1944; см.: [Полаanyi 2002]) К. Полаanyi предлагает очень важный концепт для объяснения природы социальных изменений, обусловленных сменой экономических отношений и возникающих в результате этого конфликтов между политическими силами [Haas H. et al. 2020]. Обращение к данному концепту предоставляет нам наиболее общий теоретический ракурс для того, чтобы проследить и представить явление в целом.

Исторический опыт Монголии, в котором процессы носили скачкообразный характер, не укладывается строго в условия тех закономерностей, которые описаны или выработаны в рамках теорий, рассматривающих общественное развитие с точки зрения детерминизма и предопределенности в прохождении ступеней или стадий развития. Значимость подхода К. Полаanyi к социальной трансформации очевидна в его недетерминированности, оставляющей место для вариативности, и способности понять механизмы, лежащие в основе политических и общественных изменений в модернизирующихся обществах. Концепция ученого предполагает различные исторические исходы, которые зависят от конкретных условий и обстоятельств.

В изучении непосредственно изменений в социальной организации и структуре, конкретных механизмов трансформационного процесса большую роль

¹ Монголия в XX в. претерпела две смены общественно-экономического уклада: это провозглашение Монгольской Народной Республики и установление социалистической системы; демократическая революция 1991 г. и переход к рыночной системе.

играют теоретические концепции отечественных ученых. Теория социальной (социетальной) трансформации разработана в трудах известными учеными Т. И. Заславской [Заславская 2004], В. А. Ядовым [Ядов 2014], Н. И. Лапиным [Лапин 2000], З. Т. Голенковой [Голенкова 2001] и др. И применительно к кочевому обществу Монголии, безусловно, имеет важное значение в выявлении причин и движущих факторов структурных изменений. В интерпретации особенностей трансформационных процессов у кочевников Внутренней Азии значимыми являются взгляды Н. Н. Крадина [Крадин 2016; Крадин, Янков 2006].

В исследовании проанализированы как литературные данные, так и полевые материалы, представленные результатами опросов кочевых домохозяйств, проведенных в свою очередь в Монголии с 2015 по 2019 гг.

Результаты

Изменения в хозяйственной деятельности кочевников

Процесс трансформации носит многоаспектный характер. Изменения охватывают практически все стороны жизнедеятельности номадов. Прежде всего очевидны и заметны изменения в сфере производства и производственных отношениях [Bazarov 2011: 437]. Кочевые домохозяйства постепенно втягиваются в рыночные отношения и вместе с тем включаются в общее разделение труда. Произведенная в хозяйстве животноводческая продукция, за исключением той доли, которая идет на собственное потребление, ориентирована на продажу. Потребности кочевых домохозяйств за последние десятилетия заметно расширились. Товары широкого потребления все больше находят свое место в быту кочевников, среди которых отметим электротовары с автономным источником питания, сделавшие их применение и использование возможным у кочевников.

Доступность кредитных программ с низким процентом, разработанных специально для животноводов, еще один немаловажный фактор втягивания хозяйств в товарно-денежные отношения. Как показывают наши исследования, практически каждое опрошенное нами хозяйство имеет кредиты с кратким сроком возврата (в течение года). Необходимость возврата заемных средств становится важным стимулом для все большей товарности кочевого хозяйства. Постоянный процесс займа и возврата денежных средств превращает спорадические продажи результатов труда кочевников в системный акт, который можно назвать устойчивым экономическим поведением.

В современных условиях Монголии институт взаимопомощи все больше замещается наймом рабочей силы и переходом к оказанию услуг на возмездной основе. Особенно это характерно в период сезонных работ, когда сжатые сроки и большой объем работ требуют дополнительных рабочих рук. Рассчитывать на соседние домохозяйства не приходится, если у них, конечно, нет большого количества скота, поскольку у каждого из них в этот период проводятся одни и те же хозяйственные работы. Так, для стрижки овец, счесывания козьего пуха, помощи при ягнении овец и т. д. чаще всего нанимаются работники, проживающие в поселковых центрах, или бедные кочевники, у которых есть свободное время.

Безусловно, что вышеперечисленное имеет географические различия и относится не ко всему кочевому населению Монголии. В явном виде эти процессы

происходят в центральных, наиболее развитых в экономическом отношении районах Монголии. Как правило, эти районы можно привязать к сфере распространения экономического влияния крупных городов, таких, как Улан-Батор, Дархан, Эрдэнэт и др.

Изменения в социальной сфере

Следующий аспект трансформации кочевого общества связан с социальной сферой. Она претерпевает не меньшие изменения, чем экономическая. Но для того, чтобы понять вектор социальных изменений, необходимо представить в общих чертах исторический путь, проделанный монгольским обществом.

С точки зрения классиков монголоведения представление о социальной организации кочевников было следующим. Низовой ячейкой общества была и остается в настоящее время нуклеарная семья. Следующий уровень — это объединение двух и более семей в форме мелкой общины или хозяйственной группы (так называемые хот-айлы / хотоны) [Симуков 2007: 495], основанной на родственной или имущественной основе. Говоря в целом о кочевниках, Н. Э. Масанов выделяет, наряду с семьей и общиной, и другие формы социального объединения: группа семей, домохозяйство, хозяйственные и локальные группы [Масанов 1995: 131]. Общности более высокого уровня, выполняющие социально-политические функции, были основаны на принципах происхождения и общей генеалогии, которые играли структурообразующую роль (племена, крупные родовые подразделения). Такая общественная организация была естественно присуща кочевому социуму.

Подчинение Монголии Цинской империи значительно изменило административно-управленческую систему, основу которой стало составлять военно-административное деление, однако оставило без существенных перемен социальную структуру [Горохова 1980: 51]. Низовое социальное взаимодействие по-прежнему осуществлялось внутри мелких кочевых общин, покоившихся преимущественно на родственных связях.

С основанием Монгольской республики и провозглашением социалистического пути кочевой образ жизни был признан отсталой формой и провозглашен курс на модернизацию, конечной целью которого был переход к более прогрессивной модели, с точки зрения идеологов общественного устройства, оседлого образа жизни [Грайворонский 1979: 86–87]. В это время было сделано несколько попыток массовой коллективизации аратских хозяйств. Лишь к концу 1950-х гг. задача, поставленная руководством страны, была выполнена. «Уже к концу 1959 г. 99,3 % всех частных аратских хозяйств были кооперированы в составе 389 сельскохозяйственных объединений» [История Монголии 2007: 271]. В этот период были созданы производственные бригады скотоводов (мал бригад), подразделявшиеся на более мелкие единицы «суури» [Жагварал 1974]. Уход за обобществленным скотом осуществлялся конкретными айлами, в зависимости от этого выделялись скотоводы, пасущие овец (*хоньчин*), коз (*ямаачин*), верблюдоводы (*тэмээчин*) и коровопасы/яководы (*үхэрчин*). Специализированные «суури» представляли собой организационное единство, совмещающая в себе как производственные, так и социальные функции. Таким образом, ранее существовавшие хот-айлы были сменены сууриями [Humphrey 1978: 152; Цэрэнханд 2015: 88–89].

Рыночные реформы 1990-х гг. вновь вернули главное имущество кочевников — домашний скот — в частные руки. Переход к демократии и рынку сопровождался возникновением и углублением социальных проблем [Marin 2008: 86; Humphrey, Sneath 1999: 274]. Резкое ослабление государства, сокращение влияния его институтов во многих сферах привело к тому, что управление, в некотором роде правовое регулирование, система социальной поддержки стали замещаться возрождением социальных и экономических институтов традиционного общества. Именно «вакуум» постсоциалистического периода, отход государства из общественной сферы и откуп в частные руки государственной собственности сделал возможным регенерацию традиционализма. Большую роль в социальной организации кочевников начали играть родственные связи. На их основе вновь стали образовываться традиционные формы социальных коллективов кочевников [Bold 1996: 75]. В целом в кочевом обществе наметилась тенденция к саморегуляции.

Нами выделена форма объединения кочевников, которую можно условно назвать кочевая община [Гомбожапов 2021: 214]. Она включает в себя несколько домохозяйств, сгруппированных родственными отношениями и, как правило, имеющие закрепленные за собой сезонные пастбища. Правомерность такового выделения связана с совпадением функций, которые присущи общине. В общине социальные отношения основываются преимущественно на кровнородственных связях и отношениях свойства. Важное значение в социальной регуляции имеют традиционные нормы, обычаи и нравы. Неотступно соблюдается принцип иерархии по старшинству в управлении коллективом. Все это наблюдается и в кочевой общине. В то же время ее функции дополняются приобретением новых или переосмыслением старых в современных условиях. Причинами образования таких групп на территориальной основе стали слабость государственных механизмов по защите частных интересов и пробелы в законодательстве [Sneath 2003: 442; Barcus 2018: 11–12].

А. М. Хазанов пишет, что хозяйственные, имущественные различия и неодинаковость в обеспечении трудовыми ресурсами отдельных семей в кочевых обществах являются основными факторами, благоприятствующими возникновению общины [Хазанов 2008: 163]. Остальные факторы, по его мнению, второстепенны. В частности к таковым отнесено отношение к ключевым ресурсам [Хазанов 2008: 163]. Наши материалы довольно отчетливо показывают, что в условиях высокой конкуренции за пастбища и водные ресурсы стремление закрепить их в свою собственность становится основой для формирования местной кочевой общины, объединяющая домохозяйства, члены которых родились и на постоянной основе проживают в отдельной взятой местности. Это обстоятельство позволяет им противопоставить праву равного доступа к общественному фонду пастбищ, прикочевавших со стороны, право преимущественного пользования, которое близко к праву приобретательной давности¹.

¹ Об одном таком случае в ходе личной беседы сообщил известный кочевниковед, академик РАН Н. Н. Крадин. Наблюдение было сделано в период раскопок одного из городищ в Булганском аймаке Монголии. В его окрестностях были расположены 3 айла — кочевых домохозяйств. Рядом с ними вскоре поставил юрту скотовод, прибывший из отдаленной местности. Не терпя его присутствия, они поочередно стали направлять свои стада прямо через юрту. В ответ на его возмущение главы айлов говорили, что скот пасется там, где привык пастись, и они ничего поделать не могут. Этот случай наглядно демонстрирует явное противоречие одновременного действия права равного доступа к пастбищам и негласного права собственности.

Миграционные потоки кочевников, ориентированные на крупные рынки сбыта животноводческой продукции [Janzen 2005: 85; Janzen 2009: 10], стали катализатором образования локальных общин. Чем интенсивнее наплыв кочевников-мигрантов и плотнее населенность, тем более осязаемым становятся границы кочевой общины и тем сплоченнее она выглядит. Однако инфильтрация кочевников-мигрантов все же происходит, и механизм ее связан также с принадлежностью вновь прибывших к родственному кругу, узами землячества того или иного кочевого домохозяйства.

Еще один вектор, который можно было бы обозначить как тенденцию трансформации кочевого общества — это возобладание принципа территориальности в социальной организации кочевого населения или закрепление общности кочевников на основе длительного проживания в одной местности.

В кочевом обществе, и это общеизвестно, подвижный образ жизни был несовместим с достижением долговременного единства кочевой общины. «Сама подвижность кочевников ограничивает развитие непосредственных территориальных и соседских связей, тем самым делая родство наилучшей альтернативой для выражения социальных отношений» [Хазанов 2008: 170].

Этому также способствовала экономическая самостоятельность (автономность) кочевого домохозяйства в лице отдельной нуклеарной семьи, которая могла, в зависимости от потребностей своего скотоводческого хозяйства, менять свое месторасположение, сообразуясь с условиями пастбищных угодий. Основой же перманентного существования традиционной общины была производственная необходимость, возникающая в определенные периоды хозяйственного цикла. Однако, по мнению некоторых ученых, нехватка рабочих рук могла быть компенсирована за счет института взаимопомощи. Другими словами, в идеале, как и представлялось китайскими летописцами, кочевое домохозяйство могло находиться в перманентном движении и удовлетворять периодически возникающую потребность в необходимом добавочном труде случайными взаимоуслугами с другими кочевыми домохозяйствами, без формирования устойчивого коллектива с трудовой кооперацией.

Говоря о возникновении новых социальных форм на территориальной основе, конечно, надо сделать оговорку. Речь совершенно не идет о приближении современного явления к классической схеме распада родовой общины и утраты ею территориального единства и замещения родственных связей территориальными в новой «соседской» общине. Мы говорим о формировании устойчивых связей, которые формируют социальную группу кочевников, проживающих на одной территории и объединенных защитой собственных интересов, в основном отражающих экономические, хозяйственные и управленческие вопросы.

Как известно, территориальность — универсальный принцип объединения людей, который нивелирует все другие различия, по которым создается то или иное коллективное единство или социальная сеть. Независимо от наличия какого-либо организационно дифференцирующего признака, совместность проживания в данной конкретной местности солидаризирует людей, стирает все другие различия. В условиях высокой плотности кочевых домохозяйств,

конкуренции за пастбища территориальность все больше замещает родственные связи. Формирование территориальной общности показывает преодоление консервативных черт кочевничества, где весомую роль играют родственные связи, происхождение и т. д.

Несколько слов о преобразованиях в культуре

Безусловно, что заметные преобразования наблюдаются и в сфере культуры кочевников. Модернизационный компонент в традиционной культуре, наверно, ярче всего выражен в предметах быта, одежде, пищевом рационе и т. д. Вещный комплекс традиционной материальной культуры все меньше сохраняет потенциал самовоспроизводства. Предметы хозяйственного и бытового назначения, которые производились в домашних условиях (выделка кож, обработка шерсти, валяние войлока и т. д.), замещаются промышленными товарами. В то же время необходимо заметить, что высокий спрос со стороны кочевников и стремление заинтересовать их заставляет производителей приспособиться к нуждам кочевого быта и предлагать товары в понятной для них форме. На рынках крупных городов зачастую можно увидеть длинные ряды прилавков, ориентированных именно на потребности кочевого населения¹. Вещи и предметы, которые изготавливаются в традиционной форме, во многом сохраняют быт кочевника в прежнем виде.

Товарно-денежные отношения, которые стали базисом производственного и социального взаимодействия современных кочевников Монголии, не могут не влиять и на систему духовных ценностей. Пожалуй, основные перемены в этой сфере, которые следует выделить, связаны с замещением престижа и идеалов традиционного общества материальной выгодой.

Можно говорить о том, что традиционные представления о личном богатстве, которое связано с многочисленностью стад домашнего скота, удачно сочетаются с ценностями индивидуального накопления капиталистического общества. Однако в традиционном кочевом обществе пасущийся скот в большом количестве имел ценность сам по себе. В специфичных природных условиях он придавал уверенность в устойчивости положения владельца и способствовал повышению его социального статуса. Отсюда стремление сохранить и приумножить свои стада, даже в ущерб собственному потреблению. В ценностных установках сегодняшних кочевников-животноводов начинают преобладать категории товарности скота, т. е. многочисленность скота должна выражаться в его способности приносить денежный доход. Становится важным постоянное воспроизводство и увеличение его поголовья взамен отправленных на рынок. И чем больше в абсолютном количестве и выше доля скота в стаде, уходящая на продажу, тем успешнее считается кочевое домохозяйство.

Как подчеркивается исследователями процессов, происходящих в современном монгольском обществе, наблюдается отток сельской молодежи. Этот общий глобальный тренд сельско-городской миграции не обошел стороной и кочевое население. Молодежь перестает связывать свое будущее с привольной жизнью скотовода, считая ее тяжелой, однообразной, не такой насыщенной событиями,

¹ В частности в Улан-Баторе среди кочевников известностью пользуется рынок Нарантуул зах.

какова она в городе. Отчасти это объясняется и желанием родителей дать лучшее образование своим детям, направив их для этого в городские образовательные учреждения [Бадараев и др. 2017: 82–83].

Заключение

На основании вышеизложенного можно заключить, что современные процессы в кочевом обществе носят ярко выраженный трансформационный характер. Внешнее проявление этих изменений особо не заметно. По-прежнему кочевники ведут подвижный образ жизни, сохраняя традиционный быт. Но эта подвижность все более ограничивается пределами определенной территории, где формируются более широкие социальные связи, и уже на их основе создаются новые формы объединений кочевников. В социальной организации наблюдаются две тенденции, в некоторых случаях идущие параллельно, а в других противореча друг другу. Там, где государство оставляет значительную свободу или не способно должным образом регулировать отношения, возникают формы объединения на основе связей по родству и свойству, которые нами определяются как кочевая община. В то же время интенсивный миграционный поток в центральные экономически развитые регионы размывает эти связи, а общие интересы (к примеру, борьба за сохранение пастбищ и рек от загрязнений) солидаризирует кочевников на основе территориального единства. Модернизации подвергаются материальная и духовная культура кочевников. Изменяются духовные ориентиры и традиционные ценности, в особенности это видно по жизненным установкам молодого поколения. Опять же судить о глубине изменений в кочевом обществе и однородности этого явления необходимо с поправкой на удаленность от центров экономической активности.

Литература

- Бадараев и др. 2017 — Бадараев Д. Д., Бреславский А. С., Гомбожапов А. Д., Жамбалова С. Г., Цыбенков Б. Д. Кочевничество и миграции в современной Монголии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2017. 168 с.
- Голенкова 2001 — Голенкова З. Т. Основные тенденции трансформации социальной структуры современного российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. 2001. № 1. С. 28–43.
- Гомбожапов 2021 — Гомбожапов А. Д. Социальная организация общины кочевников Монголии в XXI веке: роль родственных связей // Научный диалог. 2021. № 1. С. 211–223.
- Горохова 1980 — Горохова Г. С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства. М.: Наука, ГРВЛ, 1980. 132 с.
- Грайворонский 1979 — Грайворонский В. В. От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М.: Наука, 1979. 179 с.
- Грайворонский 2007 — Грайворонский В. В. Реформы в социальной сфере современной Монголии. М.: ИВ РАН, 2007. 256 с.
- Жагварал 1974 — Жагварал Н. Аратство и аратское хозяйство. Улан-Батор: АН МНР, 1974. 222 с.
- Заславская 2004 — Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.
- История Монголии 2007 — История Монголии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. 448 с.

- Крадин, Янков 2006 — *Крадин Н. Н., Янков А. Г.* Трансформационные процессы в скотоводческом хозяйстве бурят-монгольских кочевников на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 4. С. 177–186.
- Крадин 2016 — *Крадин Н. Н.* Процессы трансформаций скотоводческого хозяйства в Туве и Забайкалье на рубеже XX–XXI вв. // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 8–27.
- Лапин 2000 — *Лапин Н. И.* Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 3–33.
- Масанов 1995 — *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы; М.: Социнвест, Горизонт, 1995. 320 с.
- Поланьи 2002 — *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.
- Симуков 2007 — *Симуков А. Д.* Труды о Монголии и для Монголии. Т. 2. Осака: Гос. музей этнологии, 2007. 635 с.
- Хазанов 2008 — *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2008. 512 с.
- Ядов 2014 — *Ядов В. А.* Трансформация постсоветских обществ: что более значимо — исторически традиционное или недавнее прошлое // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 47–50.
- Bazarov 2011 — *Bazarov B. V.* Transformation of Nomadic Society: Comparative Analysis of Social and Economic Development of Mongolian Peoples at the End of XX – Beginning of XXI Centuries // Nomadic Civilizations in Cross Cultural Dialogue . Ulaanbaatar, 2011. Pp. 436–439.
- Barcus 2018 — *Barcus H. R.* Contested Space, Contested Livelihoods: A Review of Mongolia Pastureland Management and Land-Tenure Reform // Geographical Review. 2018. Т. 108. № 1. Pp. 138–157.
- Bold 1996 — *Bold B.-O.* Socio-Economic Segmentation: Khot-ail in Nomadic Livestock Keeping of Mongolia // Nomadic Peoples. 1996. № 39. Pp. 69–86.
- Haas H. et al. 2020 — *Haas H., Franssen S., Natter K., Schewel K., Vezzoli S.* Social transformation // International Migration Institute (IMI) Working Paper Series. 2020. № 166. Pp. 2–45.
- Humphrey 1978 — *Humphrey C.* Pastoral nomadism in Mongolia: the role of herders' cooperatives in the national economy // Development and Change. 1978. Т. 9. № 1. Pp. 133–160.
- Humphrey, Sneath 1999 — *Humphrey C., Sneath D.* The end of Nomadism?: Society, state, and the environment in Inner Asia. Durham: Duke University Press, 1999. 368 p.
- Janzen 2005 — *Janzen J.* Mobile Livestock-Keeping in Mongolia: Present Problems, Spatial Organization, Interactions between Mobile and Sedentary Population Groups and Perspectives for Pastoral Development // Pastoralist and Their Neighbors in Asia and Africa. 2005. Pp. 69–98.
- Janzen 2009 — *Janzen J.* Changes in the Mongolia Pastoral Economy During the Transformation Period // Nomadic Studies. 2009. № 16. Pp. 7–16.
- Marin 2008 — *Marin A.* Between cash cows and golden calves: adaptations of Mongolian pastoralism in the 'age of the market' // Nomadic Peoples. 2008. Т. 12. № 2. Pp. 75–101.
- Sneath 2003 — *Sneath D.* Land use, the environment and development in post-socialist Mongolia // Oxford Development Studies. 2003. Т. 31. № 4. Pp. 441–459.
- Цэрэнханд 2015 — *Цэрэнханд Г.* Монгол ахуй — угсаа, соёлын судалгаа. Бүтээлийн түүвэр. Улаанбаатар: «Адмон-принт» ХХК, 2015. 572 х.

References

- Badaraev D. D., Breslavsky A. S., Gombozhapov A. D., Zhambalova S. G., Tsybenov B. D. Nomadism and Migrations in Contemporary Mongolia. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2017. 168 p. (In Russ.)

- Barcus H. R. Contested space, contested livelihoods: A review of Mongolia pastureland management and land-tenure reform. *Geographical Review*. 2018. Vol. 108. No. 1. Pp. 138–157. (In Eng.)
- Bazarov B. V. Transformation of Nomadic Society: Comparative Analysis of Social and Economic Development of Mongolian Peoples at the End of XX – Beginning of XXI Centuries. *Nomadic Civilizations in Cross Cultural Dialogue*. Ulaanbaatar, 2011. Pp. 436–439. (In Eng.)
- Bold B.-O. Socio-economic segmentation: Khot-ail in nomadic livestock keeping of Mongolia. *Nomadic Peoples*. 1996. No. 39. Pp. 69–86. (In Eng.)
- Golenkova Z. T. Main tendencies of transformation of social structure in the modern Russian society. *RUDN Journal of Sociology*. 2001. No. 1. Pp. 28–43. (In Russ.)
- Gombozhapov A. D. Social organization of the Mongolian nomad community in XXI century: Role of family ties. *Nauchnyi dialog*. 2021. No. 1. Pp. 211–223. (In Russ.)
- Gorokhova G. S. Essays on Mongolia's History: The Era of Manchu Rule. Moscow: Nauka — GRVL, 1980. 132 p. (In Russ.)
- Graivoronsky V. V. From Nomadism to Sedentarization: A Case Study of the Mongolian People's Republic. Moscow: Nauka, 1979. 179 p. (In Russ.)
- Graivoronsky V. V. Social Reforms in Contemporary Mongolia. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 256 p. (In Russ.)
- Haas H., Fransen S., Natter K., Schewel K., Vezzoli S. Social transformation. *International Migration Institute (IMI) Working Paper Series*. 2020. No. 166. Pp. 2–45. (In Eng.)
- Humphrey C. Pastoral nomadism in Mongolia: The role of herdsmen's cooperatives in the national economy. *Development and Change*. 1978. Vol. 9. No. 1. Pp. 133–160. (In Eng.)
- Humphrey C., Sneath D. The End of Nomadism?: Society, State, and the Environment in Inner Asia. Durham, NC: Duke University Press, 1999. 368 p. (In Eng.)
- Jagvaral N. Arats and Their Economy. Ulaanbaatar: MPR Academy of Sciences, 1974. 222 p. (In Russ.)
- Janzen J. Changes in the Mongolia pastoral economy during the transformation period. *Nomadic Studies*. 2009. No. 16. Pp. 7–16. (In Eng.)
- Janzen J. Mobile livestock-keeping in Mongolia: Present problems, spatial organization, interactions between mobile and sedentary population groups, and perspectives for pastoral development. In: Ikeya K., Fratkin E. (eds.) *Pastoralist and Their Neighbors in Asia and Africa*. Osaka: National Museum of Ethnology, 2005. Pp. 69–98. (In Eng.)
- Khazanov A. M. Nomads and the External World. St. Petersburg: St. Petersburg University (Faculty of Philology), 2008. 512 p. (In Russ.)
- Kradin N. N. The transformations of pastoral economy in Tuva and Zabaikalie region at the turn of the 20th-21st centuries. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2016. No. 2. Pp. 8–27. (In Russ.)
- Kradin N. N., Yankov A. G. Transformation processes in stock-raising of Buryat-Mongol bedouins at the turn of XX-XXI centuries. *Vestnik RGNF*. 2006. No. 4. Pp. 177–186. (In Russ.)
- Lapin N. I. The issue of sociocultural transformation approached. *Voprosy filosofii*. 2000. No. 6. Pp. 3–33. (In Russ.)
- Marin A. Between cash cows and golden calves: adaptations of Mongolian pastoralism in the 'age of the market'. *Nomadic Peoples*. 2008. Vol. 12. No. 2. Pp. 75–101. (In Eng.)
- Masanov N. E. Kazakh Nomadic Civilization: Life Sustenance Essentials of Nomadic Society. Almaty, Moscow: Sotsinvest, Gorizont, 1995. 320 p. (In Russ.)
- Polanyi K. The Great Transformation: Origins of Our Time. St. Petersburg: Aletheia, 2002. 320 p. (In Russ.)
- Simukov A. D. Works on Mongolia and for Mongolia. Vol. 2. Osaka: National Museum of Ethnology, 2007. 635 p. (In Russ.)
- Sneath D. Land use, the environment and development in post-socialist Mongolia. *Oxford Development Studies*. 2003. Vol. 31. No. 4. Pp. 441–459. (In Russ.)

- Tönnies F. *Community and Society (Gemeinschaft und Gesellschaft)*. Moscow: Universitet; St. Petersburg: Vladimir Dal, 2002. 450 p. (In Russ.)
- Tserenkhand G. *The Mongolian Economy: Studies in Ethnology and Culture. Collected papers.* Ulaanbaatar: Admon-Print, 2015. 572 p. (In Russ.)
- Yadov V. A. Post-Soviet societies transformations: what is more significant – the historically traditional or recent past? *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)*. 2014. No. 7. Pp. 47–50. (In Russ.)
- Yaskina G. S. (ed.) *History of Mongolia: 20th Century*. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ.)
- Zaslavskaya T. I. *Contemporary Russian Society: Social Mechanism of Transformation*. Moscow: Delo, 2004. 400 p. (In Russ.)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 930(929)

Летопись хоринских бурят Рабжи Санжиева: предварительные сведения

Марина Васильевна Аюшеева¹, Цымжит Пурбуевна Ванчикова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047, г. Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-3760-9867. E-mail: ayagma@yandex.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047, г. Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

 0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova.ts@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Аюшеева М. В., Ванчикова Ц. П., 2022

Аннотация. *Введение.* Ввод в научный оборот новых источников, характеризующих традиции бурятского летописания, продолжает оставаться актуальной задачей монголоведения. Остаются неизученными еще десятки сочинений и их различные списки и продолжения. Настоящей статьёй предвзрается исследование и перевод объемной исторической летописи по истории агинских и хоринских бурят. *Цель* исследования: дать краткий обзор содержания, ознакомиться с особенностями формирования летописного текста. *Материалы и методы.* Для источниковедческого анализа сочинения Рабжи Санжиева привлекался широкий круг бурятских исторических сочинений — летописей, а также архивные документы. Историко-сравнительный и хронологический методы позволили систематизировать приводимые автором сведения, также применялись методы текстологии и источниковедения для вычленения авторского текста. *Результаты.* Был выделен обширный круг источников, структура летописи, согласно которой в сочинении Р. Санжиева можно определить условные крупные блоки: прежде всего, летопись Шираб-Нимбо Хобитуева, копии официальных документов, исторические сочинения других авторов как Т. Тобоева, Д. Заяева, С. Ванданова, А. Очирова, и авторский текст. *Выводы.* Сочинение Р. Санжиева является крупным сочинением историко-документального жанра. При работе с летописью Шираб-Нимбо Хобитуева автором была проведена кропотливая работа по уточнению, дополнению отдельных фактов и данных, введена новая информация из разных источников. Продолжение летописи Ш.-Н. Хобитуева, несмотря на разрозненность приводимых фактов, выступает как самостоятельное сочинение. Особую ценность имеют включенные автором в текст летописи архивные документы по истории бурятского самоуправления, истории буддизма, фольклорных текстов, летописей и легенд.

Ключевые слова: летопись, буряты, история бурят, историография, история буддизма в Бурятии, Ш.-Н. Хобитуев, Р. Санжиев, Центр восточных рукописей и ксилографов

Благодарность. Статья выполнена в рамках государственного задания «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (номер госрегистрации: 121031000263-3).

Для цитирования: Аюшеева М. В., Ванчикова Ц. П. Летопись хоринских бурят Рабжи Санжиева: предварительные сведения // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 578–592. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-578-592

Rabzhi Sanzhiev’s History of the Khori Buryats: Preliminary Data

Marina V. Ayusheeva¹, Tsymzhit P. Vanchikova²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0003-3760-9867. E-mail: ayagma@yandex.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

 0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova.ts@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Ayusheeva M. V., Vanchikova Ts. P., 2022

Abstract. *Introduction.* The introduction of new sources characterizing traditions of Buryat chronicle writing into scientific circulation remains an urgent task of Mongolian studies. Dozens of works and their various copies and editions are still there to be explored. The article precedes a further study and translation of a voluminous historical chronicle of the Aga and Khori Buryats. *Goals.* The study attempts a brief overview of the chronicle’s contents and approaches some peculiarities traced in its text. *Materials and methods.* The analysis of Rabzhi Sanzhiev’s writing involves a wide range of Buryat historical works — both chronicles and archival documents. The historical comparative and chronological methods prove instrumental in systematizing the data contained, while tools of textual and source studies have made it possible to delineate the author’s text proper. *Results.* The work identifies an extensive range of sources and the chronicle’s structure according to which R. Sanzhiev’s narrative be conventionally divided into a number of large sections, namely: Shirab-Nimbu Khobituev’s chronicle; copies of official documents; historical works by T. Toboev, D. Zayaev, S. Vandanov, A. Ochirov; and the author’s text. *Conclusions.* R. Sanzhiev’s writing is a major work of the historical documentary genre. The author undertook painstaking efforts to meticulously clarify data included in Shirab-Nimbu Khobituev’s chronicle and supplement certain facts and data, introduce additional findings from various sources. The continuation of Khobituev’s chronicle — despite the compiled facts are fragmented enough — acts as an independent composition. Archival documents on the history of Buryat self-governance and Buddhism, folklore texts, chronicles and legends included by the author into the narrative are of particular value.

Keywords: chronicle, Buryats, history of Buryats, historiography, history of Buddhism in Buryatia, Khobituev, Sanzhiev, Center of Oriental Manuscripts and Xylographs

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000263-3 ‘Scriptural Traditions of Baikal Peoples in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia’.

For citation: Ayusheeva M. V., Vanchikova Ts. P. Rabzhi Sanzhiev’s History of the Khori Buryats: Preliminary Data. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 578–592. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-578-592

Введение

Бурятские летописи широко привлекались российскими и зарубежными монголоведами при изучении родового состава бурят, истории заселения края, религии, этнографии и культуры бурятского народа [Позднеев 1900; Румянцев 1960; Румянцев 1965; Востриков, Поппе 1935; Пучковский 1957; Цыдендамбаев 2001; Nasuyüljei 1999; и мн. др.]. Тем не менее, изучение развития летописания у бурят до сих пор является малоисследованной и актуальной проблемой, несмотря на тот факт, что основные бурятские летописи Тугулдура Тобоева [Поппе 1935; Поппе 1936; Бурятские летописи 1995: 5–35; Буряад түүхэ бэшэгүүд 1992: 12–33], Вандана Юмсунова [Бурятские летописи 1995: 36–102; Буряад түүхэ бэшэгүүд 1992: 34–91; Бадмаева 2007], Шираб-Нимбо Хобитуева [Казакевич 1935; Буряад түүхэ бэшэгүүд 1992: 92–125; Бадмаева, Очирова 2018], Цэдэбжаб Сахарова [Буряад түүхэ бэшэгүүд 1992: 161–167; Бурятские летописи 1995: 177–188], Сайнцака Юмова [Буряад түүхэ бэшэгүүд 1992: 154–160], Дамби-Жалсана Ломбоцыренова [Буряад түүхэ бэшэгүүд 1992: 126–153; Бурятские летописи 1995: 103–132] и др. изданы и переведены на русский или бурятский язык. Однако еще много первоисточников и списков, продолжений названных летописей и сочинения других малоизвестных авторов остаются не вовлеченными в научный оборот, за редким и кратким упоминанием, являясь совершенно неизученными. Одним из таких памятников письменности следует назвать продолжение летописи Шираб-Нимбо Хобитуева — хронику Рабжи Санжиева по истории хоринских и агинских бурят, а также по истории распространения буддийской религии в Бурятии.

Она имеет два названия на титульном листе и на л. 1v, практически полностью повторяющих названия хоринской летописи Ш.-Н. Хобитуева: 1) «История происхождения бурят 11 хоринских родов, входящих в состав бурятской народности, проживающих в Восточной Сибири Российской империи» (Orus-un güren-ü jegün sibir-e doruna ayši buriyad kemekü yasutan-u jon terigüten yaruуsan ba tegün dotur-a qori-yin arban nigen eçige-yin buriyad jon-u tegüuke biçig) и 2) «История о том, как распространилась буддийская религия из Индии в Тибет и Бурятию, с какого времени появился этноним „монгол“, с какими ханами они жили, как впервые от них отделились буряты и как изначально расселились и размножились хори-буряты 11 родов, после 1600 г. в каком ведении находились, какую религию исповедовали, с какими предводителями существовали, какое было административное управление и прочее, систематизировав по годам до 1886 г., записал, а также продолжение о произошедшем позднее и до настоящих лет о положении дел и другом» (Buddh-a-yin sasin enedkeg-eçe töbed kiked buriyad küretele yauyakiju delgeregsen ba, mongyol kemekü jon anu ali // üy-e-eçe teyimü neremji abju yambar qayad-tai sayuуsan kiked, tegün dotur-aça buriyad

kemekü jon yasu-tan // terigün yaruуsan ba, tegünü qori-yin arban nigen ečige-yin buriyad jon-bar angqa-ača qamiу-a önrčijü, // saууsan kiged, ros-un 1600 [on-ač]a qoyisi ken-ü medel-dü yambar sasin-tai ba, yambar aqamad-tai kiged erkimji bolun, // jakiray-a-yin bayidal terigüten-i on-ud-un yorim-iyar suburyulan 1886 on kürtele ebelegülen bičigdegsen-i, egün-eče qoyisi boluуsan // ürgülčilel-i edüge-eče kedün on kürtele eblegүljü edüge-ü čay-un aji bayidal-un jerge-lüge selte bičig-ner-i bičigsen // tegүüke-ner bölüge) [ЦВРК. Инв. № М-1-1. Л. 1v].

Краткие упоминание и обзор данного текста были представлены в работах Г. Н. Румянцева [Румянцев 1960] и Ц. Б. Цыдендамбаева [Цыдендамбаев 2001: 59–61].

Ц. Б. Цыдендамбаев выделял следующие крупные блоки в рассматриваемой работе: «а) «История одиннадцати хоринских родов» Ш.-Н. Хобитуева примерно на 24 листах; б) дополнения к летописи Ш.-Н. Хобитуева в пределах ее временных рамок на 15 листах; в) продолжение летописи Ш.-Н. Хобитуева с 1888 по 1920 год включительно на 64 листах; г) небольшие исторические и мемуарные записки на 13 листах; д) деловые бумаги: циркуляры, общественные приговоры и т. п. на 36 листах; е) нравоучительные и различные газетные заметки на девяти листах» [Цыдендамбаев 2001: 59]. Следует отметить, что выделенные блоки, за исключением первых двух, распределены по всему объему летописи в качестве дополнительного материала согласно содержанию и общей канве повествования. Ц. Б. Цыдендамбаевым перечислены основные темы и вопросы, освещенные Р. Санжиевым в своем дополнении к летописи Ш.-Н. Хобитуева [Цыдендамбаев 2001: 60–61].

Материалы и методы

В монгольском фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее — ЦВРК) хранится объемное сочинение Рабжи Санжиева, написанное на амбарной книге формата А3. Шифр хранения — коллекция М-1, инвентарный номер 1 [Annotated catalogue ... 2004: 5]. При сравнительном анализе текста нами привлекались другие исторические сочинения (как опубликованные, так и рукописные), например летописи бурят — Ш.-Н. Хобитуева [Бадмаева, Очирова 2018], Т. Тобоева [Бурятские летописи 1995], В. Юмсунова [Поппе 1935], легенды и предания о путешествии Д. Заяева в Тибет [История бурятского буддизма 2006], о Бальжин-хатун и другие, а также архивные материалы (приговоры, протоколы) по истории хоринских бурят [ЦВРК. ОАФ. № 696] и официальные документы, манифесты, законы Российской империи [Полный свод законов 1902; Полный свод законов 1908].

К вопросу об авторе сочинения

Имя автора, составителя сочинения Рабжи Санжиева написано на лицевой обложке, о сочинении Р. Санжиева по истории хоринских бурят, включающей целиком летопись Ш.-Н. Хобитуева, упоминал Г. Н. Румянцев [Румянцев 1960: 11–12]. На основании этих данных Ц. Б. Цыдендамбаев считал, что данная рукопись принадлежит перу Рабжи Санжиева. По его мнению, автор текста по происхождению был агинским бурятом и ламой, «потому что много дополнений

сборника относится к истории распространения ламаизма в Бурятии вообще и в Аге в частности; к тому же имя составителя «Рабжа» (в бурятском произношении *Арабжаа*) является одним из собственных имен, присваиваемых обычно хуваракам» [Цыдендамбаев 2001: 60]. Р. Санжиев владел тибетским языком, о чем свидетельствуют многочисленные вставки между строк на тибетском языке, уточняющие смысл.

Р. Санжиев, возможно, имел отношение к административному управлению, поскольку очень часто апеллирует к официальным документам и первоисточникам, которые могли храниться в канцеляриях родовых управлений, либо дацанских.

Характеристика источника

К сожалению, документов о поступлении сочинения Рабжи Санжиева на хранение в рукописный отдел Бурят-Монгольского ученого комитета (далее — Буручком) не обнаружено. На рукописи проставлены печати Буручкама на листах 1, 75, 128, 155об. и др., что свидетельствует о поступлении данного источника на хранение до 1929 г., когда Буручком был реорганизован в Государственный институт культуры. Номер по первому учету — 187, записан выцветающими чернилами зеленого цвета на титульном листе, здесь же имеется запись — 50 р., вероятно, данное сочинение было приобретено за 50 рублей. Инвентарный номер по учету 1940 г. — М-І-390. При инвентаризации в 1998 г. и формировании коллекции М-І монгольского фонда был присвоен новый текущий номер М-І-1.

Летопись записана на листах размером 42,5x35 см и сшитых в книгу с твердой обложкой, размер которой составляет 43x34,5 см. Твердая обложка имеет дефекты (нижний правый край передней обложки и левый верхней задней обложки оторваны), потертости. На лицевой стороне обложки имеются подклейки, выполненные из грубой оберточной бумаги, в виду чего наполовину заклеено название, к тому же чернила практически выцвели, видны лишь отдельные слова: *ogos-un ... sibiri ... arban nigen ... bičig*. Вероятно, полное написание было «*Orus-un güren-ü jegün sibir-e doruna aγši buriyad kemekü yasutan-u jon terigüten γaruγsan ba tegün dotur-a qori-yin arban nigen ečige-yin buriyad jon-u tegüüke bičig*». Всего в книге насчитывается 162 листа. В сочинении имеется авторская пагинация монгольскими цифрами. Возможно, при учете 1940 г. или позднее был произведен подсчет арабскими цифрами. В обеих нумерациях имеются ошибки. Следует отметить, что в конце книги имеются чистые листы, примерно ¼ от всего объема книги. На листах с правого края по середине имеется водяной знак «фабрика наследников Сумкина № 7». На задней обложке имеется запись «Василий Чистохин».

Текст написан в основном черными чернилами, частично фиолетовыми. Отдельные места, главным образом, даты, начало документов, абзацев, имена отмечены красным карандашом, также имеются подчеркивания и выделения по тексту. Исправления, лакуны, вставки произведены, согласно устоявшимся традициям монгольской письменности, отмечены знаками «крестик», «кружочек», некоторые рядом стоящие исправления подведены многоточием. Автор, следуя хоринской письменной традиции, не выделяет диакритическими знаками

букву «ү». Наблюдаются лишние «зубчики», поэтому имеются разные варианты написания как заимствованных, так и исконно монгольских слов. Почерк местами неровный, небрежный. Тем не менее несколько страниц написаны каллиграфически выверенными буквами. Тибетские переводы названий дацанов, имен буддийских лам и т. п. написаны чернилами разного цвета: фиолетовыми, зелеными, черными, вероятно, были вписаны позднее основного текста.

Летопись записана на конторской книге по финансовой отчетности с отпечатанными графами, поэтому автор пытался уложить строки в имеющиеся линованные столбцы, отчего в ряде случаев средняя часть текста (примерно 8–9 строк), помещающаяся в самой большой столбец, написана плотным почерком, а заключительные 4–5 строк, как правило, размещены в крайние столбцы и занимают по ширине аналогичное пространство.

Следуя правилу выделения заглавными буквами упоминания об императоре в официальных документах, Р. Санжиев также пишет слова «*ueke degedü-yin*» (его императорского величества) более крупными буквами.

Датировка событий приводится по европейскому летоисчислению, например, 23 марта 1863 г. (1863 on-u marta-yin 23 edür-e), лишь в нескольких случаях название года дано в монголо-буддийской традиции — год белого тигра и т. п.

Источники летописи

Начальная история бурятского народа и перекочевки хори-бурят написана на основе известных бурятских летописей Ш.-Н. Хобитуева и Т. Тобоева. Летопись Ш.-Н. Хобитуева переписана полностью, с правками и дополнениями в объеме от кратких абзацев в 2–3 предложения до нескольких страниц текста. О компиляции из летописи Т. Тобоева свидетельствует фраза на л. 11 «Из многостраничной истории, составленной вышеупомянутым нойон-ахай Тобоевым в 1863 г., выборочно записал несколько слов», ниже отмечается, что оригинал хранился у Ринчина Бадмаева, сына Бадмы Шантабова, занимавшего должность заседателя хубдутского рода, что с сочинением Т. Тобоева он работал в 1911 г. и поместил отдельные фрагменты в свое историческое писание. Данная вставка занимает почти 4 листа в рукописи (л. 9–12) и разрывает повествование Ш.-Н. Хобитуева между 1800 и 1804 гг. Из летописи Т. Тобоева были заимствованы также отдельные места, касающиеся описания закладки, строительства и освящения Агинского дацана, утверждения положения об управлении инородцами от 22 июля 1822 г., которые следуют последовательно с сокращениями. Имеется еще одно указание на летопись Т. Тобоева на л. 39об. о деятельности тайши Денбилова и его злоупотреблениях с пометкой, что приводимые сведения о тайше Денбилове взяты из работы главного агинского тайши Т. Тобоева, составленной в 1863 г.

Сведения, почерпнутые Р. Санжиевым у Т. Тобоева, имеют дополнения. При сличении ранней истории бурят у Т. Тобоева с изложением таковой у Р. Санжиева выявлено, что Р. Санжиев, наряду с дословным переписыванием текста, вносил уточняющие сведения. Отдельные места пересказывал лаконично.

Следует отметить, что это единичные указания на заимствованные цитаты. В большинстве случаев Р. Санжиев не дает каких-либо пометок об источнике информации, а также не выделяет цитаты. Потому требуется тщательный анализ текста, а выявление всех источников имеет сложности в их идентификации.

Отличительная черта работы Санжиева от других продолжений летописи Ш.-Н. Хобитуева, в частности известных авторов Соло Ванданова (хранится в монгольском фонде ЦВРК, инв. № М-1-29) и Аюши Очирова (в книге Л. Б. Бадмаевой и Г. Н. Очировой он назван автором публикуемого ими продолжения [Бадмаева, Очирова 2018: 264]), это включение архивных документов, выписок из других сочинений, что, с одной стороны, увеличивает в значительной степени его работу, с другой, знакомит читателей с оригинальными историческими свидетельствами, в ряде случаев, вероятно, уже утраченными. Стоит заметить, что беглое сличение двух продолжений С. Ванданова и А. Очирова говорит об их схожести, и требуется дальнейшее исследование данных списков продолжений летописи Ш.-Н. Хобитуева, что позволит более точно определить авторство, различия и сходства.

Безусловно, Рабжа Санжиев был знаком с продолжениями и посчитал нужным включить их в свою работу. Однако, если летопись Ш.-Н. Хобитуева переписана практически цельным текстом с некоторыми вставками, разрывающими повествование Ш.-Н. Хобитуева, то фрагменты работы С. Ванданова и А. Очирова разбросаны по повествованию Р. Санжиева, а первые три листа сочинения А. Очирова (см. [Бадмаева, Очирова 2018: 264–266]) начинаются значительно позже окончания текста Ш.-Н. Хобитуева на лл. 121–123.

В сочинении Р. Санжиева использован обширный круг источников разного характера, это и официальные документы, исторические хроники, предания, легенды, устные рассказы. Ряд источников творчески переработан Санжиевом, выделена только основная часть, дополненная из других документов. Часть текстов, как «История о Бальжин-хатун», «Путешествие Заяева в Тибет», различные общественные приговоры бурят по вопросам административного управления, протоколы съезда буддистов и прихожан в Чите, письма-зарлики религиозных лидеров (хамбо-лам, Ёндзон-бакши Данжинова), приведены практически дословно. Иногда они выделяются словом «копия» (qоор) или «списано с оригинала» (batutai-ača bičigsen). Редко автор после включения какого-либо документа вносит поправки или дополнения, записанные им от других лиц.

О широком привлечении различных малоизвестных частных записок свидетельствуют ремарки, как, например, в верхней части листа л. 33об. имеется надпись «с 1884 по 1888 г. из письма Очирова». И далее на лл. 33об.–34 при описании приема у императора говорится, что «я, Очиров, сперва поднес императрице бурхана Шакьямуни...». В завершении отмечено, что это было прислано из Санкт-Петербурга. По-видимому, Р. Санжиев использовал какие-то письма или записи, выполненные Норбо Очировым, шуленгой хубдутского рода, который, по свидетельству Ш.-Н. Хобитуева, посетил Санкт-Петербург и «имел счастье с помощью нашего земляка, проживающего там, Петра Александровича Бадмаева, иметь аудиенцию у государя-императора Александра III» [Бадмаева, Очирова 2018: 263]. Об этом Очирове у Р. Санжиева приводятся краткие биографические сведения «Нойон Очиров, упомянутый в прошедшем 1872 и 1888 гг., в 1901 г. в возрасте 68 лет отправился по железной дороге до Пекина и на Утай» [ЦВРК. Инв. № М-1-1. Л. 35об.]. На л. 101 сказано, что он пожертвовал средства на нужды раненых и больных воинов,

и далее названа одна из целей его поездки по странам Азии: по поручению департамента Министерства внутренних дел собирать исторические книги о странах Средней и Восточной Азии.

В книге имеется несколько вклеек оригинальных документов: 1) на л. 117об., 119 — страницы из «Общепольного календаря» с портретами членов Государственной думы 2-го созыва. Данные иллюстрации дополняют текст о выборах представителя от бурятского народа в Государственную думу — Бато-Далай Очирова (его портрета нет на вклейке); 2) на л. 118 — объявление о выходе нового журнала «Buriyad mongyol-un sanal»; 3) на л. 137об. — обращение о поддержке российской армии за подписью генерал-лейтенанта А. И. Кияшко. Дата обнаружения 26.10.1916; 4) на л. 143 — объявление Бурятского комитета г. Читы о выборе представителя от бурят в Государственную думу с инструкцией по правилам голосования.

Язык памятника

Язык памятника изобилует русскими заимствованиями, как, например, генерал-губернатор (*general gūbirinatur*), канцелярия (*qančeliire*), воевода (*voevod*), служба (*slüüjiba*), императрица (*imperatrix*), управление (*üparbliini*), округ (*ökügüg*), гражданский губернатор (*үгачидансқоі gūbirinatur*), земский исправник (*jimsқоі srgavniү*), инородная управа (*inorodnoi üpraba*). Написание одного и того же заимствованного слова может иметь несколько вариантов написания: империя — *imbeyire*, *imbiir-e*, *imper-a*. Стоит отметить, что ряд распространенных слов, имеющих монголо-бурятские эквиваленты, записаны в сочинении Р. Санжиева без перевода в русском звучании. Например, слово *baүsi* ‘учитель’ употребляется неоднократно, но в контексте передачи информации о русском педагоге было использовано русское слово учитель (*učiteli*). В тексте наблюдаются особенности бурятского разговорного языка, удвоение гласных, как правило, ударных гласных *i*, *o*/*u*.

Буддийские термины (гелон, лама, пандита хамбо-лама и др.), название дацанов, местностей имеют параллельное тибетское написание справа или слева от монгольского текста.

Краткий обзор содержания

л. 1–33 — летопись Ш.-Н. Хобитуева. Первые 8 листов полностью соответствуют сочинению Ш.-Н. Хобитуева, имеются лишь небольшие уточнения (даты, указания количества), что может свидетельствовать о дополнении материала Ш.-Н. Хобитуева из летописи Т. Тобоева, либо Р. Санжиев работал с более подробным списком работы Ш.-Н. Хобитуева;

л. 34–35 — описание приема у императора и получение грамоты на землю, данный отрывок можно рассматривать как расширенное дополнение к последнему абзацу собственно летописи Ш.-Н. Хобитуева по изданию В. А. Казакевича [[Казакевич 1935: 79](#)];

л. 36–40 — описание поездки посольства Бадана Туракина ко двору Петра I в 1703 г. с приложением текста грамоты, данной царем 23 марта 1703 г. В конце отрывочные сведения о злоупотреблениях тайши Н. Денбилова по летописи Т. Тобоева и текст грамоты Николая I о пожаловании 14 знамен в 1847 г.;

л. 40об.–45 — «Поучение невестки» (Gergei-tan-u suryal), сочинение Ёндзон-ламы Доржи Данжинова, сочиненное примерно в 1880 г.; различные рассказы очевидцев о чудесах на горе Алханай; о тайше С. Зодбоеве; о воинской повинности;

л. 45–46 — перевод письмоводителя Баради Цыденова сочинения «Если бы лошадь могла говорить, что бы она сказала»;

л. 47–61 — главным образом, охватывается период за 1876–1901 гг. и описывается история буддизма (строительство и освещение дацанов, назначение лам, посещение монгольскими крупными ламами, наказания ламы Д.-Ж. Данжинова, покупка Ганджура, 80-локтевого Майдари и пр.). Отдельные фрагменты посвящены смерти императора Александра III, административному устройству, встрече цесаревича в 1891 г., о войне 1900 г. в Китае и пр. На л. 52 говорится о проведении и подготовке Читинской выставки, а также, что нет оригиналов четырех общественных приговоров по этому вопросу, что ниже переписал эти приговоры для заинтересованных лиц с копий;

л. 61об.–67 — включены копии с документов: 1) Письмо пандита хамбо-ламы Гонбоева от 2 января 1889 г. за № 18 о необходимости придерживаться буддийских заповедей, о проведении больших хуралов и соблюдении поста мирянами и ламами; 2) письмо и. о. пандита хамбо-ламы Доржиева о письме пандита хамбо-ламы Иролтуева от 1 мая 1896 г. из Москвы о чтении молитв за здоровье императора; 3) письмо приамурского генерал-губернатора от 31 мая 1894 г. на имя министра земледелия и государственных имуществ о прошении бурят по земельным вопросам;

л. 68об.–73 — список 11 пандита хамбо-лам с краткими биографическими сведениями;

л. 74об.–88 — выписки из газеты за 1898 г. об обнаружении праха Будды, статистические данные ревизии 1896 г. по хоринским родам, переписка с главным комитетом Читинской сельскохозяйственной выставки 1898 г., копии протоколов и приговоров съездов буддистов и мирян о судьбе выставочного дацана-павильона, об улучшении религиозной жизни и нравственности среди мирян и лам, разные сведения по истории буддизма, как смерть Д.-Ж. Данжинова, засуха 1905 г. и проезд настоятеля внутренне-монгольского монастыря Бадгар, чтение молитв для вызывания дождя;

л. 89–97 — копии документов начиная с 1888 г. о земельной реформе, прошение бурят на имя императора о земле и свободном вероисповедании 1900 г., отправке в Санкт-Петербург доверенных от каждого из 8 агинских родов в 1899 г., копии указов его императорского величества правительственному сенату от 5 и 10 июня 1900 г. о земельных правах бурят, которые перевел с русского на бурят-монгольский язык дежурный заседатель Агинской степной думы почетный шуленга Банзarakши Цоктоев;

л. 98–102об.— описание событий за 1901–1902 гг., объявления из газет, деятельность Агвана Доржиева, приговоры бурят о выборе должностных лиц и распределении земель; краткие заметки о приезде монгольских лам в Агу и Цугол;

л. 103–112 — события за 1900–1905 гг.: введение волостной реформы, начало русско-японской войны и копия манифеста об окончании войны, захват англичанами Тибета и бегство Далай-ламы в Ургу, о Бато-Далай Очирове;

л. 112об.–116 — краткие сведения по истории буддизма: о Зугулайском дацане, о Собоо-ламе и поиске его перерожденца, попытки Ринчин-Самбу Данжинова приобрести монгольский печатный Ганджур для Агинского дацана на собственные средства; а также другие заметки: поставки агинцев лошадей для нужд армии, разбойное нападение на волостное управление в Агинском селении 6 сентября 1909 г., бегство в пределы Российского государства Тогтохо-вана;

л. 117–120 — вклейки портретов членов Государственной думы; объявление о еженедельном выходе раз в неделю газеты «Buriyad mongyol-un sanal» стоимостью 2 рубля, среди постоянных авторов, сотрудничающих с издательством, перечислены многие видные общественно-политические, религиозные и научные деятели: хамбо-ламы Итигилов, Лайдапов, лхарамбо-хамбо Агван Доржиев, Бимбаев, Цыбен Жамцарано, Гомбожаб Цыбииков, Базар Барадин и др. Отпечатано в типографии Народной думы бурят-монголов. Также описание событий, связанных с выборами в Государственную думу;

л. 120об.–122об. — выписки из летописи А. Очирова о современной жизни бурят: деление на шаманистов и буддистов, строительство домов и т. д.;

л. 123–127 — приобретение монгольского рукописного Ганджура в 114 томах у да-ламы из хошуна Монголжин Дайцинского государства за 1 500 руб.; болезни чума и сибирская язва в агинских степях и прививочная компания, общественные приговоры бурят по земельным вопросам за 1911 г., падение Цинской империи и провозглашение правления Богдо-гэгэна;

л. 128–133 — события за 1911–1913 г., мероприятия, направленные на улучшение нравственности, «золотой наказ» эмчи-ламы Д.-Ж. Данжинова, повтор информации о падении Цинской империи, бурятская делегация на праздновании 300-летия дома Романовых, выбор должностных лиц волостного управления, освящение-рабнай Зугулайского дацана третьим перерожденцем Гунтан-гэгэна из амдоского монастыря Лавран;

л. 133об.–137об. — проекты реформ буддийского вероисповедания 1914 г., проведение телеграфной линии в 1915 г.; реквизиция бурят; вклейка объявления военного губернатора Забайкальской области и атамана забайкальского казачьего войска от 26 октября 1916 г. о нуждах армии и выпуске бумаг военного займа;

л. 138–142 — предание о путешествии цонгольского ламы пандита-хамбо Д. Заяева в Тибет, исторические заметки продолжены сообщением о Д. Заяеве, записанном от гелонга Цэбэга Галданова в 1907 г.;

л. 144–148 — вклейка объявления Всебурятского комитета г. Читы о выборе представителей от бурят в чрезвычайное собрание по составлению новых законов. Предлагались 4 кандидата: Михаил Богданов, Элбэг-Доржи Ринчино, Санжимитуб Цыбектаров и Цыбен Жамцарано; о поездке делегатов Э.-О. Ринчино и М. Богданова; описания событий 1917 г.; упомянуты различные съезды и собрания бурятского населения при Гусиноозерском дацане, Чите, Верхнеудинске; отречение императора от престола; выборы пандита хамбо-ламы, должностных лиц; стоимость сельхозпродуктов; возвращение мобилизованных бурят с тыловых работ с перечислением городов, мимо которых они проезжали; копия резолюции всебурятского съезда в Чите 29 октября 1919 г.;

л. 148–155об. — описание событий 1919–1920 гг.; гражданская война в Забайкалье, действия белых, большевиков, Д. Табхаева, барона Р. Ф. Унгерна;

приезд делегации лам от Джебдзун-дамбы-хутухты для доставки статуи Зандан-Джу ко двору хутухты из Эгитуйского дацана, которую привез цорджи-лама Гонбо Эрдынеев из шарайтского рода во время боксерского восстания в 1900 г.; выделение средств на содержание и расходы хамбо-ламы Г.-Д. Цыремпилова; призыв в армию; провозглашение Дальневосточной Республики (ДВР). Завершается летопись словами о том, что бурят-монголы были разделены между двумя государствами: Дальневосточной республикой и РСФСР (*ogus-un yeke ulayan-u jöblel-ün gügün*), о том, что было проведено празднество по случаю обретения свободы бурят-монголами, которые относились к ДВР, и образования полной бурят-монгольской автономии.

Последние листы 157–161 написаны крупным почерком на линованных листах меньшего формата (33x22,5 см) и содержат повтор информации за 1919 г., вероятно, это были черновики, с которых велась беловая запись в книгу на лл. 148–156. Сличение текстов позволяет заключить, что черновые материалы подвергались дополнительной правке, часть информации опускалась.

Выводы

Автор учитывал разрозненность информации и включение фрагментов, содержательно и логически не связанных с предыдущим текстом, поэтому между отдельными документами и фразами делал небольшой отступ в строке либо начинал с новой строки. В ряде случаев автором оставлены пустые места от полстраницы до нескольких листов, иногда они предваряются каким-либо заголовком. Вероятно, Р. Санжиев планировал записать какой-либо документ, но по каким-то причинам не выполнил задуманного. Например, на л. 45об. после фразы «4 марта 1900 г. № 608. Главный тайша агинских родов сказал...» следует полстраницы без текста.

Наблюдается дублетное описание одного и того же события, иногда повтор сведений отмечен автором: «это написал излишне». При сравнении повторяющихся описаний можно сделать вывод, что автор допускал разное написание одного и того же слова, мог вносить новые, уточняющие слова. Ниже приведем два фрагмента текста, посвященные одному и тому же событию:

л. 114: 1909 on-u šantabari-yin 6-u edür. / örlügen-ü 5 šas-un üy-e-dü ayui-yin bolosti-yin čeliini dotura tere valosti-yin juryan-u ger-ün egüden-e tus masi oyirqan 5 toluyai ese / tanigdagsan ros ulus nige nige emegel mori-tai irejü bayuyad 1 anu morid-i bariyad bayiqu jayura tere juryan-u slüčiba-yin 4 5 ulus-nar / ger-ün egüden-e tede-i qaraju bayitala-i teden-ü 4 ulus tus büri birdangy-a buu ba, tasiyur buu bariyad ger dotur oruytun geju ...

л. 116: 1909 on-u santabri-yin 6-u edür örlüge-ü 5 duki šas-un üy-e-dü ayuiyin valosti-yin čeliini dotura tere bolosti-yin juryan-u ger-ün / egüden-e tuslaju 5 toluyai niyur ese tanigdaysan ros ulus nige nige emegel mori-tai irejü bayuyad 1 anu morid-i bariyad bayiqu / jayur-a tere juryan-u ger-tü slüčaba-yin 4 5 ulus-nar ger-ün egüden-e tede qaraju bayitala-i teden-ü 4 ulus tus büri birdangy-a / buu ba, tasiyur buu bariyad ger dotur oruytun geju ... ‘6 сентября 1909 г. в 5 часов утра возле дверей волостного правления, находящегося в селении Агинской волости, спешились 5 неузнаваемых русских людей, приехавших на оседланных лошадях, один из них остался при лошадях, а остальные 4 наставили берданки и ружья на 4–5 человек

из правления, пока те стояли и смотрели на них возле дверей дома, и сказали «Заходите в здание ...».

Несмотря на то, что сочинение Р. Санжиева начинается с летописи Ши-раб-Нимбо Хобитуева, она переписана без больших пропусков, но со вставками разного объема. Они, как правило, уточняют и дополняют сочинение Ш.-Н. Хобитуева, например, список из имен 9 ширетуев Агинского дацана с их краткими характеристиками дополняет текст Ш.-Н. Хобитуева о завершении строительства каменного здания Агинского дацана в 1816 г. [ЦВРК. Инв. № М-1-1. Л. 13–14]. Другой тип вставок, разрывающих повествование Ш.-Н. Хобитуева, имеет хронологический характер, а также иллюстрацию полнотекстовых документов. Так, сообщение о решении отправить в Санкт-Петербург двух делегатов — Шираб-Нимбо Хобитуева и Цыдена Аюшина с прошением о правах на землю продолжено вставкой письма Т. Тобоева от 24 мая 1877 г. за № 1111 о необходимости следовать 43 пункту «Положения о ламайском духовенстве Восточной Сибири 1853 г.», согласно которому миряне, в особенности, женщины не должны оставаться в домах лам, и текстом прошения на имя императора о правах и свободах вероисповедания [ЦВРК. Инв. № М-1-1. Л. 26об.–30]. Далее с 30 листа идет продолжение летописи Ш.-Н. Хобитуева.

Называя сочинение Р. Санжиева летописью, следует оговориться, что это хроникальное сочинение с элементами повествования. Автор старается выдерживать хронологический порядок изложения, но он теряется в виду многочисленных экскурсов в предысторию описываемых событий и включением различных дополнительных уточнений. Хронологическая непоследовательность также имеет место в пределах двух-трех лет.

Записи разных событий за один и тот же год могут разрываться, поскольку при описании одного события автор иногда следует логике предваряющих и последующих этому событию историй.

Очень мало сведений о распространении шаманства и христианства среди бурят. На л. 121 включен отрывок из сочинения А. Очирова о двух группах бурят — о шаманистах и буддистах, о первых говорится лишь то, что они не имеют понятия о буддийских добродетелях.

Как известно, летопись Ш.-Н. Хобитуева охватывает период от заселения хори-бурятами современной территории проживания до 1888 г. Работа Р. Санжиева хронологически охватывает период до 1920 г. Р. Санжиев, являясь современником описываемых события начала XX в., описывает их беспристрастно — о действиях как красных, так белогвардейцев, Дугара Табхаева пишет с одинаковой болью за страдания простых людей.

Наиболее «животрепещущие» темы у Р. Санжиева — это назначения административных чиновников, земельные реформы, история распространения буддизма. Особую значимость имеет описание начала 1900-х гг.: реквизиция бурят на тыловые работы, подати и налоги, революция 1905 г., 1917 г., гражданская война в Забайкалье, образование Дальневосточной республики и жизнь хоринцев в тот период.

Р. Санжиев уделил внимание и описанию международных дел: падение Цинской империи, русско-японская война, захват англичанами Тибета, раз-

мещение Далай-ламы в Монголии, установление теократической монархии в Монголии во главе с Джебдзун-дамба-хутухтой. Все эти события так или иначе затрагивали судьбы хоринских и агинских бурят: оказание помощи лошадьми, пожертвования, отправка делегации к Джебдзун-дамба-хутухте и пр.

Заключение

Данное сочинение, хотя и считается продолжением летописи Шираб-Нимбо Хобитуева, однако, как отмечал Ц. Б. Цыдендамбаев, летопись Ш.-Н. Хобитуева составляет примерно 1/5 объема всей работы Рабжи Санжиева. Оно свидетельствует о широте интересов автора, его кругозоре и осведомленности о современных событиях как внутри России, так и за рубежом.

Анализ содержания данной летописи свидетельствует о том, что автор был широко эрудированным знатоком таких бурятских историко-литературных сочинений, как «Легенда о Бальжин-хатун», «Предание о поездке к Петру I», «Путешествие Д. Заяева». Подробные извлечения из архивных документов, повествовательной, исторической литературы и их полное включение в текст летописи Р. Санжиева позволяют ее рассматривать как своего рода хрестоматию по истории бурятского народа. Безусловно, заслуживает внимание язык летописи, открывающий значительные лексические, морфологические и стилистические особенности бурятского текста.

Данное сочинение, как одно из поздних (1920 г.), имеет важное значение для анализа летописной традиции бурят. Оно отличается оригинальностью, стилем изложения, а также информативностью — описанием переломных событий в жизни бурятского и российского общества в начале XX в.

Источники

Документы по истории хоринских и аларских бурят // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Общий архивный фонд (ОАФ). Инв. № 696. 115 л.

Orus-un güren-ü jegün sibir-e doruna aγši buriyad kemekü yasutan-u jon terigüten γaruγsan ba tegün dotur-a qori-yin arban nigen ečige-yin buriyad jon-u tegüüke bičig (= История происхождения бурят 11 хоринских родов, входящих в состав бурятской народности, проживающих в Восточной Сибири Российской империи) // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Монгольский фонд. Инв. № М-1-1. 162 л.

Sources

A History of Origins of the Eleven Khori Buryat Clans Inhabiting Eastern Siberia of the Russian Empire. At: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Mongolian Collection. File no. M-1-1. 162 p. (In Mong.)

Documents on the history of Khori and Alar Buryats. At: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, General Archival Collection. File no. 696. 115 p. (In Russ.)

Литература

Бадмаева 2007 — Бадмаева Л. Б. Летопись Вандана Юмсунова — памятник письменной культуры бурят XIX в. (исследование, текст, транслитерация, перевод, комментарии). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2007. 396 с.

- Бадмаева, Очирова 2018 — *Бадмаева Л. Б., Очирова Г. Н.* Летопись Ш.-Н. Хобитуева как памятник письменной культуры бурят. Улан-Удэ: Бэлиг, 2018. 288 с.
- Бурядайд түүхэ бэшэгүүд 1992 — Бурядайд түүхэ бэшэгүүд. Улаан-Удэ: Бурядайд номой хэблэл, 1992. 240 н.
- Бурятские летописи 1995 — Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ: Бурятский институт общественных наук, 1995. 199 с.
- Востриков, Поппе 1935 — *Востриков А. И., Поппе Н. Н.* Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследование. М.; Л.: АН СССР, 1935. 75 с.
- История бурятского буддизма 2006 — История бурятского буддизма: письменные источники / транслитерация, перевод, комментарий и исследование Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. 147 с.
- Казакевич 1935 – Летописи хоринских бурят. Вып. 2. Хроника Шираб-Нимбо Хобитуева / В. А. Казакевич. Труды Института Востоковедения. IX. М.; Л.: АН СССР, 1935. 125 с.
- Позднеев 1900 – Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания, составленная А. М. Позднеевым, с предисловием Н. И. Веселовского. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Академии наук, 1900. 416 с.
- Поппе 1935 — Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова / Н. Н. Поппе. Труды Института Востоковедения. IX. М.; Л.: АН СССР, 1935. 172 с.
- Поппе 1936 — Летописи селенгинских бурят. Вып. 1. Хроника убаша Дамби Джалцан Ломбо Цэрэнова. 1868 г. / Н. Н. Поппе. Труды Института Востоковедения. XII. М.; Л.: АН СССР, 1936. 55 с.
- Полный свод законов — Полный свод законов Российской империи. Собрание третье. Т. XX. СПб.: Гос. тип., 1902. 1168 с.
- Полный свод законов — Полный свод законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXV. СПб.: Гос. тип., 1908. 966 с.
- Пучковский 1957 — *Пучковский Л. С.* Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. I. История, право. М.; Л.: АН СССР, 1957. 276 с. + илл.
- Румянцев 1960 — *Румянцев Г. Н.* Бурятские летописи как исторический источник // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР. Вып. 3. Сер. Востоковедная. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1960. С. 3–15.
- Румянцев 1965 — *Румянцев Г. Н.* Селенгинские буряты (Происхождение и родоплеменной состав) // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 2. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1965. С. 87–117.
- Цыдендамбаев 2001 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Респ. типография, 2001. 256 с.
- Annotated catalogue 2004 — Annotated catalogue of the collection of Mongolian manuscripts and xylographs M I of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences / N. Tsyrempilov; ed. T. Vanchikova. Sendai: 2004. 310 p.: ill.
- Nasuyüljei 1999 — Buryad-un teüke surbulji biçig / Nasuyüljei Bilig. Qayilar: Öbür mongyol-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 1999. 408 qu.

References

- Badmaeva L. B. Vandan Yumsunov's Chronicle — a 19th Century Monument of Buryat Written Culture: A Study, Text, Transliteration, Translation, and Comments. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2007. 396 p. (In Russ.)
- Badmaeva L. B., Ochirova G. N. Sh.-N. Khobituev's Chronicle as a Monument of Buryat Written Culture. Ulan-Ude: Belig, 2018. 288 p. (In Russ.)
- Buryat Historical Records. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1992. 240 p. (In Bur.)

- Chimitdorzhiev Sh. B., Vanchikova Ts. P. (comps.) *Buryat Chronicles*. Ulan-Ude: Buryat Institute of Social Sciences, 1995. 199 p. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection Three. Vols. XX, XXV. St. Petersburg, 1835. Available at: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (accessed: 2 August 2022). (In Russ.)
- History of Buryat Buddhism: Written Sources. Ts. Vanchikova (translit., comment., etc.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2006. 147 p. (In Bur. and Russ.)
- Kazakevich V. A. (comp.) *Chronicles of the Khori Buryats*. Vol. 2: *Chronicles of Shirab-Nimbo Khobituev*. Transactions of the Institute of Oriental Studies IX. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. 125 p. (In Russ.)
- Nasuyüljei B. *Buryat Historical Sources*. Hailar: Inner Mongolia Culture Press, 1999. 408 p. (In Mong.)
- Poppe N. N. (comp.) *Chronicles of the Khori Buryats*. Vol. 1: *Chronicles of Tuguldur Toboev and Vandan Yumsunov*. Transactions of the Institute of Oriental Studies IX. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. 172 p. (In Russ.)
- Poppe N. N. *Chronicles of the Selenga Buryats*. Vol. 1: *Chronicle of Ubashi Dambi Jaltsan Lombo Tserenov*. 1868. Transactions of the Institute of Oriental Studies XII. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 55 p. (In Russ.)
- Puchkovsky L. S. Institute of Oriental Studies: [A Catalogue of] Mongolian, Buryat Mongolian, and Oirat Manuscripts and Xylographs. [Vol.] I: *History, Law*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. 276 p. (In Russ.)
- Rumyantsev G. N. *Buryat chronicles as a historical source*. In: Transactions of the Buryat Comprehensive Research Institute. Vol. 3. *Oriental Studies*. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1960. Pp. 3–15. (In Russ.)
- Rumyantsev G. N. *The Selenga Buryats: Origins and clan/tribal structure*. In: Materials in Central Asian History and Philology. Vol. 2. Transactions of the Buryat Comprehensive Research Institute 16. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1965. Pp. 87–117. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. *Buryat Historical Chronicles and Genealogies*. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2001. 256 p. (In Russ.)
- Tsyrempilov N. (comp.) *Annotated Catalogue of the Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs M I of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences*. CNEAS 17. Ts. Vanchikova (ed.). Sendai: Tohoku University, 2004. 310 p. (In Eng.)
- Vostrikov A. I., Poppe N. N. *Chronicle of the Barguzin Buryats: Texts and Study*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. 75 p. (In Russ.)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 821.584.6 + 294.321

О сборнике «Гирлянда рассказов о прошлых жизнях Учителя» (по материалам ксилографического издания монастыря Далуншань)

Ольга Александровна Максимова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0001-6329-151X. E-mail: maksimovaos@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Максимова О. А., 2022

Аннотация. *Введение.* «Джатакамала» («Гирлянда джатак») Арья Шуры (IV в.) из 34 рассказов была очень популярна в Индии и считалась ранним примером особой формы поэтической композиции. Кармапа III Рангджунг Дордже (1284–1339) в дополнение к сборнику Арья Шуры написал еще шестьдесят семь историй. Рангджунг Дордже занимает выдающееся положение как в истории своей линии передачи, так и в истории тибетской культуры. Наследие Рангджунга Дордже представляет особый интерес: он является автором знаменитых текстов «Глубокий внутренний смысл» (тиб. *zab mo nang don*), «Устремление махамудры» (тиб. *phyag chen smon lam*) и др., а также сборника джатак «Гирлянда рассказов о прошлых жизнях Учителя (Будды)». *Цель* статьи — ввести в научный оборот сведения об указанном сборнике, его структуре на материале текста из архива электронной библиотеки тибетоязычных буддийских источников (BDRС). *Результаты.* Сборник «Гирлянда рассказов о прошлых жизнях Учителя» включает сто одну джатаку: тридцать четыре, составленные Арьей Шурой, и шестьдесят семь авторства Рангджунга Дордже. Последний, сто первый, рассказ описывает историю жизни Будды Шакьямуни. В статье рассматривается ксилографическое издание сборника монастыря Далуншань (тиб. *ta'i lung shen*), изданного в Пекине в 1430 г.

Ключевые слова: джатака, рассказы о прошлых жизнях Будды, Арья Шура, «Джатакамала», Кармапа III Рангджунг Дордже, Далуншань

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Максимова О. А. О сборнике «Гирлянда рассказов о прошлых жизнях Учителя» (по материалам ксилографического издания монастыря Далуншань) // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 593–607. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-593-607

The Garland of Birth Stories of the Teacher: Analyzing the Xylographic Edition of Dalongshan Monastery

Olga A. Maksimova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation) MA (Philosophy), Junior Research Associate

 0000-0001-6329-151X. E-mail: maksimovaos@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2022

© Maksimova O. A., 2022

Abstract. *Introduction.* The Jātakamālā by Āryaśūra (4th c. AD) had been very popular in India, and was considered an early example of a structurally particular poetic composition. The Third Karmapa Rangjung Dorje (1284–1339) supplemented Āryaśūra’s 34 jātakas with 67 more stories of his own. Rangjung Dorje holds a prominent place both in the history of his lineage and in the history of Tibetan culture at large, his legacy remaining of immense interest to date. So, he authored a number of famous texts, such as Aspiration of Mahamudra (Tib. *phyag chen smon lam*), The Profound Inner Principles (*zab mo nang don*), and a collection of jātakas — The Garland of Birth Stories of the Teacher (Buddha). *Goals.* The article aims at analyzing the text of the specified collection available at the Buddhist Digital Resource Center (BDRC) to introduce data on the former and its structure. *Results.* The Garland of Birth Stories of the Teacher includes 101 jātakas — 34 ones by Āryaśūra and 67 ones by Rangjung Dorje. The last, 101st, story tells about the life of Shakyamuni Buddha. The paper deals with the 1430 Beijing xylographic edition of Dalongshan Monastery (Tib. *ta’i lung shen*).

Keywords: jātaka, story of the Buddha’s past birth, Āryaśūra, Jātakamālā, Third Karmapa Rangjung Dorje, Dalongshan

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Maksimova O. A. The Garland of Birth Stories of the Teacher: Analyzing the Xylographic Edition of Dalongshan Monastery. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 593–607. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-593-607

Введение

«Джатакамала», написанная на санскрите поэтом Арья Шурой приблизительно в IV в. н. э., была очень популярна в Индии. Как отмечает У. Донигер, более ранние джатаки, написанные на пали, многочисленны и не столь изящны. Однако в «Джатакамале» (более позднем произведении на санскрите) Арья Шура искусно и в изящной форме записал 34 рассказа [Khoroshe 1989: VII]. Произведение также считалось ранним примером особой формы поэтической композиции «кавья» (санскр. *kāvya* ‘большая поэтическая форма’), известной сначала как мишрака (санскр. *mīśraka* ‘смешанный’), а затем чампу (санскр. *camprī* ‘литературный стиль, сочетающий прозу и поэзию’), в которой поэтическая форма чередовалась с прозой. «Джатакамала» впервые была переведена на тибетский язык до начала IX в. и к XI в. распространилась под названием «Гирлянда джатак» (тиб. *sKyes pa’i rabs kyī rgyud*) в Тибете. В традиции Кадампа (тиб. *bka’ gdams pa*) она была включена в число шести фундаментальных трак-

татов (тиб. bka' gdams gzhung drug) [Kapstein 2020: 438]. В дальнейшем «Джатакамала» распространилась и в других регионах Азии, некоторые рассказы, как например, «Джатака о царе Шиби», иллюстрирующий самопожертвование, стал образцовым как для буддистов, так и для индуистов [Khoroshe 1989: VII–VIII].

Предмет произведений жанра «джатака» — прошлые жизни Будды, и его форма — история, рассказанная поэтическим языком, в котором комбинируются проза и стих, — оказали влияние на последующее развитие тибетской литературы вплоть до современности.

«Джатакамала» Арья Шуры (34 джатаки) переводилась на русский язык А. П. Баранниковым [Арья Шура 2000], на английский язык — П. Хороше, Дж. Спэйером [Once the Buddha Was a Monkey 1989; Jātakamālā 2010]. Имеется также сборник, выполненный на основе англоязычного перевода Дж. Спэйером с привлечением тибетской версии сочинения, входящей в состав дэргэ-ского издания Данджура и переведенной на тибетский язык Видьякарасимхой (санскр. Vidyākaraśimhā, VIII в.) и тибетским переводчиком Манджушриварманом (санскр. Mañjuśrīvarman) [Aryasura 1983].

Согласно Таранатхе (тиб. Ta ra na tha kun dga' snying po, годы жизни 1575–1634 гг., тибетский буддийский мыслитель школы джонанг, знаток тантрических текстов), «Джатакамала» нельзя считать законченным трудом, так как ее автор собирался записать сто перерождений Будды, которые бы соответствовали десяти парамитам¹ (по десять перерождений на каждую), однако успел записать лишь тридцать четыре [Дараната 1869: 100]. Как отмечает П. Хороше, тематику повествований джатак №№ 1–10 можно отнести к 1-й парамите — парамите щедрости, джатак №№ 11–20 — ко второй парамите этичного поведения, джатак №№ 21–30 — к третьей парамите терпения; но далее принцип не соблюдается, и тематика повествований джатак №№ 31–34 не может рассматриваться как иллюстрация 4-й парамиты усердия [Once the Buddha Was a Monkey 1989: XI–XII].

Кармапа III Рангджунг Дордже (тиб. rang 'byung rdo rje, 1284–1339) дополнил данный сборник таким образом, что получилось сто рассказов² (10x10). В конце каждой десятой джатаки написан краткий конспект предыдущих десяти рассказов.

Кармапа III Рангджунг Дордже (1284–1339) и его сборник джатак

Рангджунг Дордже в возрасте пяти лет был признан перерождением своего предшественника, Кармапы Карма Пакши (1204–1283).

¹ Парамита (санскр. pāramitā, тиб. pha rol tu phyin pa) — букв. переправа, переход к совершенству, совершенствование — понятие учения об освобождении, характеризующее способы духовного роста бодхисаттвы. В раннем буддизме и особенно в джатаках они лишь упоминались как качества Будды Шакьямуни, проявленные им в предыдущих рождениях Бодхисаттвой и рекомендованные последователям в качестве духовных практик [Андросов 2011: 305]. Такие действия / качества ума как: 1) щедрость / даяние, 2) дисциплина / нравственность, 3) терпение, 4) усердие, 5) медитация / созерцание, 6) мудрость / высшее знание, 7) метод / искусные методы, 8) молитвы-пожелания, 9) сила / духовные силы и 10) изначальная мудрость — называются парамитами. Наиболее распространена классификация из шести парамит, включающая первые шесть из вышперечисленных.

² В конце каждого рассказа указывается его название и порядковый номер, например, seng ge'i rgyal po yi dam brtan par skyes pa'i rabs te / sum bcu rtsa lnga pa'o // '35. Джатака о Сочувственном льве².

Линия учителей школы Кагью берет начало от индийских махасиддхов Тилопы (тиб. *ti lo pa*, ок. 988–1069) и Наропы (тиб. *na ro pa*, 956–1040). Одна из основных четырех школ тибетского буддизма Кагью (тиб. *bka' brgyud*)¹ была основана в Тибете Марпой Чокьи Лодро (тиб. *mar pa chos kyi blo gros*, 1012–1097) или Марпа-лоцзавой (тиб. *mar pa lo tsa ba* ‘Марпа-переводчик’).

Сочинения, написанные шестнадцатью главами традиции Карма-кагью, держателями линии Гьялва Кармап, многочисленны, и перевод их трудов активно ведется и в настоящее время, например, в рамках проекта «Перевод работ Кармап»² осуществляется перевод на английский и другие языки. На русский язык переведены следующие сочинения Кармапы IX Вангчука Дордже: «Махамудра, рассеивающая тьму неведения» [Вангчук Дордже 2002], «Сущность океана истинного смысла» [Кармапа IX Вангчуг Дордже 2022]. Некоторые из трактатов Кармапы III Рангджунга Дордже также переводились на английский язык: см. «Luminous Heart» [Luminous Heart 2009], «The Profound Inner Principles» [Rangjung Dorje 2014], «Aspiration of the Mahamudra of Definitive Meaning»³, и в составе книги в виде комментариев «In praise of Dharmadhatu» [In praise of dharmadhatu 2007]. На русский язык переведены произведения: «Глубокий внутренний смысл» (тиб. *zab mo nang don*) [Кармапа Третий Рангджунг Дордже 2022], «О различении сознания и изначального осознания. О сущности Татхагаты» [Третий Кармапа Рангджунг Дордже 2008].

Рангджунг Дордже получил статус тулку (тиб. *sprul sku* ‘букв. тело воплощения’), когда он еще не стал общепринятым методом передачи иерархической власти в Тибете. Как отмечает М. Капстейн, возможно, этот факт обострил его интерес к жанру джатаки. Примечательно, однако, что он решил сосредоточиться на жизни Будды, несмотря на то, что рассказы о предыдущих жизнях Кармапы начали появляться в трудах его предшественников: Кармапы I Дюсум Кьенпы (тиб. *Dus gsum mkhyen pa*) и Кармапы II Карма Пакши (тиб. *Kar ma pak+shi*) [Kapstein 2020: 439].

Материалы

В электронном архиве под номером документа W3CN22341 имеется коллекция текстов «Коллекция писаний (печа) рассказов о прошлых жизнях Учителя Будды» (тиб. *ston pa thub pa'i dbang po'i 'khrungs rabs skor gyi dpe cha phyogs bsdu*). Сборник монастыря Далуншань расположен в разделе № 3 (*ka, kha, ga*). В коллекции Б. Лауфера (1874–1934), находящейся в Музее естественной истории им. Филда (г. Чикаго, США), в разделе антропологии под номером 336347 образец № 220 хранится оригинальная копия сборника издания Далуншань.

¹ Термин «Кагью» происходит от «линия преемственности четырех уполномоченных» (тиб. *bka' babs bzhi'i brgyud pa*) [Тринле 2009: 46–48].

² См. Translating the Karmapas' works [электронный ресурс]: URL: <https://www.translating-karmapas.org/> (дата обращения: 27.07.2022).

³ См.: Aspiration of the Mahamudra of Definitive Meaning [электронный ресурс]: URL: <https://samyainstitute.org/wp-content/uploads/2020/11/Aspiration-of-Mahamudra.pdf> (дата обращения: 27.07.2022).

Структура сборника в ксилографическом издании монастыря Далуншань

Кармапа III Рангджунг Дордже оформил свое сочинение как обширное приложение к сборнику рассказов Арьяшуры. К тридцати четырем рассказам оригинального текста он добавил шестьдесят семь, таким образом, получился сто один рассказ, организованный в соответствии с последовательностью десяти совершенств (парамит) Бодхисаттвы. Каждое из них соответствует десяти тематическим разделам и завершается достижением состояния Будды. Его план всей работы отражен в тематическом содержании, расположенном в начале текста (тиб. *rgyal ba'i mdzad pa gsal byed pa'i mdor bsdus rags pa bstan pa* 'букв. общий конспект, разъясняющий деяния Победоносного'¹) на 24-х листах.

Сборник монастыря Далуншань, на который мы опираемся в данном исследовании, имеется в электронной библиотеке буддийских источников BDRC (архивный номер: W3CN22341). Однако в данной версии отсутствует текст, написанный Арья Шурой (Джатаки 1–34), хотя, согласно данным М. Капстейна, описывающего идентичный сборник из коллекции Б. Лауфера, джатаки 1–34, написанные Арья Шурой (138 листов), в нем имеются.

Структура сборника выглядит следующим образом:

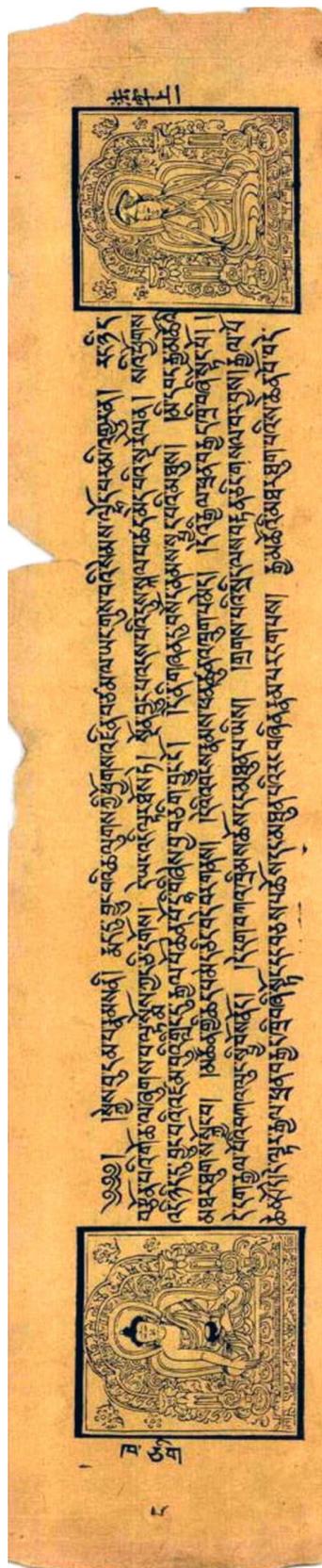
- 1) краткий тематический обзор (24 листа) — автор Рангджунг Дордже (том ка, см. факсимиле 1);
- 2) джатаки 1–34 Арьяшуры (138 листов), нумерация отдельная;
- 3) джатаки 35–101 (Рангджунг Дордже) (том kha):
 - джатаки 35–100;
 - жизнь Будды (рассказ № 101);
 - эпилог (Рангджунг Дордже);
- 4) колофон (Палден Таши) (том ga).

В первой части сборника, т. е. в кратком тематическом обзоре, написано следующее: *Gzhung don la gnyis te / byang chub sems dpa'i mdzad pa dang / mthar phyin pa'i mdzad pa'o / dang po la bcu / sbyin pa dang / tshul khriims dang / bzod pa dang / brtson 'grus dang / bsam gtan dang / shes rab dang / thabs la mkhas pa dang / smon lam dang / stobs dang / ye shes kyi bcu tshan no* '[Данный] текст состоит из двух частей: Деяния Бодхисаттвы и «Освобождающие» действия. [Что касается] первого пункта (деяния Бодхисаттвы), [в нем] 10 разделов: щедрость, дисциплина, терпение, усердие, медитация, мудрость, искусные средства, молитвы-пожелания, духовные силы, изначальная мудрость' [BX1: л. 1b].

Парамиты

Наиболее распространенной является классификация из шести парамит. Согласно классификации, представленной Гампой в «Драгоценном украшении освобождения», относящемся к жанру «ламрим» (тиб. *lam rim*), практика парамит относится к разделу, называемому «Противоядие от неведения относительно метода практики для достижения состояния Будды». Практика шести парамит в рамках пути к Просветлению предполагает прохождение следующих предваряющих этапов: принятие прибежища в Трех Драгоценностях и зарождение бодхичитты устремления (тиб. *smoṅ pa'i sems bskyed*). «Активная бодхичитта»

¹ Тиб. *rgyal ba*, санскр. *jīna* — эпитет Будды.

Факсимиле 1. Лист 1b (Том kha¹) ксилографа «Поэзия [жанра] джатаки авторства мастера дхармы Рангджунга» из архива электронной библиотеки буддийских источников (BDRCS²)

[Facs. 1. Poetry of [the Genre of] Jātakas by Dharma Master Rangjung Dorje. Page 1b (vol. kha). Xylograph. Buddhist Digital Resource Center]

¹ В архиве электронной библиотеки тибетоязычных буддийских источников BDRCS раздел kha представлен изображениями — img. 49–532.

² Том 3 (ga), раздел kha/ skyes pa'i tabs kyi sab cad chos gje rang byung pas mdzad pa]. [электронный ресурс] // URL: <https://library.bdrctr.io/show/bdr:W3CN22341?s=%2Fshow%2Fbdr%3AMW3CN22341%3Ftabs%3Dbdr%3AW3CN22341#open-viewer> (дата обращения: 25.05.2022).

(тиб. 'jug pa'i sems bskyed) имеет три вида: упражнения в высшей этике, высшей мысли и высшей осознающей мудрости. Щедрость, этика и терпение — это практика высшей этики, медитативное сосредоточение — высшей мысли, различающая мудрость-осознание — высшей мудрости, а усилие поддерживает все три. Таким образом, шесть парамит составляют практику «активной бодхи-читты». «Щедрость рассеивает бедность, нравственностью/этикой достигается спокойствие, терпение побеждает ненависть, усердие — это [качество] Будды, медитация погружает ум внутрь, а осознание мудрости постигает высший смысл. Они являются причиной выхода из сансары и достижения нирваны» [Gampopa 1998: 181]. Парамиты также группируются по принципу «двух накоплений»: щедрость и этика — это накопление «заслуг», осознающая мудрость — накопление высшей мудрости; терпение, усердие и медитативное сосредоточение относятся к обоим накоплениям [Gampopa 1998: 182].

Шесть основных парамит

1. Парамита даяния / щедрости (санскр. dāna, тиб. sbyin pa'i pha pha rol tu phyin pa);
2. Парамита дисциплины / этичного поведения (санскр. śīla, тиб. tshul khrims kyī pha rol tu phyin pa);
3. Парамита терпения (санскр. kṣānti, тиб. bzod pa'i pha rol tu phyin pa);
4. Парамита усердия / радостного усилия (санскр. vīrya, тиб. brtson 'grus kyī pha rol tu phyin pa);
5. Парамита медитативного сосредоточения / концентрации (санскр. dhyāna, тиб. bsam gtan gyī pha rol tu phyin pa);
6. Парамита мудрости (санскр. praññā, тиб. shes rab kyī pha rol tu phyin pa).

Четыре дополнительные парамиты

7. Парамита искусных средств / методов (санскр. upāyakaūśala, тиб. thabs kyī pha rol tu phyin pa);
8. Парамита молитв-пожеланий (санскр. praṇidhāna, тиб. smon lam gyī pha rol tu phyin pa);
9. Парамита духовных сил (санскр. bala, тиб. stobs kyī pha rol tu phyin pa);
10. Парамита изначальной мудрости (санскр. jñāna, тиб. ye shes kyī pha rol tu phyin pa) [Tsepa Rigzin 2008: 170].

Перечень джагак (джагаки 35–100 Рангджунга Дордже)

№	№ джагаки и листа ¹ в сборнике РД (ВХ)	Название парамиты	Название джагаки на тибетском языке	Название на русском языке	Наличие перевода/пересказа на англ. яз.
1.	35 / 1v	Усердие (радостное усилие) санскр. vīrya тиб. brtson 'grus	seng ge' i rgyal po yi dam brtan par skyes pa' i rabs	Сочувственный лев	
2.	36 / 4r		ded dpon brtson 'grus chen por skyes pa' i rabs	Великое усердие (капитан)	
3.	37 / 6v		rgyal po gser mdog tu skyes pa' i rabs	Золотой король (Суварна)	[Richardson 2016: 60–62]
4.	38 / 8v		gcan zan kun dhar skyes pa' i rabs	Дикий зверь Кунда	
5.	39 / 11r		rigs ngan du 'khrungs pa' i rabs	Благой Король (неприкасаемый)	[Richardson 2016: 65–67]
6.	40 / 14r	Медитация, созерцание	dge slong grags pa' i 'od du skyes pa' i rabs	Бхишу (гелонг) Кирги Прабха	
7.	41 / 16r		khyim bdag dben pa 'dod par 'khrungs pa' i rabs	Домохозяин, желающий заговорничества	
8.	42 / 18v	санскр. dhyaṇa	rgyal po sgron ma snang byed du 'khrungs pa' i rabs	Король Светильников	
9.	43 / 21v	тиб. bsam gtan	byang chub sems dpa' ri bong dben pa la dga' bar skyes pa' i rab	Кролик, живущий в уединении	
10.	44 / 23v		rgyal po kun tu go byed du 'khrungs pa' i rabs	Король Вразумляющий	
11.	45 / 25v		khye' u gnyi su 'khrungs pa' i rabs	Два мальчика	
12.	46 / 28v		rgyal po brtan pas byin du 'khrungs pa' i rabs	Король Ширадагта	
13.	47 / 31r		byang chub sems dpa' bde ba byin du 'khrungs pa' i rabs	Бодхисаттва, приносящий счастье	
14.	48 / 34r		dge slong snyan pa' i 'od du 'khrungs pa' i rabs	Гелонг Свет Славы (Яшапрабха)	
15.	49 / 36v		chu skyes su 'khrungs pa' i rabs	Ребенок, рожденный в воде (Падма)	
16.	50 / 42r		rgyal po 'jig rten sna tshogs la mngon par dga' bar 'khrungs pa' i rabs	Король Радость мира (Локананда)	

¹ В таблице приводится нумерация страниц без указания раздела, который имеется в рукописи.

17.	51 / 44v	Мудрость, высшее знание санскр. praññā тиб. shes rab	rgyal po tshangs byin du 'khrungs pa'i rabs	Король Брахмадатта	[Richardson 2016: 70–72]
18.	52 / 47r		byang chub sems dpa' chos yongs su tshol bar 'dod par 'khrungs pa' i rabs	Искатель Дхармы	[Richardson 2016: 75–76]
19.	53 / 50v		ye shes ldan du 'khrungs pa' i rabs	Мудрая Кумари (Джнянавати)	
20.	54 / 53v		chu 'bebs su 'khrungs pa' i rabs	Туча (Мегха)	
21.	55 / 57v		me long gdong du 'khrungs pa' i rabs	Зеркальное лицо принца (Адаршамукха)	
22.	56 / 62v		bram zer 'khrungs pa' i rabs	Брахман	[Richardson 2016: 92–93]
23.	57 / 67v		zhi ba' i blo gros su skyes pa' i rabs	Мирный ум (Шангамати)	
24.	58 / 71v		klu' i rgyal por 'khrungs pa' i rabs	Нагараджа Большой Барабан	
25.	59 / 76r		chu streg tu 'khrungs pa' i rabs	Водная птица (бобер)	[Richardson 2016: 85–86]
26.	60 / 77v		ston pa shes rab sna tshogs su 'khrungs pa' i rabs	Будда Вишваджяна	[Richardson 2016: 89–90]
27.	61 / 80r	Искусные средства, метод санскр. upāyakaśāla тиб. thabs	ded dpon snying gje chen por 'khrungs pa' i rabs	Милосердный капитан	[Richardson 2016: 90–92]
28.	62 / 82r		rgyal bu gzhon nu snying gje cher sems su 'khrungs pa' i rabs	Молодой принц с сочувственной душой	
29.	63 / 87r		khye' u skar mar 'khrungs pa' i rabs	Звезда	[Richardson 2016: 97–98]
30.	64 / 89v		brgya byin tu 'khrungs pa' i rabs	Индра, помогающий превозмочь недобродетели	
31.	65 / 90v		ston pa bram zer 'khrungs pa' i rabs	Будда Брахман	[Richardson 2016: 100–101]
32.	66 / 92v		gar mkhan du 'khrungs pa' i rabs	Танцовщица	[Richardson 2016: 104–105; Gamble 2020: 148–156]

33.	67 / 94v			nga la nur 'khrungs pa' i rabs	Чакравартин Мамдхяту	
34.	68 / 102r			klu' i rgyal por 'khrungs pa' i rabs	Король нагов [Наслаждающийся сокровищами]	[Gamble 2020: 157–162]
35.	69 / 103v			yan lag ma smad par 'khrungs pa' i rabs	Король-лев	
36.	70 / 105r			bram ze' i khye' u sprin du skyes pa' i rabs	Мегха, сын брахмана	
37.	71 / 109v	Молитвы-		rgyal po 'od ldan du skyes pa' i rabs	Король Прабхавати (Бхасвара)	
38.	72 / 112v	пожелания		bram ze sgra nam par grags par skyes pa' i rabs	Знаменитый Брахман	
39.	73 / 114v	санскр. prañidhāna		rgyaan po par skyes pa' i rabs	Игрок	
40.	74 / 118r	тиб. smon lam		des par skyes pa' i rabs	Мирное и нежное создание (Пешала)	
41.	75 / 120r			glang po che kha drug par skyes pa' i rabs	Слон с шестью бивнями	
42.	76 / 124r			kun tu rgyu 'char kar skyes pa' i rabs	Аскет Удая	
43.	77 / 126r			rgyal po nor can du skyes pa' i rabs	Богатый король	[Richardson 2016: 108–110]
44.	78 / 129r			bram ze zla dgar skyes pa' i rabs	Брахман Радость Луны	
45.	79 / 133r			rgyal po nam mkhar skyes pa' i rabs	Король Акаша	
46.	80 / 136v			dpal gyi sder skyes pa' i rabs	Король Шрисена	
47.	81 / 150r	Сила, Духовные		snying stobs chen por skyes pa' i rabs	Принц Махасагтва	
48.	82 / 153v	силы		rgyal po zla 'od du skyes pa' i rabs	Король Лунный Свет (Йогасана)	
49.	83 / 159v	санскр. bala		rgyal po shi bi par skyes pa' i rabs	Король Шиби	
50.	84 / 162v	тиб. stobs		ston pa rtsibs kyi mu khyud du skyes pa' i rabs	Учитель (Будда) Аранеми	
51.	85 / 164v			byang chub sems dpa' rtag tu brnyas pa la bzod pa dang ldan par skyes pa' i rabs	Бодхисаттва Обладающий Терпимостью	
52.	86 / 167r			seng ger skyes pa' i rabs	Король-лев со спутанными волосами	
53.	87 / 169r			ded dpon du skyes pa' i rabs	Капитан	
54.	88 / 172v			nor bzang su skyes pa' i rabs	Судхана (Манибхадра)	

55.	89 / 184г		su sha dhe bar skyes pa' i rabs	Благостный король (Сушадева)	
56.	90 / 190г		bsod nams stobs su skyes pa' i rabs	Достойный принц (Пуньябала)	[Richardson 2016: 114–117]
57.	91 / 197г	Изначальная мудрость санскр. jñāna тиб. ye shes	'od bzangs su skyes pa' i rabs	Риши Супрабха (Благой свет)	
58.	92 / 199г		drang srong du skyes pa' i rabs	Риши, постигший «окончание века»	
59.	93 / 201г		tog gi blo gros su skyes pa' i rabs	Кетумати (Вершинный Интеллект)	
60.	94 / 204v		sngo bsangs su skyes pa' i rabs	Шаямака	
61.	95 / 206v		nyi 'phreng spong du skyes pa' i rabs	Брахман Сурьямала Прахана	
62.	96 / 209г		rnga bong du skyes pa' i rabs	Уштра (Верблюды)	
63.	97 / 213г		mu khyud 'dzin du skyes pa' i rabs	Король Неми (Ниминдхара)	
64.	98 / 216г		dge stong ud pa la' i gdong du skyes pa' i rabs	Бикшу Голубой Лотос (Утпала Мукха)	[Richardson 2016: 121–123]
65.	99 / 219v		byang chub sems dpa' dpa' ba' i stobs su skyes pa' i rabs	Бодхисаттва Сила Отваги (Шурабала)	[Richardson 2016: 126–129]
66.	100 / 222г		gzi brjid drag por skyes pa' i rabs	Благородное Великолепие	

Колофон сборника в ксилографическом издании монастыря Далуншань

Согласно колофону и сведениям, опубликованным М. Капстейном, монастырь Далуншань был основан в 1284 г. при династии Юань. Инициатором публикации и возможным автором колофона был Палден Таши (тиб. *Dpal ldan bkra shis*). К началу правления Сюаньдэ монастырь стал его резиденцией (1377–1442). Этот тибетский учитель и переводчик из Амдо работал переводчиком Кармапы V Дешин Шегпа (тиб. *de bzhin gshegs pa*, 1384–1415) во время визита последнего к императору Юнлэ в 1406 г. В 1419 г. он был назначен имперским администратором монастырей и монахов, а также занят переводом важных тантрических текстов на китайский язык [Kapstein 2020: 443]. Дата издания этого памятника была установлена благодаря информации, указанной в колофоне Палденом Таши: *zwon de'i lo lnga pa thun mong lo / tha skar zla ba'i lha las babs pa'i tshe la // ta'i lung shen sde'i tsug lag khang chen por grub par bgyis pa 'dis bstan pa dang sems can mang po la phan par gyur cig / 'В пятый год [правления] Сюаньдэ, в год Металлической Собаки, во время схождения с [небес] Богов во время девятого месяца (по лунному календарю), это было сделано в великом храме ta'i lung shen (= Далуншань). Пусть это принесет пользу учению и множеству существ!'* [BX1 (ga): 27b–28a¹].

Данный сборник был издан по прошествии ста лет после жизни Кармапы III Рангджунга Дордже, что говорит о важности его трудов для последующих поколений ученых лам и последователей буддийской традиции. Интересным является тот факт, что наряду с сочинениями, затрагивающими такие темы, как «воззрения Рангтонг и Жентонг» и др., «практика тантры», Рангджунг Дордже пишет сборник джатак, относящийся к жанру «популярной» литературы.

Заключение

«Джатакамала» Арья Шуры пользовалась популярностью как в индуистской, так и в буддийской традициях. Она была переведена на тибетский язык и вошла в ряд фундаментальных трактатов. Кармапа III Рангджунг Дордже дополнил «Джатакамалу» Арья Шуры шестьдесятю семью джатаками — рассказами о прошлых жизнях Будды, вероятно, испытывая особый интерес к этому жанру, поскольку сам в раннем детстве был признан «перерожденцем». В рассказах повествуется о деяниях бодхисаттвы, принимающем обличия различных людей и животных, но, тем не менее, не отклоняющемся от исполнения своего пути парамит — парамитаяны². Сборник ксилографического издания монастыря Далуншань представляет особый интерес, так как является наиболее ранним изданием 1430 г. Благодаря информации, представленной в колофоне, возможным автором которого является Палден Таши, мы можем судить о времени и месте издания ксилографа. Сборник и перевод его рассказов представляют ценность как для востоковедов, буддологов и практикующих буддистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся индийской и буддийской литературой.

¹ В соответствии с нумерацией страниц ксилографа в архиве электронной библиотеки тибетоязычных буддийских источников BDRC — *img. 586–587*.

² Парамитаяна, или путь *парамит* — религиозный путь на котором средствами практики являются парамиты [Андросов 2011: 397].

Источники

BX1 — *Rang byung rdo rje*. Skyes pa'i rabs kyuic bead chos rje rang byung pas mdzad pa bzhug so (= Поэзия [жанра] джатаки авторства мастера дхармы Рангджунга) // ston pa thub pa'i dbang po'i 'khrungs rabs skor gyi dpe cha phyogs bsdus = (Коллекция писаний (печа) рассказов о прошлых жизнях Учителя Будды). Vol. 3 (ga). 1430. 588 p. [электронный ресурс] // URL: <https://library.bdrc.io/show/bdr:MW3CN22341?tabs=bdr:W3CN22341> (дата обращения: 07.11.2022).

Sources

[Ninth Karmapa] Rangjung Dorje. Poetry of [the Genre of] Jātakas by Dharma Master Rangjung Dorje. In: The Collection [Garland] of Birth Stories of the Teacher (Buddha). Vol. 3 (ga). 1430. 588 p. On: Buddhist Digital Resource Center. Available at: <https://library.bdrc.io/show/bdr:MW3CN22341?tabs=bdr:W3CN22341> (accessed: 7 November 2022). (In Tib.)

Литература

- Андросов 2011 — *Андросов В. П.* Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь: монография. М.: Ориенталия, 2011. 448 с.
- Арья Шура 2000 — *Арья Шура*. Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы / пер. с санскрита А. П. Бараникова и О. Ф. Волковой. М.: Вост. лит., 2000. 367 с.
- Вангчук Дордже 2002 — *Вангчук Дордже, Девятый Кармапа*. Махамудра, рассеивающая тьму неведения. С комментарием, преподанным устно, Беру Кьенце Ринпоче / пер. с англ. М. Елинского. М.: Шанг-Шунг, 2002. 127 с.
- Дараната 1869 — *Дараната*. Буддизм, его догматы, история и литература / пер. с тиб. В. Васильева. СПб.: Тип. Имп. АН, 1869. 288 с.
- Кармапа IX Вангчуг Дордже 2022 — *Кармапа IX Вангчуг Дордже*. Сущность океана истинного смысла / пер. с тиб. В. Рагимова. М.: Буддадхарма, 2022. 312 с.
- Кармапа Третий Рангджунг Дордже 2022 — *Кармапа Третий Рангджунг Дордже, Джамгон Конгтрул Йонтен Гьямцо*. Глубокий внутренний смысл / пер. В. Вольского. СПб.: Танадук, 2020. 492 с.
- Третий Кармапа Ранджунг Дордже 2008 — *Третий Кармапа Ранджунг Дордже*. О различении сознания и изначального осознания. О сущности Татхагаты. М.: Шечен, Ганга, 2008. 288 с.
- Тринле 2009 — *Тринле Карма*. История Кармап Тибета / пер. с англ. М.: Алмазный путь, 2009. 244 с.
- Aryasura: 1983 — *Āryaśūra*. The marvelous companion: life stories of the Buddha / Tibetan translation series. Dharma Publishing, 1983. 359 p.
- Gamble 2020 — *Gamble R.* The Third Karmapa Rangjung Dorje. Master of Mahāmudrā. (Series: Lives of the Masters). Boston: Shambala, 2020. 274 p.
- Gampopa 1998 — *Gampopa*. The jewel ornament of liberation: the wish-fulfilling gem of the noble teachings / translated by Khenpo Konchog Gyaltsen Rinpoche. Boulder: Snow Lion Publ., 1998. 520 p.
- In praise of dharmadhatu 2007 — Nagarjuna and Third Karmapa, Rangjung Dorje / translated and introduced by Karl Brunnholz. Ithaca, NY: Snow Lion Publications, 2007. 432 p.
- Jātakamālā 2010 — Jātakamālā or Garland of Birth Stories by Āryaśūra / translated by J. S. Speyer. Electronic edition, 2010. 458 p.
- Kapstein 2020 — *Matthew T. Kapstein*. The Jātakamālā of Āryaśūra 'with the supplement of the Third Rgyal-dbang Karma-pa Rang-byung-rdo-rje: The 1430 Dalongshan xylographic edition conserved in the Berthold Laufer Collection of the Field Museum of Natural History, Chicago. In: On a Day of a Month of the Fire Bird Year. Festschrift for Peter Schwiieger on his 65th Birthday / ed. by J. Bischoff, P. Maurer and C. Ramble. Kathmandu: Lumbini International Research Institute, 2020. Pp. 437–452.

- Khoroche 1989 — *Khoroche P.* Once the Buddha Was a Monkey: Ārya Śūra's Jātakamālā. Chicago: University of Chicago Press, 1989. XIX + 273 p.
- Luminous heart 2009 — Luminous heart: the Third Karmapa on consciousness, wisdom, and Buddha nature. Translated and introduced by Karl Brunnholzl. Nithartha Institute Series. Ithaca, NY: Snow Lion Publications, 2009. XVII + 484 p.
- Once the Buddha Was a Monkey 1989 — Once the Buddha Was a Monkey. Ārya Śūra's Jātakamālā / translated from the Sanskrit into English by Peter Khoroche. Chicago: The University of Chicago Press, 1989. 273 p.
- Rangjung Dorje 2014 — *Rangjung Dorje Third Karmapa.* The profound inner principles. With Jamgon Kongtrul Lodro Taye's commentary "Illuminating the Profound Principles", translated, annotated, and introduced by E. Callahan, Snow Lion, 2014. 768 p.
- Richardson 2016 — *Richardson Sarah Aoife.* Painted Books for Plaster Walls: Visual Words in the Fourteenth-Century Murals at the Tibetan Buddhist Temple of Shalu. Ph.D. dissertation. Department of Art, University of Toronto. Volume 2 Appendix. 146 p.
- Tsepak Rigzin 2008 — *Tsepak Rigzin.* Tibetan-English Dictionary of Buddhist Terminology. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 2008. 306 p.

References

- Androsov V. P. Indo-Tibetan Buddhism: An Encyclopedic Dictionary. Monograph. Moscow: Orientalia, 2011. 448 p. (In Russ.)
- Āryaśūra. Once the Buddha Was a Monkey: Ārya Śūra's Jātakamālā. P. Khoroche (transl.). Chicago: University of Chicago Press, 1989. XIX + 273 p. (In Eng.)
- Āryaśūra. The Garland of Jātakas: Or Tales of the Bodhisattva's Deeds. A. Barannikov, O. Volkova (transl.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. 367 p. (In Russ.)
- Āryaśūra. The Jātakamālā: Or Garland of Birth Stories by Āryaśūra. J. S. Speyer (transl.). Electronic edition, 2010. 458 p. (In Eng.)
- Āryaśūra. The Marvelous Companion: Life Stories of the Buddha. Tibetan Translation Series. Dharma Publishing, 1983. 359 p. (In Eng.)
- Gamble R. The Third Karmapa Rangjung Dorje. Master of Mahāmudrā. Series: Lives of the Masters. Boston: Shambhala, 2020. 274 p. (In Eng.)
- Gampopa. The Jewel Ornament of Liberation: The Wish-Fulfilling Gem of the Noble Teachings. Khenpo Konchog Gyaltsen Rinpoche (transl.). Boulder: Snow Lion Publ., 1998. 520 p. (In Eng.)
- Kapstein M. T. The Jātakamālā of Āryaśūra with the supplement of the Third Rgyal-dbang Karma-pa Rang-byung-rdo-rje: The 1430 Dalongshan xylographic edition conserved in the Berthold Laufer Collection of the Field Museum of Natural History, Chicago. In: Bischoff J., Maurer P., Ramble C. (eds.) On a Day of a Month of the Fire Bird Year. Festschrift for Peter Schwiieger on his 65th Birthday. Kathmandu: Lumbini International Research Institute, 2020. Pp. 437–452. (In Eng.)
- Karma Trinley. The History of the Sixteen Karmapas of Tibet. Moscow: Almaznyi Put, 2009. 244 p. (In Russ.)
- Nagarjuna, Third Karmapa Rangjung Dorje. In Praise of Dharmadhatu: Nagarjuna and Rangjung Dorje on Buddha Nature. K. Brunnhölzl (introd., transl.). Ithaca, NY: Snow Lion Publications, 2007. 432 p. (In Eng.)
- Ninth Karmapa Wangchuk Dorje. The Mahamudra: Eliminating the Darkness of Ignorance. Beru Khyentse Rinpoche (comment.). M. Yelinsky (transl.). Moscow: Shang Shung, 2002. 127 p. (In Russ.)
- Ninth Karmapa Wangchuk Dorje. The Ocean of Definitive Meaning. V. Ragimov (transl.). Moscow: Buddhadharma, 2022. 312 p. (In Russ.)
- Richardson S. A. Painted Books for Plaster Walls: Visual Words in the Fourteenth-Century Murals at the Tibetan Buddhist Temple of Shalu. Ph.D. dissertation. Department of Art, University of Toronto. Volume 2, Appendix. 146 p. (In Eng.)

- Tāranātha. Buddhism and Its Tenets, History and Literature. Part III: History of Buddhism in India. V. Vasilyev (transl.). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1869. 288 p. (In Russ.)
- Third Karmapa Rangjung Dorje, Jamgon Kongtrul Yonten Gyatso. The Profound Inner Principles. V. Volsky (In Russ.). St. Petersburg: Tanaduk, 2020. 492 p. (In Russ.)
- Third Karmapa Rangjung Dorje. Luminous Heart: The Third Karmapa on Consciousness, Wisdom, and Buddha Nature. Moscow: Shechen, Ganga, 2008. 288 p. (In Russ.)
- Third Karmapa Rangjung Dorje. Luminous Heart: The Third Karmapa on Consciousness, Wisdom, and Buddha Nature. K. Brunnhölzl (transl., introd.). Nitartha Institute Series. Ithaca, NY: Snow Lion Publications, 2009. XVII + 484 p. (In Eng.)
- Third Karmapa Rangjung Dorje. The Profound Inner Principles. With Jamgon Kongtrul Lodrö Taye's commentary 'Illuminating 'The Profound Principles''. E. Callahan (transl., introd., etc.). Ithaca, NY: Snow Lion Publications, 2014. 768 p. (In Eng.)
- Tsepak Rigzin. Tibetan-English Dictionary of Buddhist Terminology. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 2008. 306 p. (In Tib. and Eng.)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК / UDC 398(571.54)

Индо-буддийские заимствования в бурятской Гэсэриаде

Баир Сономович Дугаров¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-6885-7658. E-mail: khairkhan@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Дугаров Б. С., 2022

Аннотация. *Введение.* В данной статье рассматривается малоизученная проблема влияния буддизма на бурятский эпос «Гэсэр». На протяжении последних двух тысячелетий буддийский фактор, начиная с хуннской эпохи, в той или иной степени проявлял себя в различных областях духовной жизни тюрко-монгольских номадов и их потомков. В связи с вышесказанным *целью* настоящей работы является исследование воздействия буддизма на такой знаковый памятник устнопоэтической традиции бурят, как Гэсэриада. *Результаты.* Применяя *метод* сравнительного анализа, автор выявляет термины и понятия, имеющие индо-буддийское происхождение и составляющие древний слой в повествовательной структуре улигера (эпоса). К таким константам относятся *Гумбэр уула* ‘гора Сумер’, восходящие к мировой горе Меру, олицетворяющей центр земли и вселенной в древнеиндийской мифологии, или *Гун далай* ‘молочное море’, имеющее древнеиндийский прототип в мифе о пахтании молочного океана. Таким же образом из древней Индии через буддизм проник в фольклорно-мифологическую традицию бурят и полностью адаптировался в ней еще ряд космогонических следующих понятий: *замби* (санскр. Джамбудвипа ‘материк Джамбу’), *галаб* (санскр. *калта* ‘мифический период времени’) и др. В бурятской Гэсэриаде прослеживается также след индо-буддийской мифологии — на уровне зооморфных образов, среди которых особенно выделяется Хан Хэрдиг ‘царь птиц и пожиратель змей’. *Выводы.* Южные заимствования настолько органично вплелись в сюжетную канву и образную ткань эпоса «Гэсэр», что выглядят вполне «автохтонными», искони присущими эпическому тексту. Данное обстоятельство указывает на то, что буддийские влияния в бурятском эпосе имеют давнюю историю.

Ключевые слова: бурятский эпос, Гэсэриада, индо-буддийские влияния, монгольские народы, эпическая традиция, мифология, космогонические понятия

Для цитирования: Дугаров Б. С. Индо-буддийские заимствования в бурятской Гэсэриаде // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 608–619. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-608-619

Indo-Buddhist Borrowings in the Buryat Geseriad

Bair S. Dugarov¹¹ Institute for Mongolian Studies, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0001-6885-7658. E-mail: khairkhan@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Dugarov B. S., 2022

Abstract. *Introduction.* The article examines an understudied issue of how and to what extent Buddhism had influenced the Buryat epic of Geser. Over the past two millennia, the Buddhist factor — starting from the Xiongnu era — has been to a certain degree reflected in various areas of spiritual life of Turko-Mongolian nomads and their descendants. *Goals.* So, the work aims to study impacts of Buddhism on such a significant monument of the Buryat oral poetic tradition as Geseriad. *Results.* The method of comparative analysis proves instrumental in identifying terms and concepts of Indo-Buddhist origin that constitute an ancient dimension in narrative structures of the *uliger* (epic). Those constants include as follows: *хумбэр уула* ‘Mount Sumeru’ associated with the world Mount Meru that serves to mark a center of the earth and universe in ancient Indian mythology; *хун далай* ‘milk sea’ that has an ancient Indian prototype in the Samudra Manthana episode. Similarly, some other cosmogonic concepts of ancient India — such as *замбу* (Sansk. *Jambudvīpa* ‘Jambu mainland’) and *галаб* (Sansk. *kalpa* ‘aeon’) — had penetrated the Buryat folk mythological tradition through Buddhism to get completely absorbed and adapted. The Buryat Geseriad also contains traces of Indo-Buddhist mythology at the level of zoomorphic images, especially notable in the case of Khan Kherdig ‘king of birds and devourer of serpents’. *Conclusions.* The southern borrowings had become organically integral to the epic of Geser — its plot and images — so that nowadays tend to be perceived as quite ‘autochthonous’ and indigenous elements of the narrative. This circumstance attests to that Buddhist vestiges in the Buryat epic have a long history.

Keywords: Buryat epic, Geseriad, Indo-Buddhist influences, Mongolian peoples, epic tradition, mythology, cosmogonic concepts

For citation: Dugarov B. S. Indo-Buddhist Borrowings in the Buryat Geseriad. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 608–619. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-608-619

Введение

Буддизм исторически является тем культурным субстратом в полиэтническом пространстве Центральной Азии, оказавшим влияние на формирование мировоззренческой основы степных кочевников и комплекса их религиозно-мифологических представлений [Рерих 1999: 20]. Действительно, на протяжении последних двух тысячелетий буддийский фактор, начиная с хуннской эпохи, в той или иной степени проявлял себя в различных областях духовной жизни тюрко-монгольских nomadов и их потомков. Даже шаманизм, исконная цитадель мировоззрения сибирских народов, оказывается «стимулированным буддизмом» [Элиаде 2000: 459]. Так, шаманский бубен, центром распространения которого были окрестности озера Байкал, является заимствованием из

буддийских религиозных атрибутов, так же как и шаманское зеркало — *толи* [Элиаде 2000: 458]. Примечательно, что следы буддийской лексики обнаруживаются в титулах верховных божеств якутской шаманской мифологии — *Ююнг Айы тойон* и *Улу тойон*, где слово *тойон*, означающее «господин, владыка, лицо, облеченное властью», происходит от древнетюркского *тойын* ‘монах, буддийский священник’ [Пекарский 1958: ст. 2706].

Поэтому вполне объяснимо, что такой знаковый памятник устно-поэтической традиции бурят, как Гэсэриада, не мог не испытать на себе воздействия буддизма. В эпосе прослеживаются буддийские влияния как раннего, так и сравнительно позднего происхождения. Последние довольно отчетливо проявляются в период распространения тибетского буддизма среди монгольских народов, начиная с XVI в. Это относится прежде всего к унгинской версии эпоса «Абай Гэсэр», где в сонме высших небесных божеств появляется *Шубэзгэнэ Шутэгтэ бурхан* (Будда Шакьямуни), фигурируют представители буддийского духовенства, приводится описание буддийского храма, эпические персонажи пользуются священной книгой *ном*, имеющей буддийское происхождение [Абай Гэсэр 1960].

Что же касается ранних заимствований, они настолько органично вплелись в сюжетную канву и семантическую организацию текста, что воспринимаются как исконно бурятские. Речь идет об эпических терминах и понятиях, имеющих южное (буддийское) происхождение и составляющих более древний слой в повествовательной структуре улигера (сказания). В языковом контексте нарративного сюжета они выглядят вполне «автохтонными», органично присущими эпическому тексту и несущими важную смысловую нагрузку.

Космогонические заимствования

К числу наиболее устойчивых и выразительных заимствований подобного рода относятся мифологемы *Гумбэр уула* ‘Гора Сумер’ и *Гүн далай* ‘молочное море’, восходящие к древнеиндийским космогоническим прототипам — мировой горе Сумеру и пахтанию молочного океана. Это космическая диада в бурятских улигерах, как правило, встречается в эпических формулах-зачинах, предваряющих сюжетное действие. Например, в улигере «Хухэлдэй Мэргэн», относящемся к сказаниям, связанных с Гэсэриадой:

<i>Гүн ехэ далайн</i>	‘Великое молочное море
<i>Горхоножи байхадан,</i>	Ручейком еще журчало,
<i>Гүмэр ехэ уулайн</i>	Великая гора Сумеру
<i>Боори-болдог байхадан</i>	Кочкой еще приподнималась’

[Хүйлэн хүхэ морьтой 1930: стих. 57–60].

В самих эпических текстах, особенно в прологах, где приводится описание страны небожителей — *Тэнгэриин орон*, фигурирует лишь гора *Гумбэр уула* ‘Гора Сумер’ — с локальными эпитетами или без них. Так, в сказительских вариантах П. Дмитриева — *Сумбэр уула*, П. Тушемилова — *Сухуту Сумбэр*, Б. Жатухаева — *Сэгтэ Сумбэр*. В варианте П. Петрова называется гора Сахидаг, под которой подразумевается гора Сумеру, но при этом следует учитывать, что сакрализация оронимов в бурятском эпосе опирается на культ гор, издавна свойственный этнокультурной традиции монгольских народов. Священная гора

(в той или местности или регионе) рассматривалась как своего рода *Axis mundi*¹, связывающая небо и землю.

В бурятской Гэсэриаде адаптировались пришедшие через буддизм из древней Индии такие космогонические понятия, как замби и галаб. Первое из них происходит от санскр. *Джамбудвипа* — материк *Джамбу* и в эпическом тексте обозначает Три мира, согласно трехчленной вертикальной структуре космоса: Верхний (*Дээдэ замби*), населенный тэнгри — небесными божествами, Срединный (*замби*) — обитель людей и Нижний (*Доодо замби*) — преисподняя, являющаяся источником Зла. Второе (санскр. *кална* ‘мифический период времени’) часто употребляется в улигерных зачинах, описывающих начальное состояние Вселенной «раннего времени» или первотворения. Оба эти индо-буддийские понятия, так же как и гора Сумеру / Молочное море, являются неотъемлемой составляющей эпического повествования, что свидетельствует о высокой степени их адаптации в мифологической системе монгольских народов.

Индо-буддийский след в зооморфных образах

Заметно проявляется индо-буддийский след и в зооморфных образах бурятской Гэсэриады. Здесь следует в первую очередь упомянуть *Гаруду* (санскр. *garuda*) — царя птиц и пожирателя змей. Данный древнеиндийский солярный персонаж посредством буддийской мифологии распространился в фольклорном пространстве Центральной Азии и Южной Сибири, в том числе в эпосе «Абай Гэсэр». Так, в эхирит-булагатской версии (сказитель М. Имегенов) «господин всех пернатых созданий» обозначен под именем Хан Хэрдиг. Согласно сюжету, герой сказания выдерживает испытание жениха и приносит гигантское перо царя птиц небожителю Галта Улану — отцу своей невесты Гагурай Ногон. В пользу древности данного индо-буддийского заимствования говорит архаичный в бурятском фольклоре мотив побратимства — анда героя с представителями животного мира, мотив, который характеризует отношения Гэсэра и птицы Хан Хэрдиг [[Абай Гэсэр-хубун 1961: 112](#)].

Семантические вариации образа Гаруды наблюдаются в унгинской версии бурятской Гэсэриады. В варианте сказителя П. Петрова фигурирует обладающая даром речи гигантская птица Ганга Зада шубуун [[Абай Гэсэр 1960: 113](#)], в варианте П. Дмитриева — птица Дээбэн с желтой грудью и черным туловищем [[Гэсэр 1953: 86](#)], в варианте Н. Хангалова — черная птица Дибэн [[Хангалов 1959: 297–298](#)]. Объединяющим признаком во всех трех приведенных примерах служит мотив исполинского по размерам и весу пера, указывающий на их схожесть с Гарудой (Хан Хэрдиг) из эхирит-булагатского улигера М. Имегенова.

В целом образ Гаруды, начиная с древних времен, прочно и органично адаптировался не только в бурятском эпосе, но и во многих эпических произведениях тюрко-монгольских народов — как в устных вариантах, так и книжных версиях. Эту солярную божественную птицу, связанную своими сакральными эманациями с сердцевиной древнеиндийской мифологии, можно образно назвать своего рода крылатым символом индо-буддийских влияний в фольклорном пространстве северной Евразии.

¹ Ось мира.

Также в бурятской Гэсэриаде присутствует образ еще одного мифического существа — дьявола Архан (Архан шудхэр), чье имя, по мнению бурятских ученых-фольклористов, восходит к древнеиндийскому демону-асуру Раху [Манжигеев 1978: 15]. Ему удается, согласно мифу, вкусить напиток бессмертия — амриту, отчего его отсеченная богом Вишну голова оказалась живучей. Она возносится на небо и пытается проглотить солнце и луну, что вызывает затмение этих светил [Темкин, Эрман 1982: 65–66].

В бурятской Гэсэриаде Архан шудхэр органично связан с эпическим сюжетом: этот тератоморфный персонаж предстает в виде отрубленной головы поверженного в космической схватке предводителя восточных небожителей Атай Улана. Преследуя солнце и луну, она с разинутой пастью носится между небом и землей, пока не гибнет от руки Гэсэра. Образ демона Раху наиболее выразительную интерпретацию обрел в сказительском варианте П. Тушемилова, относящемся к стадиально поздней унгинской эпической традиции [Абай Гэсэр 1995: 83–84].

Тем не менее Архан шудхэр встречается и в более архаичных улигерах, что свидетельствует о ранней адаптации этого мифологического персонажа в бурятском эпосе [Дугаров 2005: 254–258]. В качестве образца можно привести сказание о Хухэрдэй (Хухэдэй) Мэргэне, который, являясь предшественником Гэсэра в эхирит-булагатской эпической традиции, нередко проявляет себя в двух ипостасях — бога-громовержца и героя, очищающего землю от чудовищ. Сокрушая врагов человеческого рода, он первым делом побеждает Архан шудхэра [Хүхэрдэй Мэргэн 1941: стих. 470–491]. В схватке с ним как могучим достойным противником просматривается более древняя, героическая основа, придающая их противоборству архетипическую окраску. Также герой защищает трех дочерей царственной птицы Хан Хэрдиг (Гаруды) от Митан Хара Мила — тысячеглазого монстра, пожирающего людей, и приносит перо птицы Хан Хэрдиг своему тестю Наран Гэрэл хану, с честью выдержав жениховское испытание. Приведенный выше сюжет оригинален тем, что в нем представлены одновременно сразу два мифологических персонажа, заимствованные из индо-буддийской мифологии.

Южные параллели в бурятской эпической демонологии

Интересный пример отзвука древнеиндийской мифологии видится в образе Асурай желтого мангадхая (*Асуурай шара мангадхай*), который встречается в разных вариантах бурятского героического эпоса, причем во всех случаях сходится описание местопребывания этого демонического персонажа, связанного с водным пространством и подземным миром. Так, в сказительском тексте М. Имегенова читаем:

*Хара ехэ далайн даа
Хашалаг ханай дунда ла,
Шулуунай агуйдо —
хурэ хүмэн тэндэ юмэ.*

‘На Черном великом море,
Посередине теснины,
В каменной пещере —
Все (его) жилище и чертоги’

[Абай Гэсэр-хубун 1961: 192]

Примечательно, что описание пространственного местонахождения бурятского Асурай желтого мангадхая напоминает область обитания индо-буддийских асуров, которая «находится в потаенных пещерах горы Сумеру, между ее подножием и водою» [Сумба-Кханбо 1998: 90].

Местонахождение последних относит их к разряду демонических существ в индийской мифологической традиции. В этом положении они оказались из-за постоянных конфликтов с богами, что выразилось в интерпретации слова *асуры* как ‘небоги’ (санскр. *сура* ‘бог, божество’ и *а* — префикс отрицания). В таком виде и значении это слово заимствовали уйгуры-буддисты [Древнетюркский словарь 1969: 61] и монголы, изменив окончание *а* на *и* — *Асури*. В монгольской Гэсэриаде это имя означает антагониста богов-тэнгриев [Damdinsuren 1989: 378]. Стало быть, асуры относятся к «падшим» богам, изгнанным с вершины горы Сумеру — индийского Олимпа, и вынужденным обитать главным образом у подножья этой горы, в ее пещерах. Являясь антиподами богов, возглавляемых Шакрой (Индра-Хормустой), они ведут с ними упорную войну, но безуспешно. Мотив их извечного противоборства нашел отражение в монгольской Гэсэриаде (в описании разрушения Сударасуна — небесного града Хормусты) [Козин 1935: 35–36].

В бурятской Гэсэриаде мифоним *асурай* причисляет к классу мангадхав — каноническим представителям эпического пандемониума Асурайского желтого мангадхая. Связь этого демона с нижним миром и водной стихией обличает в нем его тератоморфическое происхождение, подчеркиваемое наличием тринадцати голов. В данном случае используется распространенная в бурятском эпосе символика числа тринадцати — для обозначения особой силы и могущества Асурайского желтого мангадхая (*арбан гурбан толгойто Асуурай шара мангадхай*). Примечательно, что для того, чтобы одолеть своего грозного и живучего противника, Гэсэр обращается за помощью к желтой книге, носящей имя индо-буддийского божества Майдари [Абай Гэсэр-хубун 1961: 191–192]. Эта священная книга, которую герой достает из лба, указывает путь к достижению победы.

В продолжение темы асуров следует сказать, что индо-уйгурское заимствование *асура/Асури/Асурай* подтверждается и другими примерами. Так, в буддийской космологии существует разряд шимнусов (согд. *smnw* ‘демон, дьявол, сатана’) [Древнетюркский словарь 1969: 523], которые обладают способностью перевоплощаться в различные существа. Они распространяют заразные болезни, поветрие и всякое несчастье, обременяющее землю. Во главе их находится Царь шимнусов (*Шимнусун каган*, санскр. *Мара*) — источник чувственных наслаждений, владыка сансары и неумолимый враг нирваны [Ковалевский 1837: 59–60].

Считается, что монголо-бурятское *шулмас* или *шолмос* (вар. *шулма* / *шолмо*) в значении ‘черт, бес, дьявол’ происходит от *шимнус*, которое в этой форме было раньше знакомо средневековым уйгурам-буддистам и как знаковый мифоним относится к уйгурским согдизмам, обозначающим персонажи индо-буддийского происхождения в мифологии монгольских народов [Дугаров 2007: 111–113]. В бурятской демонологии класс шулмасов представлен достаточно широко и многообразно. В эпосе «Абай Гэсэр» одним из главных

демонических персонажей является *Шэрэм Мината Альбин шулма* ‘Дьявол с Чугунным кнутом’ [Абай Гэсэр 1960: 243]. Происхождение эпических шулмасов связано с небесным конфликтом западных и восточных тэнгриев. Как сказано в записи И. Кёртина, «низвергнутый на землю Атай Улан превратился в мангадхаев и злых шолмосов-духов, сеявших раздор и напасти, угрожавшие человеческому роду» [Curtin 1909: 134]. О последних он пишет, что они многочисленны, обладают способностью к оборотничеству и находятся в подчинении у Шулмас-хана (*Шолмо хан*) [Curtin 1909: 130–132, 137]. Как видим, данное описание бурятских шулмасов соответствует вышеприведенной характеристике шимнусов в буддийской космологии.

Говоря о южных заимствованиях в области демонологии, уместно упомянуть еще об одном персонаже бурятской низшей мифологии, называемом *ада* от санскр. *ata* [Ковалевский 1837: 64]. По суеверным представлениям бурят, *ада* представляют собой олицетворение нечистой силы, бесовщины. Представители этой разновидности злых духов также встречаются в контексте Гэсэриады [Абай Гэсэр Богдо хаан 1995: 68, 487].

Таким образом, в бурятской эпической демонологии *Асурай* наряду с *Архан*, *шулмас* и *ада* представляют слова, восходящие к иноязычным прототипам (санскрит и согдийский язык в уйгурской редакции), которые содержатся в буддийских текстах. Но при этом следует оговориться, что, несмотря на очевидное фонетическое сходство, эти слова утратили свое первоначальное исконное значение, и в бурятской Гэсэриаде и мифологии их содержание имеет иную понятийную подоплеку, нежели в «языке-источнике заимствования» [Поппе 1941: 283–284]. Поэтому их уже нельзя воспринимать как элементы буддийской мифологии в чистом виде, а необходимо рассматривать в русле тех шаманистских представлений, которые существуют у прибайкальских бурят. Тот же самый Асурайский желтый мангадхай, чье название происходит от индо-буддийских асуров, настолько органично «вписан» в сюжетно-повествовательную структуру эпического текста Гэсэриады, что по праву принадлежит к числу традиционных персонажей бурятской эпической мифологии.

Нельзя обойти вниманием в ряду южных заимствований и образ Ямы (санскр. *Йама*) — властелина царства мертвых и верховного судьи в загробном мире, известного в мифологии монгольских народов как Эрлик-хан или Эрлэн Номун хан. Имя *Эрлик-хан* («могучий государь») было известно центральноазиатским кочевникам еще в VII–X вв. по древнетюркским переводам буддийских текстов [Кляшторный 1981: 125] как эпитет владыки буддийского ада Ямы. Прозвище же Номун-хан является монгольской калькой титула Ямы — «царь закона», «владыка веры», правящий согласно буддийским канонам.

В бурятской Гэсэриаде (молькинский вариант) это божество фигурирует под именем Эрлэн Номон-хан [Абай Гэсэр Богдо хаан 1995: 365–366, 514]. Его владения, именуемые *саадын газар* — досл. ‘запредельная земля’ или ‘земля смерти (мертвых)’ [Абай Гэсэр Богдо хаан 1995: 365, 514], располагаются на северо-востоке, который считается у бурят неблагоприятной стороной света. Во время посещения Гэсэром эпической преисподней приводится ее описание, напоминающее реалии царства владыки Яма в индо-буддийской мифологии.

Индо-уйгурский Хормуста в эпосе монгольских народов

В заключение необходимо остановиться на одном знаковом ураническом персонаже, чей генезис показывает сложную эволюцию этого неординарного явления, связанного с этнокультурной историей Центральной Азии. Речь идет о Хормусте, бывшем одним из ведущих персонажей древнеуйгурского пантеона, в котором представлены в основном мифологические фигуры раннего буддизма, вошедшие на индийской религиозно-философской почве [Дугаров 2007: 106–116, 177–178]. Индо-буддийский субстрат в согдо-уйгурской интерпретации, вошедший в соприкосновение с монгольским культом неба, составляет отличительную суть данного феномена, ставшего ведущим божеством под именем Хормуста в фольклорно-мифологической традиции монгольских народов.

В эпическом пантеоне монгольской Гэсэриады он, согласно буддийской космологии, возглавляет сонм тридцати трех небесных богов (монг. *Гучин гурбан тэнгри*), что соответствует санскритскому наименованию с тем же значением — *траястринса*. Боги обитают в центре мироздания, расположенном на вершине горы Меру или Сумеру (монг. *Сүмбэр уула*). В божественном образе монгольского Хормусты, несмотря на согдо-иранское происхождение его имени — от *Хурмазда / Ахурамазда*, нетрудно распознать Индру, что свидетельствует о семантико-функциональной идентичности этих двух божеств, обозначенных разными именами. Действительно, теоним Хормуста является эквивалентом древнеиндийского Индры, выступающего еще в индо-буддийской мифологии под именем *Шакра* (эпитет Индры в значении ‘*сильный, могучий*’) — главного бога в сонме тридцати трех богов (*траястринса*), обитающих на вершине горы Сумеру.

Уйгурский культурный фактор, будучи форпостом раннего буддизма и проводником индо-буддийской культуры в Центральной Азии, сумел оставить значительный след в духовной жизни монголов, особенно под знаком Хормусты. Как отмечает Ц. Дамдинсурэн в комментариях к монгольскому изданию эпоса «Гэсэр», понятие о тридцати трех тэнгрях, возглавляемых Хормустой, утвердилось в монгольской Гэсэриаде под влиянием индийской мифологии в уйгурской редакции, сменив прежнее «представление о девяносто девяти тэнгрях, разделенных на западных пятьдесят пять и восточных сорок четыре небожителя» [Гэсэр 1986: 217].

Эта нумерологическая формула индо-уйгурского пантеона нашла отражение в письменной Гэсэриаде, прошедшей цензуру ламского духовенства. В монгольской эпопее эти тридцати три тэнгри-небожителя существуют как бы символически, представляя собой сонм безымянных абстрагированных богов, а сам Хормуста выступает в роли монголизированного Индры/Шакры, следуя в небесном прологе указанию Будды отправить на землю при наступлении смутных времен одного из своих сыновей.

В устной бурятской Гэсэриаде мы видим Хормусту не только как небесного отца эпического героя, но и как актуального персонажа, олицетворяющего собой могущественный клан западных небожителей. Индо-буддийская траястринса не вписалась в систему тэнгристских представлений бурятских сказителей, сохранивших в своих эпических версиях мифологическую основу, свойственную мировоззрению древних монголов.

В контексте развернутого небесного пролога, характерного для всех вариантов эпоса «Абай Гэсэр», приводится характеристика наиболее значимых представителей тэнгристского пантеона, в первую очередь Хормусты [Дугаров 2007: 152–157], иерархический статус которого неизменно подчеркивается в тексте:

<i>Барууни табин табан тэнгэриин</i>	‘Западных 55 тэнгриев
<i>Аха дээжээ бариһан</i>	Главой ставший
<i>Хан Хюрмас тэнгэри.</i>	Хан Хормуста тэнгри’

[Абай Гэсэр 1960: 9].

Сам же эпический образ Хормусты целиком отвечает бурятской фольклорно-мифологической традиции. По этому поводу небезынтересно привести замечание Н. Н. Поппе, согласно которому Хормуста, соответствующий Индре, божеству индийской мифологии, и играющий значительную роль в буддийском пантеоне, «настолько акклиматизировался в шаманстве бурят-монголов, что никаких прежних черт не сохранил» [Поппе 1941: 283–284].

Тем не менее сам теоним Хормуста, пришедший в бурятскую Гэсэриаду через общий поток ранних буддийских уйгуризов, предельно адаптировался в улигерных текстах. Этот пласт заимствований, «имеющих общемонгольский характер, является в бурятском языке и языке эпоса „Гэсэр“ самым древним по времени проникновения из древних восточных языков» [Рассадин 1995: 148–149].

Заключение

Буддийские влияния трансформировались в фольклорном пространстве монгольских народов в различных формах и в разные исторические периоды на протяжении последних двух тысячелетий. В целом это связано с общей проблемой взаимоотношений кочевой цивилизации Центральной Азии с буддизмом, проявлявшим себя значительным интегрирующим культурным фактором во многих сферах духовной жизни кочевников. Об этом свидетельствует и бурятская Гэсэриада с ее ранними индо-буддийскими заимствованиями, многие из которых являются характерными для эпической традиции монгольских народов.

Источники

- Хүйлэн хүхэ морьтой 1930 — Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хүбүүн ‘Имеющий сиво-голубого коня Хухэлдэй Мэргэн молодец’ // Центр восточных рукописей и ксилографов. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 301. Инв. № 2643. 42 л.
- Хүхэрдэй Мэргэн 1941 — Хүхэрдэй Мэргэн // Центр восточных рукописей и ксилографов. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 264. Инв. № 2643. 88 л.

Sources

- Khukheldey Mergen Khubun That Rides a Heavenly Grey Horse. At: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), Center of Oriental Manuscripts and Xylographs. Coll. 36. Cat. 1. File 301. Inv. no. 2643. Typescript. 42 p. (In Bur.)

Khukherdey Mergen. At: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), Center of Oriental Manuscripts and Xylographs. Coll. 36. Cat. 1. File 264. Inv. no. 2643. 88 л.

Литература

- Абай Гэсэр 1960 — Абай Гэсэр / вст. ст., подгот. текста, пер. и коммент. А. И. Уланова; отв. ред. С. Ш. Чагдууров. Улан-Удэ: АН СССР, Сиб. отд.; БКНИИ, 1960. 314 с.
- Абай Гэсэр-хубун 1961 — Абай Гэсэр-хубун: Эпопея (эхирит-булагатский вариант) / подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; отв. ред. И. А. Ким. Ч. 1. Улан-Удэ: АН СССР, Сиб. отд-ние; БКНИИ, 1961. 231 с.
- Абай Гэсэр 1995 — Абай Гэсэр. Вводная статья, перевод, комментарий и послесловие Сергея Чагдуурова. Улан-Удэ: Бурятия, 1995. 204 с.
- Абай Гэсэр Богдо хаан 1995 — Абай Гэсэр Богдо хаан: Бурядад морин ульгэр / сост. С. П. Балдаев; подгот. текста: М. И. Тулохонов, Д. Д. Гомбоин; науч. ред. А. И. Уланов. Улаан-Үдэ: РАН, Сиб. отд-ние; БИОН; ВАРК, 1995. 521 с.
- Гэсэр 1953 — Гэсэр. Сказитель П. П. Дмитриев, зап. Д. Хилтухин. Подг. к печати А. Уланов, К. Черемисов / под общей ред. П. И. Хадалова, А. И. Уланова. Улан-Удэ: Тип. отдела изд-в и полиграф. промышл. Минкультуры БМ АССР, 1953. 163 с.
- Гэсэр 1986 — Гэсэр / подг. текста, вст. ст. и коммент. Ц. Дамдинсурэна. Улаанбаатар: Гос. изд-во МНР, 1986. 222 с.
- Древнетюркский словарь 1969 — Древнетюркский словарь / ред.: В. М. Надеяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Дугаров 2005 — Бурятская Гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. 295 с.
- Дугаров 2007 — *Дугаров Б. С.* Мифология бурятской Гэсэриады: западные тэнгри. Улан-Удэ: Респ. тип., 2007. 268 с.
- Кляшторный 1981 — *Кляшторный С. Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. 1977. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 117–138.
- Ковалевский 1837 — *Ковалевский О. М.* Буддийская космология. Казань: Тип. Казанского университета, 1837. 167 с.
- Козин 1935 — *Козин С. А.* Гесэриада. Сказание о милостивом Гэсэр Мэргэн-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света: Пер., вступит. ст. и комм. С. А. Козина. М.; Л.: АН СССР, 1935. 245 с. (Труды Института антропологии, этнографии и археологии. Серия Фольклорная. Т. 8, № 3).
- Манжигеев 1978 — *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 129 с.
- Пекарский 1958 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Т. 3. М.: АН СССР, 1958. 3055 ст.
- Рассадин 1995 — *Рассадин В. И.* Иноязычная лексика в языке эпоса «Гэсэр» // Гэсэриада — духовное наследие народов Центральной Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 147–150.
- Поппе 1941 — *Поппе Н. Н.* Бурят-монгольский героический эпос. М.; Л.: АН СССР, 1941. 315 с.
- Рерих 1999 — *Рерих Ю. Н.* Тибет и Центральная Азия. Самара: Агни, 1999. 368 с.
- Сумба-кханбо 1998 — *Сумба-кханбо Ешей-Балджор.* Фрагмент о космологии буддизма из сочинения «Пагсам-джонсан» / пер. с тиб. Р. Е. Пубаева // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 2. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1998. С. 81–110.
- Темкин, Эрман 1982 — *Темкин Э. Н., Эрман В. Г.* Мифы Древней Индии. М.: Наука, 1982. 270 с.
- Хангалов 1959 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений: в 3-х тт. / под ред. Г. Н. Румянцева. Т. 2. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 444 с.

- Элиаде 2000 — *Элиаде М.* Шаманизм. Архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.
- Curtin 1909 — *Curtin J.* A Journey in Southern Siberia. The Mongols, their Religion and their Myths. Boston: Little, Brown, and Co., 1909. 319 p.
- Damdinsuren 1989 — *Damdinsuren C.* Explanation of some Personal Names in Mongolian Epos about Geser // Religious and Lay symbolism in the Altaic world and other papers: Proceedings of the 27th meeting of the Permanent International Altaistic Conference (June 12th to 17th, 1984, Walberberg, Germany) / edited by Klaus Sagaster, in collaboration with Helmut Eimer. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1989. Pp. 55–60.

References

- Abai Geser Bogdo Khaan: A Heroic Epic of the Buryats. S. Baldaev (comp.), M. Tulokhonov, D. Gomboin (text prep.); A. Ulanov (ed.). Ulan-Ude: Russian Academy of Sciences (SB), Buryat Institute of Social Sciences, Buryat Culture Development Association, 1995. 521 p. (In Bur.)
- Abai Geser. S. Chagdurov (foreword, transl., etc.). Ulan-Ude: Buryatia, 1995. 204 p. (In Russ.)
- Abai Geser Khubun: An Ekhirit-Bulagat Version of the Epic. M. Khomonov (text prep., transl., etc.), I. Kim (ed.). Ulan-Ude: USSR Academy of Sciences (SB), Buryat Institute for Comprehensive Studies, 1961. Vol. 1. 231 p. (In Bur. and Russ.)
- Abai Geser. A. Ulanov (foreword, transl., etc.), S. Chagdurov (ed.). Ulan-Ude: USSR Academy of Sciences (SB), Buryat Institute for Comprehensive Studies, 1960. 314 p. (In Bur. and Russ.)
- Curtin J. A Journey in Southern Siberia. The Mongols, Their Religion and Their Myths. Boston: Little, Brown, and Co., 1909. 319 p. (In Eng.)
- Damdinsuren C. Explanation of some personal names in Mongolian epos about Geser. In: Sagaster K., Eimer H. (eds.) Religious and Lay Symbolism in the Altaic World and Other Papers. Proceedings of the 27th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference (Walberberg; June 12–17, 1984). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1989. Pp. 55–60. (In Eng.)
- Dugarov B. S. Buryat Geseriad: A Heavenly Prologue and the World of Epic Deities. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2005. 295 p. (In Russ.)
- Dugarov B. S. Mythology of the Buryat Geseriad: Western Tengris. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2007. 268 p. (In Russ.)
- Eliade M. Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy. Kiev: Sophia, 2000. 480 p. (In Russ.)
- Geser: [Text] Recorded from P. Dmitriev by D. Khiltukhin. A. Ulanov, K. Cheremisov (text prep.). P. Khadalov, A. Ulanov (eds.). Ulan-Ude: Buryat-Mongol ASSR Ministry of Culture (Printing Dept.), 1953. 163 p. (In Bur. and Russ.)
- Geser. Ts. Damdinsuren (text prep., foreword, etc.). Ulaanbaatar: MPR Publ. House, 1986. 222 p. (In Mong.)
- Khangalov M. N. Collected Works. In 3 vols. G. Rummyantsev (ed.). Vol. 2. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1959. 444 p. (In Russ.)
- Klyashtorny S. G. Mythological plots in ancient Turkic monuments. In: Collected Turkic Studies, 1977. Moscow: Nauka — GRVL, 1981. Pp. 117–138. (In Russ.)
- Kowalewski O. M. Buddhist Cosmology. Kazan: Imperial Kazan University, 1837. 167 p. (In Russ.)
- Kozin S. A. Geseriad: The Tale of Geser Mergen-Khan the Gracious Who Eradicated the Ten Evils in the Ten Cardinal Directions. S. Kozin (transl., foreword, etc.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. 245 p. (In Russ.)
- Manzhigeev I. A. Buryat Shamanic and Pre-Shamanic Terms. Moscow: Наука, 1978. 129 p. (In Russ.)

- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Russ. and Old Turk.)
- Pekarsky E. K. Dictionary of the Yakut Language. Vol. 3. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1958. 3055 columns. (In Yak. and Russ.)
- Poppe N. N. Heroic Epic of Buryat Mongols. Moscow, Leningrad, 1941. 315 p. (In Russ.)
- Pubaev R. E. Paksam Jonzang (Tib. *dpag bsam ljon bzang*) by Sumpa Khenpo: A fragment depicting Buddhist cosmology translated. In: Culture of Central Asia. Written Sources. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1998. Pp. 81–110. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Language of the Geser: Loanwords revisited. In: The Geseriad as Spiritual Heritage of Central Asian Peoples. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1995. Pp. 147–150. (In Russ.)
- Roerich Yu. N. Tibet and Central Asia. Samara: Agni, 1999. 368 p. (In Russ.)
- Temkin E. N., Erman V. G. Myths of Ancient India. Moscow: Nauka, 1982. 270 p. (In Russ.)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК / UDC 811.512.3

Проблема определения места шира-югурского языка в классификации монгольских языков в отечественных и зарубежных исследованиях

*Заяна Игоревна Манджиева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0003-0061-5278. E-mail: mandjievazi@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Манджиева З. И., 2022

Аннотация. *Введение.* Шира-югурский язык принадлежит к монгольской группе языков. На шира-югурском языке говорят в местностях Канле (康乐, kānglè) и Мати (马蹄, mǎtí) провинции Ганьсу Китайской Народной Республики. Шира-югурский язык является одним из языков, на котором говорят желтые уйгуры. Желтые уйгуры делятся на две группы. Первая группа с самоназванием «шира-югур» является монголоязычной, вторая — «сарыг югур» — тюркоязычной. *Результаты.* В статье представлены краткие сведения об истории изучения шира-югурского языка, также были упомянуты ученые, которые одни из первых описали новые данные о языке. Только в середине XX в. шира-югурский язык стал выступать предметом исследования многих ученых, до этого периода существовали только отрывочные сведения об этом языке. Несмотря на то, что существуют разные классификации монгольских языков, положение шира-югурского языка в древе монгольских языков до сих пор является предметом изучения многих исследователей. В статье представлен краткий обзор исследований по проблеме места шира-югурского языка, а также описаны основные методы, использовавшиеся при определении места шира-югурского языка в классификации монгольских языков.

Ключевые слова: шира-югурский язык, шира-югурский словарь, югуры, шира-югуры, классификация, монгольские языки

Благодарность: Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Манджиева З. И. Проблема определения места шира-югурского языка в классификации монгольских языков в отечественных и зарубежных исследованиях // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 620–633. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-620-633

Classifying Mongolic Languages: The Place of Eastern Yugur in Works of Russian and Foreign Researchers Revisited

Zayana I. Mandzhieva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0003-0061-5278. E-mail: mandjievazi@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2022

© Mandzhieva Z. I., 2022

Abstract. Eastern Yugur is a Mongolic language spoken in Kangle and Mati districts of Gansu Province, China. Eastern Yugur is one of the languages spoken by the Yellow Uyghurs divided into two groups: the endonym of the Mongolic-speaking group is ‘Šera Yogor’, and that of the Turkic-speaking one is ‘Sarīg Yogir’. *Results.* The article introduces data on the history of Eastern Yugur-related investigations and mentions researchers to have provided earliest descriptions of the language. Only in the mid-20th century Eastern Yugur started being explored by many scientists, and before that period only fragmentary data on this language had been available. Despite there are different classifications of Mongolic languages, the place of Eastern Yugur therein still remains a subject of research. The article presents a brief review of works to have approached Eastern Yugur in relation to its place in classifications of Mongolic languages, and describes key methods employed thereto.

Keywords: Eastern Yugur language, Eastern Yugur dictionary, Yugurs, Šera Yugurs, classification, Mongolian languages

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Mandzhieva Z. I. Classifying Mongolic Languages: The Place of Eastern Yugur Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 620–633. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-620-633

Введение

Шира-югурский язык — язык народности шира-югуров (они же — югуры, желтые уйгуры, самоназвание — юйгу, кит. 裕固, пиньинь yùgù), проживающих в провинции Ганьсу Китайской Народной Республики (далее — КНР). По историческим данным, шира-югуры являются народом тюркского происхождения, перешедшим в ходе исторического развития к использованию монгольского языка [Тенишев, Тодаева 1966: 45]. Их численность на территории Ганьсу, по данным 2021 г., составляет 14 706 чел.¹ Югуры делятся на две группы: тюркоязычная часть называет себя «сарыг югур», другая, монголоязычная, — «шира-югур» (в монгольской передаче).

Шира-югурский язык недостаточно исследован, несмотря на то, что языки южномонгольской группы имеют большое значение в реконструкции прото-монгольского языка, этимологии лексики южно-монгольских языков и родственных связей с другими монгольскими языками. Решение проблемы определения места шира-югурского языка поможет выявить процессы, происходя-

¹ 裕固族 (yù gù zú): [электронный ресурс] // URL: <https://baike.baidu.com/item/裕固族/170696?fr=aladdin> (дата обращения: 24.04.2022).

щие в языке, их специфику, а также описать основные методы классификации монгольских языков.

Изучение монгольских языков имеет долгую историю, однако только со второй половины XIX в. началось сравнительно-историческое исследование монгольских языков, в их числе фундаментальные работы А. Д. Руднева «Материалы по говорам Восточной Монголии» [Руднев 1911], В. Л. Котвича «Исследование по алтайским языкам» [Kotwicz 1953], Г. Й. Рамстедта «Введение в алтайское языкознание» [Рамстедт 1957], Б. Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: введение и фонетика» [Владимирцов 1929], Н. Н. Поппе «Монгольский словарь Мукаддима ал-адаб» [Поппе 1938], Г. Д. Санжеева «Сравнительная грамматика монгольских языков» [Санжеев 1953] и некоторые др. Кроме того, следует упомянуть исследования Т. А. Бертагаева «К исследованию лексики монгольских языков» [Бертагаев 1961], Ц. Б. Цыдендамбаева «Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении» [Цыдендамбаев 1979], М. Н. Орловской «Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке» [Орловская 1961], Г. Ц. Пюрбеева «Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания» [Пюрбеев 1993] и др. Среди лексикографических работ значимой работой является «Монгольско-русский словарь» А. Лувсандэндэва. Значительным шагом в развитии изучения монгольских языков, в частности языков Китая, стали лингвистические экспедиции 1950-х гг., предпринятые учеными Центральной Академией национальных меньшинств и Пекинского университета.

Несмотря на то, что монгольские языки исследуются достаточно длительное время, до сих пор мнения ученых относительно статуса некоторых монгольских языков и диалектов разнятся. Исследованиями монгольских языков занимались не только отечественные исследователи, но и зарубежные, однако в настоящее время недостаточно работ по шира-югурскому языку в сравнении с другими монгольскими языками, а в работах многих монголоведов упоминания о положении шира-югурского языка фрагментарны. Первые попытки классификации содержали лишь отрывочные сведения ввиду недостаточности материала по этому монгольскому языку и его диалектам. В статье рассматриваются различные точки зрения ученых, которые описывали шира-югурский язык в контексте общей классификации монгольских языков.

Материалы и методы

Основными источниками послужили работы по монгольским языкам, опубликованные в отечественной и зарубежной литературе. Кроме того, были использованы результаты экспедиций ряда ученых, которые занимались изучением монгольских языков и диалектов. В качестве основного в работе использован описательный метод, позволивший представить краткие сведения об истории развития шира-югурского языка. Кроме того, применялся сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий провести анализ структуры древа монгольских языков на материале работ, затрагивающих проблему классификации шира-югурского языка.

История изучения шира-югурского языка

Впервые интерес к шира-югурскому языку обозначил российский ученый-путешественник Г. Н. Потанин (1835–1920). В 1884–1886 гг. он посетил восточные районы Тибета и Центральную Монголию. Результатом экспедиции стала его книга «Гангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» [Потанин 1893], в которой он описал экономические и социальные условия жизни югуров. Он упомянул, что югурское общество в то время состояло из 7 племен (отаков или джиты отак): «йаңқың талуы, өндөн сақыс, ышкана, пэй, йаглахкар, хурангат, арт сахыс» [Потанин 1893: 440].

С 1906–1908 гг. российский и финский военный, государственный деятель, барон Г. Маннергейм (1867–1951) получил распоряжение о подготовке экспедиции в Центральную Азию, целью которой были не только полевые исследования по фольклору, но и определение политической обстановки в Китае. В ходе военной миссии Г. Маннергейм делал фотоснимки, а также вел дневник. В его отчете, составленном по итогам экспедиции, содержатся 36 фотографий, демонстрирующих жизнь народа, а также словарь восточных и западных югуров и монгольского языка, в котором представлена попытка сравнительного анализа этих трех языков [Mannerheim 1911].

Немалый интерес к шира-югурскому языку проявил немецкий миссионер М. Херманнс (1899–1972). Он провел специальное исследование югуров региона Амдо (ныне — китайские провинции Цинхай, Ганьсу, Сычуань) в ряде областей, охватывающее их историю, культуру, обычаи, религию и другие аспекты, и впервые попытался провести различие между самоназваниями югуров [Hermanns 1940–1941]. Эту работу можно считать самой ранней попыткой сравнительного анализа лексики и фонологии языков западных и восточных югуров, однако этого материала недостаточно для систематического исследования и изучения языка.

В 1909 г. советский тюрколог С. Е. Малов (1880–1957) был командирован Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии в Китай. Его задача состояла в изучении языка и культуры шира-югуров, уйгуров Синьцзяна и саларов¹. В 1913 г. состоялась его вторая поездка в Китай. За время пребывания в Китае С. Е. Малов объездил почти все селения, где проживали шира-югуры. В результате двух экспедиций он записал достаточное количество материала, который в дальнейшем позволил ученым открыть новые перспективы в изучении шира-югурского языка. В результате его экспедиции в свет вышла работа «Язык желтых уйгуров» [Малов 1957].

Более детальные замечания по морфологии и фонетике рассматриваемого языка приводит В. Л. Котвич, который в своей работе представил список слов, записанных С. Е. Маловым в 1913 г. [Kotwicz 1939: 32]. Он считал, что шира-югуры являлись тюрками, которые с течением времени перешли на монгольский язык. В. Л. Котвич отметил наличие в фонетической системе шира-югурского языка начального инспирированного *h*, а в лексике — большого

¹ Тюркоязычная народность Китая, проживающая в Саларском автономном уезде и других районах провинции Цинхай, а также в провинциях Ганьсу и Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Язык саларов испытал значительное влияние китайского и тибетского языков. По религиозной принадлежности они являются мусульманами-суннитами, основное занятие — земледелие.

количества архаизмов, но, тем не менее, утверждал, что изначально они говорили на тюркском языке [Kotwicz 1939: 32]. Этому же мнения придерживался С. Е. Малов, который подметил следующее: «Есть еще группа уйгуров, живущих на юге и юго-востоке от г. Ганьчжоу, ближе к горам Нань-шань. Здесь уйгуры примыкают к селениям монгольских племен, и в силу этого часть из них совсем омонголилась» [Малов 1957: 4]. Несмотря на предварительные данные, представленные обоими учеными, все еще было недостаточно материалов для полного описания языка.

Значительный вклад в развитие шира-югурского языка внесла Б. Х. Тодаева. В 1965 г. в составе экспедиции по изучению монгольских языков КНР она записала материалы по монгольским языкам Китая, в том числе и по шира-югурскому языку. В середине 1960-х гг. благодаря работе Э. Р. Тенишева и Б. Х. Тодаевой «Язык желтых уйгуров» в научный оборот были введены новые сведения о языке шира-югуров [Тенишев, Тодаева 1966].

Основываясь на результатах исследований Г. Н. Потанина, Г. Маннергейма, С. Е. Малова и М. Херманнса, о которых было сказано выше, венгерский алтаист А. Рона-Таш опубликовал в 1962 г. статью «Tibetan Loan-words in the Shera Yögur Language» («Тибетские заимствования в шира-югурском языке») [Róna-Tas 1962]. Он писал: «Уйгуры, живущие между Сучжоу и Канчжоу, делятся на две группы. Те, кто говорит на тюркском языке, называют себя „сарыг югур“, в то время как те, кто говорит на архаичном монгольском языке, называют их „хара югур“. Югуры, говорящие на монгольском языке, называют себя „шира-югур“» [Róna-Tas 1962: 260]. А. Рона-Таш провел подробный фонологический и этимологический анализ 33-х тибетских слов, заимствованных шира-югурским языком и выявленных им в словарях Г. Маннергейма, Г. Н. Потанина и С. Е. Малова. Однако сам исследователь отмечал, что этих слов недостаточно, чтобы изложить общие выводы [Róna-Tas 1962: 261].

В КНР исследования этнической идентификации монгольских народностей Китая начались только в 1950-х гг. В 1957 г. профессор Университета Внутренней Монголии, китайский лингвист-монголовед Чингэлтэй опубликовал статью, которая была посвящена монгольскому языку и монгольским диалектам Китая [Cenggeltei 1957]. Помимо этого, профессор Университета Внутренней Монголии Жаонаситу подготовил работу «Краткая история шира-югурского языка» (кит. 东部裕固语简志, «Dong bu yu gu yu jian zhi»), однако она не была издана. Позже, спустя два десятилетия, он выпустил в свет работу с привлечением дополнительных лингвистических исследований. «Краткая история шира-югурского языка» (кит. 东部裕固语简志, «Dong bu yu gu yu jian zhi») включает такие разделы, как фонология, грамматика и лексика, а также глоссарий объемом более 700 слов [Zhaonasitu 1981].

В 1980 г. ученые Университета Внутренней Монголии провели системное комплексное исследование шира-югурского языка. Оно проходило в уезде Хунши автономного округа Сунань провинции Ганьсу КНР. С июня по октябрь 1980 г. восемь ученых и одиннадцать аспирантов Университета Внутренней Монголии были разделены на семь групп. Согласно плану исследования, было проведено первичное исследование дагурского, шира-югурского, дунсянского, монгорского, баоаньского языков, а также баргутского диалекта бурятского

языка. После завершения исследования каждая группа подготовила три вида материалов: исследовательский отчет (включая описание фонетики, грамматики), собранную лексику и материалы по живой речи [Chen Nai Xiong 1985: 1].

Используя богатый лингвистический материал, полученный в результате исследования, Бао Чаолу и др. составили «Ши́ра-югурский словарь» (кит. 东部裕固语词汇, «Dong bu yu gu yu ci hui»), состоящий из 3 000 слов [Bao Chao Lu 1984]. Кроме того, ученые Бао Чаолу и Жалсан собрали и опубликовали записи разговоров, легенд и бесед с носителями языка. Бао Чаолу также защитил диссертацию по данному языку, содержащую описание гармонии гласных, лабиализованных гласных и форм глаголов [Bao Chao Lu 1984: 9].

Таким образом, изучение шира-югурского языка началось еще с прошлого века, но затрагивало лишь сравнительное изучение лексики этнических групп шира-югуров, а также в основном печатались глоссарии и словари, которые сейчас в настоящее время являются уникальными источниками. Благодаря экспедиционным исследованиям монголов КНР, началось более системное исследование шира-югурского языка.

Общая характеристика классификации монгольских языков

В 1908 г. А. Д. Руднев разделил монгольские языки на восточную, северную и западную группы. Ши́ра-югурский язык, наряду с языком терских и донских калмыков и моголов, был отнесен им к неопределенным языкам [Руднев 1908: iv–vi]. Позже, в 1911 г., А. Д. Руднев уточнил предложенную классификацию, выделив халхаский в среднюю подгруппу, а шира-югурский, калмыцкий и могольский языки — в южную [Руднев 1911: 231].

Б. Я. Владимирцов считал, что различные ответвления монгольского языкового мира являются не самостоятельными языками, а наречиями единого монгольского языка, которые он поделил на две ветви, условно названные им западной и восточной. Относительно положения шира-югурского языка в своей классификации он писал: «Так, некоторые данные имеются по языку шара-югуров (уйгуров), живущих на Ю.-З. от г. Ган-чжоу, и по языку далда или чжа-хор (широнголов), обитающих по Желтой реке выше г. Лань-чжоу-Фу и в других местах Амдо, но данные эти недостаточны для того, чтобы можно было, так или иначе, классифицировать диалекты» [Владимирцов 1929: 12].

Г. Д. Санжеев выделял северную, восточную и западную ветви монгольских языков. Однако в его классификации монгольских языков шира-югурский язык как принадлежащий определенной ветви не упоминается. Ученый считал, что при составлении классификации монгольских языков следует учитывать фонетические, грамматические и лексические признаки [Санжеев 1986: 93]. Он пишет: «Диалекты и говоры одного и того же языка могут оказаться в составе различных групп, а так как такая классификация может проводиться с разных точек зрения, в зависимости от непосредственного предмета исследования в данный момент, то ее результаты, наложенные друг на друга, могут представлять собой довольно сложную паутину перекрещивающихся линий так называемых изоглосс, которыми обозначают на картах сходные явления частного порядка» [Санжеев 1953: 38].

Похожего мнения придерживался профессор Д. Шинор, однако в его классификации восточная ветвь делилась на центральные и южные языки. Ши-ра-югурский язык и другие языки (дагурский, могольский и др.) он объединил в отдельную ветвь «архаичных» монгольских языков [Sinor 1952: 373].

В 1954 г. монголовед Н. Н. Поппе предложил свою классификацию монгольских языков, однако шира-югурский язык не был отнесен им ни к одной ветви [Poppe 1954: 6–7]. Позже, в 1955 г., он использовал языковые материалы, собранные В. Л. Котвичем, для проведения сравнительного исследования шира-югурского языка и составил новую классификацию, в которой шира-югурский язык был охарактеризован как диалект монгорского языка [Poppe 1955: 14–23].

Монгольский языковед Ш. Лувсанвандан в 1959 г. представил свою классификацию, в которой разделил монгольский язык на 4 диалекта: центральный, северный, восточный и западный [Luwsanwandan 1959; (цит. по: [Schwarz, Blažek 2013: 179]); шира-югурский язык в ней отсутствует.

Г. Дерфер разделил мнение Н. Н. Поппе, выделив три группы монгольских языков. Им была выделена группа с «изолированными языками», куда вошли могольский и дагурский языки, а также монгорская группа диалектов, включающая шира-югурский язык [Doerfer 1964: 41–43].

Исходя из вышеперечисленных трудов, можно сделать вывод, что первые попытки построения языков древа монгольских языков были затруднительными. Ши-ра-югурский язык определенное время считался изолированным, так как отсутствовали факты, доказывающие его родство с другими монгольскими языками.

Только после полевых работ в КНР были получены новые данные о языке, впервые были описаны такие языки как шира-югурский, дунсянский, монгорский, баоаньский и другие. Это позволило ученым использовать новые методы к изучению монгольских языков.

Место шира-югурского языка в классификации, основанной на сходстве или различии фонетической структуры языка

Т. А. Бертагаев предложил свою классификацию, основываясь на таких признаках, как присутствие / отсутствие сингармонизма, присутствие / отсутствие начальных *-f*, *-x*, *-h*. Согласно ей, монгольские языки делятся на северные, юго-восточные и переходные [Бертагаев 1968: 9–12]. К юго-восточным языкам он относил языки, распространенные на территории Китая в провинциях Цинхай, Ганьсу и Дунбей, т. е. монгорский, дунсянский, баоаньский и дагурский языки. Несмотря на то, что основной областью проживания шира-югуров является провинция Ганьсу (включенная Т. А. Бертагаевым в ареал распространения юго-восточной группы языков), шира-югурский не был включен им в классификацию.

Н. С. Яхонтова предлагает классификацию, в которой монгольские языки делятся на три группы: 1) монгольский, бурятский, калмыцкий, ойратский; 2) дунсянский, монгорский, баоаньский и язык шира-югуров; 3) могольский. Деление основано на признаках сохранения начального спиранта **ϕ* (*> x, h*), полного / частичного соблюдения / отсутствия сингармонизма или перелома /

сохранения гласного *i в первом слоге. Шира-югурский язык исследовательница относит ко второй группе наряду с дунсянским, монгорским и баоаньским [Яхонтова 1997: 10].

Й.-О. Свантессон предложил классификацию, основанную на сдвигах гласных. Он пишет, что все монгольские языки, за исключением ойратского, пережили довольно резкие сдвиги гласных, которые изменили или даже разрушили основной принцип гармонии гласных. В его классификации монгольские языки делятся на западные, восточные и ойратские. Шира-югурский язык он отнес к восточной ветви монгольских языков [Svantesson 2000: 193].

Место шира-югурского языка в классификации по территориальной близости

Классификация монгольских языков М. Л. Беффа и Р. Хамаян включает пять групп. Эти ученые, как и Ш. Лувсанвандан, выделяли северные, центральные, восточные и западные языки. Кроме того, к этим группам была добавлена группа с периферийными языками, к которым, по мнению М. Л. Беффа и Р. Хамаян, относится и шира-югурский язык [Beffa, Hamayan 1983].

В 1987 г. вышла работа «On the Classification of the Mongolian Languages» Р. Бинника, в которой исследователь поставил под сомнение классификации Н. Н. Поппе и Г. Дерфера, принятые в зарубежном монголоведении. Он считал, что классификации монгольских языков, представленные советскими учеными Т. А. Бертагаевым и Г. Д. Санжеевым, ближе к правильным, хотя и имеют свои недостатки [Binnick 1987: 181]. Р. Бинник отмечал, что представленные схемы имеют большие расхождения. Во-первых, невозможно определить границы между диалектами и языками. Во-вторых, количество изоглосс, которые могут быть выявлены между любыми двумя группами диалектов, является произвольным, учитывая, что конкретные детали могут быть либо проигнорированы, либо выделены. Тем не менее, по его мнению, нет конкретного метода, позволяющего отделить значимые изоглоссы от второстепенных, поэтому невозможно выстроить единое древо монгольских языков. Он ставит под сомнение, что генеалогическое древо монгольских языков когда-либо может быть составлено, поскольку языки, испытывавшие периоды дифференциации, чередовались с периодами ассимиляции из-за кочевого образа жизни в более ранние века [Binnick 1987: 181].

Анализом языков региона Цинхая-Ганьсу также занимался немецкий тюрколог Х. Нугтерен. Он более тщательно рассмотрел четыре языка, относящиеся к южно-монгольской ветви. Ученый указывает, что в предыдущих исследованиях дагурский, шира-югурский, монгорский, баоаньский, дунсянский и могольский языки ученые относили к периферийным языкам. В своем исследовании он рассмотрел эти языки и представил свою версию того, как они разветвлялись. Исследование Х. Нугтерена показало, что позиция шира-югурского языка наименее определена. Х. Нугтерен ставит под сомнение, что шира-югурский язык принадлежит к центральной ветви, куда также относятся языки Цинхая и Ганьсу. На основании своего исследования он определяет шира-югурский язык в отдельную ветвь [Nugteren 2011: 34–56].

На основании сходств, на которые повлияли языковые контакты и ассимиляция, ученые сделали вывод, что шира-югурский язык приобрел общие черты, которые отличал его от языков других ареалов. На основе этих выводов, исследователи выделяли шира-югурский язык как периферийный или же как относящийся к отдельной ветви монгольских языков.

Место шира-югурского языка на основе методов лексикостатистики

Для классификации монгольских языков и реконструкции тех праязыков, к которым эти языки восходят лингвисты также использовали другой метод — метод лексикостатистики.

Новый подход к систематизированию древа монгольских языков с помощью метода глоттохронологии¹ был предпринят С. Хаттори (цит. по: [Кузьменков 1993: 338]). К сожалению, исследование показало, что применение этого метода довольно малопродуктивно из-за отсутствия четких границ между многими монгольскими языками. Наиболее четкие языковые границы в семье присутствуют в пределах комплекса Ганьсу-Цинхай, но С. Хаттори не имел доступа к достаточно подробной информации об этой группе. По этой причине шира-югурский язык в его исследовании не рассматривался.

В 1993 г. Е. А. Кузьменков с помощью метода глоттохронологии выявил время распада халха-монгольского, калмыцкого, монгорского и дагурского языков на основе анализа базовой лексики «Сокровенного сказания монголов». В данном исследовании время отделение шира-югурского языка не было установлено [Кузьменков 1993].

В 2013 г. М. Шварц и В. Блажек составили свою классификацию монгольских языков, которая была основана на методе лексикостатистики, разработанном М. Сводешом и усовершенствованном С. А. Старостиным. Они предложили выделить «основной монгольский» и «южный» кластеры языков. По результатам их исследования, шира-югурский язык находится ближе к основной группе монгольских языков, наряду с халха-монгольским, бурятским, калмыцким, ордосским и хамниганским языками [Schwarz, Blažek 2013: 183–184].

В 2015 г. отечественные специалисты И. А. Грунтов и О. М. Мазо также осуществили попытку построить свою классификацию монгольских языков. Используя базовую лексику, состоящую из 110 лексем, они провели исследование, включив данные среднемонгольских памятников. И. А. Грунтов и О. М. Мазо относят шира-югурский язык к баоаньской подгруппе «архаичных» языков. Что касается принадлежности шира-югурского языка к баоаньскому кластеру, то авторы объясняют ее близостью шира-югурского с дунсянским языком и хуцзу. В языке отмечаются фонетические и морфологические изоглоссы, близкие и к северно-монгольскими диалектами Ганьсу, и к южно-монгольскими языками. И. А. Грунтов и О. М. Мазо объясняют такой результат языковыми контактами, а также заимствованиями [Грунтов, Мазо 2016: 212–215].

¹ Гипотетический метод сравнительно-исторического языкознания для определения времени разделения родственных языков, основанный на гипотезе, что скорость изменения базового словаря языка остается примерно одинаковой.

Комплексный метод классификации монгольских языков

Другие ученые придерживались мнения, что при построении древа монгольских языков следует учитывать комплекс фонетических, лексических и грамматических признаков.

Сэцэнцогт, который ввел в научный оборот новые данные о языке канцзя¹, разделил монгольские языки на две ветви: восточную и западную. Опираясь на фонетические, лексические и грамматические признаки, он отнес шира-югурский язык к западной ветви [[Siqinchaoketu 1999: 276](#)].

Ф. Рыбацки подробно проанализировал внутреннюю классификацию языков регионов Цинхай-Ганьсу. В своем исследовании он использовал два метода. Один из них — классификация по фонетическим и морфологическим изоглоссам, второй способ — анализ лексической выборки из 425 слов. Исследование показало, что в шира-югурском языке присутствуют лексические изоглоссы северных языков и языков Ганьсу-Цинхайского региона. Ф. Рыбацки отмечает промежуточное положение шира-югурского языка и выделяет его в отдельную, южную (south cluster), ветвь [[Rybatzki 2003: 388](#)].

Заключение

Вопрос о классификации монгольских языков до сих пор является предметом изучения многих исследователей-монголоведов. Первые сведения о шира-югурском языке появились в исследованиях Г. Н. Потанина, Г. Маннергейма, М. Херманнса, С. Е. Малова. Благодаря материалам, собранным в ходе их экспедиций, в монголоведной науке появились данные о шира-югурском языке. Однако на тот момент не было известно, что этот язык представляет язык монголов, проживающих в Ганьсу.

Большинство ученых (А. Д. Руднев, Ф. Рыбацки, И. А. Грунтов, О. М. Мазо) придерживались точки зрения, что шира-югурский язык относится к южной группе монгольских языков. Однако другие ученые (Х. Нугтерен, Н. С. Яхонтова) отнесли его к отдельной ветви. В отечественной и зарубежной литературе недостаточно работ, посвященных системному исследованию данного языка, ученые не рассматривали его структуру в сравнении с другими монгольскими языками.

Исследование монгольских языков привлекает внимание отечественных и зарубежных лингвистов, однако для полного заключения следует расширять источниковую базу, а затем исследовать вопрос о классификации шира-югурского языка.

Литература

- Бертагаев 1961 — *Бертагаев Т. А.* К исследованию лексики монгольских языков. Опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров. Улан-Удэ: Академия наук СССР, 1961. 160 с.
- Бертагаев 1968 — *Бертагаев Т. А.* Монгольские языки: введение // Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-манчжурские и палеоазиатские языки. Л.: Наука, 1968. С. 7–12.

¹ Монгольский язык, на котором говорит мусульманское население численностью около 300 человек в уезде Джайнча (Цзяньчжа) Тибетской автономной префектуры Хуаннань провинции Цинхай.

- Владимирцов 1929 — *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: введение и фонетика. Л.: Изд-во Ленинградского Вост. ин-та им. А. С. Енукидзе, 1929. 436 с.
- Грунтов, Мазо 2016 — *Грунтов И. А., Мазо О. М.* Классификация монгольских языков по лексикостатистическим данным // *Journal of Language Relationship*. 2016. № 13(3–4). С. 205–256.
- Кузьменков 1993 — *Кузьменков Е. А.* Монгольская базисная лексика в «Сокровенном сказании» // *Mongolica: к 750-летию «Сокровенного сказания»*. М.: Наука, 1993. С. 328–341.
- Лувсандэндэв 1957 — *Лувсандэндэв А.* Монгольско-русский словарь: около 22 000 слов / А. Лувсандэндэв, Н. Наван-Юндэн, Ш. Цэвэг; под общ. ред. А. Лувсандэндэва; Ком-т наук Монгол. Нар. Республики. М: ГИС, 1957. 715 с.
- Малов 1957 — *Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров. Алма-Ата: АН КазССР, 1957. 197 с.
- Орловская 1961 — *Орловская М. Н.* Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М.: Вост. лит., 1961. 115 с.
- Потанин 1893 — *Потанин Г. Н.* Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия: Путешествие Г.Н. Потанина: 1884–1886. Т. 1–2. СПб.: Императорский географический институт, 1893. 358 с.
- Поппе 1938 — *Поппе Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. М.; Л.: АН СССР, 1938. 452 с.
- Пюрбеев 1993 — *Пюрбеев Г.Ц.* Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков: синтаксис словосочетания. М.: Наука, 1993. 304 с.
- Руднев 1908 — *Руднев А. Д.* Опыт классификации монголов по наречиям // Г. И. Рамstedт. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб.: Императорская академия наук, 1908. 66 с.
- Руднев 1911 — *Руднев А. Д.* Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб.: факультет Восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета, 1911. 157 с.
- Рамstedт 1957 — *Рамstedт Г. И.* Введение в алтайское языкознание. М.: Иностранная литература, 1957. 255 с.
- Санжеев 1953 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. М.: АН СССР, 1953. 240 с.
- Санжеев 1986 — *Санжеев Г. Д.* Изоглоссы в монгольских языках // *Mongolica: памяти академика Б. Я. Владимирцова (1884–1931)*. М.: Наука, 1986. С. 91–96.
- Тенишев, Тодаева 1966 — *Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х.* Язык желтых уйгуров. М.: Наука, ГРВЛ, 1966. 83 с.
- Цыдендамбаев 1979 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М.: Наука, 1979. 148 с.
- Яхонтова 1997 — *Яхонтова Н. С.* Монгольские языки // *Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык*. М.: Индрик, 1997. С. 10–18.
- Bao 1984 — *Bao Chao Lu* 保朝鲁, Yegün Yügur kelen-ü üges [= Восточно-югурский и монголо-китайский словарь, 东部裕固语词汇] Hohhot 呼和浩特: Inner Mongolian University 内蒙古大学出版社, 1984. 157 p.
- Beffa, Hamayan 1983 — *Beffa M. L., Hamayan R.* Les langues mongoles // *Etudes mongoles... et sibériennes* 14. 1983. Pp. 121–169.
- Binnick 1987 — *Binnick R.* On the classification of the Mongolian languages // *Central Asiatic Journal*. 1987. Vol. 31/3–4. Pp. 178–195.
- Damdinsürüng 1959 — *Damdinsürüng Će.* Mongyol uran jökiyal-un degeji jayun bilig orosibai (= Сто образцов произведений монгольской литературы). Ulaanbaatar, 1959. 599 p.

- Cenggeltei 1957 — *Cenggeltei*. Dumdadu ulus-taki mongyol törül-ün kele-nugüd ba mongyol kelen-u ayalу-nуyud-un yeronkei bayidal (= Краткий обзор монгольских языков и диалектов Китая) // *Mongyol kele bicig*. 1957, № 11; *Mongyol teuke kele bicig*. Ху-хэ-хото, 1958, № 2, 3, 6, 7, 12.
- Chen 1985 — *Chen Nai Xiong* 陈乃雄. Bao'an yu cihui 保安语词汇 (= Баоаньский словарь). Hohhot 呼和浩特: Inner Mongolian University 内蒙古大学出版社, 1985. 157 p.
- Doerfer 1964 — *Doerfer G.* Klassifikation und Verbreitung der mongolischen Sprachen // *Handbuch der Orientalistik*. 5. Bd. Altaistik, 2. Abschnitt: Mongolistik. Leiden / Köln: Brill, 1964. Pp. 35–50.
- Hermanns 1940–1941 — *Hermanns M.* Uiguren und his neuentdeckten Nachkommen // *Anthropos*. XXXV–XXXVI. 1940–1941. Bd. 35/36. H. 1/3. (Jan–Jun.). Pp. 78–99.
- Kotwicz 1939 — *Kotwicz W. L.* La langue mongole, parlée par les Ouïgours Jaunes près de Kan-tcheou. D'après les matériaux recueillis par S. E. Malov et autres voyageurs, Wilno, 1939. Pp. 91–102.
- Kotwicz 1953 — *Kotwicz W. L.* Studia nad językami altajskimi. Krakow: Nakł. Polskiego Tow. Orientalistycznego z Zasiłku Ministerstwa Szkolnictwa Wyższego, 1953. 314 p.
- Luwsanwandan 1959 — *Luwsanwandan Sh.* Mongol xel ayalguunı ucir // *Studia Mongolica* 1. 1959. Pp. 1–16.
- Mannerheim 1911 — *Mannerheim C. G. E.* A Visit to the Sarö and Shera Yögurs. Helsingfors, The Finnish Literary Society, 1911 34 p.
- Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic phonology and the Qinghai-Gansu languages. Doctoral dissertation. Leiden: Leiden University, 2011. 563 p.
- Poppe 1954 — *Poppe N.* Grammar of Written Mongolian. *Porta linguarum orientalum*, Neue Serie. 1. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1954. 195 p.
- Poppe 1955 — *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalaisugrilainen seura. *Memoires de la Société Finno-Ougrienne* 110. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p.
- Róna-Tas — *Róna-Tas A.* Tibetan loanwords in Shera Yögur language // *Acta Orientalia Hungarica* 15. 1962. Pp. 259–271.
- Rybatzki 2003 — *Rybatzki V.* Intra-Mongolic taxonomy // *The Mongolic Languages*. London / New York: Routledge, 2003. Pp. 364–390.
- Schwarz, Blažek 2013 — *Schwarz M., Blažek V.* On Classification of Mongolian // *Folia orientalia*. 2013. Vol. 50. Pp. 177–214.
- Siqinchaoketu 1999 — *Siqinchaoketu* 斯钦朝克图. Kangjiayu yanjiu 康家语研究 (= Исследование языка канцзя). Shanghai 上海: Yuandong Chubanshe 远东出版社, 1999.
- Sinor 1952 — *Sinor D.* Langues mongoles // *Les Langues du monde*, ed. by Antoine Meillet & Marcel Cohen. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1952. Pp. 369–384.
- Svantesson 2000 — *Svantesson J.-O.* Mongolic vowel shifts and the classification of the Mongolic languages // *Altai Hakpo*. 2000. 10. Pp. 193–207.
- Zhaonasiu 1981 — *Zhaonasiu* 照那斯图. Dongbu yuguyu janzhii 东部裕固语简志 [Краткая история шира-югурского языка]. Beijing 北京: Minzu chubanshe 民族出版社, 1981. 122 p.

References

- Bao Chao Lu. Eastern Yugur – Written Mongolian – Chinese Dictionary. Hohhot: Inner Mongolia University, 1984. 157 p. (In Yug., Mong. and Chin.)
- Beffa M. L., Hamayan R. Les langues mongoles. *Etudes mongoles... et sibériennes*. 1983. Vol. 14. Pp. 121–169. (In Fr.)
- Bertagayev T. A. Exploring Mongolic Vocabularies: A Comparative Statistical Study of Buryat Dialectal Lexemes. Ulan-Ude: USSR Academy of Sciences, 1961. 160 p. (In Russ.)

- Bertagaev T. A. Mongolic languages: An introduction. In: Skorik P. Ya. (ed.) Languages of the USSR. In 5 vols. Vol. 5: Mongolic, Tungus-Manchu, and Paleoasian Languages. Leningrad: Nauka, 1968. Pp. 7–12. (In Russ.)
- Binnick R. On the classification of the Mongolian languages. *Central Asiatic Journal*. 1987. Vol. 31. No. 3–4. Pp. 178–195. (In Eng.)
- Cenggeltei. Dumdadu ulus -taki mongyol törül-ün kele-nügüd ba mongyol kelen-u ayalγu-nuyud-un yeronkei bayidal. *Mongyol kele biçig*. 1957. No. 11. *Mongyol teüke kele biçig*. 1958. Nos. 2, 3, 6, 7, 12. (In Mong.)
- Chen Nai Xiong. Dictionary of the Bao ‘an language. Hohhot: Inner Mongolian University, 1985. 157 p. (In Bao., Mong., and Chin)
- Damdinsüren Ts. The One Hundred Examples of Mongolian Literature. Ulaanbaatar, 1959. 599 p. (In Mong.)
- Doerfer G. Klassifikation und Verbreitung der mongolischen Sprachen. In: Handbuch der Orientalistik. Vol. 5: Altaistik. Part 2: Mongolistik. Leiden, Köln: Brill, 1964. Pp. 35–50. (In Germ.)
- Gruntov I. A., Mazo O. M. Lexicostatistical classification of the Mongolic languages. *Journal of Language Relationship*. 2016. No. 13(3–4). Pp. 205–256. (In Russ.)
- Hermanns 1940–1941 — *Hermanns M.* Uiguren und his neuentdeckten Nachkommen // *Anthropos*. XXXV–XXXVI. 1940–1941. Bd. 35/36. H. 1/3. (Jan–Jun.). Pp. 78–99.
- Kotwicz W. L. La langue mongole, parlée par les Ouïgours Jaunes près de Kan-tcheou. D’après les matériaux recueillis par S. E. Malov et autres voyageurs. Wilno, 1939. Pp. 91–102. (In Fr.)
- Kotwicz W. L. Studies on Altaic Languages. Krakow: Polish Oriental Society (Ministry of Higher Education), 1953. 314 p. (In Pol.)
- Kuzmenkov E. A. Mongolian basic vocabulary in The Secret History [of the Mongols]. In: Solntsev V. M. et al. (eds.) MONGOLICA: Celebrating the 750th Anniversary of The Secret History [of the Mongols]. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 328–341. (In Russ.)
- Luvsandendev A. (ed.) Mongolian-Russian Dictionary. Ca. 22 000 word entries. MPR Science Committee. Moscow: GIS, 1957. 715 p. (In Russ.)
- Luvsanvandan Sh. Mongol xel ayalguunī ucir. *Studia Mongolica*. 1959. No. 1. Pp. 1–16. (In Mong.)
- Malov S. E. The Language of Yellow Uyghurs. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences, 1957. 197 p. (In Russ.)
- Mannerheim 1911 — Mannerheim C. G. E. A Visit to the Sarö and Shera Yögurs. Helsingfors, The Finnish Literary Society, 1911 34 p.
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Doctoral dissertation. Leiden University, 2011. 563 p. (In Eng.)
- Orlovskaya M. N. Nouns and Adjectives in Modern Mongolian. Moscow: Oriental Literature Press, 1961. 115 p. (In Russ.)
- Poppe N. Grammar of Written Mongolian. *Porta Linguarum Orientalum, Neue Serie*. Vol. 1. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1954. 195 p. (In Eng.)
- Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalaisugrilainen seura. *Memoires de la Société Finno-Ougrienne* 110. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p. (In Eng.)
- Poppe N. N. Muqaddimat al-Adab Dictionary of Mongolian. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1938. 452 p. (In Mong. and Russ.)
- Potanin G. N. Tangut-Tibetan Frontier of China and Central Mongolia: G. N. Potanin’s Trip, 1884–1886. Vol. 1–2. St. Petersburg: Imperial Russian Geographical Society, 1893. 358 p. (In Russ.)
- Pyrbeev G. Ts. Historical Comparative Insights into Mongolic Grammars: Phrasal Syntax. Moscow: Nauka, 1993. 304 p. (In Russ.)

- Ramstedt G. J. An Introduction to Altaic Linguistics. Moscow: Oriental Literature Press, 1957. 255 p. (In Russ.)
- Róna-Tas A. Tibetan loanwords in Shera Yögur language. *Acta Orientalia Hungarica*. 1962. Vol. 15. Pp. 259–271. (In Eng.)
- Rudnev A. D. Attempting a classification of Mongolic languages. In: Ramstedt G. J. Classical and Khalkha (Urga) Mongolian: A Comparative Phonetics. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1908. 66 p. (In Russ.)
- Rudnev A. D. Materials on Dialects of Eastern Mongolia. St. Petersburg: Imperial St. Petersburg University, 1911. 157 p. (In Russ.)
- Rybatzki V. Intra-Mongolic taxonomy. In: The Mongolic Languages. London, New York: Routledge, 2003. Pp. 364–390. (In Eng.)
- Sanzheev G. D. A Comparative Grammar of Mongolic Languages. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. 240 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Isoglosses in Mongolic languages. In: Kononov A. N. et al. (eds.) *MONGOLICA: In Memoriam Academician Boris Ya. Vladimirtsov (1884–1931)*. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 91–96. (In Russ.)
- Schwarz M., Blažek V. On classification of Mongolian. *Folia orientalia*. 2013. Vol. 50. Pp. 177–214. (In Eng.)
- Sinor D. Langues mongoles. In: Meillet A., Cohen M. (eds.) *Les Langues du monde*. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1952. Pp. 369–384. (In Fr.)
- Siqinchaoketu. A Study of the Kangjia Language. Shanghai: Far Eastern Press, 1999. 330 p. (In Chin.)
- Svantesson J.-O. Mongolic vowel shifts and the classification of the Mongolic languages. *Altai Hakpo*. 2000. No. 10. Pp. 193–207. (In Eng.)
- Tenishev E. R., Todaeva B. Kh. The Language of Yellow Uyghurs. Moscow: Nauka — GRVL, 1966. 83 p. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. Buryat Grammatical Categories in a Comparative Historical Perspective. Moscow: Nauka, 1979. 148 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. A Comparative Grammar of Classical and Khalkha Mongolian: Introduction and Phonetics. Leningrad: Yenukidze Leningrad Oriental Institute, 1929. 436 p. (In Russ.)
- Yakhontova N. S. Mongolic languages. In: Alpatov V. M. et al. (eds.) *Languages of the World: Mongolian Languages. Tungus Languages. The Japanese Language. The Korean Language*. Moscow: Indrik, 1997. Pp. 10–18. (In Russ.)
- Zhaonasiu. A Brief History of the Eastern Yugur Language. Beijing: Nationalities Press, 1981. 122 p. (In Chin.)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК / UDC 811.512.156

Белый цвет в традиционном мировоззрении тувинцев и бурят: семантика и ассоциативный тезаурус

Галина Александровна Дырхеева¹, Чечек Сергеевна Цыбенова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670045, Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор филологических наук, главный научный сотрудник

 0000-0003-3477-6280. E-mail: an5dag1@mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670045, Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

 0000-0002-7789-1492. E-mail: tschekchek@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Дырхеева Г. А., Цыбенова Ч. С., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье на основе анализа результатов ассоциативных экспериментов, проведенных с носителями тувинского и бурятского языков, анализируется цветообозначение «белый». *Целью* статьи является концептуально-семантический анализ полученных ассоциативных полей в сопоставлении с традиционными культурными представлениями тувинцев и бурят. В работе использованы материалы ассоциативных экспериментов, полученных от носителей тувинского и бурятского языков в разные годы. В *результате* исследования выявлено, что в ассоциативных значениях цветообозначений *ак* и *сагаан* закреплены прежде всего общие для nomadic культуры смыслы, связанные с молоком, белой обрядовой пищей, религиозными представлениями белого как чистого и сакрального цвета. В ассоциативном тезаурусе тувинцев и бурят белый цвет передает преимущественно светлую семантику и положительные эмоции, соотносится с широким кругом предметов и явлений окружающей действительности. Как и в лексикографических источниках, отсутствует семантика, связанная с негативными эмоциями. При этом, хотя такие понятия, как смерть, уход из жизни, не ассоциируются с белым цветом, не отражаются в языковой картине мира, но в обрядах и ритуалах тувинцев и бурят повсеместно присутствует связь этих понятий с цветообозначением «белый». Материал эксперимента показывает и специфичные для тувинской и бурятской лингвокультур смыслы, обусловленные этнокультурной традицией и структурой языка. Подобные расхождения в бурятской части встречаются с реакциями, обусловленными религиозным контекстом — *Сагаалган*, *Сагаан үбгэн*. В тувинской части это реакции-топонимы *Ак-Туруг*, *Ак-Хем* или реакция *кара*, имеющая широкое функциональное значение в тувинском языке. Анализ также показывает, что многие ассоциативные реакции совпадают с основными значениями соответствующих лексем (реакции-суперординаты *өң* и *үнгэ(н)*). *Выводы.* Проведенный анализ

подтверждает, что сходство культурно-исторического типа играет немаловажную роль и многие национально-культурные стереотипы носителей родственных языков имеют больше сходств, чем отличий.

Ключевые слова: цветообозначение, языковая картина мира, ассоциативный эксперимент, бурятский язык, тувинский язык, буряты, тувинцы

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности» (номер госрегистрации: № 121031000258-9).

Для цитирования: Дырхеева Г. А., Цыбенкова Ч. С. Белый цвет в традиционном мировоззрении тувинцев и бурят: семантика и ассоциативный тезаурус // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 634–648. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-634-648

White Color in Traditional Worldviews of Tuvans and Buryats: Semantics and Associative Thesaurus Approached

Galina A. Dyrkheeva¹, Chechek S. Tsybenova²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 677047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate

 0000-0003-3477-6280. E-mail: an5dag1@mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 677047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

 0000-0002-7789-1492. E-mail: tschechek@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Dyrkheeva G. A., Tsybenova Ch. S., 2022

Abstract. Introduction. The article examines results of associative experiments with native speakers of Tuvan and Buryat to analyze the color term ‘white’. **Goals.** The paper attempts conceptual and semantic analyses of obtained associative fields in comparison to traditional cultural representations of Tuvans and Buryats. **Materials and methods.** The paper considers materials of associative experiments attended by native speakers of Tuvan and Buryat in different years. **Results.** The study reveals that associative meanings of the color terms *ak* and *sagaan* are largely constituted by semes common to nomadic culture and relating to milk, white ritual food, religious representations of white as a pure and sacred color. In the associative thesaurus of Tuvan and Buryat, white conveys predominantly light semantics and positive emotions, correlates with a wide range of objects and phenomena of the outer world. Like in lexicographic sources, no semantics associated with negative emotions have been traced. However, despite such concepts as ‘death’ and ‘passing away’ are not associated with white color, nor there are any linguistic mentions — this color is involved in corresponding customs and rites. The experimental materials also show meanings specific to both the Tuvan and Buryat linguocultures, which results from differing ethnocultural traditions and language structures. In Buryat, such discrepancies occur in reactions of religious contexts — *Sagaalgan*, *Sagaan Übgen*. In Tuvan, those are toponyms, such as *Ak-Turug*, *Ak-Khem*, and the reaction *kara* that has broad functional meanings. The analysis also shows that many associative values coincide with main meanings of corresponding lexemes (reactions/superordinates *unge(n)* and *on*). **Conclusions.** The study confirms that cultural and historical similarity plays an important

role, and many ethnocultural stereotypes of native speakers of related languages have more conformities than differences.

Keywords: color terms, linguistic worldview, associative experiment, Buryat language, Tuvan language, Buryats, Tuvans

Acknowledgments. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000258-9 ‘The World of Man in Mongolic Languages: Means of Expressing Emotiveness Analyzed’.

For citation: Dyrkheeva G. A., Tsybenova Ch. S. White Color in Traditional Worldviews of Tuvans and Buryats: Semantics and Associative Thesaurus Approached. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 634–648. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-634-648

Введение

Лексика цветообозначений в настоящее время активно исследуются на примере многих языков мира. Цветонаименования существуют в культуре каждого народа, поскольку фиксируют и передают информацию об окружающем мире, о его своеобразии, они тесно связаны с культурно-историческими традициями, этническими стереотипами, ценностями, менталитетом. Как полагают исследователи, цвет наравне с такими ключевыми категориями, как пространство, время, движение, представляет собой одну из категорий познания мира [Бакеева 2012: 31]. Понятие цвета, являясь универсальным, в каждой лингвокультуре имеет свою специфику.

В сравнительном аспекте в отечественной лингвистике преимущественно изучается материал русского языка в сопоставлении с материалами других европейских языков (английский, французский, немецкий и т. д.). С этой точки зрения малоисследованными являются цветообозначения других национальных языков народов России, в частности, тувинского и бурятского. Указанные языки относятся к урало-алтайской семье языков, входят в ее алтайскую ветвь. При этом бурятский язык относится к монгольской группе языков, тувинский — к тюркской. Кроме того, бурятский и тувинский языки являются типологически родственными — оба имеют агглютинативный строй языка, по способу выражения грамматических значений они относятся к синтетико-аналитическому типу. Общим является и то, что и буряты, и тувинцы являются потомками кочевников, исповедуют буддизм. Сходство культурно-исторического типа, территориальная близость определенно влияют на многие черты национального характера и менталитета обоих народов. Все эти факты представляют особый интерес для изучения общего и специфичного также и на когнитивном уровне.

Таким образом, целью статьи является изучение и выявление общего и специфичного в образах языкового сознания тувинцев и бурят на примере цветообозначения *белый*. Впервые на основе ассоциативного эксперимента представлен сравнительно-сопоставительный анализ ассоциативных полей, полученных от тувинцев и бурят, на слово-стимул *белый* на тувинском (*ак*) и бурятском (*сагаан*) языках.

Материал и методика исследования

В работе использованы материалы ассоциативных экспериментов, проведенных в разные годы с носителями бурятского и тувинского языков. Отметим, что эксперименты проводились в рамках различных исследований. Массив

на тувинском языке был собран в ходе комплексного социолингвистического исследования языковой ситуации в Республике Тыва в 2009–2010 гг. среди носителей тувинского языка [Цыбенова 2013]. Ассоциативный эксперимент был включен в качестве одного из заданий в комплексную анкету и состоял из 51 слова-стимула. Тест был предложен на тувинском и русском языках. В результате проанализировано по 100 анкет на тувинском и русском языках (всего — 200 анкет), получено 3 664 разных реакций, из которых на тувинском языке — 1 510, на русском — 2 154. Результаты отдельных ассоциативных полей частично проанализированы и отражены в некоторых наших публикациях [Цыбенова 2012; Цыбенова 2020].

Ассоциативный эксперимент среди носителей бурятского языка был проведен в период 2008–2009 гг. В нем приняли участие более 200 респондентов. Всего собрано 120 анкет на бурятском языке и 110 на русском. В эксперименте было предложено 84 слова-стимула. В результате обработки выявлено 3 227 разных реакций на бурятском языке, 3 617 — на русском. В тест для носителей бурятского языка были включены слова-стимулы разной тематики (персоналии, цвета, реалии и др.) и разных частей речи (существительные, прилагательные, глагол). Он также был представлен на двух языках — бурятском и русском. Более подробно результаты ассоциативного эксперимента с респондентами-бурятами опубликованы в монографическом исследовании Г. А. Дырхеевой, которое представляет собой комплексный анализ языковой картины мира бурят-билингвов и форм его трансформации в условиях бурятско-русского двуязычия [Дырхеева 2020]. Необходимо отметить, что общее число приведенных реакций незначительно ввиду того, что многие респонденты дали перевод слова с русского языка на бурятский и обратно.

Исходя из цели нашего исследования в работе сравниваются результаты двух ассоциативных полей: *ак* на тувинском языке и *сагаан* на бурятском. Анализ массивов проведен по общепринятой для психолингвистических исследований схеме. Отношения между стимулом и реакцией проанализированы по основным типам ассоциативной связи (синтагматические, парадигматические, контрастивные). Кроме того, дана попытка сопоставления ассоциативных значений с концептуально-семантическим содержанием данного цветообозначения на тувинском и бурятском языках. В связи с этим в некоторых случаях применен дефиниционный анализ, предполагающий привлечение словарных статей из различных лексикографических источников. Сравнительный анализ ассоциативных полей по цветообозначениям бурятского и тувинского языков проводится впервые. Отметим, что при интерпретации ассоциативных полей особое внимание было обращено на широкое символическое значение полученных реакций, на их национально-культурную обусловленность в контексте тувинской и бурятской культур, шире кочевой культуры.

История вопроса

Лингвоцветовая картина мира тувинцев рассматривалась преимущественно на материале фольклорных произведений. Относительно эпитета-прилагательного *ак* указывается, что белый цвет является не только любимым и благородным, но и имеет значения «роскошный» (*ак өг* ‘белая юрта’), «богатый» (*ак мал*

‘белый скот’), «добрый» (*ак сеткил* ‘добрая душа’) [Байсклан 1986: 120–121]. Отмечается, что белый цвет имеет разные оттенки: *маңган ак* ‘бело-белый’, *көгүлдүр ак* ‘сине-белый или белый с синевой’, *саргылдыр ак* ‘желто-белый или белый с желтизной’ и т. д. [Донгак 2004: 214]. Кроме того, считается, что белый цвет обладает магической, очистительной силой, ему отдают предпочтение в торжественных случаях, при проведении ритуалов используют белую — молочную — пищу (*ак чем*), белые ленточки (*ак чалама*), белый ритуальный кусок ткани (*ак кадак*), проводят холощение животных (*мал чазаар*, *мал актаар*) и др. Белый, наряду с черным, также представляет собой один из частотных эпитетов в тувинском фольклоре [Донгак 2004: 218–220].

Значения цветообозначения *ак* хорошо изучены и на материале тувинских топонимов. *Ак* представляет собой наиболее часто употребляющийся топоформант. Так, в различных местах компактного проживания тувинцев (на территории районов Тувы, с. Верхнеусинск, Красноярского края, Ховдского и Баян-Ульгийского аймаков Монголии) зафиксировано более 100 топонимов с *ак* [Сувандии 2019: 198]. В топонимическом словаре Тувы отмечены следующие значения *ак*: «а) белый; б) чистый, без растительности, без примесей; в) питающийся талыми снеговыми водами (о реках и озерах); мутноватый, со взвесями — противоположно *кара*; г) со снежным покровом; д) с горной породой светлых оттенков; е) мутно-белый от взвесей; ж) священный; великий; з) хороший, благоприятный» [Ондар 2007: 85].

Семантика цветообозначений в тюркских языках подробно рассмотрена также на основе лексикографических источников [Кононов 1978]. Относительно цветообозначения *белый* отмечены такие значения: 1) «белый»; 2) «чистый, незапятнанный, невинный, честный, правильный, прекрасный, роскошный, великолепный»; 3) «сивый (масть лошади)»; 4) «белизна, белок (глаза, яйца)»; 5) «бельмо»; 6) «молочные продукты». Указанное цветообозначение как слово-компонент часто употребляется в составе личных имен, этнонимов, топонимов, социальной терминологии, названий различных птиц и животных, растений, пищи, продуктов, утвари [Кононов 1978: 170–172]. Большинство указанных значений типично и для тувинского языка.

Специфика цветообозначений в бурятском языке рассмотрена во многих работах. В отличие от тувинского языка, цветообозначения бурятского языка изучены в рамках различных аспектов: лингвокультурологии, психолингвистики, ономастики, этнографии и др. Так, в результате анализа концепта «цвет» в бурятской лингвокультуре Д. П. Хинзеева приходит к выводу, что цветообозначение *сагаан* обладает «...наибольшей емкостью и богатством специфических оттенков, которые охватывают самые многообразные сферы жизни <...> Вероятно, это объясняется физической природой белого цвета, его способностью поглощать все остальные цвета и оттенки» [Хинзеева 2011: 14]. Белый цвет, как и для других монгольских народов, символизирует благополучие, источник силы, здоровья, чистоту, безбедность, силу, отсутствие неудач, жизнь, здоровье, дружелюбие, ясность, открытость, доступность [Хинзеева 2011: 15].

Анализ произведений устного народного творчества народов Забайкалья, этнографических и лексикографических источников показал, что цветообозначение *белый* — *черный* в бурятской культуре может распространяться на ши-

рокий круг предметов и явлений. Выявлено, что предметы белого цвета, наряду с черными и красными, часто используются не только в свадебных обрядах, но и в похоронных, как знаки, «указывающие на переход человека из одного состояния в другое». Так, в одном похоронном обряде белая, т. е. забеленная молоком, вода, подобно живой воде, символизирует новое состояние человека — его перерождение в качестве шамана [Баинова 2005: 11–12]. Исследование показало, что «семантика *сагаан* (белый) как цвета, символизирующего смерть, не нашло своей лексикографической закреплённости в силу архаичности этого значения» [Баинова 2005: 15].

Сравнительно-сопоставительный анализ цветообозначений на материале ассоциативного эксперимента, полученного от бурят и русских, показал, что наиболее активными у бурят оказались ассоциаты *желтый* и *белый*. *Белый* у бурят чаще всего ассоциируются с чистотой, снегом, белой пищей и «... „этапоном“ *белого* цвета является не снег как у русских, а молоко и хадак белого цвета» [Бухаева 2010: 4]. Таким образом, у бурят вербальные ассоциации на цветосимволы в основном связаны с религией. Интересно, что «...русские респонденты дают больше ассоциаций, связанных с наименованиями объектов, а буряты — с оценочными значениями, что свидетельствует о лучшем пространственно-образном речевом мышлении бурят» [Бухаева 2010: 7].

Сагаан активно употребляется также в топонимии Байкальского региона. Оно входит в десятку наиболее распространенных топооснов и является самым продуктивным цветообозначением в бурятской топонимии. Употребляется как в литературной форме, так и в диалектной *цагаан*, изредка в форме дериватов *сагаагшан* ‘белый (о масти животных)’ и *сагаахан* ‘беленький’ [Дамбуев 2020: 110]. Отмечается, что, употребляясь в топонимии, цветообозначение *сагаан* реализует не весь спектр значений, которым обладает в языке. В частности, выявлены случаи переносного употребления, в которых реализуются его значения ‘ровный, открытый, проходимый’ и ‘священный’ при описании перевалов, островов и степей. Исследование показало, что различия в употреблении цветообозначения в разных языках имеются на концептуальном уровне [Дамбуев 2020: 113].

Как видим, лексика цветообозначений как в тувинском, так и бурятском языках преимущественно исследована в аспекте лингвокультурологии, этнографии, топонимии. Следует отметить, что в рамках психолингвистики цветообозначения более всего исследованы в бурятском языке. Материал указанных языков в основном сравнивается с русским языком. Прежде всего это связано с изучением и выявлением особенностей влияния русского языка на традиционное мировидение малочисленных народов РФ, исследованием национальной языковой картины мира.

Результаты эксперимента

Для кочевых культур наиболее ярким в плане отражения национальной особенности, по мнению многих исследователей, считается белый цвет. Так, О. Ю. Динисламова отмечает, что «исследования фольклора, образцов устного народного творчества показывают, что белый цвет ассоциируется с днем, снегом, светом, жизнью, добром, Верхним миром и неразрывно связан с понятием

„светлый“» [Динисламова 2017: 37]. В тувинском и бурятском языках также можно встретить множество пословиц, поговорок и благопожеланий, связанных с данным цветообозначением:

Тув.: *Даг дег караны*
Довук дег ак базар
 ‘Правда с ноготок
 Гору лжи победит’ [Мудрость народа 1976: 78];

Бур.: *Сагаан эдээтэй — сүриэжэ байхамнай болтогой!*
Сагаан зантай — солотой нуухамнай болтогой!
Сагаан замтай — сарюун ябахамнай болтогой!
Сагаан сэдхэлэй сог зали бадаруулхамнай болтогой!

‘Пусть у нас будет белая пища, чтобы поднести богам!
 Пусть слава о нашем добром нраве распространяется!
 Пусть наш путь будет светлым и чистым!
 Пусть разгораются искорки нашей белой души!’

[Үрээл тогтохо болтогой 2019: 19].

Большинство исследователей приходят к выводу, что обозначение белого цвета относится к этнически релевантным, т. е. особенно важным для этноязыкового сознания цветообозначениям. «Белый» может выступать как постоянный эпитет, маркирующий положительные свойства людей и предметов, и он практически не имеет отрицательных значений, не является символом смерти и траура [Динисламова 2017: 37–38].

Полученные нами ассоциативные поля также отражают «светлую» семантику лексемы. И у тувинцев, и у бурят белый цвет символизирует благополучие, удачу, здоровье и изобилие (см. табл. 1).

Таблица 1. Ассоциативные поля *сагаан* на бурятском и *ак* на тувинском языках

[Table 1. Associative fields for *sagaan* (Buryat) and *ak* (Tuvan)]

	буряты (34)	тувинцы (23)
	<i>сагаан</i>	<i>ак</i>
1	<i>эдээн</i> ‘еда, пища’ (5), <i>һү (н)</i> ‘молоко’ (4), <i>морин</i> ‘лошадь, конь’ (3), <i>үнгэ(н)</i> ‘цвет’ (3), <i>һанаан</i> ‘мысль, дума, намерение’ (3), <i>сэдхэл</i> ‘мысль, думы, помыслы’ (2), <i>саарһан</i> ‘бумага’ (2), <i>хара</i> ‘черный’, <i>хадаг</i> ‘хадак (сложенная узкая шелковая ткань)’	<i>сүт</i> ‘молоко’ (30), <i>кара</i> ‘черный’ (15), <i>өң</i> ‘цвет’ (14), <i>аът</i> ‘конь’ (4), <i>саазын</i> ‘бумага’ (3), <i>сеткил</i> ‘помыслы’, <i>чем</i> ‘пища/еда’, <i>кадак</i> ‘кадак (сложенная узкая шелковая ткань)’, <i>сагыш</i> ‘думы, помыслы’, <i>арыг</i> ‘чистый’
2	<i>саһан</i> ‘снег’ (6), <i>һара</i> ‘месяц, луна’ (4), <i>дали</i> ‘крылья’ (3), <i>сагаан эдээн</i> ‘белая пища’ (3), <i>сэбэр</i> ‘чистый’ (2), <i>сагаалган</i> ‘Сагаалган (Новый год по лунному календарю)’ (2), <i>хилээмэн</i> ‘хлеб’ (2), <i>дабһан</i> ‘соль’, <i>зан</i> ‘нрав, характер’, <i>нюур</i> ‘лицо’, <i>зүһэн</i> ‘масть’, <i>сагаан плати</i> ‘белое платье’, <i>сагаан сэбэр</i> ‘чистый’, <i>сагаан сэдхэл</i> ‘добродушие, светлые помыслы’, <i>сагаан үнгэ</i> ‘белая краска’, <i>сагаан үһэн</i> ‘седина’	<i>дээр</i> ‘небо’ (2), <i>орук</i> ‘дорога’, <i>чырык</i> ‘свет’, <i>көк</i> ‘синий’, <i>дүк</i> ‘шерсть’, <i>Туруг</i> ‘Ак-Туруг’, <i>Хем</i> ‘Ак-Хем’, <i>тос</i> ‘кора’, <i>булут</i> ‘облако’, <i>шай</i> ‘чай’, <i>диштер</i> ‘зубы’, <i>аржыыл</i> ‘платок/полотенце’, <i>дозу</i> ‘эмаль/краска’

<p><i>сагаан</i> <i>hanaан</i> ‘чистые, светлые мысли’, <i>сай</i> ‘чай’, <i>соохор</i> ‘пестрый’, <i>туг</i> ‘знамя’, <i>түрэл</i> ‘родня, родство’, <i>убгэн</i> ‘старик’ (<i>Сагаанубгэн</i> ‘Белый старец’), <i>улаан</i> ‘красный’, <i>хайн</i> ‘хороший, красивый’, <i>эреэн</i> ‘пестрый’</p>	
--	--

Примечание: В колонках табл. 1 приведены совпадающие ассоциации, под цифрой 2 — несовпадающие.

В целом можно отметить, что, как и в других языках, в ассоциативном поле цветолексемы *белый* обоих языков преобладают синтагматические реакции, показывающие их связь с объектами окружающего мира. В тувинской части — это *дук* ‘шерсть’, *тос* ‘кора’, *булут* ‘облако’, *шай* ‘чай’, *диштер* ‘зубы’, *аржсыыл* ‘платок/полотенце’, *дозу* ‘эмаль/краска’ и др. В бурятской — *хилээмэн* ‘хлеб’, *сагаан плати* ‘белое платье’, *дабхан* ‘соль’, *сай* ‘чай’, *туг* ‘знамя’ и др. Однако самой частотной в обеих группах респондентов, судя по колонке 1, оказалась реакция, связанная с *сүт* и *һү(н)*, ‘молоком’, причем для бурят первичным является именно *саган эдээн* ‘белая еда, пища’, имеющая большое сакральное значение и объединяющая всю молочную пищу. То же самое значение имеет ассоциативная пара *ак чем* в тувинском языке, но по частотности она является единичной.

Здесь интересно отметить материал, полученный В. Тернером от африканского племени ндембу. Некоторые параллели перекликаются и с нашими материалами. Так, изучая проблему цветовой классификации в примитивных культурах, В. Тернер отмечает, что, по представлениям ндембу, белое является символом воспитания, который имеет такие материальные проявления, как грудное молоко, семя и каша из кассавы. По его мнению, белое «...символизирует верную преемственность между поколениями и связано с радостями еды, зачатия, вскармливания» [Тернер 1972: 63]. В бурятской и тувинской культурах белый цвет, как мы видим, также связан с молоком и едой. Как известно, основой хозяйственно-культурного типа тюрко-монгольских народов являлось кочевое скотоводство. Понятие пяти видов скота существует и у бурят (*‘табан хошуу мал’*), и у тувинцев (*‘беш чүзүн мал’*). Поэтому у кочевых народов белый несомненно символизирует молоко, употребляемое в пищу, используемое в ритуальных целях.

Ритуальный смысл имеют и ассоциативные пары *ак* → *кадак* и *сагаан* → *хадаг* ‘белая шелковая лента’ (*кадак/хадаг* — сложенная узкая шелковая ткань, которую подносят в знак почтения и добрых пожеланий). Белый цвет показывает почтение, уважение, благодарность духам местности, предкам, а также получение благословения от высших сил. Вероятно, ритуальность, сакральность белого цвета объясняется его характеристикой как базового ахроматического цвета, его архетипичностью, связанной с коллективным бессознательным. Во многих культурах он связан именно с ритуалами, традициями. В вышеупомянутой культуре ндембу белый также демонстрирует отношения господства и подчинения, символизирует щедрость доминирующего и в то же время благодарность подчиненного. Как пишет В. Тернер, в знак благодарности за здоровье, долголетие, счастье, плодородие, удачу на охоте, чтобы заслужить благословение предков,

племя ндембу обозначает дерево белыми знаками и полосами, белыми отметинами свои тела. «Ндембу верят, что, создав „белый цикл“, они обеспечивают для себя материальное благополучие и все те незримые благодеяния, которые мертвые предки даруют народу» [Тернер 1972: 64]. Или общеизвестный для всех белый цвет, используемый в ритуалах погребения в Японии; белый цвет свадебного наряда невесты во многих культурах, как символ физической и духовной чистоты и т. д.

Говоря о ритуальности белого цвета, отметим, что ни в ассоциативном тезаурусе, ни в лексикографических источниках тувинского и бурятского языков мы не находим связи белого цвета с негативными эмоциями, со смертью. При этом в ритуальном контексте он используется повсеместно, используется он и при похоронных обрядах. Так, по сведениям этнографов, у тувинцев, выходцев из Монгун-Тайги (район Западной Тувы), было принято умершего класть на белый войлок или материал (*ак салырзд* ‘букв. подложить белое’. — Д. Г., Ц. Ч.), при наземном погребении часто место погребения отмечали белым валуном [Кисель, Шыырап 2009: 111]. В настоящее время в погребальной практике бурят и тувинцев белый цвет до сих пор присутствует. Отмечается, что местами (юг Тувы) население придерживается старинных традиций и умершего хоронят без одежды, завернув в полотнище белой ткани, настилают белый войлок [Кисель 2010: 261, 265]. По сведениям наших информантов, у отдельных родов бурят, в частности хоринских бурят, покойного принято оборачивать исключительно в белую материю, на макушке оставляя небольшое отверстие (женщина, 70 л.). У тувинцев место погребения окропляют забеленной молоком водой или водкой. Делается это для того, чтобы дух местности — *чер ээзи* ‘хозяин земли’ — дал свое разрешение на погребение (женщина, 66 л.). Таким образом, «повсеместно продолжает бытовать „кормление“ духов и „души“ усопшего. Оно выражается в окроплении молоком или соленым молочным чаем пути похоронного поезда и места погребения» [Кисель 2010: 263]. Очевидно, в повседневной жизни тема смерти, ухода из жизни табуирована, в связи с чем в этом контексте *белый* не отражается в ассоциативном тезаурусе, не упоминается и в лексикографических источниках. Вероятно, сказывается и то, что, по буддийским представлениям, уход из жизни воспринимается не как конец бытия, а начало другой жизни, перерождение живых существ.

Носители тувинского и бурятского языков не явились исключением, как и респонденты большинства других языков, в противопоставлении белого цвета черному: *кара* и *хара*. Однако интересно отметить относительно высокую его частотность в тувинском материале эксперимента. Можно допустить более активное функционирование полифункциональной лексемы *кара* в тувинском языке, отметить его более широкую семантическую сочетаемость, коннотационный диапазон. Например, в отличие от бурятского языка данная лексема широко используется в современном антропонимиконе тувинцев — *Кара* (муж., жен.), *Кара-кыс* (жен.), *Анай-Кара* (жен.), *Кара-оол* (муж.), которые могут иметь не только защитное значение, но и положительные — ‘красивый’, ‘чистый’, ‘стойкий’, ‘смелый’, ‘храбрый’. Распространены родовые имена, которые сейчас используются в качестве фамилий — *Кара-Сал*, *Кара-Донгак* и др. Отметим использование в речи обращений *анай-кара*, *хөлчүң-кара*, *чараш-кара* — ла-

сковое обращение к мужу / жене, любимой (-ому), которые используются в мелиоративном значении ‘дорогая’, ‘любимая’. Хотя указанные обращения преимущественно использовались в языке досоветского периода, в современном языке их использование также возможно. Цветолексема *кара* также широко используется для обозначения кличек животных, часто в качестве одного из компонентов, или как прозвищное имя: *Эзир-Кара*, *Калдар-Кара*, *Карадай*, *Каралдай*, *Калбак-Кара* и т. д.

Отметим, что в бурятской части *хара* является единичной реакцией. Вместе с тем личные имена с аналогичным значением с данной цветолексемой есть и в бурятском антропонимиконе. Материалы «Словаря бурятских личных имен» показывают, что в основном все они широко бытовали до XX в.: *Хара* (XIII колено в антропологической таблице — 1841–1860 гг.), *Хара Могсоон* ‘черный куцый / черный короткий’ (XV колено в антропологической таблице — 1881–1900 гг.), *Хара Хүбүүн* ‘черный мальчик’ (VI колено в антропологической таблице — 1701–1721 гг.) [Митрошкина 2008: 236]. В современном бурятском языке бытуют фамилии *Харанохоев* (от *хара нохой* ‘черная собака’), *Харахинов* (от *хара үхин* ‘черная, смуглая девушка’) и др. Личные имена с данной цветолексемой встречаются редко. Таким образом, наличие антонима предельного значения в исследуемых массивах, вероятно, следует объяснять влиянием и глубиной языковой традиции, этническими стереотипами.

Бурятская часть материала выделяется реакциями, связанными с религиозным аспектом: *Сагаалган* ‘Новый год по лунному календарю’, *Сагаан үбгэн* ‘Белый старец’. Известно, что с приходом и распространением буддизма многие обычаи, верования и традиции большинства народов, живших на территории Центральной Азии, в том числе тувинцев и бурят, подверглись постепенной адаптации. *Сагаалган*, отмечавшийся в добуддийский период в осенний период, стали праздновать по лунному календарю зимой. Главный персонаж новогоднего праздника — *Сагаан үбгэн* — также плавно вошел в пантеон буддийских божеств. Несмотря на то, что буддизм распространен и в Туве, подобных реакций в тувинской части не встречается. Их наличие только в бурятском материале и отсутствие в тувинском свидетельствует, что в рамках эксперимента большое влияние на появление тех или иных реакций оказывает именно специфика языка. Языковой фактор четко отслеживается и в тувинском материале эксперимента. Так, здесь выделяются реакции-топонимы — *Ак-Туруг*, местечко и гора Ак-Туруг, дословно переводится как ‘Белая скала’; *Ак-Хем*, название реки, дословно переводится как ‘Белая река’.

Национально-специфичными и общими для обеих групп опрошенных оказались реакции, связанные с чистыми мыслями, намерениями, помыслами: *сеткил* ‘помыслы’, *сагыш* ‘думы, помыслы’, *hanaan* ‘мысль, дума’, *сэдьхэл* ‘мысль, дума, помыслы’, и с самым главным для кочевников животным, а именно с лошадью — *аът* ‘конь, лошадь’ и *морин* ‘лошадь’. Указанные значения зафиксированы и в словарях. Интересно отметить, что сравнение со словарными статьями показывает отсутствие в материале эксперимента некоторых из них. Например, *Сагаан Ордон* ‘Белая Орда’ или *сагаан хаан* ‘ист. русский царь’ [БРС, II 2010: 135]. Подобные случаи подтверждают специфику материалов

ассоциативных экспериментов, отражающих языковую картину мира носителя языка данной эпохи, имеющих привязку к определенному времени.

В проведенных экспериментах, как и в других языках, цветообозначения оказались самыми частыми парадигматическими реакциями: *хара* и *кара* ‘черный’, *улаан* ‘красный’, *көк* ‘синий’, *эреэн* ‘пестрый’, *соохор* ‘пестрый’. В данную группу можно включить и суперординату *өң* ‘цвет’, *үнгэ(н)* ‘цвет’, входящую в колонку 1, в которой, по мнению А. А. Залевской, «реализуется глубинная парадигматическая связь» [Залевская 1990: 124]. Исследовательский материал показывает, что на другие стимулы-цветообозначения реакции *үнгэ(н)* и *өң* практически всегда оказываются высокочастотными. Например, в эксперименте на бурятском с *шара* ‘желтый’ он встречается 17 раз, с *улаан* ‘красный’ — 12, с *хара* ‘черный’ — 20 [Дырхеева 2020]; с тувинскими *кара* ‘черный’ — 20, *сарыг* ‘желтый’ — 12, *ногаан* ‘зеленый’ — 18, *ак-көк* ‘голубой’ — 4, *кызыл* ‘красный’ — 9 [ПМЦЧ]. В случае с *ак* встречается 14 раз, с *сагаан* — 3. В лексикографических источниках лексемы *өң* и *үнгэ(н)* также приводятся как первые значения различных цветолексем. В этом случае мы видим, что семантика и ассоциативное значение совпадают.

По колонке 2 можно отметить отсутствие у тувинцев наиболее «эталонной» реакции для многих языков России — ‘снег’. В тувинском языке с цветообозначением *ак* более распространена лексема *кыш* ‘зима’. Можно предположить, что в картине мира тувинцев снег как явление природы тесно связан собственно со временем года. Отметим, что сезонность свойственна всему образу жизни кочевников, их материальному и духовному миру. В тувинском языке есть и сочетание *кара кыш* ‘зима без снега’ (букв. «черная зима»), *кыш кара болду* ‘зима была без снега / малоснежная’. Большая вероятность того, что образ снега может быть исходно связан с белым цветом. Поэтому у респондентов данная реакция отсутствует, т. е. *ак* часто используется как синоним лексемы *хар* ‘снег’. Обозначение снега цветоименованием *ак* часто встречается в разговорной речи тувинцев. Так, гора Монгун-Тайга с белоснежными гольцами в народе называется *Ак баштыг*, т. е. «Белоголовая», имеется в виду ‘гора со снежной вершиной’ или выражения *даштын чер ак* ‘на улице бело’, ‘на улице выпал/лежит снег’, *даглар бажы ак* ‘на горах выпал снег’ и др. Кроме того, как говорилось выше, на результаты эксперимента часто могут влиять экстралингвистические факторы, такие, как время проведения эксперимента. Так, тувинский материал был собран в летний сезон. Возможно, поэтому реакция ‘снег’ отсутствует в тувинской части.

В тувинском материале также выделяется пара *ак дээр*, которое дословно можно перевести как ‘белое небо’. Здесь можно предположить несколько вариантов интерпретации заложенного смысла. Стимул *ак*, может быть, связан с другим цветообозначением — *ак-көк* ‘голубой’. Возможно, в условиях эксперимента реализован первый компонент данной парной цветолексемы — *ак-көк дээр* ‘голубое небо’. Кроме того, сочетание *ак дээр* может быть связано с затяжными дождями, когда небо приобретает серый, белесоватый оттенок: *дээр ак чаьстай берген*, *дээр ак* или *актай берген* — с общим значением ‘затянутое тучами дождливое небо с морозящим дождем’. И, в-третьих,

в толковом словаре тувинского языка мы находим словосочетание *ак дээр*, которое переводится ‘сожалеть, раскаяться’ [ТСТЯ, I 2003: 94]. В этом случае *ак* — это междометие, выражающее сожаление, а *дээр* — многофункциональный глагол ‘говорить, сказать’, т. е. дословно на русский язык можно перевести как ‘ахать’. Однако данный вариант в условиях эксперимента весьма маловероятен.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ показывает, что ассоциативные реакции тувинцев и бурят на цветолексему ‘белый’ *ак* и *саган* имеют больше сходств, чем отличий. При этом частотными оказались реакции, передающие национально-культурную специфику и номадную культуру (*молоко, белая пища, белый кадак / хадаг, конь*). Общее определяется и общечеловеческими ценностями (*добрые мысли, чистые помыслы*), религиозными воззрениями, окружающей природой и средой. ‘Белый’ имеет одинаковое ритуальное значение для опрошенных. Анализ показывает, что значения, связанные с такими ритуальными обрядами, как погребение, уход из жизни, в ассоциативном тезаурусе и в лексикографических источниках не фиксируются. При этом этнографический материал показывает, что значение белого как сакрального цвета для потомков-номадов сохраняется и повсеместно используется, но в языковой картине мира значение белого, связанного с негативными эмоциями, размыто. Отличия определяются специфическими национально-культурными особенностями (праздники, топонимия). Эти расхождения объясняются в основном образом жизни и спецификой языка (реакции с религиозным контекстом в бурятской части — *Сагаалган, Сагаан үбгэн*; реакции-топонимы в тувинской части — *Ак-Туруг, Ак-Хем*; реакция *кара*, его широкое функционирование в тувинском языке и др.). Как показал анализ, многие ассоциативные значения совпадают с основными значениями соответствующих лексем (реакции-суперординаты *үнгэ(н)* и *өң*).

Таким образом, психолингвистический аспект предполагает исследование образов или словесных ассоциаций прежде всего через призму языковой картины мира. Полученные в ходе экспериментальных методов ассоциативные поля тесно связаны с образом мира той или иной лингвокультуры. Выявление разнообразных ассоциаций, стоящих за тем или иным словом-стимулом, дает возможность выявить их национально-культурное содержание, увидеть кроме общего, универсального, свойственного всему человечеству, и другие смысловые оттенки. Прежде всего результаты таких исследований имеют практическую ценность в области лексикографии, переводоведения, межкультурной коммуникации. Они необходимы для пояснения и доработки словарных статей, при чтении лекций по лингвокультурологическим и этнолингвистическим дисциплинам и др. Исходя из полученных результатов, можно предположить, что на языковую картину мира влияют не только этносоциокультурные факторы (исторический опыт, быт, нравы, верования, культура, этнические стереотипы), но и структура языка, грамматические правила которого способствуют появлению специфических ассоциаций.

Сокращения

Бур. — бурятский; тув. — тувинский

Источники

- БРС, II 2010 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2-х тт. Т. II. О–Я. Улан-Удэ: Респ. типография, 2010. 708 с.
- ПМЦЧ — Полевые материалы Чечек Цыбеновой.
- ТСТЯ, I 2003 — Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Т. I: А–Й. Новосибирск: Наука, 2003. 599 с.

Sources

- Field Data of Chechek Tsybenova. (In Bur. and Russ.)
- Mongush D. A. (ed.) An Explanatory Dictionary of the Tuvan Language. Vol. 1: А–Й. Novosibirsk: Nauka, 2003. 599 p. (In Tuv. and Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2: О–Я. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 708 p. (In Bur. and Russ.)

Литература

- Баинова 2005 — *Баинова А. А.* Семантика цвета в традиционной культуре народов Забайкалья: лингвокультурологический аспект: автореф. дисс. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2005. 24 с.
- Байсклан 1986 — *Байсклан С. М.* Изобразительные средства тувинских героических сказаний // Исследования по тувинской филологии. Кызыл: Тип. Госкомиздата Тувинской АССР, 1986. С. 118–127.
- Бакеева 2012 — *Бакеева Д. А.* Символика цвета в разнообразных культурах мира: мифологический этап // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20). С. 30–33.
- Бухаева 2010 — *Бухаева Р. В.* Цветосимволы как стереотипы речевого поведения (мышления) бурят (по материалам направленного ассоциативного эксперимента) // Вестник Бурятского государственного университета. Серия «Филология». 2010. Вып. 10. С. 43–47.
- Дамбуев 2020 — *Дамбуев И. А.* Цветообозначение *сагаан* ‘белый’ в бурятской топонимии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. Вып. 2 (28). С. 106–117.
- Динисламова 2017 — *Динисламова О. Ю.* К вопросу об основных цветообозначениях современного мансийского языка: антропологический и лингвокультурологический подходы // Вестник угроведения. 2017. № 1 (28). С. 35–45.
- Донгак 2004 — *Донгак С. Ч.* Цвет и его символика в тувинской кочевой культуре // Ученые записки. Вып. XX. Кызыл: Тип. Госкомитета РТ по печати и информации, 2004. С. 213–227.
- Дырхеева 2020 — *Дырхеева Г. А.* Бурятский язык в условиях двуязычия: особенности трансформации языкового сознания (по результатам ассоциативного эксперимента) / отв. ред. Б. Д. Цыренов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2020. 236 с.
- Залевская 1990 — *Залевская А. А.* Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. 205 с.
- Кисель, Шыырап 2009 — *Кисель В. А., Шыырап О. К.* Современный погребальный обряд тувинцев Монгун-Тайги (материалы этнографической экспедиции) // Вестник Тувинского государственного университета. 2009. № 1. С. 107–117.
- Кисель 2010 — *Кисель В. А.* Современный похоронно-поминальный ритуал тувинцев // Новые исследования Тувы. 2010. № 4. С. 255–279.

- Кононов 1978 — *Кононов А. Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975 / отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 159–179.
- Митрошкина 2008 — *Митрошкина А. Г.* Словарь бурятских личных имен. Опыт лингво-социально-локально-хронологического словаря / отв. ред. В.И. Семенова. Иркутск: ООО «Репроцентр А1», 2008. 384 с.
- Мудрость народа 1976 — *Мудрость народа.* Тувинские пословицы и поговорки. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1976. 79 с.
- Ондар 2007 — *Ондар Б. К.* Топонимический словарь Тувы. 2-е изд. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2007. 550 с.
- Сувандии 2019 — *Сувандии Н. Д.* Топонимы-цветообозначения в тувинском языке // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. DOI: 10.25178/nit.2019.4.16
- Тернер 1972 — *Тернер В. У.* Проблема цветовой квалификации в примитивных культурах (на материале ритуала ндембу) // Семиотика и искусствометрия. Сб. переводов / сост. и ред. Ю. М. Лотман и В. М. Петрова. М.: Мир, 1972. С. 50–81.
- Үрээл тогтохо болтогой 2019 — *Үрээл тогтохо болтогой* / С. Бабуев суглуулан согсолбо. Улаан-Үдэ: Бурядай номой хэблэл, 2019. 192 н. (Бурятские благопожелания / сост. С.Д. Бабуев. Улан-Удэ: Бурятское кн.изд-во, 2019. 192 с.)
- Хинзеева 2011 — *Хинзеева Д. П.* Цветообозначения в бурятском языке: лингвокультурологический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 28 с.
- Цыбенова 2012 — *Цыбенова Ч. С.* Цветообозначения в контексте исследования языкового сознания (на примере тувинцев-билингвов) // Актуальные проблемы функционирования и развития языков в условиях контактирования: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию д-ра филол. наук, проф. О. Д. Бухаевой (г. Улан-Удэ, 22–29 ноября 2012 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. С. 86–89.
- Цыбенова 2013 — *Цыбенова Ч. С.* Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2013. 24 с.
- Цыбенова 2020 — *Цыбенова Ч. С.* Отражение традиционных ценностей в языковом сознании тувинцев (по данным ассоциативного эксперимента) // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1. С. 98–109. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-43-1-98-109

References

- Babuev S. D. (comp.) Buryat Well-Wishing Verses. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 2019. 192 p. (In Bur.)
- Bainova A. A. Color Semantics in Traditional Cultures of Transbaikalia: A Linguocultural Aspect. Cand. Sc. (cultural studies) thesis abstract. Ulan-Ude, 2005. 24 p. (In Russ.)
- Bakeeva D. A. Colour symbolism in different world cultures: Mythological stage. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice.* 2012. No. 6 (20). Pp. 30–33. (In Russ.)
- Baysklan S. M. Tuvan heroic tales: Depictive means reviewed. In: *Studies in Tuvan Philology.* Kyzyl: Tuvan ASSR State Committee for Publishing, 1986. Pp. 118–127. (In Russ.)
- Bukhaeva R. V. Symbols of colors as stereotypes of vocal behavior of Buryats (On the materials of direct associative experiment). *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2010. No. 10. Pp. 43–47. (In Russ.)
- Dambuev I. A. Colour designation *sagaan* ‘white’ in the Buryat toponymy. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology.* 2020. No. 2 (28). Pp. 106–117. (In Russ.)
- Dinislamova O. Yu. To the question about basic color terms of modern Mansi language: anthropological and lingual-culturological approaches. *Bulletin of Ugric Studies.* 2017. No. 1 (28). Pp. 35–45. (In Russ.)
- Dongak S. Ch. Color and its symbolism in Tuvan nomadic culture. In: *Scholarly Notes.* Vol. 20. Kyzyl: Tyva Republican Committee for Publishing and Information, 2004. Pp. 213–227. (In Russ.)

- Dyrkheeva G. A. The Buryat Language in the Age of Bilingualism: Features of Transformed Linguistic Consciousness Analyzed (Summarizing Results of One Associative Experiment). B. Tsyrenov (ed.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2020. 236 p. (In Russ.)
- Khinzeeva D. P. Buryat Color Terms: A Linguocultural Aspect. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 2011. 28 p. (In Russ.)
- Kisel V. A. Contemporaneous funeral commemoration ceremony of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2010. No. 4. Pp. 255–279. Available at: <http://www.tuva.asia/journal/2521-kisel.html> (accessed: 22 March 2021). (In Russ.)
- Kisel V. A., Shyyrap O. K. Tuva of Mongun-Tayginsky District (Tyva Republic, Russia): Contemporary burial rites reviewed. *Bulletin of Tuva State University*. 2009. No. 1. Pp. 107–117. (In Russ.)
- Kononov A. N. Turkic languages: Semantics of color terms analyzed. In: Kononov A. N. (ed.) *Turkological Collection — 1975*. Moscow: Nauka — GRVL, 1978. Pp. 159–179. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G. The Dictionary of Buryat Personal Names: Linguistic, Social, Local, and Chronological Perspectives. V. Semenova (ed.). Irkutsk: Reprotsentr A1, 2008. 384 p. (In Russ.)
- Ondar B. K. Tuva: A Toponymic Dictionary. 2nd ed. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2007. 550 p. (In Tuv. and Russ.)
- Sagan-ool O. K., Khadakhane M. A. (comps.) *Wisdom of the People: Tuvan Proverbs and Sayings*. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1976. 79 p. (In Tuv. and Russ.)
- Suvandii N. D. Place names of color designation in Tuvan language. *The New Research of Tuva*. 2019. No. 4. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/896> (accessed: 29 March 2021). (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.4.16
- Tsybenova Ch. S. Color terms in the context of insights into linguistic consciousness: Tuvan bilinguals analyzed. In: *Topical Issues of Language Functioning and Development in [the Age of] Contacts*. Jubilee conference proceedings (Ulan-Ude, 22–29 November 2012). Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2012. Pp. 86–89. (In Russ.)
- Tsybenova Ch. S. Current Language Situation in the Tyva Republic: A Sociopsycholinguistic Aspect. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 2013. 24 p. (In Russ.)
- Tsybenova Ch. S. Reflection of axiological picture of the world in language. *Journal of Psycholinguistics*. 2020. No. 1. Pp. 98–109. (In Russ.) DOI: 10.30982/2077-5911-2020-43-1-98-109
- Turner V. W. Color classification in Ndembu ritual: Problem in primitive classification. In: Lotman Yu. M., Petrova V. M. (comps., eds.) *Semiotics and Art Metrics*. Collected translations. Moscow: Mir, 1972. Pp. 50–81. (In Russ.)
- Zalevskaya A. A. Word in Human Vocabulary: A Psycholinguistic Study. Voronezh: Voronezh State University, 1990. 205 p. (In Russ.)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 82.09

Поэтика образа главной героини повести Е. Ган «Утбалла»

Любовь Борисовна Четырова¹, Алексей Сергеевич Сахаров²

¹ Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева (д. 34, Московское шоссе, 443086 Самара, Российская Федерация)
доктор философских наук, профессор
 0000-0001-5064-8735. E-mail: chetyrova@gmail.com

² Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева (д. 34, Московское шоссе, 443086 Самара, Российская Федерация)
лаборант-исследователь
 0000-0003-1843-2445. E-mail: saharovatl@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Четырова Л. Б., Сахаров А. С., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена рассмотрению поэтики образа главной героини повести Е. Ган «Утбалла», высоко оцененной В. Г. Белинским. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью данного литературного произведения, а также применением междисциплинарного подхода, сочетающего в себе литературоведческую и философскую компоненты. *Цель* статьи заключается в анализе образа героини повести в перспективе гендерного ориентализма с учетом жанровых особенностей произведения. *Материалом* для данной статьи служит текст повести Е. Ган «Утбалла», отражающей драматизм жизни девушки-полукровки в русской и калмыцкой культурной среде. Важным для анализа повести является тот факт, что писательница была дочерью Главного попечителя калмыцкого народа А. М. Фадеева, взгляды которого повлияли на нее. *Методологическую основу* исследования составляют гендерный ориентализм и историческая поэтика. При анализе мы опирались на поэтику модальности и феномен деканонизации жанров. *Результаты.* Проанализировав особенности поэтики повести «Утбалла», мы пришли к выводу, что ключевую сюжетообразующую функцию в произведении играют жанровые нарративы реализма и романтизма. С помощью совмещения романтической и реалистической повествовательных логик автор создает уникальный сюжет, представляющий интерес для рассмотрения в исследовательской перспективе гендерного ориентализма. Драма главной героини повести состоит в том, что, усвоив европейскую эпистемическую философию, героиня воспринимает и оценивает сквозь нее калмыцкую культуру, принадлежа к ней по рождению, но не принимая и отторгая ее. В итоге героиня оказывается в ситуации особого двоемирия, где ни один из миров не является совершенным. Описывая трагическую судьбу Утбаллы, автор тем самым ставит вопрос о месте женщины в патриархальном обществе.

Ключевые слова: калмыки, русские, поэтика, историческая поэтика, повесть, светская повесть, жанр, романтизм, двоемирие, гендерный ориентализм

Благодарность. Статья и исследование выполнены при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Особенности цивилизационного пути России: Азиатская Россия в контексте колониальности/ модерности (на примере ойрат-калмыков и тувинцев)» (№ 22-28-01767).

Для цитирования: Четырова Л. Б., Сахаров А. С. Поэтика образа главной героини повести Е. Ган «Утбалла» // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 649–664. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-649-664

***Utballa* by Yelena Hahn: Poetics of the Main Character’s Image Analyzed**

*Lyubov B. Chetyrova*¹, *Alexey S. Sakharov*²

¹ Samara National Research University (34, Moskovskoe Shosse St., 443086 Samara, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Professor

 0000-0001-5064-8735. E-mail: chetyrova@gmail.com

² Samara National Research University (34, Moskovskoe Shosse St., 443086 Samara, Russian Federation)

Research Assistant

 0000-0003-1843-2445. E-mail: saharovatl@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Chetyrova L. B., Sakharov A. S., 2022

Abstract. *Introduction.* The article examines poetics of the protagonist’s image in Yelena Hahn’s *Utballa* which was highly appreciated by V. Belinsky. The literary work remains understudied, which makes it relevant enough to be approached with interdisciplinary analytical strategies that combine both literary and philosophical components. *Goals.* The paper attempts an analysis of the protagonist’s image from a perspective of gendered Orientalism with due account of genre specifics. *Materials and methods.* The study analyzes the text of the novel describing the life drama of a half-blood girl in Russian and Kalmyk cultural environments. The fact that the author’s farther A. Fadeev had served as Chief Supervisor of the Kalmyk People — and his views on colonization may have influenced the former — proves essential in our analysis that rests on modality poetics and gendered Orientalism. *Results.* The insights into poetical specifics of *Utballa* conclude that genre narratives of realism and romanticism play a key plot-forming function in the novel. A combination of romantic and realistic narrative logics yields a unique plot of certain interest to be examined from a perspective of gendered Orientalism. The drama of the protagonist’s life is explained by that having been incorporated into European epistemic philosophical frames she tends to view from the latter positions — the Kalmyks and culture she belongs to by birth but refuses to accept. As a result, the girl finds herself in a situation of two-worldness where none of the worlds is perfect enough. Describing the tragic fate of *Utballa*, the author thus addresses the question of woman’s place in patriarchal society.

Keywords: Kalmyks, Russians, poetics, historical poetics, novel, mundane novel, genre, Romanticism, two-worldness, gendered orientalism

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-28-01767 ‘Peculiarities of Russia’s Civilizational Path: Asian Russia in Colonial and Modernity Contexts (Case Studies of Oirat-Kalmyks and Tuvans)’.

For citation: Chetyrova L. B., Sakharov A. S. *Utballa* by Yelena Hahn: Poetics of the Main Character’s Image Analyzed. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 649–664. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-649-664

Введение

По мере того как у исследователей возрастает интерес к прошлому народов, входивших в состав Российской империи, в современных гуманитарных науках появляются новые стратегии анализа положения представителей этих народов в имперских структурах повседневности и регионах иного опыта. Все чаще современные литературоведы предпринимают попытки поиска синтезирования философских и искусствоведческих подходов и методов к изучению жанров в произведениях прошлого. В данной статье мы попытаемся применить такой междисциплинарный подход к литературному произведению первой половины XIX в. для того, чтобы исследовать традиционно литературоведческую проблематику повести Елены Ган «Утбалла» — средствами не только литературоведческого, но и философского анализа.

Цель статьи заключается в анализе способов конструирования автором образа героини повести в перспективе гендерного ориентализма с учетом жанровых особенностей произведения.

Материалы и методы

Материалом для исследования выступила опубликованная в 1837 г. под псевдонимом Зенеида Р-ва повесть Е. Ган «Утбалла», посвященная девушке-полукровке, дочери калмычки и русского откупщика, волею судьбы оказавшейся в русской культурной среде, а затем, после смерти отца, возвращенной в калмыцкую степь. Автор повести, будучи дочерью Главного попечителя калмыцкого народа А. М. Фадеева (1836–1839) и проживая подолгу в г. Астрахани, была знакома с бытом, обычаями и традициями калмыков. Дореволюционная исследовательница творчества писательницы Е. С. Некрасова в биографическом очерке подчеркивает, что Е. Ган в своей повести «знакомит с нравами и жизнью калмыков. Здесь описываются их жилища, игры, забавы, порядки, общественное устройство, и даже наказания, причем все приведено, кстати, умело, интересно» [Некрасова 1886: 556]. Свою роль в знании писательницей культуры калмыков сыграла ее мать Е. П. Фадеева, которую называют *первой дамой естественной истории*¹. Важную роль в видении Е. Ган героини и описании перипетий ее судьбы сыграли взгляды ее отца².

¹ Е. П. Фадеева была высокообразованным человеком, владела несколькими языками, проводила научные изыскания в разных областях. Она собрала разнообразные и богатые археологическую, нумизматическую, этнографическую коллекции [Валькова 2008].

² Судя по автобиографии А. М. Фадеева [Фадеев 1897], он придерживался британской модели колонизации, согласно которой колониальная администрация предоставляла относительную самостоятельность индийским княжествам в их внутренней политике. По словам лорда А. Уэсли, при котором сложилась такая система отношений британцев с индийскими государствами, всякое внешнее вмешательство может привести к нежелательным следствиям (цит. по: [Кальянова 2014: 87]).

Значимость данной повести Е. Ган, а также высокие художественные достоинства произведения подтверждает тот факт, что повесть получила высокую оценку знаменитого литературного критика В. Г. Белинского [Белинский 1843: 16–17]. Более того, повесть Е. Ган была переведена на французский и немецкий языки, причем Е. С. Некрасова отмечает, что французы «до сих пор не перестают читать произведения Зенеиды Р-вой... Еще недавно вышел в Париже перевод повести Утбалла» [Некрасова 1886: 557–558].

Рассмотрение представленного для анализа произведения построено на методологических основаниях исторической поэтики. Историческая поэтика — в данном случае полученные ею результаты в изучении направлений романтизма и реализма — становится все более актуальной в контексте развития постмодернистского искусства. Начиная со второй половины XX в. постмодернизм задал установку для развития современного искусства — превосходство формы над содержанием. Интерес к форме, а в случае литературы — к жанру, побуждает исследователей обратиться к поискам новых подходов к анализу литературных произведений прошлого, к их проблематике и нарративам.

Методологической основой статьи выступает также гендерный ориентализм. Исследовательский интерес к постколониальным феноменам возник в середине XX столетия как результат интеллектуального осмысления политических процессов деколонизации и перспектив развития постколониальных стран.

Автор повести в оптике гендерного ориентализма

В обзорной статье Е. Пономарев отмечает, что применение гендерного подхода открыло новые возможности для колониальной критики. Так, С. Миллз, анализируя женские травелоги, отметила, что женщина, описывающая жизнь колоний, часто не занимает и не принимает позицию колонизатора, а, будучи сама гендерным субалтерном, сочувствует колонизируемому. Женщина-европейка в какой-то мере чувствует свою близость к ним, так как ущемлена в своих правах, как и они [Пономарев 2020].

Теория гендерного ориентализма, которую развивали такие британские и американские исследователи, как С. Миллз, Р. Льюис, Д. Хаддарт, а также российский исследователь М. Тлостанова, обращается к проблеме роли и места женщин в дискурсе ориентализма. Гендерный ориентализм появился в результате критики Эдварда Саида — автора концепции ориентализма, рассматривавшего ориенталистские процессы как исключительно маскулинные и, следовательно, упускавшего из внимания положение в них женщин [Lewis 2003: 15–18].

Представители данного исследовательского направления на примере творчества европейских писательниц и художниц XIX столетия демонстрируют двойственную природу женского взгляда на ориентализированных субалтернов. Как пишет британская искусствовед Р. Льюис, с одной стороны, женщины испытывают сочувствие к колонизированным и не разделяют свойственного мужчинам пафоса покорителя-колонизатора, с другой — видят освобождение колонизированных от страданий только в принятии колониальной культуры, сохраняя тем самым представление о европейском превосходстве [Lewis 2003: 21–22]. Рассуждая о теме женской солидарности в творчестве писательниц-путешественниц, Р. Льюис пишет:

Хотя женщины-писательницы часто выражали сочувствие «туземным» женщинам или критиковали колониальную администрацию, было бы ошибкой воспринимать это как отвлеченный феминистский гнев. Помимо личного консерватизма многих женщин-путешественниц, протофеминистская забота о «местных» женщинах была сама часто конструируема теми же представлениями о белом превосходстве и цивилизации (индийские женщины угнетаются своими мужчинами и должны быть освобождены их более продвинутыми белыми сестрами) [Lewis 2003: 22]¹.

Опираясь на малоизвестные работы «потерянных» женщин-ориенталистов, С. Миллз утверждает, что женщины в силу своего положения не могли занимать позицию превосходства. Сочувствие к угнетенной женщине в колонии в данном случае продиктовано совпадением положений женщины в патриархальном европейском обществе и ориентализированных народов под колониальным владычеством [Mills 1991: 3–8]. Статусное положение европейских женщин и положение колонизированных совпадают не только в подчиненности — субалтерности, но и функционально, так как и женщины, и колонизированные народы своим подчинением утверждали европейскую маскулинность [Lewis 2003: 18].

На необходимость учета гендерного измерения колониальных процессов указывает также М. Тлостанова:

Колониальное воображаемое с самого начала было наполнено гендерным измерением, которое помогло утверждению европейской маскулинности. Белый мужчина воображал себя в оппозиции к колонизированному мужчине, который представлял в интерпретации европейца женственным, либо был просто частью иррациональной природы, а сама природа прочно связывалась с метафорами женственности [Тлостанова 2009: 93].

Если же обратиться к западному феминистскому дискурсу, в котором артикулируется вопрос об универсальной феминности, то выясняется, что такая постановка вопроса исключает неевропейских женщин из этого дискурса. Как пишет М. Тлостанова:

...и белый феминизм по умолчанию решил, что все женщины белые, что пол объединяет их всех просто биологически. Ведь только их история принималась во внимание как универсально женская. А женщины, исключенные из этой картины, были не просто ниже белых западных женщин. Они воспринимались как животные в гораздо большей мере, чем это обычно для белой культуры [Тлостанова 2009: 104–105].

Несмотря на то, что женщины-литераторы сами находились в положении субалтернов, они не могли не усвоить миф о европейском превосходстве. Как было сказано выше, освобождение от патриархального гнета для женщин из колоний, являвшихся этнически и расово Другими, возможно только через принятие европейской цивилизации.

Если посмотреть в перспективе гендерного ориентализма на творчество Елены Ган, то можно увидеть, что она с сочувствием пишет об истории калмыков, которые ныне представляют собой *обломок престола монгольского, бедный лоскуток*, оторванный «от всемирного царственного войлока Чингисханова,

¹ Перевод А. С. Сахарова.

который покрывал собой четверть земного шара, от Пекина до Новгорода» [Р-ва 1838: 188–189]. В уста одного из героев повести — русского чиновника она вкладывает следующие слова: «Не говорили бы вы об них с таким презрением в то время, когда пол-вселенной, в том числе и Россия, принадлежало калмыкам!» [Р-ва 1838: 194]. Оценивая современное ей состояние калмыков, автор с сочувствием и сожалением пишет: «Наследник того, перед кем дрожали Восток и Запад, дрожит перед заседателем земского суда» [Р-ва 1838: 188–189].

Вряд ли в произведениях мужчин-писателей той поры можно встретить подобные суждения.

Симпатия Е. Ган к своей героине-полукровке, обладающей двоякой маргинальностью: биологической и социальной, объясняется ее собственным маргинальным положением провинциальной женщины-писателя. Е. Ган тщательно скрывала свое имя, взяв псевдоним Зенеида Р-ва, не из скромности, а из боязни навлечь на себя негодование провинциального общества, не терпящего любую инаковость [Некрасова 1886: 558]. И. Савкина, характеризуя инаковость женщины-писателя, приводит слова самой Е. Ган из повести «Суд света», в которой провинциальная толпа оценивает героиню-писательницу, называя ее «уродливой прихотью природы, вырождаем женского рода», которого «приглашали напоказ, как пляшущую обезьяну, как змею в фланелевом одеяле» [Ган 1843: 216]. Не только для провинциальной толпы, но и для столичных литераторов женщина-писатель, провинциалка, пришлая, т. е. чужая. Такова судьба не только Е. Ган, но и Н. Дуровой, М. Жуковой, С. Закревской, А. Марченко [Савкина 1998]. Никто из них не входил ни в какие литературные сообщества, они не были богаты, но зарабатывали на жизнь литературным трудом. Е. Ган, например, получила за одну повесть 1 500 рублей, достаточно большую сумму по тем временам [Некрасова 1886: 560].

Главное, чего они хотели, — быть признанными в профессиональном мире, отстаивая при этом свои права. Как пишет И. Савкина, Е. Ган прервала сотрудничество с «Библиотекой для чтения», не желая более выносить деспотизм и редакторский произвол О.-Ю. И. Сенковского. И. Савкина также отмечает, что русские женщины-писатели чаще всего используют женские, а не мужские псевдонимы. Такое подчеркивание своей гендерной принадлежности, полагает она, позволяет им создать с помощью нарративных стратегий свою идентичность писателя-женщины [Савкина 1998]. Таким способом они находили себе место в литературном дискурсе, имевшем в то время ярко выраженный маскулинный характер. Иначе говоря, их писательская деятельность с необходимостью вела к тематизации женского вопроса.

Е. С. Некрасова полагает, что именно Е. Ган впервые поставила женский вопрос в своих сочинениях. По ее словам, писательница, как человек хорошо образованный и развитый, видит причину бесцветности, пустоты женского существования в отсутствии солидного образования, отсутствии основательных знаний. В этом она опережает своих современников [Некрасова 1886: 554–555].

Женский вопрос ставился писательницей не только в плане образования женщины и ее занятий, но и в плане чувства. В «Утбалле» Е. Ган вводит различие женской и мужской любви, иронически сравнивая последнюю со спящим вулканом, который, пробуждаясь, грозит все погубить: «Беги от меня!.. все

сожгу!.. тебя, себя, всех, весь мир! ... у меня ад в груди» [Р-ва 1838: 229]. Поэтому, зная образ мыслей мужчин, она предпочитает, чтобы о любви женщины судили только женщины: «Судить и решить дело княгини Утбаллы должны одни женщины» [Р-ва 1838: 215]. Если любовь мужчины, с точки зрения Е. Ган, эгоцентрична и разрушительна, то любовь женщины жертвенна. Ради спасения жизни любимого и ради нескольких дней счастья с ним Утбалла готова отдать свою жизнь.

Таким образом, Елена Ган не только внесла свой вклад в историю женского вопроса в России, но стала первой писательницей, открывшей путь к иному дискурсу. Несмотря на использование просвещенческих установок в описании дикаря-неевропейца, она в силу своей собственной маргинальности как женщины-писателя, т. е. субалтерна в глазах профессионального маскулинного сообщества литераторов, лучше понимает переживания своей героини-полукровки, симпатизируя и проявляя к ней сочувствие.

Повесть «Утбалла» как произведение поэтики модальности

Традиционно теоретиками исторической поэтики выделяются три этапа периодизации развития эстетического сознания: синкретический, эйдетический и модальный [Историческая поэтика 2019: 11–16]. Первые два являются вполне устоявшимся общим местом для исследователей, невзирая на некоторые разночтения в трактовке ряда аспектов каждого из них. Третий же вызывает споры по поводу своей релевантности исследуемому материалу — искусству периода конца XVIII в. и вплоть до сегодняшнего дня [Теория литературы 2004: 4–12]. Модальная эстетика предполагает, что отношение автора к произведению выступает как всеобразующий поэтический принцип [Зенкин 2018: 255–262]. Если эйдетическая эстетика требовала от автора наиболее мастерское воспроизведение готовых форм, то модальная эстетика более индивидуальна и требует сильной фигуры автора и его рефлексии [Ужанков 2008: 341–346].

Деканонизация означает ослабление готовой формы, т. е. собственно жанра и его внутренних эстетических и нарративных предписаний, что создает возможность индивидуального творчества [Лосев 1973: 6–16]. Деканонизация жанров приходится на промежуточный этап между эйдетической и модальной поэтиками, став важнейшей предпосылкой формирования русской литературы XIX столетия [Бройтман 1986: 78–82; Фрейденберг 1973: 490–497].

Жанр светской повести появляется в русской литературе в 20–30-е гг. XIX в. Светская повесть определяется «как произведение, в котором „свет“ выступает в качестве структурообразующего компонента, определяя основной конфликт, динамику сюжетного развития, взаимоотношений между персонажами, принципы построения характеров и общую эмоциональную тональность всего произведения. Уникальность этого жанра заключается в двойственной — одновременно реалистической и романтической — организации художественного мира» [Иезуитова 1973: 172–173]. Реалистическая сторона светской повести включает в себя следующее: светские интриги как элемент организации сюжета; художественное «изучение» общества; сильный идеологический план; психологизм и рациональность героев [Иезуитова 1973: 176]. В свою очередь романтизм привносит в светскую повесть романтическое двоемирие; иррациональность

главного героя; интерес к экзотике, мистицизму, фольклору и природе [Иезуитова 1973: 178]. От зрелого реализма светская повесть отличается отсутствием идеологического разделения второстепенных героев, как, например, в полифоническом романе Ф. М. Достоевского, где каждый из героев обладает своей полноправной идеологической точкой зрения, организующей полемический конфликт произведения [Бахтин 2002: 202]. В светской повести второстепенные герои объединены в одну большую группу, фактически представляющую собой полноценное действующее лицо, а именно — свет, т. е. высшее общество. Иначе говоря, в светской повести присутствует разделение на два мира: свет (высшее общество) и обычный мир. Эта особенность сближает светскую повесть с романтической эстетикой, так как помещает героя в ситуацию двоемирия, что подразумевает отчуждение от земного мира и устремленность в мир идеальный (совершенный) [Федоров 1983: 20].

Благодаря такому внесению в светскую повесть романтической эстетики Е. Ган задолго до появления термина «деканонизация жанров» осуществила эту процедуру.

М. А. Сизова определяет рассматриваемое нами произведение как светскую повесть романтического типа [Сизова 2007: 7]. Главная героиня анализируемой повести — девушка по имени Утбалла, внебрачная дочь состоятельного русского откупщика и калмычки из степного хотона. Детство героини до семи лет проходит в степи среди калмыков, а отрочество и юность — в провинциальном городке, куда отец, забрав у матери, ее привозит. Не имея собственной семьи, откупщик отдает ее в русскую дворянскую семью Снежиных, чтобы девушка могла получить светское воспитание и образование. Хозяйка дома Снежина, овдовев, ведет замкнутый образ жизни и, чтобы занять себя, обращает свой взор на соседскую девочку-полукровку, имя которой Утбалла означает распутившийся цветок¹. Дворянка, заметив в девочке «какие-то способности», «вздумала образовать *степной цветок* (выделение авторов статьи. — Л. Ч., А. С.)» [Р-ва 1838: 145]. Е. Ган описывает отношение Снежиной к девушке-калмычке в просветительском духе, согласно которому человеческая природа универсальна [Елистратова, Тураев 1998: 20], а значит дикарка может рассматриваться равной с ними. Е. Ган пишет, что Снежина, «полюбив дикарку, поставила ее в своем доме на одной ступени со своей дочерью и не обращала внимания на различия в их званиях» [Р-ва 1838: 146].

Писательница показывает, что, несмотря на хорошее к ней отношение в семье Снежиных, героиня, ощущая свою инаковость, чувствует себя чужой в русской среде. Снежина ради выросшей дочери и ее воспитания, которое также состоит и в умении вести себя в светском обществе, прерывает затворничество и начинает приглашать в свой дом светских гостей. Утбалла оказывается в кругу светских дам, из уст которых она слышит в свой адрес колкости, указывающие на ее «варварское» происхождение. Е. Ган пишет, что «тут то Утбалла узнала в первый раз горькое чувство неравенства. Дамы и девицы смотрели на нее с улыбкой оскорбительной жалости, обращались с

¹ Е. А. Вяткина приводит два возможных варианта перевода имени героини — «хризантема» (Р. М. Ханинова) и «голубой лотос» (М. У. Монраев), указывая на расхождение с авторской интерпретацией имени «распутившийся цветок». По ее мнению, автор тем самым отсылала к преданию о цветке, которое она приводит в повести [Вяткина 2013: 73].

ней очень холодно, или вовсе не удостоивали ее своего внимания» [Р-ва 1838: 146]. Автор подчеркивает, что причиной отчужденности героини является инаковость, связанная с ее происхождением, ментальностью, а не с внешним обликом. Поскольку она была полукровкой, то в «окладе ее лица не было ничего калмыцкого» [Р-ва 1838: 146].

Во второй, «калмыцкой» части своей жизни, уже будучи замужем за калмыцким князем и живя в калмыцком кочевье в степи, она вновь встречает своего возлюбленного — Бориса Снежина, который предлагает ей совершить побег. Утбалла отвергает его предложение, помня о своей отчужденности в светском обществе, полагая, что свет отвергнет не только ее, но и ее возлюбленного:

Вспомни, мой друг, как в наших городах презирали меня за одно мое происхождение, хотя тогда я была богата? Теперь же я ничего не имею, и судьба еще больше заклемила меня! [Р-ва 1838: 217].

Наиболее важной причиной отчуждения Утбаллы, как показывает писательница, является ее нерациональность, выражающаяся в ее неспособности взаимодействовать со светом. Героиня не способна к светской игре, «плетению» интриг, долгим и глубоким диалогам. Более того, она отвергает предложение польстившегося на ее богатое приданое пожилого русского генерала заключить с ним статусно выгодный брак. Для героини реалистического типа выбор собственной судьбы основан на рациональной составляющей, поэтому способность адаптироваться в обществе — фундаментальная черта характера. Даже в ситуации отчуждения, что часто встречается, например, в романах Достоевского, реалистический герой решает свои проблемы рационально, прогнозируя результат. Утбалла же, как показывает автор, обнаруживает тотальную неспособность к этому, переживая свой конфликт с обществом нерационально, чувственно.

Примечательно, что перевод внутренней жизни героя в чувственную сферу наиболее характерен для сентименталистов-просветителей, «благородные дикари» которых больше чувствовали, чем рассуждали или делали. Следование чувству — ключевая, по существу, единственно возможная характеристика неевропейского Другого.

Описывая жизнь героини в степи, Е. Ган дает следующие характеристики калмыков как Других — «древняя энергия характера этого народа, особенно женщин, не совсем еще угасла» [Р-ва 1838: 194]. Ради недели жизни с возлюбленным Утбалла решает пожертвовать собой и принять позорную смерть. Писательница объясняет это решение, на которое «не решилась бы ни одна нежная европейка», «энергией ее монгольской крови». Е. Ган мыслит здесь в категориях оппозиции цивилизованность (рациональность) — дикость (чувственность). Как известно, Н. Элиас в своем труде о процессе цивилизации видел исток цивилизации в появлении абсолютной власти монарха, королевского двора, дворянского сословия, что и способствовало появлению светского общества или света. Важной характеристикой этого процесса является появление контроля над чувственностью и ее проявлениями, осуществляемого как самопринуждение, как «бесстрастное самообладание» [Элиас 2001: 247].

Е. Ган указывает на конфликт между воспитанностью/образованностью и чувственностью героини, дикая кипучая кровь которой «заговорила сквозь

все преграды и стены, какими обнесло ее пылкость образованное воспитание» [Р-ва 1838: 230]. Писательница здесь выразительно описывает процесс формирования самоконтроля / самопринуждения и сопротивление героини ходу рационализации.

После отъезда семейства Снежиной в Петербург ощущение одиночества у героини возрастает. Одиночество героини автор характеризует, указывая на ее маргинальное положение: Утбалла оказалась за пределами обоих миров — и русского, и калмыцкого:

По чувствам и образованию Утбалла стояла слишком высоко над обществом своего города; по рождению слишком низко под ним. Положение самое невыгодное. Равные называли ее спесивой барышней, высшие дерзкой девчонкой, и она, как изгнанная пери, осуждена была скитаться между небом и землей, не смея ни возвыситься до светлых сводов неба, ни опуститься на землю [Р-ва 1838: 173].

Противопоставление Утбаллы и светского русского общества на основе принципа рациональности придает двоemiрию повести иной, отличный от романтического двоemiрия характер. Если в классическом романтизме земной филистерский мир вызывает у героя отторжение из-за того, что тот является в платоническом смысле неудачной копией идеального мира, то Утбалла не принимает мир светского общества вынужденно, так как неспособна принять рациональный мир света вследствие своей природной неспособности быть рациональной. Иначе говоря, автор полагает, что героиня, несмотря на свое воспитание в русской дворянской среде, оказалась неспособной к усвоению рациональной эпистемической философии, определяющей восприятие себя и мира. Однако с этим нельзя полностью согласиться, так как в повести восприятие Утбаллой калмыцкого мира описывается через европейскую эпистемическую философию, сформировавшуюся у нее в русской среде.

Следовательно, автор повести, переплетая в сюжете нарративы реализма и романтизма, воссоздает опыт формирования европейской эпистемической философии у героини, которая вместе с тем сохраняет свою природную дикарскую чувственность.

Итак, как мы показали, писательница сочетает в своем произведении два художественных направления — реализм и романтизм. Описывая Утбаллу как романтическую героиню, автор подчеркивает ее стремление к одиночеству:

Испытав несколько оскорблений, она глубоко поняла свое двусмысленное положение, и с горечью в сердце удалилась от общества, предубежденного против нее тем, что не было виною с ее стороны [Р-ва 1838: 147].

Романтический герой всегда одинок и исключителен. И. Савкина пишет, что большинство исследователей творчества Е. Ган сходятся в том, что героини ее сочинений представляют собой тип необычной женщины: феминизированный вариант романтического изгнанника. В данном случае необычность героини создается с помощью экзотического материала — ее этничности. При этом если в русской среде она воспринимается как калмычка, то в калмыцкой — как крещеная русская. Е. Ган, как пишет И. Савкина, интересовали не исключительные личности бунтарок, а трагическая судьба обыкновенной женщины, чья необычность определяется не бунтарством, а другим средства-

ми, в данном случае этничностью героини [Савкина 1998]. Двойственность этничности Утбаллы — полу-русской и полу-калмычки — автор раскрывает, обращаясь к ее необычной внешности, в которой сочетаются европеоидные и калмыцкие черты:

От матери своей она наследовала только зубы ровные, белые, жемчужные и волосы, чернее всего, что есть черного в мире, волосы чудесные, мягкие как шелк и необыкновенной длины, глаза ее также были черные, исполненные удивительного мерцания, настоящие черные алмазы [Р-ва 1838: 146–147].

Далее автор переходит к чертам ее характера, в описании которого романтическая необычность героини проявляется в пылкости «монгольской крови, которую ее мать влила в ее нежные жилы» [Р-ва 1838: 180].

После смерти отца девушка в результате обмана лишается наследства и вынужденно возвращается в родную калмыцкую среду. Согласно романтической нарративной логике, именно здесь героиня должна обрести желанный идеальный мир, однако этот нарратив оказывается трансформированным. Внешне в калмыцкой части повести соблюдены все романтические условности: эстетизация экзотики, обильное описание природы и даже некоторые намеки на мистицизм — все это указывает на калмыцкую среду как на идеальный мир; за исключением одного — героиня снова не может адаптироваться, что приводит к ее трагической гибели.

Е. Ган описывает восприятие героиней дикого калмыцкого мира, в котором оказалась героиня, как тюрьмы, противостоящей миру *света умственного существования*:

Кругом нее степь, дикари и кинжалы. Эта степь — тюрьма ее. Никогда, о! никогда не увидит уже она свету умственного существования, теплого и благородного свету, которым люди наслаждаются за пределами этой тюрьмы [Р-ва 1838: 228].

Возникающая здесь аллюзия к платоновской пещере и миру идей за пределами позволяет понять, что прежний мир дворянской культуры воспринимается героиней как идеальный, что вполне согласуется с нарративом романтизма. Пребывание же в тюрьме/пещере *дикой* калмыцкой культуры закабальет героиню, облакая ее в оковы грубой чувственности:

Блестящий ум... тонкий, исполненный остроты и грации огрубел в атмосфере без идей и мыслей; нервы, одаренные такой удивительной и изящной чувствительностью, закоптились и отвердели в горьком и вонючем дыму юрты [Р-ва 1838: 183].

Здесь вновь возникает тема одиночества, которая развивается теперь в контексте калмыцкой среды:

И вот Утбалла одна, в необозримых степях, посреди дикого народа, которого язык, обычаи и образ жизни сделали ей совершенно чуждыми; она принуждена жить в дымной и грязной войлочной кибитке... сносить неопрятность, невообразимую для городских жителей [Р-ва 1838: 177].

Для того чтобы подчеркнуть травматизм опыта перехода из мира цивилизации к миру степных кочевников, Е. Ган апеллирует к ее матери, которая «поняла

всю жестокость перехода от роскошной городской жизни к их дикой и грязной нищете» [Р-ва 1838: 182].

Следовательно, как показывает Е. Ган, героиней усвоены, несмотря на ее неспособность адаптации к социальным коммуникативным практикам, фундаментальные повседневные практики цивилизованной жизни. Для нее важен характерный для модерности культ чистоплотности, а значит европейская эпистемическая философия, через которую воспринимается быт, у героини сформировалась. Важность для героини европейской обстановки в доме (кибитке), а также гигиенических практик автор подчеркивает, характеризуя заботу престарелого мужа Утбаллы. Нойон нежил ее, угождая ей, купил мебель, столовые приборы, ввел требования опрятности [Р-ва 1838: 189].

Характеризуя ситуацию двоемирия, в которой оказалась Утбалла в калмыцкой степи, Е. Ган прибегает к важной для калмыков теме буддизма, используя концепцию перерождения. С идеями буддизма она была знакома благодаря своей матери Е. П. Фадеевой, интерес к которым подтверждает наличие у нее богатой буддийской коллекции¹. Однако знакомство писательницы с буддизмом не было глубоким, так как буддийскую концепцию перерождения она поняла неточно². Е. Ган описывает перемещение героини из дворянской среды в степную калмыцкую через смерть нежного дворянского тела и воплощение души в тело дочери степей. Героиня спрашивает себя:

Утбалла, кочующая в степи, и Утбалла, танцующая экосез в парадной гостиной Снежных, не два ли существа, совершенно разные? не переходила ли посредством хубльгана или метемпсихоза некогда душа ее в городскую девушку, нарядную, счастливую, красивую, любимую, и по разрушении этого нежного и изящного тела не переселилась ли она в дочь степей? [Р-ва 1838: 188].

Однако умонастроение героини меняется с появлением в степи ее возлюбленного Бориса Снежина. Ее чувствительность, закоптившаяся и отвердевшая в горьком и вонючем дыму калмыцкой кибитки, вновь ожила:

Все восторженные чувствования, какие создает для женщин наша образованность, все идеи отвлеченного блаженства, которыми никто еще не наслаждался вполне на земле, все обманчивые надежды ума усовершенствованного, то есть изощренного в искусстве обманывать сердце и принимать мечту за действительность, пробудились в душе Утбаллы при появлении Бориса [Р-ва 1838: 228].

Гиперболизация страстей героев — характерная особенность романтизма. Описывая чувства героев, писательница обращается к излюбленному приему романтизма — раскрытию страсти и любви через обращение к природе и смерти. Е. Ган уподобляет чувство Бориса и Утбаллы грозной реке, пороги которой смертоносны, а значит могут погубить влюбленных. Она сравнивает их с мо-

¹ Калмыцкие князья, зная о ее интересе к буддизму, прислали ей «бурханов превосходной работы, в виде маленьких деревянных и глиняных идолов, и писанных красками на шелковых материях» [Фадеев 1897: 109 прим.].

² Е. Ган употребляет термин *хубльган* — *хубилган*, который она понимает как некий механизм, отвечающий за перерождение. Однако в тибето-буддийской традиции монгольский термин *хубилган* является переводом с тибетского *тулку*, обозначающее феноменальное тело будды. *Тулку* или *хубилганы* — постоянно перерождающиеся просветленные существа.

ряками, которые, проходя через страшные пороги, чувствуют в своих жилах «холод смерти». Борис и Утбалла неслись в потоке своей любовной страсти, завершением которой станут «разлука беспредельная, одиночество, слезы, тоска, медленно грызущая сердце, вот их удел» [Р-ва 1838: 168–169].

Художественный мир повести «Утбалла», формально сохраняя такую важную для романтизма идеологему, как двоимирие — разделение на идеальный и земной мир, на уровне содержания лишает идеальный мир, к которому устремлена героиня, трансцендентности. Автор описывает утраченный героиней и оцениваемый ею изнутри кочевой культуры мир образованности и духовности как совершенный. Однако этот желаемый мир отторгал ее как дикарку, укорененную в варварской культуре. Двоимирие повести, следовательно, лишаясь трансцендентного измерения, становится соседством двух одинаково чуждых героине миров.

Противопоставляя эти два мира, автор, опираясь, видимо, на оценку своего отца¹, оценивает проникновение в культуру кочевых калмыков элементов европейской культуры как нежелательное:

Шампанское запенилось в стаканах, шампанское, любимый и самый эфирный напиток образованности, который — о злоупотребление! — проник уже в юрты кочующих монголов, в жилы потомков Кублай-хана! [Р-ва 1838: 202].

Так, с помощью трансформации классических европейских нарративов — реалистического и романтического, Елена Ган находит язык описания психологической травмы, имеющей глубокие причины, в том числе и культурного характера. Если литература Просвещения описывала Другого, помещая его в европейский контекст и наделяя европейскими чертами, то Е. Ган разрушает сам контекст, обнажая пусть еще не то, что находится за пределами модерности, но уже сам зазор между нарративом модерности и нарративом Другого.

Примечательно, что процессы деканонизации жанров начинаются в конце XVIII в. Жанр становится условностью, а не абсолютным мерилем произведения [Зенкин 2018: 247]. Этой логикой и продиктованы жанровые трансформации, выделенные нами в повести Елены Ган. Повесть «Утбалла» является ранней попыткой описать в литературе колониальный опыт, недоступный в языке европейской эстетики того времени.

Выводы

Произведя анализ системы жанра, сюжета и героев повести Е. Ган «Утбалла», мы пришли к выводу, что образ героини создается автором с помощью трансформации жанров и нарративов реализма и романтизма. Используя нарратив реализма, она показывает одиночество героини, отторгнутой светским обществом.

Обращение к нарративу романтизма позволяет автору ввести героиню в ситуацию двоимирия, которое, однако, отличается от классического романтического двоимирия. Тот идеализируемый героиней мир образованной воспитанности, к которому устремлена душа героини, находящейся в среде диких кочевников,

¹ А. М. Фадеев в своих «Воспоминаниях» порицал князя Тюменя, имение которого посетил с семьей, за *изобильные запасы шампанского* и стремление стать похожим на европейца [Фадеев 1897: 124].

лишен трансцендентности и отторгает ее по причине ее инаковости. Свою инаковость героиня ощущает и в калмыцком мире, который также отторгает ее. Но и она, воспринимая и оценивая этот мир через ту эпистемическую философию, которую обрела в русской культурной среде, отвергает его. Отчужденность героини от обоих миров нарушает традиционную эстетику и логику повествования жанра. Автор раскрывает опыт колониальной раны героини, что, на наш взгляд, представляет большой интерес для анализа.

Являясь ярким примером женской прозы в русской литературе XIX в., повесть «Утбалла» отличается тем, что писатель-женщина ставит и решает проблему субалтернов в двух аспектах — этническом и гендерном. Главная героиня произведения — Утбалла — не может адаптироваться ни в одном из миров не только из-за своей этнической инаковости, но и как женщина.

Литература

- Бахтин 2002 — *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 7–300.
- Белинский 1843 — *Белинский В. Г.* Сочинения Зенеиды Р-вой // Отечественные записки. 1843. Т. 31. С. 1–24.
- Бройтман 1986 — *Бройтман С. Н.* «Бесы» Пушкина в свете исторической поэтики // Целостность литературного произведения как проблема исторической поэтики. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1986. С. 78–90.
- Валькова 2008 — *Валькова О. В.* Первая дама естественной истории // Природа. 2008. № 3. С. 91–96.
- Вяткина 2013 — *Вяткина Е. А.* Этнопоэтика повести Елены Ган «Утбалла» // *Oriental studies*. 2013. № 6 (1). С. 73–75.
- Ган 1843 — *Ган Е. А.* Сочинения Зенеиды Р-вой. Т. 2. СПб.: В тип. Константина Жернакова, 1843. 435 + 4 с.
- Елистратова, Тураев 1998 — *Елистратова А. А., Тураев С. В.* Введение // История всемирной литературы в 8 томах. Т. 5. М.: Наука, 1988. С. 19–32.
- Зенкин 2018 — *Зенкин С. Н.* Теория литературы: Проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 362 с.
- Иезуитова 1973 — *Иезуитова Р. В.* Светская повесть // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / под ред. Б. С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973. С. 169–199.
- Историческая поэтика 2019 — *Историческая поэтика* / сост. Е. А. Федорова. Ярославль: ЯрГУ, 2019. 88 с.
- Кальянова 2014 — *Кальянова Т. П.* Ориентализм и Британская Индия: литература, идеология, политика. Иркутск: ИГУ, 2014. 119 с.
- Лосев 1973 — *Лосев А. Ф.* О понятии художественного канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М.: Наука, 1973. С. 6–16.
- Некрасова 1886 — *Некрасова Е. С.* Елена Андреевна Ган // Русская старина. Т. 51–52. Сентябрь–декабрь. Вып. 9–12. 1886. С. 553–574.
- Пономарев 2020 — *Пономарев Е.* Постколониальная теория и литература путешествий. Взгляд из России // Новое литературное обозрение. 2020. № 161 [электронный ресурс] // URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21988/ (дата обращения: 10.09.2022).
- Р-ва 1838 — *Р-ва З.* Утбалла // Библиотека для чтения. Журнал. Т. 26. 1838. С. 141–244.
- Савкина 1998 — *Савкина И.* Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х гг. XIX века) [электронный ресурс] // URL: https://a-ru/women_cd1/html/s_2.htm#appel27 (дата обращения: 20.09.2022).
- Сизова 2007 — *Сизова М. А.* Жанр «светской повести» в русской литературе 1830-х годов: творчество Е.А. Ган: автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 2007. 22 с.

- Теория литературы 2004 — Теория литературы: учеб. пособие для студентов: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко, С. Н. Бройтмана. Т. 2. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 368 с.
- Тлостанова 2009 — *Тлостанова М. В.* Деколониальные гендерные эпистемологии. М.: Маска, 2009. 390 с.
- Ужанков 2008 — *Ужанков А. Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века: Теория литературных формаций. М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 2008. 528 с.
- Фадеев 1897 — *Фадеев А. М.* Воспоминания: В 2 ч. Одесса: Тип. Южно-Русского общества печатного дела, 1897. 256 с.
- Федоров 1983 — *Федоров Ф. П.* Система персонажей в позднеромантической литературе // Сюжет и художественная система. Даугавпилс: Даугавпилс. Пед. ин-т, 1983. С.18–32.
- Фрейденберг 1973 — *Фрейденберг О. М.* Происхождение литературной пародии // Труды по знаковым системам. Вып. 6. Тарту: Тартуский государственный университет, 1973. С. 490–497.
- Элиас 2001 — *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 382 с.
- Lewis 2003 — *Lewis R.* Gendering Orientalism: Race, Femininity and Representation. London: Routledge, 2003. 267 p.
- Mills 1991 — *Mills S.* Discourses of Difference. An Analysis of Women's Travel Writing and Colonialism. New York: Routledge, 1991. 240 p.

References

- Bakhtin M. M. Issues of Dostoevsky's poetics. In: Bakhtin M. M. Complete Works. In 7 vols. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kultury, 2002. Vol. 6. Pp. 7–300. (In Russ.)
- Belinsky V. G. Writings of Zeneida R-va [reviewed]. *Otechestvennye zapiski*. 1843. Vol. 31. Pp. 1–24. (In Russ.)
- Broitman S. N. Pushkin's 'Demons': A perspective from historical poetics. In: Integrity of Literary Text as an Issue of Historical Poetics. Kemerovo: Kemerovo State University, 1986. Pp. 78–90. (In Russ.)
- Elias N. The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Vol. 2. Moscow, St. Petersburg: Universitetskaya Kniga, 2001. 382 p. (In Russ.)
- Fadeev A. M. Memoirs. In 2 parts. Odessa: South Russian Printing Society, 1897. 256 p. (In Russ.)
- Fedorov F. P. System of characters in Late Romantic literature. In: Plot and Fiction System. Daugavpils: Daugavpils Pedagogical Institute, 1983. Pp. 18–32. (In Russ.)
- Fedorova E. A. (comp.) Historical Poetics: A Coursebook. Yaroslavl: [Demidov] Yaroslavl State University, 2019. 88 p. (In Russ.)
- Freidenberg O. M. The origins of literary parody. In: Works on Sign Systems. Vol. 6. Tartu: University of Tartu, 1973. Pp. 490–497. (In Russ.)
- Iezuitova R. V. Mundane novel. In: Meylakh B. S. (ed.) 19th-Century Russian Novel: History and Problematics of the Genre. Leningrad: Nauka, 1973. Pp. 169–199. (In Russ.)
- Kalyanova T. P. Orientalism and the British Raj: Literature, Ideology, Policy. Irkutsk: Irkutsk State University, 2014. 119 p. (In Russ.)
- Lewis R. Gendering Orientalism: Race, Femininity and Representation. London: Routledge, 2003. 267 p. (In Eng.)
- Losev A. F. The concept of artistic canon revisited. In: Canon in Ancient and Medieval Art of Asia and Africa. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 6–16. (In Russ.)
- Mills S. Discourses of Difference: An Analysis of Women's Travel Writing and Colonialism. New York: Routledge, 1991. 240 p. (In Eng.)

- Nekrasova E. S. Yelena A. Hahn. *Russkaya starina*. 1886. Vols. 51–52 (September–December). Nos. 9–12. Pp. 553–574. (In Russ.)
- Ponomarev E. Postcolonial theory and travel writing: The view from Russia. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2020. No. 161. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21988/ (accessed: 10 September 2022). (In Russ.)
- R-va Z. Utballa. *Biblioteka dlya chteniya. Zhurnal*. 1838. Vol. 26. Pp. 141–244. (In Russ.)
- Savkina I. Provincials of Russian Literature: 1830s–1840s Women’s Prose. Wilhelmhorst: F. K. Gopfert, 1998. 223 p. Available at: https://a-.ru/women_cd1/html/s_2.htm#appel27 (-accessed: 20 September 2022). (In Russ.)
- Sizova M. A. The Genre of ‘Mundane Novel’ in 1830s Russian Literature: Works of Yelena A. Hahn Analyzed. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 2007. 22 p. (In Russ.)
- Tamarchenko N. D., Broitman S. N. (eds.) *Theory of Literature: A Coursebook for [University] Students*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Academia, 2004. 368 p. (In Russ.)
- Tlostanova M. V. *Decolonial Gender Epistemologies*. Moscow: Maska, 2009. 390 p. (In Russ.)
- Uzhankov A. N. *Stadial Development of Russian Literature, 11th to Early 18th Centuries: A Theory of Literary Formations*. Moscow: Maxim Gorky Literature Institute, 2008. 528 p. (In Russ.)
- Valkova O. V. The first lady of natural history. *Priroda*. 2008. No. 3. Pp. 91–96. (In Russ.)
- Vyatkina E. A. Ethnopoetics of Elena Gan’s novel ‘Utballa’. *Oriental Studies*. 2013. Vol. 6. No. 1. Pp. 73–75. (In Russ.)
- Yelistratova A. A., Turaev S. V. Introduction. In: *History of World Literature*. In 8 vols. Vol. 5. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 19–32. (In Russ.)
- Zenkin S. N. *Theory of Literature: Problems and Results*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2018. 362 p. (In Russ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

2022. Т. 14. № 3

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 27.12.2022. Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 19,6. Тираж 100 экз. Заказ 30-22.

Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:

Российская Федерация, Республика Калмыкия,

358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8

Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: mongoloved@kigiran.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:

Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8

